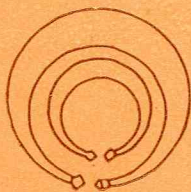
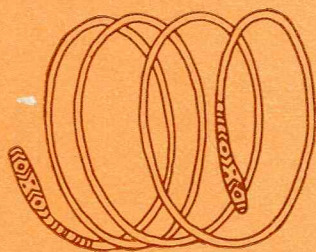

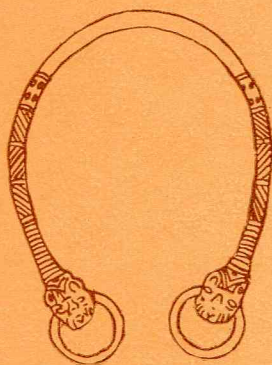
И. Т. НИКУЛИЦЭ

СЕВЕРНЫЕ ФРАКИЙЦЫ

В VI—I вв. до н. э.

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ МОЛДАВСКОЙ ССР

Кишиневский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет им. В. И. Ленина

И. Т. Никулицэ

Северные фракийцы в VI-I вв. до н. э.

Ответственный редактор
кандидат исторических наук *И. В. Яценко*

Рекомендовали к изданию
доктор исторических наук А. И. М е л ю к о в а,
кандидаты исторических наук В. А. Д е р г а ч е в
и И. Г. Х ы н к у

В монографии на основе анализа письменных и археологических источников прослеживаются процессы, приведшие к образованию северофракийских племен гетов и даков, которые обитали в VI—I вв. до н.э. на территории, расположенной между Днестром и Балканами, Тисой и Черным морем. Исследуются также основные этапы экономического и общественно-политического развития этих основных групп племен северных фракийцев. Путем сопоставления данных всех видов источников предпринята попытка локализовать основные политические организации, упомянутые в письменных источниках.

Книга рассчитана на археологов, историков, учителей истории, студентов гуманитарных факультетов.

ВВЕДЕНИЕ

Многочисленный фракийский мир в I-м тысячелетии до н.э. занимал довольно значительную территорию Юго-Восточной* Европы: от Эгейского моря и Малоазийского полуострова на юге до Днестра на севере, от Вардаро-Моравского бассейна и Трансильвании на западе до Черного моря на востоке. Формирование фракийской общности, в процессе которого название одного племени распространилось на остальные родственные племена, завершилось не ранее VIII в. до н.э. [395, с.85; 403, с.235-246]. Дальнейшее развитие фракийцев на столь огромном пространстве привело к появлению определенных территориальных различий. Так, племена, проживавшие между Старой Планиной и Днестром, Тиссой и Черным морем, известны как северные фракийцы, а располагавшиеся к югу — как южные фракийцы. Каждая из этих групп объединяла несколько десятков племен. Согласно подсчетам В.Томашека, выполненным на основе письменных источников, насчитывается до 86 фракийских племен [139, с.3]. По другим данным, количество фракийских племен, упоминаемых античной традицией, свыше 100. Среди них широко известны племена гетов, даков, буров, пиефигов, сиенсов, апулов, карпов, теридзов, кробидзов и др. [45, III, 8, 3].

В работе "Археологические исследования памятников VI-V вв. до н.э. Карпато-Дунайских земель и их историческая интерпретация" А.Вулпе на основе изучения археологических материалов и свидетельств древних авторов попытка выявить группы памятников VI-V вв. до н.э., расположенные в различных областях рассматриваемого им региона, и связать их с известными по письменным источникам северофракийскими племенами [409, с.115-182]. Несмотря на спорность подобной точки зрения, следует отметить, что построения автора представляют большой интерес. Развитие этих племен со временем привело к формированию наиболее мощных племенных групп гетов и даков, объединивших под своей властью остальные родственные, а порой и не родственные, соседние племена.

Именно геты с конца VI века до н.э. и даки со II в. до н.э. стали занимать видное место в варварском мире Юго-Восточной Ев-

ропы. Соседствуя с античным миром, геты совершали набеги и облагали данью припонтийские города от Ольвии до Апполонии. В период проникновения римлян на Дунай геты и даки неоднократно нарушали границы восточноримских провинций. Этим, видимо, объясняется тот повышенный интерес, который проявлялся к ним античной традицией.

В отечественной и зарубежной литературе уделяется значительное внимание изучению различных аспектов истории фракийцев, в том числе и их северной ветви. В этой связи достаточно упомянуть такие фундаментальные труды, как монографии Т.Д.Златковской "Возникновение государства у фракийцев" [97, с.1-266], А.И.Мелюковой "Скифия и фракийский мир" [139, с.3-254], Х.Данова "Древняя Фракия" [85, с.14-450], работы, посвященные конкретным вопросам материальной культуры северных фракийцев, например Д.Берчу "Фрако-гетское искусство" [220, с.7-201], Е.Москалу "Фрако-гетская керамика" [323, с.5-512], А.Булпе "Курганный могильник Фериджиле" [408, с.3-208], или изучению культуры отдельных областей северофракийского мира, например М.Турку "Гето-даки из Мунтеньской равнины" [401, с.9-215], С.Теодора "Гето-дакийская культура на территории Молдовы" [394, с.121-201], Г.Симмона "Гето-дакийская культура в северной Добруджи в свете открытия у с.Енисала" [372, с.63-128], а также работы автора этих строк [148, с.3-134; 151, с.173-192].

Большинство работ конца XIX-первой половины XX в. нашло уже оценку в советской историографии [136, с.61-64; 148, с.13-18]. Нам представляется целесообразным затронуть здесь только те труды, в которых в той или иной мере освещаются вопросы, связанные с образованием северофракийских племен гетов и даков, их экономическим и социально-политическим развитием на протяжении VI-I вв. до н.э.

Вопрос о появлении северных фракийцев исследователями прошлого столетия особо не рассматривался, поскольку считалось, что разделение фракийцев на южных и северных носило чисто территориальный характер. Прародиной этого многочисленного народа одни исследователи считали земли к югу от Дуная, другие - к северу, в Карпатском массиве.

Как отдельная этнокультурная группа северные фракийцы рассматриваются в обобщенном труде известного румынского историка и археолога В.Пырвана "Гетика", вышедшем во второй половине 20-х гг. XX в. Анализируя имевшиеся в его распоряжении материалы, автор приходит к выводу о том, что "северные фракийцы - это гето-даки, которые жили в пределах Дакии, т.е. к северу от Балкан и Дуная, еще с начала эпохи бронзы" [338, с.41-42, 730]. Хотя это предположение об автохтонности северных фракийцев было широко воспринято зарубежной историографией, однако оно не получило должного археологического обоснования.

В конце 50-х – начале 60-х гг. появился ряд работ румынского археолога Д.Берчу, в которых была предпринята попытка проследить "генезис латенской культуры" у фракийцев, проживавших к северу от Балкан [212; 215–219]. Следует указать, что в западноевропейской, и особенно в румынской, историографии под "генезисом латенской культуры" подразумевается процесс складывания единой материальной культуры и образование гетского или, как считают другие исследователи, гето-дакийского этноса с одновременным переходом на новую, более высокую ступень общественно-экономического развития, характерную для многих племен Восточной и Западной Европы второй половины I-го тысячелетия до н.э.

На основе изучения археологического материала Д.Берчу в своих работах, а также в соответствующих параграфах I-го тома "Истории Румынии" разделяет территорию северофракийского мира на четыре зоны: Истро-Понтийскую (от Железных ворот до устьев Дуная, в том числе Добруджа и северо-восточная часть современной Болгарии); северную и центральную части Молдовы; Трансильванию; Банат.

Истро-Понтийская зона из-за своего географического положения имела непосредственный и постоянный контакт с эллинским миром и южными фракийцами. Именно благодаря влиянию этих двух высокоразвитых цивилизаций здесь уже в VI в. до н.э. начался генезис латенской культуры. Из-за отсутствия указанных внешних факторов, играющих роль ускорителей в развитии местных племен, у северных фракийцев из Трансильвании, центральной и северной частей Молдовы и Баната продолжали сохраняться галыштатские традиции в материальной культуре [216, с.135–136] со всеми вытекающими отсюда последствиями в их общественно-экономическом развитии.

Что касается северных фракийцев из Истро-Понтийской зоны, то благодаря ее включению в состав Одриского царства их развитие стало столь стремительным, что они слились с южными фракийцами [217, с.276]. Племена с низовьев Дуная с этого времени и вплоть до времени правления Буребисты больше были связаны с южными фракийцами. [303, с.154].

Археологические изыскания последних двух десятилетий позволяют установить, что выдвинутый тезис Д.Берчу об отставании в развитии остальных зон рассматриваемого региона от Истро-Понтийской зоны оправдан только для районов Внутрикарпатской дуги. В остальных же областях выявлен ряд памятников, содержащих как эллинский, так и южнофракийский импорт. Так, например, в Днестровско-Карпатских землях греческие амфоры и гончарная керамика, которую обычно связывают с южнофракийским проникновением, найдены на многих памятниках VI–V вв. до н.э. Обнаруженный на поселениях Ханска, Стынчешть и дру-

гих, расположенных в глухих и отдаленных от водных артерий районах, греческий импорт, в частности хиосские амфоры, которые сами по себе являлись не товаром, а тарой для жидких продуктов и, следовательно, не могли проникнуть подобно украшениям или парадной посуде путем диффузии или культурных связей, свидетельствует о том, что греческие купцы с товарами добирались и до этих краев.

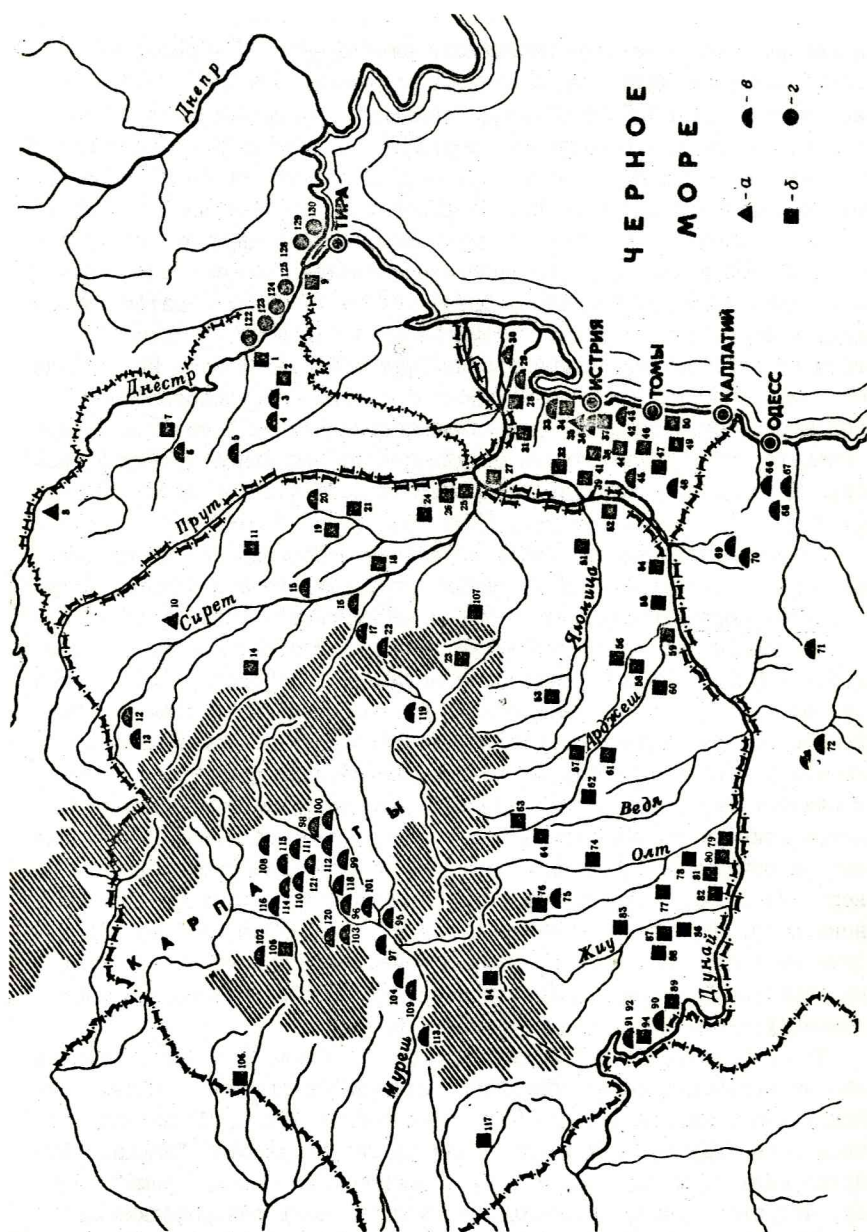
Стремление Д.Берчу поставить на одну ступень экономического и общественного развития гетов Истро-Понтийской зоны и южных фракийцев вызвало справедливое возражение со стороны других исследователей. Указывая на неправомочность подобного рода приувеличения роли гетов, Е.Кондураки подчеркивал, что тем самым "предаются забвению достоверные исторические факты, свидетельствующие о том, что южные фракийцы на несколько столетий раньше достигли более высокого уровня социального и экономического развития" [244, с.47], нежели геты. Опираясь на те же археологические материалы, Е.Кондураки приходит к явно противоположному выводу, согласно которому "гето-даки окончательно переходят от уровня развития, характерного для гальштатского периода, на более высокую ступень не ранее конца IV в. до н.э., когда на многих поселениях появляется гончарная керамика, выполненная по лепным гальштатским образцам" [244, с.46-49]. С этим вряд ли можно согласиться. Прежде всего, фракийская гончарная керамика была распространена значительно шире, чем представлял себе автор. Из IZI известного к настоящему времени памятника VI-V вв. до н.э. (карт. I) на 34 выявлена местная гончарная керамика. В IV-III вв. до н.э. количество памятников, содержащих гончарную керамику, выполненную по местным лепным образцам, по отношению ко всем известным не намного выше, чем в VI-V вв. до н.э. Но наличие местной гончарной посуды вряд ли может служить основным критерием, определяющим качественный сдвиг в развитии социально-политической структуры общества. Известно, что у скифов "посуда делалась из глины, а гончарного круга они так и не освоили" [79, с.49], однако это не явилось препятствием к их дальнейшему развитию и образованию к IV в. до н.э. [79, с.33-42], а, по мнению некоторых исследователей, уже к рубежу VП-VI вв. до н.э. [180, с.4], раннеклассового общества и государства, основанного на даннических отношениях [180, с.25-26].

Вопросам связи местного населения Истро-Понтийской зоны с греческими полисами посвящена вышедшая в начале 60-х гг. работа А.Арическу "Земледельческое население Добруджи и его связи с Грецией в эллинистическую эпоху". Пытаясь показать положение, сложившееся к VI-V вв. до н.э., автор на основе картографирования известных к тому времени памятников выделяет в этой области три района: прибрежный, представляющий собой полосу шириной 20 км, в пределах которой

выявлен ряд поселений и могильников; нижнедунайский – богатый остатками следов оседлого населения; внутренний – очень бедный в отношении находок [205, с.67–82]. Последний, по мнению автора, не был заселен оседлым населением, поскольку представлял собой место скифских кочевий и передвижения различных военных экспедиций: Дария Гистаспа, одриских царей и пр. Следовательно, в VI–V вв. до н. э. местное население было сконцентрировано только в двух районах Истро–Понтийской зоны. При этом греческое влияние проявилось более сильно в припонтийской полосе. Здесь местные формы в материальной культуре исчезли и местная продукция была заменена греческой. О заметном воздействии греческой цивилизации свидетельствует не только ассортимент посуды, но и появление погребений с трупоположением в общей массе трупосожжений, характерных для местных племен. В районе же нижнего Дуная галыштатские традиции в материальной культуре, несмотря на эллинское влияние, сохранились достаточно хорошо [205, с.81–82].

Результаты археологических изысканий последних лет не согласуются с выводами А.Арическу, а приведенные им данные нуждаются в существенной корректировке. Из четырех памятников припонтийской зоны, приведенных автором, к VI–V вв. до н. э. относятся только три [205, с.68–69, карт.], поскольку могильник Сату Ноу датируется IV в. до н. э. [203, с.122, 126]. В настоящее время в этом районе известно шесть памятников. Столько же поселений и могильников выявлено и в центральной части Истро–Понтийской зоны (карт. I), которая как считает автор, не была заселена местными племенами. Однако эллинское влияние не ограничивалось только указанной зоной. Греческие элементы отчетливо прослеживаются и на памятниках, расположенных к северу от Дуная, в частности на поселениях Фрумушица, Барбошч, Ханска и др. Что касается захоронений с трупоположением, то они известны не только в Истро–Понтийской зоне, но и далеко за ее пределами (например, на могильнике Данченя из центральной части Днестровско–Прутского междуречья) [122, с.50–60].

Тезис о том, что в VI–V вв. до н. э. на более высокую ступень развития переходят северофракийские племена только из Истро–Понтийской зоны, не нашел поддержки среди специалистов. Словацкий исследователь М.Душек, как и некоторые другие, в работе "Карпато–Дунайские области и Южная Словакия в позднегалыштатское время", считает, что этот процесс охватил одновременно весь северофракийский мир [274, с.273–293]. Характеризуя Карпато–Дунайские земли и Южную Словакию в позднегалыштатское время, он пришел к выводу о том, что со второй половины VI и до начала III в. до н. э. южная часть Словакии, Восточная Венгрия и Днестровско–Балканский регион представ-

Карта I. Памятники VI-V вв. до н.э.: а) городище; б) поселение; в) могильники; г) греческие поселения, содержащие фракийский материал. 1 - Калфа, 2 - Ханска, 3 - Данчени, 4 - Суручени, 5 - Пыр-жолтени, 6 - Селдште, 7 - Бутучени, 8 - Рудь, 9 - Паланка-Тудорова, 10 - Станчешть, 11 - Разбоень, 12 - Сату Маре, 13 - Воловец, 14 - Пятра-Нямц, 15 - Чимсала, 16 - Реча, 17 - Слободзия, 18 - Пояне, 19 - Гэбешть, 20 - Трестяна, 21 - Куртень, 22 - Бырешть, 23 - Мн-злешть, 24 - Фолтешть, 25 - Фрумущица, 26 - Барбошь, 27 - Салция, 28 - Махмудия, 29 - Саринасуф, 30 - Караорман, 31 - Налбант, 32 - Пятра-Фрекэцей, 33 - Енисала, 34 - Журиловка, 35 - Бейдауд, 36 - Синое, 37 - Истрия-Сат, 38 - Тариверди, 39 - Хыршова, 40 - Капидава, 41 - Ступина, 42 - Ваду, 43 - Корбу, 44 - Сибиоара, 45 - Чернавода, 46 - Кастелу, 47 - Адамклиси, 48 - Зорила, 49 - Петрошань, 50 - Тузла, 51 - Георге Дожа, 52 - Халжиень, 53 - Плоешть, 54 - Боян, 55 - Мэнэстиря, 56 - Букурешть-Милитарь, 57 - Белец, 58 - Черника, 59 - Кирноджь, 60 - Блурешть, 61 - Тевь, 62 - Цицешть, 63 - Куртя де Арджеш, 64 - Тигвень, 65 - Александрия, 66 - Равна, 67 - Добрина, 68 - Колевча-Калутерица, 69 - Крегулево, 70 - Черна, 71 - Малка-Брестница, 72 - Софрониево, 73 - Вранчаско Поле, 74 - Дрэгоешть, 75 - Фериджиле, 76 - Вэйдень, 77 - Мэргэригешть, 78 - Хотэрэнь, 79 - Орля, 80 - Грождисод, 81 - Тура Падиней, 82 - Дадулень, 83 - Ишалница, 84 - Бэлэнешть, 85 - Телешть, 86 - Буковец, 87 - Коцонений дин Дос, 88 - Сэлкупя, 89 - Салция, 90 - Балта Верде, 91 - Островул Маре, 92 - Гогошу, 93 - Ремелия, 94 - Груя, 95 - Теуш, 96 - Чумбурул, 97 - Аюл, 98 - Кристешть, 99 - Чипэу, 100 - Тыргу Муреш, 101 - Блаж, 102 - Баица, 103 - Разбоень де Четате, 104 - Симерия, 105 - Клуж, 106 - Ораля, 107 - Бэрбоаса, 108 - Батож, 109 - Бландиана, 110 - Будешть-Финаце, 111 - Комлод, 112 - Огра, 113 - Дева, 114 - Фынтиниле, 115 - Фынтиница, 116 - Гэдэлим, 117 - Мэришелу, 118 - Озд, 119 - Сынтул Георге, 120 - Сынтимбу, 121 - Шоптерю, Долиняны, Гыздару. Памятники, содержащие фракийский материал: 122 - Тирасполь, 123 - Слободзья, 124 - Граденицы, 125 - Беляевка I, 126 - Маяки IV, 127 - Маяки, 128 - Николаевка, 129 - Никоний, 130 - Роксоланы.

являли собой единый культурный массив, находившийся под сильным греческим, южнофракийским и скифским влиянием [274, с.293].

Не возражая по существу сказанного, все же отметим, что, на наш взгляд, М.Душек только отчасти прав, поскольку характер и степень воздействия внешних факторов на развитие племен рассматриваемых им территорий не были одинаковы, о чем свидетельствуют археологические материалы. Так, М.Иримиия, специально изучивший греческий импорт, обнаруженный в областях к северу от Балкан, пришел к заключению, что эллинские изделия в VI-V вв. до н.э. как внутри Карпатской дуги, так и к западу и северу от Карпат, появляются только спорадически. Путь их проникновения очень длительный и сложный: через Адриатическое море и Тису [300, с.128]. Там же, где был прямой контакт с греческой цивилизацией, как в Истро-Понтийской зоне, Карпато-Дунайских и Днестровско-Карпатских землях, развитие местных племен шло более ускоренными темпами.

Северофракийские племена этих областей находились в более выгодных географических и исторических условиях, чем их сородичи из Внутрикарпатских областей [300, с.130-131].

Вопрос о появлении фракийцев рассматривался не только в трудах историков и археологов, но и лингвистов. Среди последних сле-

дует отметить работу болгарского исследователя В.Георгиева "Фракийцы и их язык", в которой автор приходит к выводу о том, что север Балканского полуострова еще с эпохи неолита был заселен прафракийскими племенами [81, с.265]. В подтверждение древности фракийцев он ссылается на то, что два фракийских племена - фраки и киконы - упоминаются еще Гомером во второй песне "Илиады" как союзники Трои в период знаменитой троянской войны [5, П, 835]. Отмечая документированность работы и серьезность, с которой подходит автор к решению различных лингвистических проблем, следует указать на явную недостаточность приведенных аргументов, якобы свидетельствующих об удревнении фракийцев. Специальные исследования показали, что эти этнонимы являются более поздними интерполяциями и относятся ко времени не ранее УШ в. до н.э. [403, с.235-246]. С другой стороны, ни лингвистические, ни археологические материалы пока не дают основания считать, что территория к югу и северу от Балкан была заселена фракийцами еще с энеолитических времен. Несомненный интерес представляет попытка автора на основе лингвистического анализа показать, что между южными и северными фракийцами еще с первой половины I-го тысячелетия до н.э. появились существенные отличия [81, с.271-272].

Однако румынский археолог Е.Москалу в работе "Фрако-гетская керамика" исходя из анализа материальной культуры, главным образом основных керамических форм, напротив, приходит к выводу, согласно которому в IV-III вв. до н.э. невозможно отличить материальную культуру расположенных к югу от Балкан племен от проживающих в Трансильвании или Мунтении. Это согласуется и с указанием Геродота о том, что геты - те же фракийцы [323, с.200]. Следовательно, резюмирует Е.Москалу, неправомерно считать южными фракийцами только племена, обитавшие к югу от Балкан. К ним надлежит отнести и заселявших территории до Карпат и устьев Дуная. Северные же фракийцы занимали области к северу от этой границы, естественно, являющейся условной, так как ощутимых различий в материальной культуре этих двух регионов не наблюдается. Но поскольку геты упомянуты в письменных источниках еще с VI в. до н.э., а даки - с IV-III вв. до н.э., то к югу и северу от Балкан, видимо, располагались южные фракийцы, а к югу и северу от Дуная, а также в Карпатах - гето-даки [323, с.204].

Вопрос об автохтонности фракийцев Е.Москалу, как и В.Пырван, связывает с их появлением в конце бронзового века. Он считает, что "территория, заселенная фракийцами в VI-III вв. до н.э., осталась та же самая, что и в период фракийского галльштата" [323, с.204].

Анализ керамики выполнен очень тщательно. Е.Москалу учел почти все известные в настоящее время северофракийские памятники. Многие из выдвинутых в работе положений подтверждаются новейшими ар-

хеологическими открытиями. Вместе с тем в вопросе об единстве материальной культуры племен, расположенных к югу и северу от Балкан и Дуная, Е.Москалу по существу лишь повторяет тезис Д.Берчу. Действительно, при сопоставлении отдельных типов керамики из родственных культур можно установить определенное сходство. Однако типологическая классификация в данном случае выполнена выборочно. Автором не приведена статистика керамического материала, которая проиллюстрировала бы преобладание общих форм на памятниках обеих зон. К сожалению, публикация археологических источников такова, что сделать это невозможно.

Необходимо иметь в виду, что многие исследователи при публикации материалов с новооткрытых памятников для более убедительного определения периода их функционирования, характера и этнической атрибуции выделяют главным образом те формы керамики, которые широко известны на синхронных им памятниках, а не весь комплекс керамических форм. Это, естественно, затрудняет выяснение действительного положения на изученных памятниках. Основная же масса выявленных общих керамических форм на памятниках IV—III вв. до н.э. известна на рассматриваемой территории еще с периода фракийского гальштата, что скорее всего свидетельствует об едином субстрате, а не тождественности культур. Поэтому вряд ли правомерно настаивать на решении вопроса об единстве фракийцев, проживавших вдоль северных и южных отрогов Гем-ских гор, лишь на основе анализа опубликованных керамических изделий.

В советской историографии вопрос о появлении фракийцев на территории к востоку от Карпат разрабатывался в ряде исследований А.И.Мелюковой [134, с.64—91] и монографии В.Л.Лапушнина "Ранние фракийцы X — начала IV в. до н.э. в лесостепной Молдавии" [122, с.121—132].

Изучая культуру фракийского гальштата, А.И.Мелюкова пришла к заключению, согласно которому памятники молданештской группы VIII—VI вв. до н.э. появились в Днестровско—Прутском междуречье в результате передвижения новой волны фракийского населения из Карпато—Подунавья [140, с.227]. Опираясь на последние данные, она считает, что фракийцы заселяли только лесостепную часть междуречья Днестра и Прута, поскольку в степной зоне Буджака известно только одно поселение у с.Орловка. "Сходство молдавских памятников IV—III вв. до н.э. с синхронным на территории Карпато—Балканского района, где по данным античных письменных источников обитали геты, — пишет А.И.Мелюкова, — заставляет считать родственным гетам и население молдавской лесостепи IV—III вв. до н.э." [140, с.229—230]. На основе сопоставления письменных и археологических источников автор устанавливает

этническую границу между гетами и скифами, которая в VI–V вв. до н.э. на юге проходила по нижнему Дунаю и Пруту, а на севере – по границе степи с лесостепью [140, с.230]. Однако около середины IV в. до н.э. в местах, удобных для оседлости в Дунайско–Днестровском междуречье, стали появляться гетские поселения, поэтому в IV–III вв. до н.э. пограничной рекой был Днестр [136, с.79].

Полностью соглашаясь с подобным утверждением, хочется высказать сомнения относительно того, что на всей территории Днестровско–Дунайского междуречья в течение III–VI вв. до н.э. могло существовать только одно фракийское поселение у с.Орловка, окруженное кочующими скифскими ордами [140, с.230]. В этой связи необходимо указать, что на некоторых поселениях VII–V вв. до н.э., расположенных как к востоку от Днестра, так и в греческих городах Тире и Ольвии, известно довольно значительное количество фракийского материала (в том числе и лепной керамики), свидетельствующего о наличии фракийского населения в данном регионе [131, с.16].

В последнее время в Буджакской степи открыт ряд гетских памятников, которые относят к IV–III вв. до н.э. Материалы, выявленные на большинстве из них, не позволяют установить время их основания. Возможно, некоторые из них возникли к середине IV в. до н.э., другие же могли появиться раньше или позже.

Итак, в специальной литературе вопрос, связанный с появлением фракийцев, затрагивался различными авторами. Однако конкретные процессы, приведшие к консолидации северофракийских племен и появлению гетов и даков, известных по письменным источникам, остаются пока не изученными.

Племена гетов упоминаются в трудах древних авторов на протяжении длительного времени: от Гекатея – автора рубежа VI–V вв. до н.э. и Геродота, описывавшего поход Дария I на скифов в VI в. до н.э., до готского историка VI в. н.э. Иордана.

Наиболее ранние сведения о дакийцах содержатся в работах писателей конца II – начала I в. до н.э. [94, с.73–78].

Однако, несмотря на такое хронологическое соотношение, в специальной литературе во всем многообразии рассматриваемых проблем истории этих племен геты и даки выступают вместе едва ли не с начала I–го тысячелетия до н.э. В западноевропейской специальной литературе распространен тезис о том, что геты и даки не только близкородственные, но по существу это одно и то же племя [341, с.9–27]. Объясняется это тем, что в античной традиции эллинские авторы называли племена, расположенные к северу от Балкан, гетами, а римские писатели – даками [258, с.8–9].

В зарубежной, а иногда и отечественной литературе не делают-

какие-либо различия хронологического и территориального характера между гетами и даками. Идентификация этих двух групп племен привела к тому, что все свидетельства письменных источников о гетах, касающиеся событий VI—III вв. до н.э., в частности указания Геродота об их религиозных воззрениях и обычаях, сведения других древних авторов о характере отношений гетов с греческими полисами Причерноморья, о племенных организациях на нижнем Дунае и др., переносятся и на даков. Многочисленные гетские памятники IV—III вв. до н.э., известные между Днестром и Балканами, Карпатами и Черным морем, то есть в областях, где вплоть до нашей эры даки вообще никем не упоминались, обычно безапелляционно отводятся дакам или, в крайнем случае, дако-гетам [303, с.47]. Это положение создает не только таксономическую путаницу, но и не соответствует исторической действительности.

В специальной литературе с конца 40-х гг. особое внимание стало уделяться изучению основных форм собственности и социально-политических отношений, сложившихся у гетов и даков во второй половине I-го тысячелетия до н.э. Отдельно рассматривается I в. до н.э. — период, когда большая часть гето-дакийских племен была объединена под предводительством Буребисты.

По этим вопросам в историографии четко определились два противоположных друг другу направления. Одни исследователи, в частности М.Макря [310, с.119-146], Т.Д.Златковская [94, с.82-91], И.Т.Кругликова [116, с.34], П.П.Панайтеску [336, с.18], М.Константинеску, М.Бабеш [209, с.217-224], Г.Б.Федоров и Л.Л.Полевой [186, с.71-73], считают, что гетское общество в последние века I-го тысячелетия до н.э. находилось еще на стадии родоплеменных отношений. Имеющиеся в настоящее время данные "достаточно ясно свидетельствуют о наличии у гетов общинного землепользования" [94, с.84]. Сама "гетская соседско-большесемейная община, по-видимому, находилась только на начальном этапе распада" [186, с.70]. Лишь ко времени римского завоевания начинается процесс перехода от родовой к территориальной общине [336, с.18].

Что касается политических отношений, то, по мнению этих исследователей, при Буребисте "у гетов только происходил процесс зарождения единоличной царской власти, а само племенное образование было лишь первой, но неудачной попыткой создания первичной государственности" [186, с.71].

Другие специалисты, среди которых К. и Х.Дайковичу [260, с.29-42; 261, с.50-63; 265, с.76-91], А.Бодор [224, с.253-266; 225, 137-148], И.Х.Кришан [254, с.187-217], Н.Гостар, В.Ликс [291, с.122-141] и пр., утверждают, что к I в. до н.э. гето-дакийское общество достигло уже "высокого уровня социальной стратификации и раз-

делилось на два класса: богатых и бедных" [254, с.200]. Основной формой земельной собственности у гето-даков была сельская соседская община [254, с.193]. Хотя в письменных источниках не содержатся какие-либо сведения, доказывающие ее наличие в дакийском государстве, все же сельская община должна была быть основной формой, через которую осуществлялась эксплуатация свободного крестьянства аристократией [265, с.91]. Однако "указания древних авторов о назначении царем каких-то чиновников, призванных следить за ведением сельского хозяйства, позволяют предположить наличие и второй государственной, или царской, собственности. Существование этих двух форм собственности характерно для азиатского способа производства" [254, с.216].

Политическая организация Буребисты, как считают некоторые представители этого направления, "не представляла собой сильно централизованного государства. Это было скорее всего царство, в котором объединенные племена отказывались от самостоятельной внешней политики, вносили определенную дань в центральную казну и, наконец, поставляли на случай войны определенное количество воинов" [265, с.91]. Другие специалисты усматривают в созданной Буребистой державе "военную монархию эллинистического типа" [261, с.58; 420, с.60], которая "несомненно по форме была близка восточным деспотиям" [254, с.217].

Таким образом, становится очевидным, что по наиболее важным, кардинальным вопросам истории северофракийских племен исследователи до сих пор не пришли к единому мнению. Основной причиной этого является состояние источников, хотя имеются затруднения и иного характера.

В отечественной и зарубежной историографии уже был дан анализ письменных и эпиграфических источников, касающихся северных фракийцев [80, с.231-237; 250-255; 94, с.73-91]. В данной работе почти во всех ее разделах приводятся свидетельства античной традиции. Там, где это требуется, они сопровождаются соответствующими комментариями. Исходя из этого, как нам представляется, отпадает необходимость в специальном анализе письменных источников. Однако отметим, что дошедшие до нас свидетельства древних авторов большей частью скудны, отрывочны, а порой даже противоречивы. Особенно неопределенны сведения об общественно-политических отношениях гетов и даков. Не в лучшем состоянии и эпиграфические источники. Их не только крайне мало, но к тому же они недостаточно хорошо сохранились, что привело к появлению многочисленных вариантов прочтения разрушенных лапидарных надписей. В связи с этим особое значение приобретают археологические источники.

В результате планомерных и систематических полевых изысканий, проводимых с конца 40-х гг. археологами Советского Союза, Социалистической Республики Румынии и Народной Республики Болгарии, на территории от Днестра и до северных отрогов Балканских гор, от Тисы и до Черного моря выявлено свыше 785 памятников. Разумеется, эти данные являются далеко не исчерпывающими и ни в коем случае их не следует абсолютизировать. Однако они дают возможность представить картину расселения северных фракийцев на различных этапах рассматриваемого периода. Из всего длительного хронологического отрезка слабее археологически изучены VI и V вв. до н.э. Для этого времени известно 121 поселение и могильник, что в количественном отношении по сравнению с последующими периодами немного. Их равномерное размещение на территории рассматриваемого региона представляется очень важным для изучения проживавших здесь племен. Малочисленность памятников VI-V вв. до н.э. отчасти может быть объяснена тем, что пока еще нет твердых критериев, по которым можно было бы четко отделить памятники, относящиеся к VI в., от тех, что датируются VII в. до н.э. Примером тому могут служить могильники Селиште, Фериджиле, Балта Верде и др. Если же на поселениях или могильниках не найден такой датирующий материал, как базисные трехгранные бронзовые стрелы скифского типа, например на могильниках Данчени и Пыржолтены, целые или фрагменты пухлогорлых хиосских амфор, как на поселениях Ханска, Стинчешть и других, или иные материалы конца VI-V вв. до н.э., то их невозможно отличить от памятников IV-III вв. до н.э.

Изучение памятников VI-V вв. до н.э., впрочем, как и рассматриваемого периода в целом, затруднено еще тем, что выявленные в ходе раскопок материалы опубликованы не полностью, а фрагментарно, чаще всего выборочно.

Значительно лучше исследованы IV-III вв. до н.э. Для этого времени известно свыше 365 памятников. Из них систематическим раскопкам подверглись около 30 могильников и свыше 15 укрепленных и неукрепленных поселений.

Последний этап II-I вв. до н.э. археологически изучен несколько слабее. Известно пока не более 297 памятников, а интенсивные раскопки ведутся лишь на незначительной их части.

Несмотря на это, к настоящему времени накоплен богатый и разнообразный материал, имеющий большое значение не только для изучения материальной культуры, но также служащий серьезным подспорьем при рассмотрении социально-экономических и даже общественно-политических аспектов истории северофракийских племен.

Исследуемый период VI-I вв. до н.э. соответствует времени более широкого проникновения железных изделий в хозяйство местных пле-

мен, установлению тесных контактов с эллинскими полисами и окружающим их варварским миром. Это время консолидации северных фракийцев и образования гетов и даков, а также появления у них первых политических организаций.

Ранняя хронологическая граница обосновывается тем, что во второй половине VI в. до н.э. в письменных источниках появляются первые упоминания о северофракийских племенах гетов. Начиная с этого времени наблюдается тенденция к формированию единой материальной культуры и одинакового погребального обряда на большей части территории рассматриваемого региона.

Поздняя хронологическая граница — конец I в. до н.э. — объясняется тем, что с этого времени после распада царства Буребисты начинается интенсивное проникновение римлян на север от Дуная, которое завершилось завоеванием части гето-дакийских территорий и образованием восточноримских провинций Нижней Мезии и Дакии. Одновременно с востока начинается нашествие сарматов, а затем и других племен. Все это привело к ликвидации большинства гето-дакийских племенных объединений, а сохранившиеся стали либо союзниками римлян, либо вместе с враждебными им племенами вступили в борьбу с Римом.

В работе учтены и использованы материалы только с тех памятников, принадлежность которых к тому или иному этапу рассматриваемого периода сомнению не подлежит.

Задача настоящей работы состоит в том, чтобы, во-первых, на основе комплексного изучения всех видов источников, имеющихся в распоряжении исследователей и доступных автору, проследить процесс формирования гетского этноса и его материальной культуры, обозначить основные территории, вовлеченные в этот процесс, и, по возможности, установить период его завершения. Во-вторых, в монографии сделана попытка на фоне изучения северных фракийцев выявить основные компоненты, способствовавшие формированию дакийцев, определить их прародину, тем самым установить время и территории становления этих двух родственных северофракийских групп племен. Одновременно с этим хотелось бы выявить уровень экономического и социального развития гетов и даков, определить характер их общественно-политического строя, а также попытаться локализовать основные политические организации, которые они создавали на протяжении рассматриваемого периода.

Работа построена главным образом на основе анализа свидетельств письменных источников и археологического материала, опубликованного в разное время. Изучены все необходимые коллекции, имеющиеся в музеях СССР. Широко привлекается и собственный неопубликованный материал. Эпиграфические и нумизматические данные использу-

ются в основном при рассмотрении экономических и общественно-политических аспектов истории гетов и даков.

Автор выражает искреннюю признательность И.В.Яценко, любезно согласившейся взять на себя научную редакцию этой работы, а также коллективу кафедры археологии исторического факультета МГУ им.М.В.Ломоносова за полезные советы и критические замечания, высказанные в ходе обсуждения расширенного проспекта данной работы.

Автор благодарен А.И.Мелюковой, В.А.Дергачеву и И.Г.Хынку за критические замечания, сделанные в адрес работы.

Автор особо благодарит своих неизменных помощников В.В. Денисенко и Е.А.Усатую, Г.Г.Бурчу за оказанную помощь в оформлении данной работы.

СЕВЕРОФРАКИЙСКИЕ ПЛЕМЕНА В VI—V вв. до н.э.

§ I. Письменные и археологические источники
о расселении северных фракийцев

В результате интенсивного развития местных племен, а также наплыва в VIII—VII вв. до н.э. "новой волны фракийского населения, видимо, родственного тем племенам, которым принадлежат памятники кишиневского и корлатеньского типов" [139, с.19], происходит резкое увеличение населения на территории Днестровско-Балканского региона.

Археологические изыскания позволили выявить области расселения наиболее значительных групп северофракийских племен (карт. I). Это районы центральной части Днестровско-Прутского междуречья, где расположены поселения и могильники Бутучены, Ханска, Пыржолтены, Данчены; северной и центральной части Пруто-Карпатских земель, известные по памятникам Воловец, Сату Маре, Стинчешть-Ботошана, Куртень, Слободзия, Реча, Трестиана; Прикарпатья, где сосредоточены могильники бырсештской группы; припонтийской зоны, где обнаружены памятники Бейдауд, Махмудия, Саринасуф, Ваду, Корбу, Равна, Добрина, Крегулево и др.; Карпато-Дунайского бассейна, в пределах которого установлены поселения Черника, Александрия, могильники Букурешть-Милитарь, Фериджиле, Тигвень, Гогошу и др.; а также Карпатской котловины, где найдены памятники Теюш, Чиумбруд, Чипау, Тыргу-Муреш, Блаж, Клуж-Мэнэштур, Кристешть и др.

В VI—V вв. до н.э. северофракийские племена, по всей вероятности, достигли такого уровня развития, когда "каждое племя владело, кроме места своего действительного поселения, еще значительной областью для охоты и рыбной ловли. За пределами этой области лежала обширная нейтральная полоса, простиравшаяся вплоть до владений ближайшего племени" [I, с.92]. Укоренившееся в родоплеменных отношениях это положение привело в конечном счете к образованию своеобразной демографической картины. Северные фракийцы расселялись отдельными племенами или чаще всего группами племен. Такой вид расселения был известен и раньше. Так, например, в VIII—VII вв. до н.э. на территории лесостепной Молдавии, придунайской Румынской равнины сосредоточивались в основном племена, оставившие памятники шолданешто-бассарабского типа [409, с.115-126, рис.1]; в Днестровско-Дунайских сте-

пях появилась культура ранних кочевников [139, с.62-72], приписываемая киммерийцам или ранним скифам; в Днестровско-Рейтском и Пруто-Сиретском междуречьях существовала сахарно-солонченская и козия-стойканская группа памятников [139, с.19-36] и др.

Однако, если для данного периода каждый такой район представлял отдельную культурную группу, то в VI-V вв. до н.э. подобный вид расселения имел несколько иной характер. Различия, которые наблюдались между этими группами, скорее всего, локального, нежели этнического характера. В целом они обладали многими чертами, общими для фракийцев и отличающими их от скифов северопричерноморских степей [139, с.119].

Сопоставление письменных источников, описывающих события VI-V вв. до н.э., с археологическими данными позволяет в какой-то степени установить, каким племенам могут соответствовать некоторые из выявленных групп памятников.

Определенные сведения о северных фракийцах содержатся в трудах представителей древнейшей ионической прозы – логографов VI-V вв. до н.э. Для изучения географии припонтйских областей особый интерес представляют свидетельства Гекатея из Милета [21, р.170, 171], согласно которым в районе нижнего Дуная в VI в. до н.э. проживали северофракийские племена кробизов и теридзов.

Геродот, перечисляя племена, заселявшие западнопонтйское побережье в VI в. до н.э., упоминает проживавших по правому берегу нижнего Дуная гетов. Во время похода персов против скифов в 514/512 г. до н.э. Дарию Гистаспу, "прежде чем достичь (реки. – И.Н.) Истр, пришлось сломить сопротивление гетов... самых мужественных и справедливых среди фракийцев", единственных из всех варварских племен Западного Причерноморья, осмелившихся оказать ему сопротивление. "Но тотчас же были покорены" [4, IV, 93].

Из свидетельства другого античного автора Фукидида, описывающего события в припонтйских областях в конце 30-х – начале 20-х гг. V в. до н.э., вытекает, что территория, расположенная между "Гем-ами (Балканами – И.Н.) и Истром (Дунаем. – И.Н.) и особенно побережье Понта Эвксинского были заселены гетами и прочими туземцами" [55, II, 96, I]. На юге, в районе "г.Месембрия геты соседствовали с фракийцами (южными фракийцами. – И.Н.)" [44, 740], на северо-востоке они граничили со скифами [55, II, 96, I].

Таким образом согласно античной традиции в VI-V вв. до н.э. территории между Балканами, а точнее их северными отрогами – Старой Планиной, и нижним Дунаем населяли северофракийские племена, среди которых особо выделялись геты, как самые многочисленные и наиболее мощные в военно-политическом отношении. Видимо, им принадлежали мно-

гочисленные поселения и могильники этого периода Равна, Добрина, Круглево, Янково, Черна и другие в Северо-Восточной Болгарии и Черновода, Махмудия, Зорице, Хыршова, Бейдауд и другие в Добрудже (СРР).

Вместе с гетами, согласно источникам, здесь обитали и другие племена. Однако анализ археологических материалов не позволяет пока выделить какие-нибудь комплексы или отдельные памятники, свидетельствующие о наличии в этих областях иных этнокультурных групп [139, с.235-244]. Присутствие небольшого количества фрагментов скифской керамики в архаических слоях г.Истрии, как и на поселении VI в. до н.э. Тариверди, указывает лишь на установление этнокультурных связей между Западным и Северным Причерноморьем [267, с.141-142]. Под "прочим местным населением", о котором говорится в источнике, видимо, следует подразумевать родственные гетам северофракийские племена теридзов или, скорее всего, кробидзов [98, с.28, карт.1], проживавших вокруг милетской колонии Одесс [44, 745-750].

Указание Фукидида, что "геты и прочие туземцы - соседи скифов и сходны с ними по вооружению: все они конные стрелки" [55, п.96, I], возможно, относится и к большей части населения Днестровско-Карпатских земель, непосредственно контактирующей со скифами. Подтверждением этому могут служить многочисленное оружие, детали конской сбруи и другие предметы, изготовленные по скифским образцам и обнаруженные в Бутученах, Сурученах, Пыржолтенах, Данченах, Паланке, Тудорово, Слободзее, Бырешть, Куртень и др. К тому же они содержат аналогичный нижнедунайским поселениям и могильникам материал. Памятники лесостепной Молдавии дают возможность проследить местную эволюцию гето-фракийской культуры [122, с.96-97]. Все это может служить убедительным подтверждением присутствия гетов к северу от нижнего Дуная уже в эпоху, известную Геродоту [338, с.41-42; 139, с.2-36], то есть в VI-V вв. до н.э. Тем более, что источники IV-III вв. до н.э. называют отдельные районы рассматриваемой территории гетскими.

То, что северофракийские племена, заселявшие Днестровско-Карпатские земли в VI-V вв. до н.э., не нашли отражения в письменных свидетельствах, объясняется, видимо, тем, что античные авторы V в. до н.э. малозаселенную Днестровско-Дунайскую зону представляли как "беспредельную и безводную пустыню, за пределами которой из-за холодов никто не проживает" [4, V, 9, 10].

В Днестровско-Карпатских землях, как и к югу от Дуная, помимо гетов проживали и другие как родственные им, так и неродственные племена.

Обнаруженные отдельные скифские памятники, в частности погребение VI в. до н.э. у с.Старые Куконешты и др., ясно свидетельству-

ют о проникновении скифов в среду фракийского населения, проживающего на территории лесостепной Молдавии, хотя это вряд ли могло существенно изменить этнический состав [139, с.236].

Днестровско-Дунайское междуречье, будучи местом передвижения скифов-кочевников, а в период нашествия Дария Гистапса – ареной военных столкновений и опустошений, в конце VI–V в. до н.э. было менее заселено, чем остальные районы рассматриваемого региона. Поселки сосредоточивались главным образом по нижнему течению Дуная и Днестра и его лиману.

В устье реки Тирас (Днестр. – И.Н.), по свидетельству Геродота, проживали тириты [4, IV, 51]. Под тиритами следует понимать не граждан города Тиря, а тех, кто обитал в сельских поселениях, расположенных вдоль реки Тирас, поблизости от города [106, с.150; 110, с.6–7, 86, с.278]. Археологическими исследованиями на поселениях выявлен наряду с греческим материал, который находит себе аналогии среди памятников скифской и северофракийской культур. Если на поселениях левобережья нижнего Днестра фракийский материал представлен в пределах 20%, тогда как скифский составляет большую часть [159, с.84–94], то на античных памятниках Истро-Тирасской зоны северофракийский элемент преобладает и в VI–V вв. до н.э., и в более позднее время. Это отчетливо наблюдается в Тире и Истрии, а также на других поселениях, где фракийский материал представлен значительно ярче и богаче, тогда как скифский встречается в меньшем количестве. На памятниках же, подобных Кареорману, расположенном в дельте Дуная, между Сулинским и Св.Георгия гирлами, скифский материал вовсе не представлен [371, с.47–58]. Все это может служить достаточно веским основанием, чтобы считать, что в этих городах и поселках вместе с греками-тиритами проживали и выходцы из варварской среды: скифы и северные фракийцы.

Северные фракийцы этих районов были представлены племенами карпидов, упомянутыми известным историком конца V–IV в. до н.э. Эфором, который, описывая расселение племен Северного Причерноморья, указывал, что "первые (жители) по Истру являются карпиды..." [19. Фр. 158; 44, 841]. При написании своего труда Эфор, как известно, пользовался не только "Историей" Геродота, но и другими, не дошедшими до нас, произведениями античных авторов [6, VII, 3, 9] классического периода. Следовательно, его сведения отражают не только события, современные ему, но и более раннего времени, в данном случае реальную географию племен Северного и Северо-Западного Причерноморья конца VI–V в. до н.э. Перечисление племен Эфор начинается от левого берега нижнего Дуная, располагая там карпидов. Если бы автор разместил карпидов к югу от нижнего Дуная, то при упоминании сле-

дующего племени он непременно указал бы, что оно проживает "по ту сторону реки" или "за рекой проживают следующие народы", — прием, характерный почти для всех античных историков [4, У, 10] и географов [6, УП, 3, 13].

Предположение о наличии карпидов или иных северофракийских племен в Северо-Западном Причерноморье в конце VI—V вв. до н.э. вполне допустимо, поскольку фракийские памятники отмечены в этом районе значительно раньше, уже на шолданештском этапе фракийского галштата в VII—VI вв. до н.э., правда, пока единственным памятником у с. Орловка, где установлено их обитание и в последующем гетском периоде [82, с. 70—73].

Описывая народы, соседствующие со скифами, Геродот указывает, что "внутри материка, вверх по Истру, Скифия граничит сначала с агафирсами, затем с неврами..." [4, IV, 100]. Земли агафирсов, продолжает тот же автор, простирались в области, откуда "течет река Марис (Муреш: — И.Н.), впадающая в Истр" [4, IV, 49].

Отрывочность и недостаточная определенность сведений письменных источников привели к появлению разных суждений об этнической принадлежности агафирсов, области их расселения и этимологии самого названия племени*.

Одни исследователи считают агафирсов скифскими или родственными скифам племенами, перекочевавшими к VI в. в Днестровско-Карпатские земли и Трансильванию. Оказавшись в окружении северных фракийцев, ко времени прибытия Геродота в Ольвию в 450 г. до н.э. агафирсы были полностью ассимилированы [338, с. 8, 38; 404, с. 119—153]. В поддержку тезиса о скифской принадлежности агафирсов приводятся археологические данные, представляющие 52 могильника, выявленные в районе реки Муреша в Трансильвании, и отдельные погребения VI—V вв. до н.э. в западной части Днестровско-Карпатских земель, в которых преобладает труположение — обряд, характерный главным образом для скифов [404, с. 134—140].

Родство агафирсов и скифов обычно выводят из аллинского варианта этногонической легенды, по которой Агафирс и Скиф, родоначальники этих народов, — родные братья [4, IV, 8, 10]. А поскольку "по образу жизни агафирсы походят на фракийцев" [4, IV, 104], то через них скифы рассматривались в этническом родстве и с фракийцами.

Между тем данные лингвистики и археологии говорят против этнического родства скифов и фракийцев [139, с. 244]. В основу родства агафирсов со скифами положены родоплеменные связи, покоившие-

* Б.А. Рыбаков предполагает, что слово "агафирс" = "агатирс" указывает на "принадлежащий к чему-то", в данном случае "происходящий с Тираса". См.: Рыбаков Б.А. Геродотовы Скифия. М. 1979. С. 126.

ся не на реальных, а на фиктивных принципах генеологического родства. Это фиктивное родство скифам было необходимо для осуществления политических притязаний на господство над агафирсами [139, с.244].

Согласно другой гипотезе роль скифов в этнических процессах Средней Европы значительно преувеличена. Отдельные нашествия скифов не могли привести к появлению целых групп памятников [133, с.239–253]. Наличие отдельных скифских черт в материальной культуре местных племен свидетельствует скорее всего о том, что они появились как результат длительных культурных и, возможно, этнических связей этих территорий с областями Западной Украины, а через них – со Среднеднепровским регионом, где с конца VII в. до н.э. укрепилось скифское культурное влияние [133, с.239]. Захоронения с труположением, погребение боевых коней, как и распространение среди могильного инвентаря оружия и предметов конского снаряжения, которые встречаются в отдельных могильниках, не могут служить доказательством их скифской принадлежности. Такие захоронения известны и на других северофракийских памятниках данного периода [320, с.383] и в более позднее время [147, с.39–42].

Агафирсам посвящена обширная литература, однако состояние источников таково, что решить вопрос об их этнической принадлежности пока более чем затруднительно.

По всей вероятности, агафирсы представляли отдельную группу племен (возможно, оставшиеся киммерийцы), которая со временем была ассимилирована. Большинство исследователей согласны с тем, что к концу VI–V вв. до н.э. агафирсы полностью растворились в местной фракийской среде. Уже в V в. до н.э. их материальная культура, погребальный обряд и ритуал ничем не отличались от материальной культуры и погребального обряда северофракийских племен [404, с.19–153].

Исходя из указания Геродота о том, что агафирсы были непосредственными соседями, с одной стороны, скифов, а с другой – невров, видимо, следует считать, что они занимали в основном часть Внутрикарпатского плато и земли к северу от занятой гетами территории лесостепной Молдавии [134, с.102; 352, с.450].

Сведения об агафирсах в нарративных источниках весьма ограничены. Вместе с тем из дошедших до нас указаний очевидно, что агафирсы и скифы находились в постоянно натянутых отношениях. Агафирсы первыми перечислены Геродотом среди племен, отказавших в помощи скифам перед персидским нашествием [4, 19, 119]. При наступлении персов, когда скифы, завлекая неприятеля в глубь страны, стали отступать на земли тех, которые отказали им в помощи, "агафирсы заявили скифам, что если они посмеют вторгнуться в их страну, то им придет-

ся сначала выдержать смертельный бой с ними — агафирсами. После этого агафирсы выступили с войском к своим границам, чтобы отразить нападение. Скифы же не осмелились пойти в страну агафирсов" [4, IV, 125].

В 70–40 гг. У в. до н.э. между скифами и одрисами, чьи границы дошли до нижнего Дуная [55, II, 29, I, 2], установились достаточно прочные дружественные отношения, закрепленные династическими узами. Скифский царь Ариапиф получил в жены дочь одрисского царя Тереса [4, IV, 80]. Чтобы помешать скифо-одрисскому союзу, направленному в первую очередь против агафирсов, "Спаргалиф — царь агафирсов коварно умертвил Ариапифа" [4, IV, 78], тем самым предотвратив надвигающуюся опасность. В данном случае Спаргалиф выступает как руководитель, олицетворяющий интересы всех агафирских племен.

Археологическими изысканиями в Карпато-Дунайском бассейне (территории современных областей Мунтении и Олтении — СРР) было выявлено значительное количество памятников VI–V вв. до н.э. (карт. I).

Изучение этих памятников показало, что их можно разделить на две близкородственные группы. Одна из них представлена памятниками типа Фериджиле и распространялась главным образом в прикарпатской зоне, в верховьях рек Бузэу и Олта. В этнокультурном отношении она больше тяготеет к сырештской группе памятников. Как и последняя, она относилась к тем же северофракийским племенам, скорее всего гетам [409, с. 168, 205].

Вторая группа сосредоточена была в Олтении, точнее в ее юго-западной части. Здесь среди прочего инвентаря обнаружены украшения, оружие и другие предметы, которые, по мнению отдельных авторов, имеют широкий круг аналогий в северной части Балканского полуострова и особенно на памятниках иллирийского мира [214, с. 320–489].

Вопрос об этнической принадлежности племен, оставивших памятники данной группы, до сих пор остается дискуссионным [139, с. 105]. Одни исследователи связывают их с распространением в юго-западной Олтении иллирийцев [271, с. 248–257; 337, с. 35–50], другие склонны усматривать в них одну из северофракийских групп племен, находившихся под сильным иллирийским влиянием [214, с. 482–488].

Одним из веских доводов в пользу "иллиризма" памятников юго-западной Олтении является наличие на могильниках Балта Верде, Гогошу, Гура Падиной и других захоронений с труположением. Этот ритуал, как считают приверженцы данной гипотезы, характерен главным образом для иллирийцев. У северных фракийцев везде, даже на соседних с ними могильниках Фериджиле [408, с. 20–22], Тигвень [410, с. 75–111], Чепарь [354, с. 255–265] совершался ритуал трупосожжения.

Следовательно, ритуал ингумации мог появиться на могильниках

юго-западной Олтении только в результате проникновения в эти области каких-то иллирийских племен или под сильным влиянием иллирийцев.

Не оспаривая иллирийского влияния на развитие населения Карпато-Дунайского бассейна, следует отметить, что приведенный аргумент о всеобщности трупосожжения у фракийцев несколько абсолютизирован.

Уже приходилось указывать [147, с.27-28], что в специальной литературе еще с середины 20-х гг. утвердилось мнение, согласно которому у фракийцев "еще с эпохи бронзы трупосожжение становится всеобщим правилом" [338, с.623]. Между тем анализ погребального обряда позволяет установить, что фракийцы в I-м тысячелетии до н. э. практиковали как ритуал трупоположения, так и трупосожжения, с преобладанием последнего. Например, в Днестровско-Карпатских землях на могильниках УШ-УП вв. до н.э. Шолденешты из девяти раскопанных однозахоронение сделано по обряду трупоположения [134, с.64], в Стойкань известны погребения только с трупоположением [342, с.158-204; 346, с.86-87, рис. 5-6], тогда как в Сахарне наряду с погребениями со скорченными трупоположениями найдены и погребения с трупосожжениями [134, с.185]. Примерно такая же картина наблюдается и на могильниках УI-У вв. до н.э.

Аналогичное положение отмечается и на могильниках, расположенных к югу от рассматриваемой группы памятников. В северной Болгарии на могильниках УП-УI вв. до н.э. Белоградек, Малка-Брезница и других захоронения совершались по обряду трупоположения, а в Тырнавце применялись оба ритуала [396, с.100-101]. Подобная картина выявлена и в других местах Северо-Восточной Болгарии [72, с.119; 141, с.166].

На могильниках рассматриваемой территории трупоположение не является единственным обрядом захоронения. Ритуал, который практиковало население, оставившие могильники на юге западной Олтении, не отличался от ритуала, известного на северофракийских могильниках.

В целом погребальный обряд могильников юго-западной Олтении не противоречит их фракийской принадлежности.

Другим доказательством для атрибуции памятников юго-западной Олтении к иллирийскому этносу является распространение на них определенных категорий находок, в частности оружия, предметов украшения, отдельных форм керамических изделий, не характерных для северофракийских памятников.

Действительно, среди найденного оружия выделяются железные гл-лирийские мечи с рукояткой, поставленной под углом к лезвию, и удлиненные листовидные наконечники копий. Оба типа оружия имеют многочисленные аналогии в северо-западной части Балканского полуост-

рова. Столь широкое их распространение в различных районах Юго-Восточной Европы не может быть связано с проникновением в эти районы иллирийских племен, что, собственно, не подтверждается и другими данными, а объясняется скорее всего их функциональным назначением, хотя центры изготовления этого оружия могли быть в Иллирии.

Из украшений чаще всего на памятниках юго-западной Олтенции встречаются браслеты и фибулы [212, с.321, рис.182(1); 214, с.428, рис.150, с.441, рис.163(1,2)], которые по форме и материалу изготовления находят широкие аналогии в иллирийском мире [400, с.81-135], в частности на могильниках Донья Долина, Гласинац, Крива Река [407, с.319] и др.

Одно- или двухпружинные фибулы с дуговидной спинкой и прямо-угольным, фигурным или треугольным приемником изготавливались как из бронзы, так и из серебра, а иногда из золота и железа.

Археологические изыскания последних десятилетий показывают, что территория распространения обоих типов фибул весьма обширна. На территории Днестровско-Балканского региона они известны по находкам VI в. до н.э. в Селиште [119, с.101; 122, с.17, рис.2(14,15)] в МССР; VI-V вв. до н.э. в Бырсеть [326, с.355, рис.4], Феридже [406, с.245, рис.7(4,5)], V в. до н.э. на поселении Александрия [355, с.186-187, рис.4(1-3)] в Румынии, а также на одновременных им могильниках Северо-Восточной Болгарии Добрина [143, с.33], Кругулево [72, с.119], Равна [142, с.107] и др.

Т.Д.Златковская и Д.Б.Шелов, специально изучившие все типы фибул раннежелезного века, известные во Фракии, пришли к выводу, что в основе как одно-, так и двухпружинных фибул лежит один и тот же греческий прототип. Основные же центры их изготовления находились не в Иллирии, а в Центральных Родопах и междуречье Искра и Огоста, в районе современного г.Враца [97, с.60-61, 96, с.50-51]. Именно отсюда путем обмена, а возможно, и культурных связей они легко распространялись в различные районы Юго-Восточной Европы, в том числе и к северу от Дуная, на соседние территории северных фракийцев.

Что касается керамики, то основные формы посуды, обнаруженные в Балта Верде, Гогошу, Телешть, Дрэгоешть, Гура Падиней, Сэлкуца и др., идентичны сосудам из синхронных памятников Днестровско-Балканского региона.

В этой связи достаточно отметить, что такие виды керамики, как горшки мешковидной формы типа вилланова с низким горлом и наибольшим диаметром в средней части тулова, украшенного ручками-упорами, обнаруженные в Балта Верде [214, с.318, рис.50], Гогошу [215, с.410, рис.136] и др., известны на многих северофракийских памятниках, в частности на могильниках Кирноджь [330, с.109-110, рис.11],

Тигвень [410, с.102, рис.12(1)] - в Мунтении, Чипау [251, рис.14(4)] - в Трансильвании, Чернавода [215, с. 285, рис. 7] - в Добрудже (все - СРР); Равна [142, курган 32] - в Северной Болгарии. В последующее время этот тип керамики встречается почти на всех гетских памятниках.

Из другого вида посуды наиболее распространенными на рассматриваемых памятниках являются миски [214, с.328, рис.58(5); с. 377, рис.112(4)] с усеченно-коническим туловом и загнутой внутрь верхней частью, которая снабжена ручками-упорами. Этот тип мисок широко известен в Днестровско-Балканском регионе по находкам в Тыргу Муреш [251, табл.X(11)], Тигвень [410, с.99, рис.9(8)], Ферид-жиле [406, с.240, рис.3(2)] и других местах.

Другим характерным типом керамики для данной группы памятников являются кружки с возвышающейся над цилиндрическим горлом ручкой. Подобного рода кружки встречаются на многих могильниках северофракийских племен, в частности в Селиште [122, с.82, рис.25(12)], Бърсешть [327, с.233, рис.2(2)] и др.

Таким образом, по погребальному обряду и основным видам керамических изделий, представляющих один из важных компонентов материальной культуры, поселения и могильники юго-западной Олтении прочно вписываются в круг северофракийских памятников. Более сложным и важным является вопрос, к какой именно группе северофракийских племен принадлежали носители этой культуры. Наиболее ранние сведения о рассматриваемых территориях относятся к V в. до н.э.

В четвертой книге "Истории" Геродота сообщается, что "река Ангр течет из Иллирии на восток в Трибаллскую равнину и впадает в реку Бронг, а Бронг - в Истр" [4, IV, 49].

Фукидид, как известно, подвергнутый остракизму, находился некоторое время в собственных владениях в Родопах и, надо полагать, располагал весьма реальными сведениями об этих областях. Касаясь географии народов северо-западной Фракии, он указывал, что "со стороны трибаллов, которые так же были независимыми (от сюзеренства одрисских царей. - И.Н.), последние народы были треры и тилатены. Эти (народы) живут к северу от горы Скимброс и дальше на запад до реки Ойскос" [55, II, 96, 1].

Из этих свидетельств можно заключить, что трибаллы в V в. до н.э. по всей вероятности жили где-то между реками Бронг (Морава) и Ойскос (Искра). Детальное изучение всех видов источников привело болгарского историка Х.Данова к более конкретной локализации трибаллов, которые, как он полагает, в V в. до н.э. заселяли нижнее междуречье Моравы и Искра. На юго-востоке трибаллы были соседями треров и тилатенов; северной границей была река Дунай, на юго-за-

паде они граничили с иллирийцами [85, с.102-106]. Такая локализация трибаллов как будто не вызывает возражений, тем более, что вслед за Х.Дановым в этих областях расселяют трибаллов и другие исследователи [98, карт.1].

Если это так, а сомневаться пока нет оснований, то памятники Северо-Западной Болгарии, так называемая Врацкая группа, были составлены трибаллами. Поскольку между Врацкой группой памятников и теми, что расположены к северу от Дуная, много сходного, была предпринята попытка включить последние в круг трибалльских памятников. На этом основании допускается, что в VI-V вв. до н.э. Олтения, во всяком случае ее южная часть, была заселена трибаллами [409, с.208, рис.12].

Между тем детальный анализ источников показывает, что трибаллы не соседствовали с населением, проживавшим к северу от Дуная, поскольку узкая полоса правого берега Дуная в этом районе была заселена племенами мизийцев и сигинов [85, с.102-103 и карт.]. Следовательно, непосредственного контакта между трибаллами и северофракийскими племенами из-за Дуная не было. Определенное сходство в материальной культуре не всегда предполагает и этническую общность. К тому же памятники Олтении имеют значительно больше общего с памятниками Днестровско-Балканского региона, нежели с иллирийскими. Видимо, эти территории в VI-V вв. до н.э. были заселены группой северофракийских племен, близкородственной гетам. В IV в. до н.э. античная традиция отмечает здесь племена гетов [10, I, 3, I-5; I, 4, I-5].

Таким образом, сопоставление письменных и археологических данных позволяет установить наличие в Днестровско-Балканском регионе к VI в. до н.э. ряда отдельных самостоятельных групп северофракийских племен: гетов, карпидов, агафирсов и многих других, название которых не нашло отражения в дошедших до нас античных источниках. Связь между этими группами была еще относительно слабая, что нашло отражение и в материальной культуре, анализ которой позволил выделить некоторые локальные варианты в позднефракийском гальштате. Эти локальные варианты представляют собой различные по величине и занимаемой территории группы памятников, имеющих единый фон в материальной культуре, но отличающихся в деталях.

Общность фона материальной культуры северофракийских племен, которая во многом отличается от материальной культуры южных фракийцев, указывает на то, что процесс их выделения из общепракийского мира завершился. Наличие же локальных вариантов свидетельствует об отсутствии в рассматриваемое время у родственных северофракийских племен единого этноса.

Изменения начинаются с конца VI в. до н.э. и особенно заметны-

ми становятся в V в. до н.э. В этом важную роль сыграли как внутренние, так и внешние факторы. Из внешних факторов особо следует выделить воздействие на северофракийские племена греческих колоний Северного и Западного Причерноморья.

§ 2. Отношения северных фракийцев с окружающим миром

Греческая колонизация понтийского побережья, начавшаяся в VI в. до н.э. с образования близ устья Дуная милетской колонии Истрии, в последующее время стала проводиться более широко и интенсивно. Был создан ряд городов-колоний, в том числе Ольвия, Тира, Томи, Каллатий, Одесс и другие, которые в той или иной степени воздействовали на развитие северофракийских племен. Во всех этих городах ведутся археологические исследования.

Вместе с тем многие из упомянутых в античных источниках греческих поселений, в частности Оргам, известный уже в VI в. до н.э. как сильно укрепленный форпост на Дунае [2I, Фр.172], гавань карийцев [10,24; 4I,П,3,22], гавань истрианов [10,31] и др., археологически не удостоверены. Например, Оргам некоторые исследователи предположительно располагают между мысом Доложман и с. Журиловка, где обнаружены остатки крупного поселения [349, с.148-149].

Местонахождение же остальных метрополий и время их основания установить пока не представляется возможным.

Время и обстоятельства возникновения г.Истрии продолжают оставаться предметом длительных и острых дискуссий. Одни исследователи считают, что выходцы из Милета создали свою колонию близ дельты одноименной реки во второй половине VI в. до н.э., а может быть и раньше [304, с.352; 198, с.49-69]. Другие относят основание г.Истрии к VI в. до н.э. [103, с.58; 270, с.69]. И хотя результаты планомерных археологических исследований в г.Истрия опубликованы в нескольких томах, единого мнения по этому вопросу все еще не достигнуто.

Большая часть исследователей в последнее время отдает предпочтение более ранней дате основания Истрии. Самое раннее упоминание об этом городе, сохранившееся в нарративных источниках, относится к 657-656 гг. до н.э., то есть ко второй половине VII в. до н.э. [20, 95, а, в; 44, 765-770].

Сведения античной традиции согласуются с археологическими данными. В ходе изысканий на городище Истрия обнаружено значительное количество родосской, ионийской и аттической керамики, относящейся, по мнению исследователей, ко второй половине VII в. до н.э. [349,

с.151]. Если дальнейшие исследования подтвердят эту датировку, то станет очевидным, что Истрия является одним из самых древних греческих городов-колоний Северного и Западного Причерноморья.

С возникновением г.Истрии процесс заселения греками понтийской зоны усиливается путем основания на протяжении VI-V вв. до н.э. ряда сельских земледельческих поселений, многие из которых, в частности Ваду, Журиловка, Истрия-Сат, Тариверде, Синое-Змейка [276, с.38-40], удостоверены археологически. Как и в Северном Причерноморье [68, с.41 и карт.2], земледельческие поселения западнопонтийских областей расположены в основном поблизости от города, хотя отдельные поселки, как, например, Тариверди, находились в глубине фракийской территории.

Высокий уровень экономического и политического развития, достигнутый Истрией в VI в. до н.э., позволил ей еще больше расширить сферу влияния на варварский мир Северо-Западного Причерноморья. Во второй половине VI в. до н.э. она основала, или содействовала созданию, на восточном берегу Днестровского лимана укрепленного поселения Никоний [178, с.53-54], которое считают ее апожией [105, с.40-56; 200, с.152]. Был ли Никоний апожией Истрии или нет, с достоверностью пока трудно установить [68, с.29], однако то, что он экономически и политически был связан с ней, оспаривать не приходится [92, с.106-109, 128; 93, с.76-77, рис.1].

Создание около Истрии ряда сельских поселений имело большое значение для города, поскольку они представляли нечто подобное аванпостам в глубине северофракийских территорий. Они были не только поселками, жители которых занимались обработкой прилегающих к ним земель, но и центрами, куда стекалось скупленное у местного населения данной округи зерно. Подтверждением этому являются многочисленные ямы-хранилища, выявленные на поселениях, где раскопки велись на больших площадях. Они значительно превышают емкости, необходимые для хранения урожая, собранного жителями данных поселков [218, с.273-279; 358, с.78-79].

Помимо этих областей греческим колонизаторам хорошо было известно и нижнее течение Днестра с его плодородной почвой и обильными пастбищами. Геродот отмечает поселения своих соотечественников в устье Днестра в V в. до н.э. [4, IV, 5]. "Река Тирас, - сообщает в одном из периплов III в. до н.э., - глубокая и обильная пастбищами, позволяет купцам торговать рыбой, а грузовым судам - безопасно плавать" [44, 798-803].

В дошедших до нас письменных источниках в низовьях Днестра упоминается несколько населенных пунктов: Тира [44, 798-803], Сфусса [6, VII, 3, 16; 56, VI, 84-85], Никоний [44, 68; 6, VII, 3,

16], Гермонактова деревня [6,УП,3,16; 45,Ш,10,7] и Неоптолема башня [6,УП,3,16; 43,89 (63M)]. Существование этих поселений, за исключением Офиуссы [67, с.128-138], удостоверено археологически. Наиболее ранние из них - Тира и Никоний.

В отношении Офиуссы следует сказать, что в последнее время возобновились дискуссии по поводу ее существования как отдельного от Тиря города и даже пытаются ее локализовать. Эти вопросы не новые [74, 85-119; 95, с.60-69], однако на данном этапе система доказательств строится не только на основе данных, вытекающих из анализа письменных источников, характер которых таков, что можно их по-разному интерпретировать. Предпринята попытка связать воедино свидетельства древних авторов об Офиуссе с новейшими археологическими открытиями и с историей формирования нынешнего побережья Черного моря, которое может быть установлено по геоморфологическим данным. По мнению ряда исследователей, остатки Офиуссы следует искать на дне Днестровского лимана под 4-6-метровым слоем лиманно-морских отложений, поскольку город находился на упомянутом письменными источниками острове тирагетов [37, IY, 82; 45, Ш, 10, 78; 56, IY, 84-85], образованном восточным и западным рукавами дельты Тираса, по которым он впадал тогда в Понт Эвксинский [66, с.112-123]. Во время нимфейской трансгрессии остров постепенно затонул, а вместе с ним и Офиусса. А жители, перебравшись "на правый коренной берег, основали новое поселение, которому дали название реки" [67, с.128-138]. Однако П.О.Карышковский, анализируя все материалы, пришел к выводу, согласно которому пока "трудно безоговорочно согласиться с фактом существования Офиуссы", поскольку монетные легенды неопровержимо доказывают, что к "середине IV в. до н.э. город назывался Тирой, а не Офиуссой" [110, с.17].

В античной традиции о Тире сохранились лишь отдельные отрывочные сведения. Известно, что на реке Тирас "лежит соименный город Тира, основанный милетянами" [44, 798-803]. По надписям, найденным в Чобурчах и Коротном и относящимся ко времени существования Тира, установлено, что горожане пользовались календарем, совпадающим с календарем Милета. Это подтверждает принадлежность города к кругу милетских колоний, однако не исключает участия в основании Тиря и выходцев из других греческих областей. Изучение граффити, обнаруженных в Тире и датируемых второй четвертью - серединой VI в. до н.э., привело некоторых исследователей к выводу о том, что в основании города наряду с ионийцами, которые составляли основную массу колонистов, принимали участие и эолийцы [195, с.270-271].

Вопрос о времени основания Тиря остается дискуссионным. Хотя строительные материалы VI в. до н.э. пока еще не обнаружены, анализ

аттического и ионийского импорта, равно как и граффити, подтверждают мнение об основании города в конце VI в. до н.э. [69, с.312; 171, с.49].

В процессе освоения низовьев Днестра наряду с городами возникали и сельские поселения. По левому берегу Днестра от современного Тирасполя и вплоть до соединения лимана с морем известно свыше десятка памятников, содержащих греческий материал VI–У вв. до н.э., среди которых особое место занимал Никоний.

Наличие ряда сельских поселений археологически установлено и по западному берегу низовьев Днестра. Два из них, как уже говорилось, упомянуты в античной традицией: "На устье Тиры находится башня, названная Неоптолемовой, и деревня, известная под названием Гермонактовой" [6, УП, 3, 16]. В данной части свидетельства античный географ использовал перипл Артемидора, описывающего старое устье западного рукава дельты Тираса. Поэтому упомянутые пункты исследователи локализуют в районе села Приморское, между селами Попаздра и Косовка, в урочище Розы, где обнаружено поселение с многочисленным греческим и местным гетским материалом [179, с.350]. Это поселение идентифицируют с деревней Гермонакт [66, с.122].

Что касается Неоптолемовой башни, то она, по всей вероятности, была расположена "на мысу, у высокого морского берега в с. Приморском, который в ясную погоду виден за 12 миль и служит ориентиром для моряков. По-видимому, башня, установленная на этом месте, служила в качестве маяка и одновременно указывала вход в устье реки" [66, с.122–123].

Однако материалы с этих поселений не дают пока оснований считать, что они были воздвигнуты одновременно с Истрией и Тирой. В VI в. до н.э. на побережье Западного Понта, заселенного северофракийскими племенами, были основаны и другие города-колонии: Томи, Каллатий, Одесс.

Время возникновения г.Томи являлось предметом длительных споров, что было вызвано состоянием источников. Самые ранние эпиграфические данные, касающиеся этой колонии, относятся ко II в. до н.э. [379, с.20]. Нарративные источники единодушно указывают на то, что г.Томи был основан выходцами из Милета [44, 761–764; 6, УП, 6, 1; 33, I, 1, 41, III, 9, 3], не уточняя, когда это произошло. Археологические материалы долгое время были явно недостаточны.

Однако, исходя из свидетельства античной традиции о том, что город был создан милетянами, можно попытаться установить, когда это было. Известно, что некогда процветающий Милет в 546 г. до н.э. был захвачен персами [286, с.14, 19–26], а в 495 г. до н.э. восстановленный Милет был ими разрушен и разграблен [104, с.156]. Стало быть,

в этот период город был не в состоянии основывать новые колонии. Вряд ли это было ему под силу и после 495 г. до н.э. Значит, как справедливо указали исследователи [362, с.49], г.Томы мог возникнуть до описанных событий. Это полностью согласуется с новыми археологическими данными. В ходе изысканий на месте г.Томы был выявлен ряд закрытых комплексов, содержащих керамический и другой материал, относящийся ко второй половине VI в. до н.э. [362, с.30-40]. Следует отметить, что в этих самых ранних слоях наряду с греческим материалом найдено значительное количество лепной северофракийской керамики, бронзовых наконечников стрел и монеты-стрелки, относящиеся к этому же времени [362, с.27]. Следовательно, на основе нарративных источников и археологического материала можно сделать вывод, что город Томы был заложен не позже второй половины VI в. до н.э.

Видимо, в это же время были основаны города-колонии Каллатий [349, с.152] и Одесс [85, с.275]. Спор по поводу даты основания Каллатия вызвало указание псевдо-Скимна о том, что город возник согласно предсказаниям дельфийского оракула и воздвигнут гераклийцами во времена, когда в Македонии стал править Аминт [44, 760-764]. Предположение о том, что здесь речь идет об Аминте III - отце Филиппа II, правившего в 393-370 гг. до н.э., опровергается большинством исследователей. По их мнению, автор имел ввиду македонского басилевса Аминта I, правившего в 540-498 гг. до н.э. В это время и был основан город Каллатий [349, с.152].

С образованием городов-колоний, а также многочисленных сельских поселений создались благоприятные условия для широкого проникновения греческих товаров в среду автохтонного населения. Археологические исследования позволяют проследить, как глубоко на территорию северофракийских племен проникли греческие элементы. Греческая парадная посуда, амфоры, чаще всего их фрагменты, предметы туалета и украшения найдены не только на поселениях и могильниках, находящихся в непосредственной близости от городов-колоний или прибрежных районов Чернавода [215, с.283, рис.9,10], Бейдауд [376, с.45], Зорице [301, с.107-108, рис.6,7(4-6)], Саринасуф [301, с.102-103; 203, с.122], Добриня [143, с.33, табл.3(10-12)] и др., но и на памятниках, расположенных в отдаленных районах северофракийского мира, а частности в таких глухих районах как Стынчешть [279, с.12, рис.12.3(6)], Куртень [297, с.204, табл. XX, с.216-220], Барбоаса [280, с.256], Барбошь [344, с.504], Фрумушица [344, с.505-506, рис.2], Брэилица [203, с.117; 293, табл.60], Коцофений д-н Дос [357, с.574], Букурешть-Тей [357, с.574], Черника [318, с.294-295, рис.4(2,3)], Ростовец, Хотэрень [215, с.306] и др.

Таким образом, археологическими исследованиями установлено при-

существование греческого импорта во всех областях Днестровско-Балканского региона, за исключением Карпатской дуги, где греческие предметы единичны и попали скорее всего путем диффузии от родственных северофракийских племен, проживавших по южной и восточной сторонам Карпат.

В это время начинается проникновение денежной единицы в виде монет-стрелок [360, с. 7; 368, с. 25-30] и монет Истрии [76, с. 98-106; 93, с. 76]. Однако на первых порах монеты не доходили так глубоко в автохтонную среду, как товары. Они встречаются чаще всего, а иногда в значительном количестве, в прибрежных областях или близ городов-колоний, на остальной территории Днестровско-Балканского региона они единичны.

Колонизация Западного и Северо-Западного Причерноморья уже в VI-V вв. до н.э. привела к распространению греческих товаров в автохтонной среде. Это, видимо, было обусловлено тем, что северофракийские племена к этому времени достигли относительно высокого уровня экономического развития, способного создать соответствующие условия для сбыта греческих товаров.

Однако контакты местных племен с греческими колонистами налаживались не только в сфере меновой торговли. Уже к этому времени ощущается определенное греческое влияние, которое прежде всего проявляется в материальной культуре.

Изучение ряда сельских поселений, таких, как Истрия-Сат (поселок близ Истрии), Тариверде, Корбу, Доложман, Синое-Эмейка и других, привело исследователей к выводу, что они были основаны для налаживания тесных контактов с местными племенами [269, с. 232]. Эти поселения представляли как бы аванпосты на территории северофракийских племен, откуда грекам было легче контактировать с ними, а также и проникать в глубь их территорий [269, с. 227-232; 349, с. 162].

Однако археологическими изысканиями на поселениях [159, с. 85], как и в городах Истрии, Тирн, Томы, выявлен не только греческий, но и фракийский материал. Более того, удалось установить, что если первоначально автохтонный элемент был не очень значительный, то со второй половины VI в. до н.э. его удельный вес возрастает: на некоторых греческих поселениях северофракийская керамика составляет 10-15% [358, с. 81], на других доходит до 20% [159, с. 91-92] от общего количества массового керамического материала. Увеличение местного элемента предполагает значительный приток северных фракийцев в греческие города и поселки [269, с. 229-233]. Это подтверждается и появлением фракийских курганных захоронений в г. Истрии [199, с. 143], равно как и определенной фракизацией в конце VI-V вв. до н.э. части населения некоторых греческих поселков, прослеженной по могильнику близ Истрии-Сат [269, с. 230].

Налаживание тесных контактов между колонистами и автохтонным населением привело к появлению определенных заимствований, о чем свидетельствуют археологические источники. Так, в Истрии [268, с.25], Томах [362, с.29-34], Истрии-Сат [269, с.226-228], Тариверде [358, с.78], Надлиманском Ш и Беляевке I [459, с.85-90] были обнаружены наземные и с углубленным в материке основанием глинобитные на деревянном каркасе дома. Встречаются и жилища земляночного типа. Как правило, они прямоугольные в плане, аналогичны землянкам с северофракийских поселений.

Если наличие землянок в греческих городах и поселках в период их основания может быть объяснено тем, что как временный тип жилища они характерны для многих народов, то этого нельзя сказать о наземных домах. Глинобитные на деревянном каркасе дома, отапливаемые очагом или печью, широко известны у местных племен еще в предшествующих периодах [122, с.28-33]. С определенной долей вероятности можно предположить, что этот тип жилища мог быть воспринят греками только у северных фракийцев.

На некоторых поселениях, в частности Истрии-Сат, вскрыты свыше 54 жилищ, преобладающее большинство которых — наземные. Все наземные жилища по способу строительства, формам, площади, отопительным сооружениям настолько сходны с глинобитными на жердевом каркасе домами из северофракийских поселений, что их определение вызывает некоторое затруднение и только преобладание в них античного материала выдает их греческую принадлежность [268, с.227].

Однако, судя по археологическим материалам, заимствование греков у северных фракийцев на этом и завершается, обратный же процесс влияния греческой цивилизации на развитие местных племен был значительно сильнее, шире и продолжался с архаического периода до римского завоевания.

Воздействие античной цивилизации на автохтонную среду осуществлялось главным образом посредством обмена. Удельный вес и значение греческого импорта для развития экономики северных фракийцев, заселявших территорию между Днестром и Балканами, Карпатами и Черным морем, к концу VI в. и особенно в V в. до н.э., были весьма ощутимы. Свидетельством этому является многочисленный античный материал на некоторых северофракийских поселениях особенно фрагменты амфор, которые, как известно, служили тарой для оливкового масла и различных сортов греческого вина.

Постоянные тесные контакты северных фракийцев с припонтийскими полисами не остались без последствия для развития их материальной культуры. Проникновение греческого импорта давало возможность местному населению ознакомиться с высококачественными изделиями эллинских

мастеров. К концу VI–V вв. до н.э. в Днестровско–Балканском регионе, включая и Внутрикarpатскую котловину, выработались определенные керамические формы, которые становятся характерными для всего северофракийского мира и этим отличаются его от южных фракийцев.

Вместе с тем среди известных с позднегальштатского периода форм посуды, принадлежащей северным фракийцам, появляются изделия, изготовленные по местным традициям, но с отдельными чертами, характерными для эллинской керамики. В первую очередь следует отметить миски с округлым туловом и с прямым бортиком. Они, как правило, изготовлены из глиняной пасты без видимых примесей. Хорошо заглаженные тонкие стенки придают им особую элегантность [215, с.291]. Хотя подобные миски изготовлены лепным способом, а некоторые из них снабжены ручками–упорами – атрибут характерный для северофракийской керамики, – все же выделка теста и округлые формы тулова сближают их с гончарными мисками серого цвета из припонтийских городов, от которых они восприняли эти черты, и выделяют их среди лепной керамики VI–V вв. до н.э. рассматриваемого региона. Экземпляры такого типа мисок целых или во фрагментах известны в Черноводзе [215, с.291, рис.12(2)], Фрумушица [344, с.501, рис.3(1)], Ханске-ла-Матке и других местах.

К этому времени появляются миски, тулова которых сделаны по традиционным гальштатским формам в виде усеченного конуса. Верхняя часть не наклонена внутрь, как у всех мисок этого типа, а высокая и вертикальная по отношению к тулову. Миски снабжены простыми или фигурными горизонтальными ручками, которые в отличие от обычных гальштатских мисок посажены не на ребро, образованное в месте перехода тулова в бортик, а на бортике, как на греческих гончарных мисках. Стало быть, если тулово этого типа мисок сделано в традиционном гальштатском стиле, то верхняя часть и ручки – по греческим образцам. Интересно отметить, что в последующее время такие миски станут довольно распространенными во всем северофракийском мире.

Иногда встречаются лепные миски с коническим корпусом и с отогнутым наружу или прямым венчиком, на котором симметрично посажены две вертикальные ручки, придавая им форму греческих лекан. Подобные экземпляры мисок широко представлены на могильниках Фериджиле [408, с.40, табл.П, (8,10,11)] и Тигвень [410, рис.5(5); рис. 13(9)].

Наряду с мисками в конце VI–V вв. до н.э. появляются кружки с биусеченно–коническим туловом и высоким горлом. Тулово, как правило, украшено по линии наибольшего диаметра симметричными ручками–упорами. В верхней части горла имеется небольшая полукруглая ручка, один конец которой расположен ниже венчика, другой – выше плечика. Если тулово этих кружек выполнено по местным гальштатским традици-

ям, то горло и ручка — по греческим образцам. Известны они по экземплярам, обнаруженным в Хыршове [206, с.352–353, рис.1], Фрумушице [344, с.502, рис.3(2)], Черноводы, Одобешть [215, с.291–292, рис.12(1)] и др.

Более заметно эллинское влияние в местной гончарной керамике. Так, на могильниках Корбу [227, с.53, рис.4], Островул Маре [215, с.304], Буджак [204, с.126, рис.11(4)] и других были найдены гончарные сосуды, представляющие имитацию греческих ойнохой. В Коржидобе [212, с.193, рис.238(1)] выявлена миска с двумя вертикальными ручками по венчику, изготовленная по образцу греческих лекан. Встречаются кружки, аналогичные греческим, с двумя ручками [204, с.131, рис.17(7)] и др.

Таким образом, воздействие греческой цивилизации на материальную культуру северофракийских племен оставило заметный след. Прежде всего местные племена восприняли отдельные формы керамических изделий. Греческое влияние ощутимо проявилось и в искусстве местных племен. В частности, от эллинов геты переняли геометрический орнамент и способы его нанесения: тиснение, штамповку и пр.

Одновременно с эллинскими полисами местные племена поддерживали постоянные и тесные контакты с южными фракийцами. Эти связи еще больше усилились в V в. до н.э. в период расцвета Одрисской державы, когда восточная часть Дунайско-Балканских земель вошла в ее состав [85, с.297, 362–367].

Южнофракийское влияние проявилось прежде всего в развитии материальной культуры местных племен. Легче всего археологически это можно проследить в керамике. В ассортименте гончарной посуды встречаются кружки с округлым туловом, широким устьем и с возвышающейся над венчиком петлеобразной ленточной ручкой. Подобные экземпляры известны в Ханске [150, с.88, рис.10(2)], Куртень [297, табл. XXV(1)], Равне [142, с.126, табл. X(6)], в Калфе [121, с.56, рис.16(6)] и др. Этот тип кружек имеет широкий круг аналогий среди гончарной южнофракийской керамики.

Постоянные тесные связи местных племен и южных фракийцев, сходство обычаев и верований привели к тому, что влияние последних стало отражаться и на духовной культуре. Это проявилось в создании культовых сооружений — алтарей-жертвенников.

Распространенные на памятниках IV–III вв. до н.э., в частности в Фынтыне [298, с.240–241, рис.13; 316, с.263–291], Зимиче [333, с.116–125], алтари представляют собой прямоугольные глиняные площадки, покрытые своеобразным узорным орнаментом. Они появились значительно ранее рассматриваемого периода, продолжают бытовать и в последующее время [298, с.238–239, рис.12; 397, с.151–152, рис.25].

Некоторые алтари построены из камня на глиняном растворе и покрыты мозаикой, например в Мангалии [298, с.229-233, рис. I-5]. По способу строительства и мотивам орнаментировки они находят широкую аналогию в эллинском мире и у южных фракийцев.

В Северном и Западном Причерноморье алтари известны в Ольвии [68, с.35, табл. IX], Херсонесе [68, табл. CXI, 2, 3] и др., однако появились они все же позднее, чем у фракийцев, где, судя по алтарям из Витенберга и Сигишоара [296, с.31-44], по "времени соответствуют алтарю из мегарона в Микенах" [192, с.188-189].

Культовые сооружения в припонтйских полисах появляются позже, чем у фракийцев. Значит, они заимствованы в материковой или островной Греции сначала южными фракийцами, у которых широко представлены находками в Мумджилар, Голяно Извор и в большом количестве в Севтополисе [188, с.162], а от них - северными фракийцами.

Наряду с эллинами и южными фракийцами местные племена установили контакты и со скифским миром.

Наиболее раннее проникновение скифов относится к концу VI или к 90-м гг. У в. до н.э. [71, с.206-207], когда они в отместку за нападение персов, на стороне которых участвовали и покоренные геты, предприняли поход на юг, через земли северных фракийцев, достигнув Херсонеса Фракийского [4, IV, 94].

Скифских памятников VI-V вв. до н.э. к югу от Дуная пока не найдено. Этот факт следует рассматривать как показатель того, что скифское вторжение не было долговременным. Вместе с тем присутствие скифской посуды в архаических слоях Истрии, равно как и на других сельских поселениях, указывает на существование тесных этнокультурных связей между Западным и Северным Причерноморьем в VI-V вв. до н.э. [139, с.239]. Они еще более углубились вследствие женитьбы скифского царя Ариапифа на истриянке, имевшей на него большое влияние [71, с.206], что подтверждается возведением на престол ее сына Скила после смерти царя [4, IV, 78].

Наиболее отчетливо скифское влияние прослеживается в вооружении и конском снаряжении.

Широкое применение у северных фракийцев получили железные мечи-акинаки. Известно, что акинак был основным видом колюще-рубящего меча, распространенного в Северном Причерноморье с VII в. до н.э. - времени появления скифов в этом регионе. У соседей - северных фракийцев - меч-акинак появляется только в середине VI в. до н.э.

Картографирование места нахождения мечей-акинаков [234, с.239-266, рис. I] показывает, что они встречаются почти во всех областях Днестровско-Балканского региона, где сосредоточены памятники VI-V вв. до н.э.

Изучение мечей позволяет установить, что они не являются простыми копиями скифских образцов. Северофракийские мастера по-своему оформляли перекрестие, завершая, а порой изменяли даже форму клинка. Некоторые экземпляры украшены геометрическим орнаментом, имеющим аналогии только на керамических формах фракийского гальштата, что подтверждает местное производство.

Идентичным скифскому, судя по изображению на одном серебряном с позолотой украшении [101, с.96, рис.7(1-4), 8(1-2)], был и лук. Северные фракийцы заимствовали у скифов те виды оружия, которые представляли максимальную эффективность в бою. На общность основного вида оружия фракийцев и скифов указывали и античные авторы [4, УП, 75; 55, П, 96, 1; 6, УП, 3, 17].

На памятниках VI-V вв. до н.э. встречаются наконечники стрел скифского образца. В отличие от мечей, местные мастера стрелы не подвергали модификации.

Из наступательного оружия были найдены железные наконечники копий, которые по форме совпадают со скифскими [122, с.113-115]. Это объясняется тем, что фракийские экземпляры узколистовидных форм служили прототипами для скифских копий [139, с.201-202].

Во фракийском мире уже к середине VI в. до н.э. был выработан особый тип уздечного устройства. Однако на некоторых памятниках рассматриваемого региона встречаются детали конской узда, изготовленные по скифским образцам. К ним можно отнести железные двусоставные удила из Селиште [122, с.17, рис.2(8)], Пыржолтен [122, с.19, рис.4(3)], железные и костяные двудырчатые с загнутыми по углам концами и восьмеркообразным расширением псалии с Пыржолтен [122, с.19, рис.4] и Куртень [297, с.227-229, табл. XXV, 2, 3], трехдырчатые железные или костяные псалии с концами в виде лошадиных головок, украшенные циркульным и нарезным орнаментом, которые известны на поселениях Бэрбоаса [297, с.229], Куртя де Ардеш [297, с.229-230, табл. XXXV, 1], Фериджиле [408, табл. XVI (3)] и других северофракийских памятниках. Все они находят широкие аналогии среди скифских деталей конской узда VI в. до н.э. [101, с.55-60, рис.14(4,7)].

Встречаются золотые, серебряные, бронзовые и костяные украшения конской сбруи. Обнаружены они главным образом в богатых воинских захоронениях в Пыржолтенах, Данченах [122, с.50-60] и др., хотя известны и на поселениях, в частности в Бутученах, где найдена крестовидная бляха, подобная бронзовым блямхам конца VII-VI вв. до н.э. из курганов Посуля и Емчихи [101, рис.12(4)]. Аналогичный экземпляр известен также в Фериджиле [409, рис.4(1)].

Выполнены эти украшения в зверином стиле и близки к скифскому по составу в наборе, формам и сюжетам изображений, а также по манере исполнения. Изображения выполнялись местными мастерами, однако по-

явление у фракийцев ряда предметов в конском снаряжении, выполненных в зверином стиле, было вызвано воздействием скифского искусства [138, с.126].

§ 3. Консолидация северофракийских племен и формирование гетского этноса

В VI–V вв. до н.э. в жизни северных фракийцев происходят значительные перемены, которые были обусловлены всем ходом их внутреннего развития на протяжении ряда столетий. Изменения, проявившиеся в развитии северофракийского мира, были ускорены внешними факторами, в частности воздействием эллинской цивилизации, влиянием южнофракийской и скифской культур. Эти перемены нашли отражение почти во всех сферах жизни северных фракийцев, и прежде всего в материальной культуре.

Для VI–V вв. до н.э. поселения и жилища пока еще мало изучены. И все же исходя из имеющихся в настоящее время в распоряжении исследователей материалов, можно установить, что топография поселений по сравнению с предшествующим периодом существенных изменений не претерпела. Как и прежде, поселения располагались главным образом на склонах долин, низких террасах, плато, высоких или пологих мысах. В это время появляются укрепленные поселения, правда, пока их известно не очень много*, в частности Бейдауд, Албешть, Стынчешть и, возможно, др.**

Городища, как правило, сооружались в естественно защищенных местах, прежде всего на господствующих над местностью высотах, как Бейдауд [376, с.37–50], в укрытых местах, подобно Стынчешть [281, с.109], или на высоких, с неприступными отвесными обрывами берегах рек.

Площадь городищ разная и во многом зависит от местности, в которой они сооружены. Варьирует площадь городищ в весьма широком диапазоне: от 2,5 до 23 га.

* Появление большого количества городищ, датируемых IV–III вв. до н.э., может обозначать неправильное определение времени их возникновения. Дальнейшие исследования, возможно, подтвердят это.

** В заполнении одного из рвов Бутученского городища обнаружена бронзовая крестовидная бляха, аналогичная бляхе из скифского кургана близ Емчихи, которая датируется В.А.Ильиной концом VII–VI в. до н.э., а также фрагменты пухлогорлых хисских амфор конца VI–V в. до н.э. Однако эти материалы могут свидетельствовать лишь о том, что в VI–V вв. до н.э. бутученский мыс был заселен гетами. Пока нет доказательств, позволяющих утверждать, что укрепленные сооружения были воздвигнуты ранее IV в. до н.э.

Основная система оборонительных укреплений городищ состояла из земляных валов и рвов. В основу сооружения валов был заложен принцип, характерный не только для укрепленных поселений VI—V вв. до н.э., но и для многочисленных гетских городищ, известных на территории рассматриваемого региона в последующее время [148, с.37].

Вал состоял из деревянного каркаса, представлявшего собой расположенные на небольшом расстоянии друг от друга два ряда вертикально поставленных столбов. Для прочности столбы скреплялись поперечными балками, создавая тем самым нечто подобное клеткам, которые и заполнялись хорошо утрамбованной забутовкой. Сверху воздвигалась земляная насыпь, придавая сооружению дугообразную форму. В районах, где много камня, в основание и внешнюю сторону вала закладывали большие каменные плиты, чтобы предотвратить подкопы и пожары со стороны осаждающего неприятеля. Валу сооружались прямо на древней дневной поверхности, которую первоначально сильно утрамбовывали. Размеры валов разные и зависят они в основном от местности, на которой расположено городище. Ширина валов у подошвы обычно варьирует от 8–14 м при высоте его в настоящее время 1,4 – 1,5 м [376, с.43–45] до 20–22 м при высоте вала 3,5–5 м [278, с.9–10]. Естественно, что в период функционирования валы были намного выше.

Рвы, как правило, рылись в непосредственной близости от валов. Глубина их разная, но почти всегда соблюдаются определенные пропорции. Глубина рва должна соответствовать высоте вала, чтобы стена рва со стороны вала и вал составляли единую неприступную преграду, как на городище Стыньчешть, где она достигает до 14 м высотой [278, с.9]. Рвы обычно имеют трапециевидную в сечении форму с сужающимся дном. В верхней части их ширина доходит до 20–23 м, что препятствовало их форсированию с ходу и вынуждало нападающих вести долгую осаду для приготовления необходимых средств переправы через ров.

Способ строительства жилых и хозяйственных комплексов как на укрепленных, так и на открытых поселениях одинаков.

На поселениях выявлены остатки домов, представляющие собой развалы из кусков обожженной глины, камней, керамики и костей животных, которые залегают параллельно древней дневной поверхности слоем толщиной 10–20 см. Обмазка изготовлялась из глины с примесью соломы, травы, листьев. На отдельных кусках обнаружены отпечатки жердей, веток – следы от деревянного каркаса постройки. Следовательно, многочисленные куски обожженной глины из развалов представляют собой остатки обмазки стен жилищ, которые обожглись в результате сгорания его деревянного каркаса.

На поселениях VI—V вв. до н.э. выявлены три типа жилищ: наземные, с углубленным в материк основанием и полуземлянки.

Наземные глинобитные на жердевой конструкции дома имели четырехугольную в плане форму и занимали площадь 12-14 и более кв.м (рис. I.1). Пол в жилище, как правило, был глиняный, хорошо утрамбованный.

Дома с углубленным в материк основанием конструктивно и по планировке почти не отличаются от наземных. Единственное различие состоит в том, что основание их опущено на 20-45 см в материковую глину.

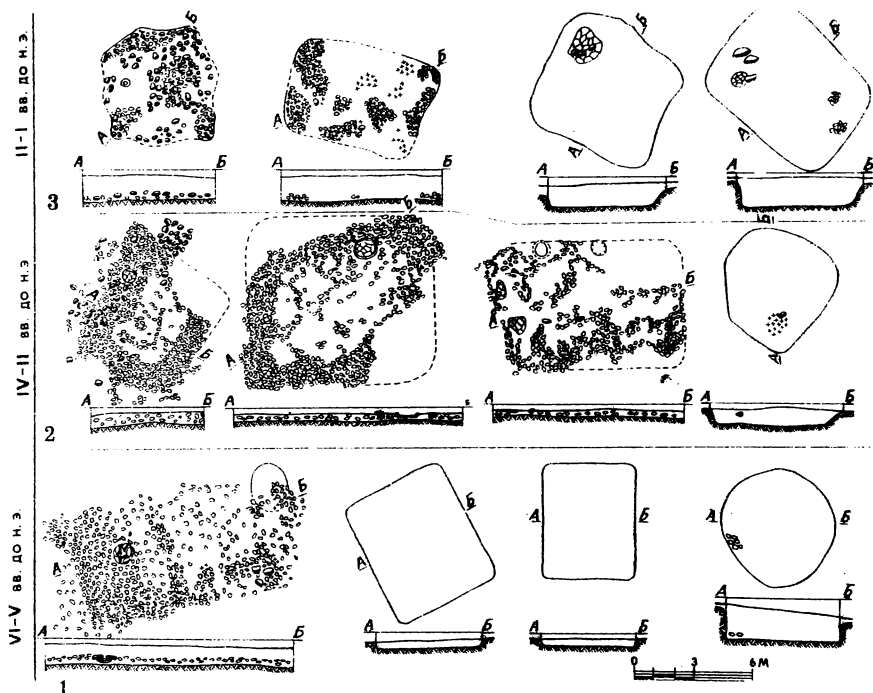
Глинобитные на деревянном каркасе дома выявлены на городищах Албешть [221, с.634-638], Бейдауд [376, с.46-47], Стынчешть [279, с.13], а также на селищах, в частности в Чернике [318, с.291, рис. I,2] и др.

Наряду с наземными постройками на поселениях встречаются и полужеземлянки прямоугольной или овальной в плане формы, глубина которых варьирует от 1 до 1,5 м. Судя по найденным в них материалам — остаткам очагов, фрагментам керамики и др., полужеземлянки применялись в качестве жилищ. Отапливались все эти типы жилых построек открытыми очагами [221, с.634], жаровнями [356, с.253] или глиняными печами [218, с.273-279].

На всех поселениях рядом с жилищами обнаружены хозяйственные ямы. Способ строительства глинобитных на плетневой конструкции жилищ известен на этих территориях с периода раннефракийского галштата [122, с.33] и почти без изменений продолжает применяться гетами в IV-III вв. до н.э. [148, с.46-61]. Оба типа глинобитных жилищ попеременно встречаются на поселениях местных племен вплоть до конца I в. до н.э. [151, с.181-182].

В материальной культуре и особенно в керамике к концу VI-началу V в. до н.э. устанавливаются определенные формы, характерные для всего северофракийского мира. Тесто лепной посуды содержит многочисленные примеси, часть которых составляют необходимые вещества, содействующие химическим преобразованиям во время обжига. В качестве отошающей примеси чаще всего добавлялся шамот. Количество шамота и величина частиц его неодинаковы. В тесте одних сосудов содержится тщательно измельченный шамот, в других — он представлен в виде довольно крупных частиц. Это, видимо, зависело от различных причин, в частности от степени пластичности глины, назначения сосудов и др.

Применение шамота, а также песка, что часто наблюдается в лепной посуде, приводило к увеличению пористости стенок. Для керамики этого времени свойственна более рыхлая текстура черепка и общее плохое качество лощения, обжиг — чаще всего неполный и неравномерный, о чем свидетельствует темно-серый цвет черепка в изломе. Несовершенный обжиг отдельных категорий керамики придавал поверхности сосуда неравномерную пятнистую окраску.

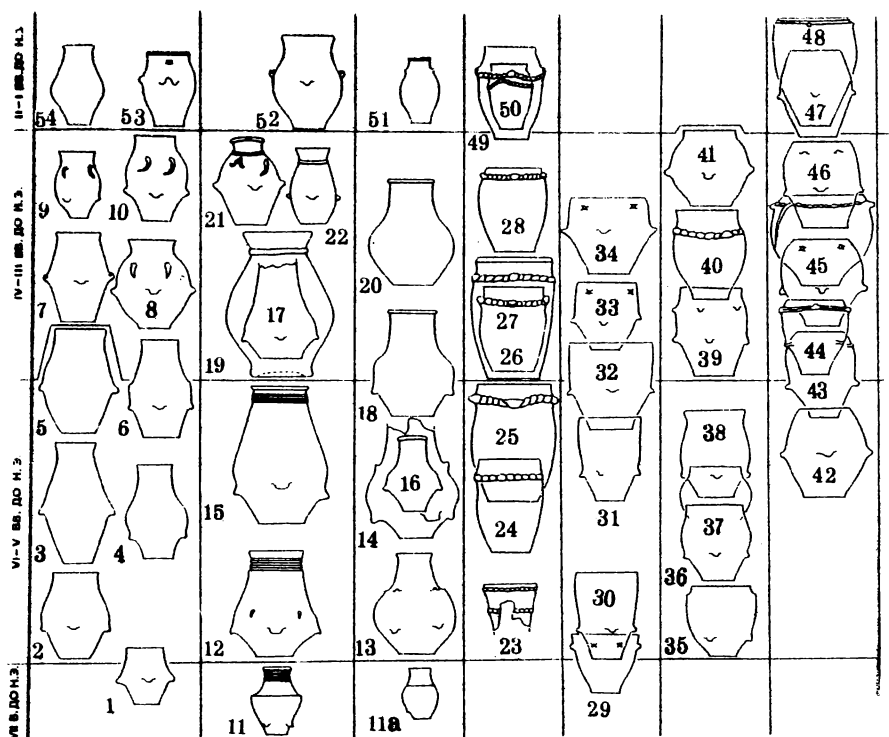

Р и с. I. Соотношение жилых комплексов VI-I вв. до н.э.

Наиболее распространенным типом посуды становятся горшки крупных и средних размеров. Среди них выделяются горшки с низким прямым горлом и покатыми плечиками. Посередине тулова расширяется максимально (рис. 2. 1-6). Самые ранние экземпляры данного типа обнаружены на могильнике УП-УІ вв. до н.э. Балта Верде [214, с. 318, рис. 50]. В УІ-У вв. до н.э. они широко представлены на большинстве северофракийских памятников, в частности Фериджиле [408, табл. XI (13, 15)], Тигвень [410, рис. 42(1)], Чернаводе [215, с. 288, рис. 7], Тариверде [218, с. 227, рис. 4], Гогошу [214, с. 410, рис. 136], Чипау [251, табл. V(4)]. В Бутученах фрагменты этих корчаг выявлены в слое, на одном уровне с упомянутой крестовидной бляхой УІ в. до н.э.

В последующее время подобные горшки встречаются почти на всех памятниках гетской культуры вплоть до конца I в. до н.э. (рис. 2. 7-10; 53-54).

В УІ-У вв. до н.э. появляются горшки с расширяющимся к устью горлом, верхняя часть которого опоясана рядами горизонтальных каннелюр. Тулово имеет биконическую форму с наибольшим диаметром в ниж-

Р и с. 2. Таблица эволюции и соотношения основных керамических форм в VI-I вв. до н.э.

ней его части. У горшков четыре ручки-упора, иногда они украшены рельефными ритонами, расположенными на его плечиках. Сосуды этого типа изучены по целым экземплярам из Пыржолтен [122, с.64, табл.II(22)], Бырсешть [328, с.202, рис.I(1)], Фериджлие [408, табл.XI(10 II)], Тыргу Муреш [251, табл. II, 4] (рис.2. 12, 15, 17). В фрагментах они встречаются значительно чаще. В последующее время эта форма горшков подвергалась некоторой модификации и продолжала бытовать среди гетской посуды вплоть до II в. до н.э. (рис.2. 19, 21, 22, 52). Эти горшки, видимо, берут свое начало от корчаг с высоким каннелюрованным горлом и биконическим туловом, характерным для культуры фракийского галыштата шолданешто-бассарабьского этапа. Наиболее поздние из них выявлены на могильнике VII-VI вв. до н.э. Балта Верде [214, с.319, рис.51] (рис.2.11).

В это же время распространяются горшки с высоким, прямым или слегка сужающимся к устью горлом и покатыми плечиками. Тулово округлобкое с наибольшим диаметром в средней, реже в нижней его части. Как правило, горшки снабжены ручками-упорами. Иногда плечики

сосудов украшены сосковидными налепами (рис.2.13). Целые или под-
дающиеся графической реконструкции экземпляры обнаружены в Селиште
[119, с.92, рис.2(3)], Тигвень [410, рис.6(8), 7(7)], Петрошань
[294, с.258-260, рис.1(3)], Кирнодзь [330, с.109, рис.11], Доб-
рине, Равне [396, с.106, табл.ХLП;9,10], Озуне [251, табл.ХУ1,4]
и других памятниках, расположенных во всех областях Днестровско-
Балканского региона (рис.2.13,14,16,18). Сосуды этого типа форми-
ровались, по всей вероятности, на основе горшков с высоким горлом
и округлым туловом (рис.2.11а), известных на памятниках шолданешто-
бассарабьского этапа фракийского гальштата, в частности в Шолданеш-
тах [87, с.25, рис.7], Бледжешть [213, с.547, рис.90] и др. В
дальнейшем в несколько измененном виде они становятся характерной
формой в ассортименте гетской посуды IV-I вв. до н.э. (рис.2,20,51).

Одним из самых распространенных типов сосудов на северофра-
кийских памятниках VI-V вв. до н.э. являются горшки баночной формы,
или с едва округленными боками и без выделенного горла. Верхняя их
часть ниже венчика украшена горизонтальным налепным валиком с вдав-
лениями, который прерывается двумя ручками-упорами.

Баночные сосуды с одним и более поясами в виде валиков с вдав-
лениями в верхней части известны на территории некоторых областей
рассматриваемого Днестровско-Балканского региона с конца эпохи брон-
зы. Характерна же эта форма керамики в основном для культуры фра-
кийского гальштата [251, с.56-57].

В VI-V вв. до н.э. сосуды этого типа обнаружены в Селиште
[122, с.78, рис.23(3)], Бырешть [326, с.357, рис.2(1)], Куртень
[297, табл.УП(1)], Чернаводе [215, с.280, рис.7], Истрии [251,
с.76, рис.26 (5,8-10)], Фериджиле [406, с.242, рис.4 (5).], Чер-
нике [319, с.276, рис.1(2)], Гогошу [214, с.432, рис.156(1)],
Клуж Мэнэштур [251, табл.УШ(5)], Равне [251, с.71, рис.21(2)],
Пояне [251, с.75, рис.25(2)], Речь [251, с.106, рис.37(1)] и др.
В последующее время они встречаются на всех памятниках и становят-
ся одной из характерных форм гетской керамики в IV-I вв. до н.э.
(см. рис. 2.23-28, 49-50).

В VI-V вв. до н.э. распространяются горшки колоколовидной фор-
мы без выделенного горла. В нижней части тулова они снабжены че-
тырьмя ручками-упорами, а в верхней, ниже венчика - цилиндрическими
налепами. Этот тип горшков является частой находкой на памятниках
предшествующего периода*. В рассматриваемое время они представлены

* На поселении раннефракийского гальштата Данчени в закрытом
комплексе вместе с датирующим материалом конца X - начала УШ в. до
н.э. найден колоколовидный сосуд с полным профилем. Раскопки автора.
Материал хранится в кабинете археологии КГУ.

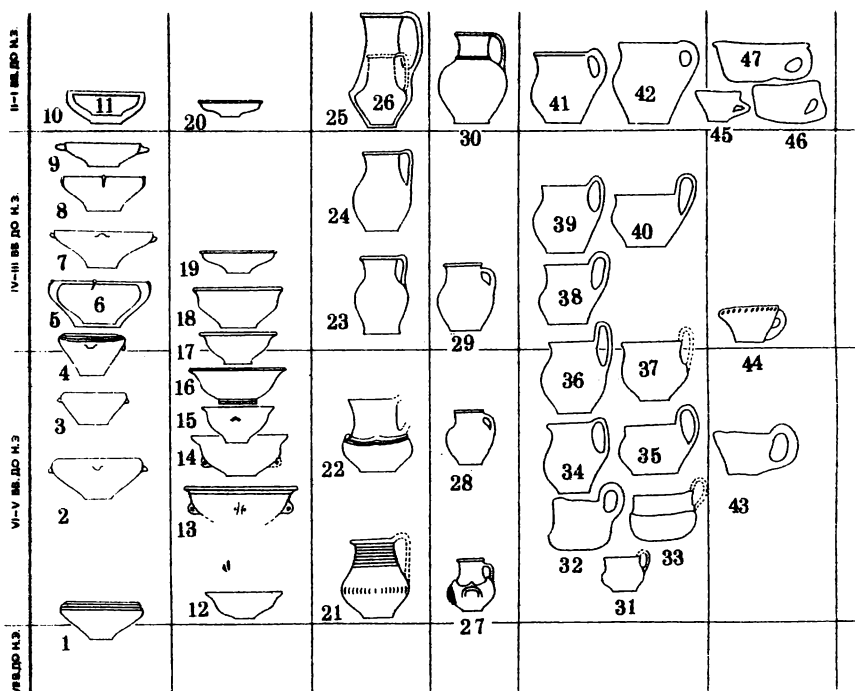
экземплярами из Пыржолтен [122, с.20, рис.5(3)], Данчен [122, с.89, рис.28], Пойяны [251, с.72, рис.22(5)], Слободзеи [231, с.84, рис.2(4), 3(3)], Чернаводе [215, рис.6], Черники [319, с.276, рис.1(1)], Равны [251, с.71, рис.21(1)], Тигвень [410, рис.13(13)], Клуз Мэнэштур [251, табл.ХVІІ(2)]. В ІУ–ІІІ вв. до н.э. колоковидные горшки встречаются почти на всех известных памятниках (рис.2. 29–34).

В VІ в. до н.э. появляются горшки с едва намеченным горлом и покатыми плечиками. У некоторых сосудов переход от тулова к горлу более резкий (рис.2. 35). Тулово округлобкое с ручками-упорами в его нижней части. Встречаются горшки, украшенные налепным валиком с вдавлениями на месте соединения горла с туловом (рис.2. 37). Экземпляры этого типа горшков выявлены в Слободзее [231, с.82, рис.3(4)] Тариверде [349, с.91, рис.16], Истрии [251, с.76, рис.26(7)] и др. Горшки этого типа широко встречаются на гетских памятниках ІУ–ІІІ вв. до н.э.

К началу V в. до н.э. появляется своеобразная форма сосудов, представляющая горшки больших и средних размеров без выделенного горла и с сужающимся кверху устьем. Тулово округлобкое, с наибольшим диаметром в средней или верхней части высоты. Посередине тулова, а иногда несколько ниже середины расположено четыре ручки-упора; верхняя часть сосуда ниже венчика украшена цилиндрическими, прямоугольными или сегментовидными налепами. Целые экземпляры выявлены на могильниках Данчени [122, с.91, рис.3(3)], Суворово [122, с.114, рис.40(6)] (рис.2.42–43).

В последующее время они становятся одной из характерных форм гетской посуды и широко встречаются на памятниках ІУ–I вв. до н.э. (рис.2.44–48).

Наиболее многочисленным и полнее всего представленным в материалах могильников и поселений видом посуды являются миски. Как правило, их поверхность тщательно залощена, черного или серого цвета. Выделяются миски больших и средних размеров (диаметр устья от 20 до 35 см) [122, с.93] в виде перевернутого конуса с загнутым внутрь бортиком и узким дном (рис. 3.1–4). В VІ–V вв. до н.э. у мисок этого типа форма короткого, загнутого внутрь венчика, характерного для подобных же мисок предшествующего периода, изменяется на наклоненный внутрь верхним краем. По диаметру бортика или на корпусе миски расположены ручки-упоры, иногда с отверстиями, как на экземплярах из Куртень [297, табл.ХІV(9); ХVІ(3)], Слободзеи [231, с.84, рис.2(5,8)]. Выделяются миски, известные по материалам из могильников Данчени [122, с.91, рис.30(4,5)], Балта Верде [214, с. 328, рис.58(5)], Гогошу [214, с.427, рис.150(1,2)] и др., бортик которых с наружной стороны украшен рядами горизонтальных каннелюр – орнамент, характерный для аналогичных мисок культуры фракийского гальштата. Иногда встречаются миски с косыми насечками, нанесенными по

Р и с. 3. Таблица эволюции и соотношения основных керамических форм в VI-I вв. до н.э. (продолжение)

скругленному ребру, образованному на месте соединения корпуса с наклоненным внутрь верхним краем, как на экземплярах из Куртень [297, табл.XV(5)], а на других, в частности на мисках из Фериджиле [406, с.240, рис.3(1)], Тигвень [410, рис.3(2)], Равны [396, с.106, табл.XIII(7)], косыми насечками украшен только верхний край венчика.

В последующее время миски этого типа продолжают распространяться на гетских памятниках вплоть до конца нашей эры (рис. 3.5-II).

Другой тип открытой посуды, часто встречающийся в VI-V вв. до н.э. на северофракийских поселениях и могильниках, — миски конических пропорций с ребристым бочком в верхней трети корпуса и широким отогнутым наружу прямым венчиком. Поверхность обычно покрывалась черным или светло-желтым лощением. Миски могли быть иногда орнаментированы геометрическим узором по внутренней стороне венчика, как у экземпляра из Пыржолтен [122, с.20, рис.5(2)] или без украшений, как у обнаруженных на могильниках Тигвень [410, с.103, рис.13(7)], Фериджиле [408, табл.П, 19], Клуж Мэнэштур [251, табл.XIX, 10] и др. Корпус некоторых мисок, в частности из Ханска ла Маткэ [150, с.87,

рис.8(3)], Речи [232, 74, рис.1(2)], Бырсеть [325, с.211, рис.2], снабжены одним орнаментальным упором, или небольшими вертикально посаженными ручками (рис.3.13-14). Наряду с лепными в конце VI-V в. до н.э. распространяются, как уже указывалось выше, гончарные миски этого типа. Их форма, безусловно, ведет свое начало от мисок предыдущего этапа с реберчатым бочком и отогнутым краем [122, с.82-83, рис.25(7)] и продолжает бытовать в ассортименте гетской посуды на протяжении VI-I вв. до н.э. (рис.3.15-20).

В рассматриваемое время встречается и другой вид посуды - одноручные кувшины со сравнительно высоким цилиндрическим горлом и приземистым туловом. Ручка едва возвышается над венчиком и доходит до середины корпуса - места его наибольшего расширения. Тулово в этом месте украшено рядом коротких, но широких вертикальных каннелюр. Горло от венчика до середины орнаментировано горизонтальными каннелюрами. Целые экземпляры найдены в Селиште [122, с.82-83, рис.25(7)], Фолтешть [344, с.506, рис.4], их фрагменты встречаются значительно чаще. Кувшины этого типа довольно часто обнаруживаются на памятниках IV-I вв. до н.э., но для них уже не характерен орнамент из каннелюр (рис.3.21-26).

В VI-V вв. до н.э. появляются одноручные кувшины с цилиндрическим горлом и выпуклым туловом. Ручка расположена на уровне венчика или чаще всего ниже него и соединяет горло с плечиком корпуса. Кувшины широко представлены на могильниках Данчены [122, с.91, рис.30(2)], Тигвень [410, с.99, рис.9(10)] и др. Кувшины этого типа часто встречаются на гетских памятниках IV-III и II-I вв. до н.э. (рис.3.27-30).

На памятниках VI-V вв. до н.э. довольно широко распространены кружки с низким, расширяющимся к устью горлом и биконическим туловом. Возвышающаяся над венчиком ручка соединяет его с корпусом в месте его наибольшего диаметра (рис.3.32, 34, 36). Кружки такой формы известны с VI в. до н.э. Целые экземпляры найдены в Данченах [122, с.19, рис.4(1)], Куртень [297, табл.XIII(2)], Бырсеть [326, с.357, рис.2], Слободзее [231, с.85, рис.5(1,2)], Чернаводэ [215, рис.12(1)], Корбу де Жос [301, с.101, рис.7(1)], Тигвень [410, с.104, рис.14(14)], Телешть [214, с.478, рис.190(1)], Гогошу [214, с.416, рис.139(4)], Чернике [319, с.278, рис.2(1)], Тейюш [251, табл.IX, 3] и др.

В IV-I вв. до н.э. они получают еще большее распространение в гетской культуре (рис.3.38, 39, 41).

Одновременно появляются кружки с широким устьем и приземистым выпуклобоким туловом. Ручка петлеобразной формы возвышается над венчиком. Как правило, диаметр устья одинаков или превышает высоту

кружки. Эти сосуды найдены в Ханска ла Матке [150, с.88, рис.10(2)], Куртень [297, табл.ХШ(1)], Фериджиле [251, с.42, рис.8(1)], Тигвень [410, с.100, рис.10(6)], Александрии, Равне, Добрине [204, с.131, рис.15(3-6)], Телешть [214, с.478, с.190(3)] и др. Как и кружки первого типа, они распространяются на гетских памятниках до рубежа нашей эры (рис. 3.40, 42).

Оба типа кружек, по всей вероятности, происходят от кружек с прямым горлом и возвышающейся над венчиком ручкой, известных по материалам с памятников шолданештско-бассарабьского этапа фракийского гальштата (рис. 3.31). Эти формы легли в основу генетических рядов близких по типу кружек, распространенных на протяжении второй половины I-го тысячелетия до н.э.

К этому времени выходят в обиход небольшие своеобразные одно-ручные сосудики, получившие название дакийских чаш^{*}. Согласно мнению некоторых исследователей, они известны на территории рассматриваемого региона еще с конца эпохи бронзы [251, с.43-47], однако окончательную форму приобретают только в конце VI-V вв. до н.э. Дакийские чаши обнаружены в Бырсесть [327, с.233, рис.2(1)], Фериджиле [251, с.45, рис.5(5)], Тигвень [410, с.96-99, рис.9(14)]. Обнаруженный в Александрии экземпляр изготовлен на гончарном круге [356, с.256, рис.5(5)]. Наибольшее распространение дакийские чаши получили в конце I-го тысячелетия до н.э. и начале I в. н.э. (рис.3.43-47).

Анализ наиболее распространенных на северофракийских памятниках VI-V вв. до н.э. керамических форм лепной посуды показывает, что большинство из них происходят от аналогичных или близких к ним форм фракийского гальштата.

Следует отметить, что, с одной стороны, типы сосудов, которые легли в основу гетской керамики IV-III вв. до н.э., окончательно сформировались в VI-V вв. до н.э. Одни из них, например горшки с низким прямым горлом, покатыми плечиками и наибольшим расширением тулова в средней части (рис. 2.1-6); горшки с едва намеченным горлом и округлобоким туловом (рис.2.35-36); миски с ребристым корпусом и отогнутым наружу венчиком (рис.3.12-14); одноручные кувшины с цилиндрическим горлом и едва возвышающейся над венчиком ручкой (рис.3.21, 22); кружки обеих типов (рис. 3.31-33) и др., получили окончательную форму, которая широко распространяется в гетской культуре IV-III вв. до н.э., в VI в. до н.э. Для других типов, в частности для горшков с расширяющимся к устью горлом и биконическим туловом, наи-

^{*} Сосуды получили такое название, видимо, потому, что наибольшее количество подобных чаш найдено на памятниках древней Дакии.

ослывший диаметр последнего находится в его нижней части (рис. 2.12, 15, 17); горшков с высоким горлом, покатыми плечиками и приземистым выпуклобоким туловом (рис. 2.13, 14, 16, 18); мисок с наклоненной внутрь верхней частью (рис. 3.2-4) и другой посуды, процесс эволюции форм продолжается и в VI-V вв. до н.э. Некоторые же типы сосудов, подобные горшкам без выделенного горла и с сужающимся кверху устьем (рис. 2.42) и одноручным дакийским чашам (рис. 3.43), появляются только в V в. до н.э.

С другой стороны, изучение керамики позволяет установить и некоторые закономерности в ее развитии. К VI-V вв. до н.э. сосуды приобретают более или менее вытянутые пропорции по отношению к посуде фракийского гальштата. На смену исчезнувшим каннелюрам и резному орнаменту приходит декор из пальцевых вдавлений, сохраняются ручки-упоры, налепные валики с пальцевыми вдавлениями и пр. Отмечено, что почти для всех типов горшков и мисок характерно наличие полукруглых в плане ручек-упоров. Однако, если в VI-V вв. до н.э. ручки-упоры, как правило, располагались в нижней части тулова сосуда и наклонены вниз, то в IV-III вв. до н.э. они чаще всего находятся посередине и в горизонтальном положении. У мисок к концу V - началу IV в. до н.э. упоры полностью исчезают. На их месте чаще всего появляются горизонтальные простые или фигурные ручки.

Таким образом, в VI-V вв. до н.э. в основном завершается не только процесс эволюции основных форм керамики, но и системы орнаментировки, равно как и другие детали функционального значения: форма и место расположения ручек и др.

Наряду с лепной посудой на северофракийских памятниках VI-V вв. до н.э. была обнаружена и гончарная.

Вопрос о появлении северофракийской гончарной керамики очень сложный, и хотя он нашел отражение в ряде исследований, все же до сих пор остается дискуссионным.

На памятниках VI-V вв. до н.э. довольно часто встречается серо-розовая, серо-магвая и красновато-желтая гончарная керамика.

В специальной литературе в отношении производства этой группы керамики четко определились два мнения: одни считают ее привозной [139, с.109-110; 244, с.43-49; 251, с.96-98], другие предполагают ее местное изготовление [176, с.244-245; 204, с.113-117; 357, с.571-578].

Приверженцы первого направления утверждают, что вся гончарная керамика серого и красновато-желтого цвета привезена из южной Фракии. Ее появление в столь большом количестве в Александрии, где гончарная керамика преобладает над лепной [356, с.258-260], может быть связано с нашедшим отражение в античных письменных источниках

продвижением "одрисов к северу от Гема вплоть до Дуная" при Тересе или в эпоху Ситалка [139, с.110].

Не оспаривая правомерности подобного вывода, все же надлежит отметить, что аналогичная гончарная керамика и в таком же соотношении, что и в Александрии, выявлена на поселении Бэлэнешть, расположенном на реке Олт [353, с.57-66] в Юго-Западном Прикарпатье, на значительном расстоянии не только от границ Одрисского царства [97, с.28, карт.1], но и вообще от радиуса действия одрисов в период военных походов.

Если согласиться с мнением о привозном характере этой категории гончарной керамики, то следует признать, что импортная посуда имела более широкий спрос и применение у северных фракийцев этих областей, нежели местная лепная - случай уникальный и маловероятный [357, с.574]. Однако распространение серой и красновато-желтой керамики не ограничивается низовьем Дуная или Дунайско-Балканскими землями. Целые или фрагменты гончарной посуды известны в Бырсесть [327, с.232, рис.1(2)], Слободзее [231, с.83, рис.5(1)], Куртень [297, с.204-216, табл.XXI-XXVIII], Ханске [150, с.87-88], Данчехах и Пыржолтенах [122, с.95]. Значительный процент сероглиняной крутовой керамики обнаружен также в Долиниях [176, с.245], Непоротово и на других памятниках, расположенных во всех областях Днестровско-Балканского региона, за исключением Карпатской дуги, где гончарная посуда для этого периода пока не известна [251, с.90-98, 136-138]. Из 98 памятников, выявленных на территории между Днестром и Балканами, Карпатами и Черным морем, на 32 найдена негреческая гончарная керамика.

Правда, на памятниках Днестровско-Карпатских земель гончарная керамика встречается несколько меньше, нежели в Александрии, Бэлэнешть, Чернике и пр. Но ведь это характерно и для большинства памятников Балкано-Дунайских районов, откуда предполагается ее проникновение на север. Например, на могильнике Добрина из 73 обнаруженных сосудов, только 4 круговых - местного производства. Соотношение лепной и гончарной посуды здесь примерно такое же, как и на поселениях Ханска ла Матке, тогда как на памятниках Среднего Поднестровья кружальной керамики значительно больше [175, с.24-25; 176, с.245]. Преобладает лепная посуда и на другом могильнике Северной Болгарии - Равна. А ведь оба эти памятника находятся в пределах Одрисского царства [85, с.297], откуда, как полагают, прибывала гончарная керамика. Это положение объясняется, видимо, тем, что во Фракии гончарный круг появляется не ранее конца VI в. до н.э. [191, с.24; 239, с.42].

Следовательно, предположение, что в конце VI-V вв. до н.э., в

период освоения гончарного круга, южнофракийские мастера были в состоянии наладить мощное производство разнообразной керамической посуды, способное удовлетворить не только внутренние запросы, но и потребности обширного внешнего рынка, каковыми были Днестровско-Балканские земли, вряд ли будет правомерно.

И.Х.Кришаном была выдвинута гипотеза, согласно которой вся гончарная керамика, выявленная на северофракийских памятниках – это греческий импорт из западнопонтийских или южных греческих городов. Но поскольку ни в северо-западных, ни в западных полисах красновато-желтая керамика не обнаружена, то автор предполагает, что она была завезена с Лесбоса, где она производилась вплоть до конца VII в. до н.э. [251, с.97–98].

Вполне возможно, только представляется маловероятным, чтобы на протяжении длительного времени основные торговые операции северных фракийцев осуществлялись только Лесбосом, тогда как на территории Днестровско-Балканского региона и вблизи него процветали многочисленные греческие полисы. Тем более, что в период распространения у северных фракийцев красновато-желтой керамики на Лесбосе, как указывает И.Х.Кришан, она больше не производилась.

Из вышеизложенного с достаточной определенностью явствует, что серая и красновато-желтая гончарная керамика не могла быть привезена ни из южной Фракии, ни из припонтийских городов, где последняя категория не обнаружена даже во фрагментах. В таком случае, видимо, следует согласиться с мнением К.Преда, поддержанным П.Александреску и Г.И.Смирновой, о местном производстве этой категории керамики, что в какой-то мере подтверждается типами и формами гончарной посуды.

Анализ гончарной керамики с северофракийских памятников позволяет установить, что если первоначально местные племена восприняли у греков гончарный круг, технику выделки и некоторые формы посуды [204, с.135–137], то в последующее время основные категории гончарных сосудов изготавливались по местным лепным позднегалльским образцам [357, с.575].

Так, среди гончарной керамики встречаются горшки серого цвета, изготовленные из глиняной пасты без видимых примесей. Они имеют округлое тулово, украшенное по линии наибольшего диаметра ручками-упорами, и высокое горло. Целый экземпляр такого типа горшков обнаружен в Зорице близ Адамкисли [301, с.106–109, рис.6]. Аналогичные горшки широко известны среди лепной керамики VI–V вв. до н.э., более близок к ним экземпляр из Петрошань [294, с.258–259, рис.1(3)].

На поселениях и могильниках Куртень [297, с.205; табл.XXV], Черника [319, с.278, рис.2(5)], Данчени [122, с.91, рис.30(7)],

Пыржолтены [122, с.19, рис.4(12)], Бырсешть [327, с.234, рис. I(1)], Саринасуф [204, с.128, рис.13(4)] встречаются гончарные миски серого или красновато-желтого цвета, покрытые лощением или ангобом с отогнутым наружу верхним краем. Изготовлены они по аналогичным лепным мискам, широко известным на памятниках VI-V вв. до н.э., в том числе на тех же могильниках Пыржолтены [122, с.20, рис. 5(2)], Бырсешть [327, с.232, рис.1(2)], а также в Ханске [150, рис. 8(3)], Рече [232, с.74, рис.1(2)], Фериджале [408, табл. П(13-14)], Тигвень [410, рис.13(7)] и др.

Наряду с открытыми мисками на поселениях, в частности в Александрии [356, с.254, рис.4(5,6)], Ханске были найдены гончарные миски, снабженные двумя горизонтальными ручками, с наклоненным внутрь верхним краем. По форме они очень близки к характерным для северофракийской керамики лепным мискам с коническим туловом и загнутым внутрь бортиком [122, с.93].

Другой тип гончарной керамики представлен кружками бисусеченно-конической формы, с возвышающейся над венчиком круглой в сечении ручкой, обнаруженными в Чернике [319, с.278, рис.2(1)], Бутуче-нах* и др. На поселении Александрия найдена часть так называемой дакийской чаши серого цвета, выполненной на гончарном круге.

Анализ гончарной керамики противоречит укоренившемуся утверждению, высказанному еще в середине 20-х гг., согласно которому гончарный круг у северных фракийцев появился не ранее III в. до н.э. и был привнесен кельтами [251, с.96-98; 338, с.562-606, 713-716]. Исследования показывают, что среди гончарной посуды, выявленной на территории между Днестром и Балканами, Карпатами и Черным морем, ни в VI-V, ни в последующие IV-III вв. до н.э. кельтских форм и их подражаний не обнаружено [146, с.16]. Следовательно, нет никаких данных, указывающих на влияние кельтов на развитие гончарства у северных фракийцев. Видимо, следует согласиться с мнением, что гончарный круг появился у северофракийских племен во второй половине или в конце VI в. до н.э. [217, с.573; 323, с.92-93; 357, с.573], а в это время он мог быть воспринят только у греков.

То обстоятельство, что в VI-IV вв. до н.э. изготовление гончарной керамики не достигло уровня массового производства, объясняется, возможно, тем, что процесс выделения ремесла растянулся на весь этот период и лишь в конце IV-III в. до н.э. можно говорить о сложившихся ремеслах в отдельных отраслях. Вероятно, первоначально гончарная керамика изготавливалась для узкого круга потребителей, тем самым не достигнув широкого уровня производства.

* Раскопки автора. Материалы хранятся в фондах музейного комплекса "Старый Орхей".

Из анализа основных керамических форм VI—V вв. до н.э. (рис. 2; 3) вытекает, что в этот период на территории от Днестра и до Балкан сложился единый облик керамических изделий, который продолжает бытовать у местных племен вплоть до рубежа нашей эры.

Процессы, связанные с установлением общей топографии и планировки поселений, сходства керамических изделий и других предметов привели к созданию у северных фракийцев, заселявших земли между Днестром и Балканами, Карпатами и Черным морем, единообразной материальной культуры. Складывается также общность погребального обряда, искусства, религиозных верований и языка. Особый интерес представляет погребальный обряд.

Археологическими изысканиями открыто и исследовано значительное число могильников и отдельных погребений VI—V вв. до н.э. В литературе они получили достаточное освещение в монографии А.И. Мелюковой [139, с. 82—120]. В данной работе предпринята попытка на основе анализа погребального обряда, выявить общие черты и особенности, существующие между могильниками различных областей обширного северофракийского мира.

Расположение могильников в VI—V вв. до н.э. весьма разнообразно, хотя в целом сохраняется топография, характерная для культуры фракийского галытата [122, с. 50]. Известны могильники, размещенные на возвышающихся над долинами мысах (Селиште), чаще на плато или склонах холмов (Данчени, Пыржолтены, Суручени, Добрина), террасах (Тигвень) и пр. Из 32 исследованных могильников и отдельных погребений 17 курганных, что составляет около 53%. Следует отметить, что аналогичное положение наблюдается и в IV—III вв. до н.э. Правда, доля курганных захоронений в этот период несколько уменьшается и доходит до 35%.

Курганная насыпь на северофракийских могильниках, как правило, земляная, однако часто при ее сооружении применялся и камень. Из кусков необработанного песчаника, а чаще всего речной гальки, над погребением воздвигался небольшой холмик, накрывающий его словно панцирь, сверху добавлялась земля. Этот способ применялся довольно широко и встречается на могильниках, расположенных в различных областях рассматриваемого региона: Бырсешть, Валоват — Днестровско-Карпатские земли; Фериджиле, Тигвень, Балта Верде — Карпато-Дунайский бассейн; Равна — Дунайско-Балканский район. Каменный панцирь при сооружении курганной насыпи применялся и в более позднее время, в частности он хорошо известен на гетском могильнике IV в. до н.э. близ с. Енисала [372, с. 64—74, 126—127, рис. I—4, табл. III].

Форма могильных ям разная и варьирует от простых цилиндрических ям диаметром 30—50 см при глубине 40—50 см до сложных погребаль-

ных сооружений с деревянным обмазанным глиной перекрытием. Подобные могильные камеры различных размеров (400х25х70 см; 320х200х190 см; 300х180х130 см) выявлены на могильниках Селиште [120, с. 101-106], Пыржолтены [122, с. 55], Данчени [122, с. 57] и др.

На могильниках Балта Верде [214, с. 382-384, рис. 123], Фериджиле [408, с. 15-37], Тигвень [410, с. 78, рис. 3(1)], Бырсешт [327, с. 231], Добрина [143, с. 33-51] захоронения обкладывались кусками необработанного камня, на других, в частности в Крегулево [72, с. 119-124], Равне [142, с. 97-135] и др., - погребения совершались в каменных ящиках (цистах). Цистовые захоронения известны и раньше [134, с. 71; 122, с. 44], а также встречаются в последующее время на гетских могильниках IY-III вв. до н.э. [147, с. 36, табл. 2].

В погребальном обряде практиковался биритуализм с преобладанием трупосожжения.

Ритуал захоронения с трупосожжением не представлял собой сложности. Кремация усопших совершалась в основном в специально отведенных для этой цели местах. Это могли быть большие ямы, как в предшествующее время [134, с. 64], или купольные печи, как в IY-III вв. до н.э. [147, с. 33].

Тризна и ритуалы, связанные с обычаями захоронения, судя по всему, совершались на месте сожжения усопших. Об этом свидетельствуют некоторые металлические находки, побывавшие в ритуальном огне, равно как и многочисленные фрагменты керамики со следами вторичного обжига [408, с. 23]. В ритуальный огонь попадали предметы туалета, украшения с одежды усопшего, а также фрагменты посуды, которая специально разбивалась во время тризны.

Остатки кремации - кальцинированные кости - клали кучкой на дно могильной ямы или в урну, вокруг ставили сосуды с жертвенной пищей, оружие, детали конской сбруи и другой инвентарь.

Среди трупосожжений различаются два типа погребений: урновые и безурновые. Соотношение этих двух типов захоронений на могильниках довольно разнообразно. В специальной литературе была высказана мысль, согласно которой, чем северофракийские могильники хронологически ближе к гетским IY-III вв. до н.э., тем больше на них урновых погребений [122, с. 55], что и объединяет их с последними.

Между тем конкретные археологические материалы не согласуются с этим предположением. Так, на могильнике Селиште, относящемся к VI в. до н.э. [163, с. 121], урновых захоронений всего 14, безурновых же - 24. На курганном могильнике Равна, датируемом большинством исследователей VI-Y вв. до н.э. [139, с. 118], из 42 вскрытых погребений с трупосожжением 25 урновых, тогда как на могильнике конца V - начала IV в. до н.э. из Данчен [122, с. 23] среди 27 кремаций урно-

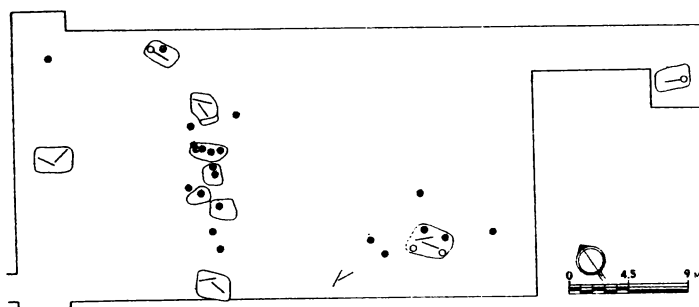

Рис. 4. План могильника V в. до н.э. у с. Данчены (по В.Л.Лапушину)

вых погребений только 5, остальные 22 – безурновые (рис.4). Аналогичное положение наблюдается на одновременном могильнике из Гогошу, где из 17 сожжений урновых только 5. В Креуглево – поровну: 9 урновых и 9 безурновых, а в Добрине среди 23 кремированных захоронений 20 урновых.

Приведенные материалы с достаточной очевидностью показывают, что в данном случае эволюция могильного ритуала не может быть поставлена в непосредственную зависимость от хронологии могильников.

Среди захоронений, как урновых, так и безурновых, выделяется тип, для которого характерно покрытие кучи кальцинированных костей или урны с сожженными костями крышкой. В качестве крышек чаще всего применялись сосуды, реже плоские камни или фрагменты керамики.

На могильниках VI–V вв. до н.э. встречается обряд очищения огнем погребальных камер – ритуал, характерный как для племен фракийского галыштата, так и гетов IV–III вв. до н.э.

К числу особенностей погребального ритуала северных фракийцев в конце VI–V в. до н.э. следует отнести наличие совместных захоронений и более широкое распространение погребений с трупоположением.

На 16 из 32 исследованных могильников выявлены погребения с трупоположением. Захоронения с ингумацией бывают вытянутые и скорченные, ориентированные главным образом на западо-восток или северо-запад – юго-восток. Встречаются могильники, как Балта Верде, Чипэу, Кристешть и др., где распространен только обряд ингумации. На других же, в частности в Фериджике, Тигвень, Равне, Бърсешть, Слободзие, известны одни только трупосожжения. На таких могильниках, как Гогошу, Данчены, Члумбурд, Креуглево, Черна и других, практиковались оба ритуала. Так, на могильнике Гогошу в 55 курганах раскопано 71 погребение. Из 60 поддающихся определению захоронений 43 трупоположения. На грунтовом могильнике Данчены из 42 вскрытых погребений

27 трупосожжений и 15 ингумаций. В Баице выявлены 7 сожжений и 5 трупоположений. На остальных биритуальных могильниках преобладает обряд кремации. Территориально эти могильники представляют все области рассматриваемого региона. Это положение сохраняется и в последующее время в IV—III вв. до н.э. [147, с.39—40, табл. I].

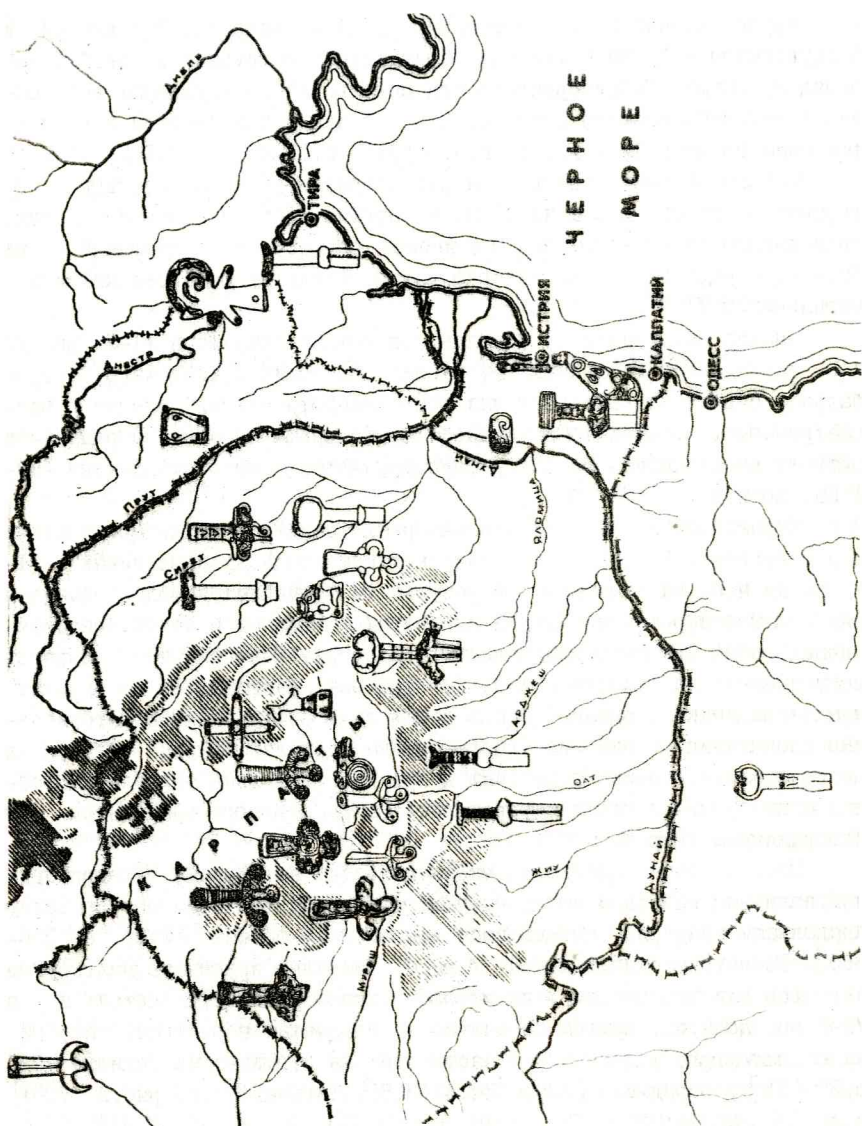
Могильный инвентарь весьма разнообразен. Наличие сосудов с жертвенной пищей, в том числе мяса, оружия, детали конской сбруи, представляющих боевого коня в воинских погребениях, украшений из бронзы, стекла и пр., характерно для большинства северофракийских могильников VI—V вв. до н.э.

Анализ материалов из могильников показывает, что в VI—V вв. до н.э. наблюдается тенденция к установлению общих признаков в погребальном обряде, характерных для всех северофракийских племен рассматриваемого региона. Сложившиеся в это время основные обряды и ритуалы впоследствии широко распространяются у гетских племен IV—I вв. до н.э.

Стремление к единообразию северных фракийцев стало проявляться и в искусстве. В ходе археологических изысканий на памятниках VI—V вв. до н.э., а чаще всего в результате случайных находок, выявлен ряд орнаментированных изделий из цветных металлов и кости, представляющих собой предметы прикладного искусства. Известно, что творчество у древних народов, как и во все времена, развивалось по различным направлениям, однако до нас дошли лишь отдельные его материальные проявления в виде парадного оружия, деталей конской сбруи, предметов туалета, изделий торевтики и пр. Изготавливались они главным образом из бронзы и кости и украшались геометрическим орнаментом или изображением зверей.

Мотивы геометрического декора известны на данной территории по различным изделиям предшествующего периода, которые по существу продолжали традиции, сложившиеся еще в эпоху бронзы [272, с. 336—365]. Геометрический орнамент в виде спирали, кружочков, полукрутов, зигзагов или комбинации этих мотивов широко распространяется и в VI—V вв. до н.э., притом не только на предметах торевтики, но и на керамических изделиях, в частности на кувшинах из Селиште [122, с.25 (5)], Фериджиле [409, рис.4 (3,5)], Тигвень [410, рис.9 (10)] и др.

Вместе с тем уже во фракийском гальштате появляются изделия, декор которых представляет сочетание геометрического орнамента в виде меандр, рельефных линий и полос с зооморфными изображениями, представляющими протома быка, коня или барана, как на золотых браслетах из Тыргу Муреш, Вад и Аполдул де Сус [282, с.337, 351, с.217—224]. Начиная с VI в. до н.э. зооморфные изображения получали более широ-

Карта 2. Ареал предметов искусства

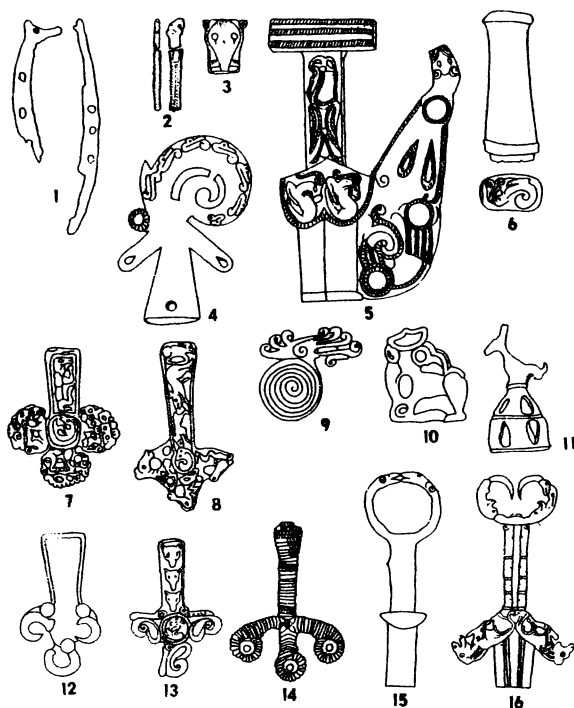

Рис. 5. Предметы искусства VI-V вв. до н.э.

кое распространение. Это привело к тому, что изделия торевтики, выполненные в зверином стиле, стали преобладать в прикладном искусстве северных фракийцев.

В настоящее время на территории рассматриваемого региона известны 22 местонахождения предметов прикладного искусства, которые большинство исследователей относят ко второй половине VI – середине V в. до н.э. Некоторые из них обнаружены на поселениях, в частности Куртень [297, с.231], Тариверди [349, с.101, рис. 21 (1)], другие – на могильниках Пыржолтены [122, с.18, рис.9 (11-14)], Истрия [349, с.101, рис.212], Тейюш, Баица [404, с.110-124, табл. 12 (1-3); 14 (3); 21-27], третьи известны по случайным находкам (карт. 2).

Трехдырчатые костяные псалии, один конец которых завершается стилизованной головой коня, известны по находкам на поселениях Тариверде, Истрия, [349, с.101, рис. 21 (1-2)], Куртень [297, с. 277-229, табл. XXXIV, 1; XXXV, 1]. Из всех трех псалий экземпляр из

Истрии, несмотря на его фрагментность, выполнен значительно реалистичнее, нежели остальные (рис. 5.1). Морда, хотя и несколько удлиненная, по очертаниям полностью соответствует лошадиной. Глаз передан посредством углубленного кружочка, уши отмечены нарезными линиями. Металлические псалии с верхними концами в виде протом коня выявлены на курганном могильнике Фериджиле [408, табл. XVI, 3].

Ручка зеркала из истрийского некрополя сделана из костяного стержня, который завершается головой хищной птицы с загнутым клювом (рис. 5.2). Глаз птицы передан также при помощи нарезного кружочка. А.И. Мелюкова, касаясь вопроса об истоках фракийского звериного стиля, отмечает широкое распространение у фракийцев, в частности в навершиях мечей, изображений в виде клювов грифонов или когтей хищных птиц [138, с. 108, рис. I (3,4-II)].

Весьма интересны костяные изделия – видимо, украшения конской узда, из погребений пыржолтенского могильника [122, с. 118–119, рис. 3 (12–15)]. Из них лучше всего сохранились фрагменты двух четырехугольных обойм, на каждой из которых изображена голова медведя в фас, лежащая на передних лапах (рис. 5.3) и нижняя часть клыка, украшенная полосой из циркульных кружков, воспроизводящая открытый клюв грифона [122, с. 119, рис. 3 (12)].

Изображение медведя или отдельных частей его тела встречается издревле. Он был хорошо знаком северофракийским племенам. Фигурки медведя, а чаще его лапы, сделанные из глины, известны на памятниках рассматриваемого региона по находкам в Козии [307, с. 210, рис. 4а, в], Ханска ла Матка [150, с. 72–74, рис. I (2)] еще с периода фракийского гальштата. Поэтому его появление в декоре конской узды VI–У вв. до н.э. представляется вполне понятным.

Среди изделий искусства чаще всего встречается оружие, в частности мечи. Известны мечи, навершия, рукоятки или крестовины которых покрыты разнообразным орнаментом. По стилю и мотивам декора они могут быть разделены на две категории: с навершием, реже крестовиной, выполненные в зверином стиле, и украшенные геометрическим орнаментом.

В первой категории изделий особо выделяются votивный меч-эмблема, найденный у с. Меджидия в Добруджи [70, с. 171–173; 220, с. 29–31].

Меч-эмблема (рис. 5.5) из Меджидии по форме представляет собой скифский акинак, который был стлит из бронзы вместе с ножнами. Обработана была только одна сторона. Вторая же – шероховатая, имеет два штыря для крепления. Длина меча 46,7 см. Рукоять имеет брусковидное навершие длиной 7,6 см, шириной 2 см, толщиной 1,4 см. Навершие покрыто выгравированным после отливки орнаментом в виде трех параллельных, густо заштрихованных полос. На рукояти, длина которой

8,6 см при ширине 2,5 см и толщине 1 см, изображен орел, держащий в клюве змею. Клюв, как и на костяной ручке зеркала, сильно изогнут. Глаз орла имеет миндалевидную форму. Перья переданы схематично в виде углублений. Бабочковидное перекрестье украшено двумя рельефными фигурами животных, представляющих диких козлов, головы которых повернуты к спине. В правой верхней части ножен находится лопасть, по форме близкая к треугольной, покрытая схематичным орнаментом. В нижней ее части изображена голова и шея орла или грифона. Верхняя часть лопасти покрыта еще более схематичным орнаментом, сюжет которого почти не поддается расшифровке [70, с. 173].

Д. Берчу, изучавший меч-эмблему, считает, что его декор явно отличается от скифского звериного стиля, для которого особенно характерно изображение рога оленя [70, с. 172]. На вотивном мече из Меджидии сведены воедино фракийские, скифские, греческие и ирано-персидские элементы. В целом же этот звериный стиль восходит к переднеазиатскому искусству. Восточные мотивы декора, считает этот же автор, могли проникнуть во фракийское и в скифское искусство посредством ионийского влияния. Не исключено, что этот стиль декоративного искусства пришел к фракийцам через Малую Азию и Балканы, а может быть явился результатом непосредственного влияния персов во время их пребывания на Балканах [220, с. 31–32]. В противовес этому взгляду, А. И. Меликова, анализируя орнамент меджидийского кинжала, выдвинула другую версию, согласно которой в орнаментировке меча-эмблемы "нет ни одного мотива, не известного скифскому искусству" [138, с. 107–109, рис. 1 (2)].

С этим, очевидно, следует согласиться, как и с тем, что по форме акинак из Добруджи ближе к скифским, нежели к переднеазиатским мечам, для которых характерно наличие специального расширения трапециевидной формы со скрутленными углами для привязи при ношении, как на изображении мидийского воина с рельефа лестницы ападины в Персеполе [125, с. 75].

В зверином стиле выполнено и брусковидное навершие меча-акинака, найденного на северофракийском поселении близ с. Петрикань [233, с. 69–76, рис. 3, а, в, с]. Меч изготовлен из железа хорошего качества, однако клинок еще в древности был сломан. Длина сохранившейся части меча 26,3 см. Навершие имеет форму бруска, богато орнаментировано зооморфными мотивами, выполненными техникой гравировки. На правой половине бруска выгравирована стилизованная голова хищной птицы, по всей вероятности орла, с большим круглым глазом, который представляет собой углубление, обведенное двумя окружностями, сделанными надрезом. Загнутый вниз клюв значительно меньше, чем глаз. Коготь передан в виде спирали. Сверху углубленными надрезами обозначено стили-

зованное крыло. На левой половине схематически изображено фантастическое животное, видимо грифон [233, с. 72].

Случайно обнаруженный у с. Гэйчана Бакэуского уезда железный меч-акинак имеет антенное навершие, концы которого выполнены в виде стилизованных голов змеи [234, с. 245, рис. 5 (I)] (рис. 5.15).

К этой категории, видимо, следует отнести и меч из Доболий де Жос, датировку которого, как показал В. Васильев, следует удревить [404, с. 87]. Меч значительно длиннее, чем обычный акинак. Антенное навершие его сделано в виде огромного когтя хищной птицы — мотив, широко распространенный в более позднее время. Перекрестие выполнено в виде двух лежащих копытных хищников, возможно львов, с подогнутыми под себя ногами, повернутыми хвостами и под углом друг к другу (рис. 5.16). Фигуры этих животных, выполненные техникой чеканки и гравировки, переданы весьма реалистично. На четко обозначенных головах хищников рельефными кружочками выполнены глаза, ноздри на удлиненных мордочках и когти. Лапы и шеи окантованы рельефными полосами из параллельных рубчиков. Появившийся в VI-V вв. до н.э. этот способ передачи рисунка со временем станет характерной чертой фракийского искусства, совершенно не свойственной Скифии [126, с. 176].

Вторую категорию составляют мечи, покрытые геометрическим орнаментом. Среди них следует отметить экземпляр из погребения, обнаруженного между селами Паланка и Тудорово, который на основе новых материалов, открытых на могильниках Пыржолтены и Данчены, был отнесен к более раннему периоду [122, с. 116]. Дугообразное навершие этого меча украшено кружочками с углублениями в центре и гравированным орнаментом.

В курганных захоронениях из Куртя де Арджеш Дымбовицкого уезда обнаружены два меча, относящихся ко второй половине VI в. до н.э. [234, с. 243, 246, рис. 4 (3)]. Дугообразное навершие и рукоять одного из них покрыты богатым геометрическим орнаментом в виде заштрихованных треугольников, прямых горизонтальных линий, зигзагов, выполненных техникой гравировки. Брусковидное навершие одного из мечей курганного могильника Фериджиле украшено зигзагообразной линией, состоящей из углубленных точек. Таким же орнаментом отделаны края почкообразного перекрестия.

Распространение мечей-акинаков на территории Днестровско-Балканского региона некоторыми исследователями ставится в зависимость от их поступления непосредственно от скифов или из южнофракийских мастерских [122, с. 116-117]. Изучение художественного оформления наверший, а в некоторых случаях и перекрестий, позволяет установить, что, хотя подобные мечи встречаются у скифов, все же мелкие детали и особенно мотивы декора отдельных экземпляров отличают их от скифских и южнофракийских.

Среди других изделий прикладного искусства данного периода выделяются бронзовые навершия. Все они выполнены в зверином стиле. Особый интерес представляют экземпляры из Раскаец и Горнешть.

Бронзовое навершие из Раскаец сделано в виде головы грифона на конической втулке. Клов загнут почти в два витка. В основании его изображен глаз грифона в виде розетки, несколько выше — восковица. Широкая внешняя сторона клюва украшена выпуклыми стилизованными изображениями змей (рис. 5.4), которые переданы в излюбленной для восточного искусства манере, когда голова намного больше или соизмеряется с туловищем. Для более яркого выражения мощи змеи мастер обычно удлиннял ее пасть до формы утиного клюва. Это и привело некоторых исследователей к восприятию изображения на навершии из Раскаец как водоплавающих птиц [122, с. 110]. Между тем фигурки с навершия имеют свернутые туловища, которые образуют орнамент в виде латинской буквы "S". Хвост загнут в кружочек, но конец его не обозначен четко, тем самым художник пытался показать, что хвост намного длиннее, чем виден на изображении. Манера выполнения змеи явно заимствована мастером из переднеазиатского искусства, где она была широко распространена. Аналогичные изображения змеи известны на золотой фигурке орла на змее V—IV вв. до н.э. из Эрмитажа [125, с. 75].

Длинная втулка навершия в нижней части имела сквозное отверстие для более прочного крепления к деревянной части. По всей вероятности, навершие применялось для украшения дышла или центрального столба от балдахина. Для навершия из Раскаец характерен сильный схематизм и геометризация как общей его формы, так и орнамента. В остальном же его трудно отличить от скифских наверший VI—V вв. до н.э. И все же техника выполнения и характер декора дают все основания считать, что навершие было изготовлено в одной из фракийских мастерских [136, с. 111].

Бронзовое навершие, случайно обнаруженное у с. Горнешть во Внутриваршавской котловине, состоит из двух частей: нижней — конической формы с отверстиями и верхней — представляющей сидящую на вершине конуса лань (рис. 5.11). Изображение животного выполнено весьма стилизованно. Голова с длинными, поднятыми вверх ушами соединена с туловищем тонкой шейкой, грудь едва отмечена. Маленькое туловище и ноги слиты воедино. Короткий хвост поднят вверх. Изображения лани, как и оленя, были широко распространены в скифском прикладном искусстве, откуда и проникли на территорию рассматриваемого региона. Они характерны не только для наверший, встречаются и на ажурных бронзовых бляхах, среди которых выделяется экземпляр, обнаруженный на могильнике Сфинту Георге. Бляха представляет собой стилизованное изображение сидящего оленя с повернутой назад головой. Рога переданы схе-

матично посредством рельефных линий (рис. 5.10). Аналогичная бляха известна по находкам из кургана 489 у с.Плавиниши [100, с.232].

Из случайных находок известна бронзовая бляха в виде сильно стилизованной головы оленя с длинными и закрутленными на концах рогами (рис. 5.9).

Особый интерес представляют крестообразные бляхи, которые, по мнению многих исследователей, могли служить украшением горита или являлись декоративными деталями конской сбруи [139, с.93; 189, с.484]. Среди них выделяется экземпляр из Армэшоая Бырладского уезда. Бляха с тремя короткими и одним длинным концами изготовлена из бронзы. Высота 10 см, ширина у боковых коротких концов 6,8 см [343, с.3-II, рис. 1 а, в] (рис. 5.13). По форме концов, технике исполнения, да и мотивам декора, как указывают исследователи, она аналогична крестообразной бляхе из Ольвии [79, с.101]. Короткие концы представляют собой сильно стилизованные головы хищных птиц с большими клювами в виде волюты. Глаз птиц, размещенный у основания волюты, передан посредством рельефного кружочка. В центре бляхи имеется медальон, в котором рельефно изображен свернувшийся кошачий хищник с круглым глазом, открытой пастью и согнутыми лапами. Длинный хвост соединен с головой у затылка. На длинном конце бляхи изображены одна над другой три головы медведя в фас. Отчетливо переданы короткие уши и удлинённые мордочки. Глаза едва обозначены. Хотя в основе декора бляхи из Армэшоая лежат те же мотивы, однако они отличаются от ольвийской. Не столь совершенна и техника исполнения, что выдает ее местное изготовление.

Аналогичная крестообразная колчанная бляха, также напоминающая ольвийскую, найдена на бырсештском могильнике [144, с. II7-132; 229, с.235]. Короткие концы бляхи представляют собой сильно стилизованные головки хищных птиц, у которых схематично передан глаз и мощный загнутый клюв. В отличие от экземпляра из Армэшоая, у нее отсутствует круглый центральный медальон. На его месте изображен олень с повернутой назад головой. Этот же рисунок три раза нанесен на длинном ее конце, где он расположен один над другим, подобно головам медведей на армэшоайской бляхе.

Больше всего крестовидных блях найдено внутри Карпатских областей, где они в основном группируются на Муреше и его притоках [189, с.484-486; карт.]. Из трансильванских блях особо выделяются экземпляры, выполненные в зверином стиле, из могильника Тейюш и Целна. Крестовидная бляха из Тейюш (рис. 5.7) несколько отличается от ольвийской, хотя относится к этому же типу. По форме коротких концов она, скорее всего, аналогична бляхе от горита из кургана Опишлянка на р.Ворскле [79, с.101]. Короткие концы бляхи округлых форм. На каж-

дом из них изображена одна и та же сцена: кошачий хищник терзает голову животного [295, с.785-815, рис.12 (17)]. Сюжет расправы хищника над травоядным животным широко известен у скифов в это время по изображениям на аналогичных бляхах из Волковцов, Херсона [295, с.812] и кургана У в. до н.э. у с. Гусарка [100, с.105, рис.12]. На длинном конце в прямоугольном бордюре рельефно изображено животное с согнутыми ногами. В круглом центральном медальоне изображен свернувшийся хищник, возможно, пантера (рис.5.7). Близкой по форме и мотивам декора является бронзовая бляха, случайно обнаруженная в Целне [404, табл. 21(3)]. Известна крестовидная бляха, найденная у с. Салонта, короткие концы которой представляют собой протоны коня (рис. 5.8). Головы коней выполнены достаточно реалистично. Четко обозначены глаза, уши. Гривы переданы рельефными зигзагообразными линиями. На длинном конце изображена сцена охоты кошачьего хищника на травоядного животного, судя по длинным ушам и куцому хвосту, - заяц. Вверху представлен в лежащем положении с подогнутыми под себя ногами заяц с длинными ушами. Центральный медальон окантован не полностью, а сделан в виде полукруга, в котором рельефно изображено свернувшееся животное. Голова его выходит за пределы медальона (рис.5.8).

Наряду с экземплярами, выполненными в зверином стиле, встречаются крестообразные бляхи, короткие концы которых завершаются спиралью. Известны экземпляры, обнаруженные в Алба Юлия, Шейка Микэ [189, с.485-486; 404, с.77-78, табл.22 (4-5)], с гладкой поверхностью и бляхи, покрытые геометрическим орнаментом в виде горизонтальных рельефных полос, местами украшенные вертикальными линиями, как на экземпляре из Мэдэрэш (рис. 5.14), или гравированными кружочками с углублением в виде точки посередине, нанесенными у основания каждого из четырех концов возле центрального выпуклого круга и у завершения внешнего конца, наподобие бляхи из Комлоде [189, с.489, с.482-483, рис. 1(2)]. К.Хоредт, специально изучавший крестообразные бляхи рассматриваемого времени, показал широкое распространение этого вида бронзовых украшений: от северо-западной части Трансильванской равнины до Чехословакии [189, с.486, рис.2]. Появление геометрического орнамента на некоторых крестообразных бляхах, по мнению исследователя, указывает на те модификации, которым подверглись воспринятые из Северного Причерноморья колчанные украшения в процессе их изготовления местными мастерами [189, с.488].

К У в. до н.э. относится металлический штамп с воетивным изображением, обнаруженный на правом берегу Дуная в 2,5 км к северо-востоку от с.Пыржоя в Добрудже, на местности под названием Кале Георги [256, с.677-685, рис.2-4].

Штамп изготовлен из небольшого металлического стержня, близкого к цилиндрической форме. Нижняя часть стержня несколько при-

плюснута и имеет эллипсоидную в плане форму. Верхняя часть в результате постоянных ударов по ней молотком деформирована, ее края опущены вниз. Высота стержня - 4,7 см, диаметр - 1,2 см; диаметр нижней приплюснутой части - 1,2-1,8 см; верхней - 1,8 см.

На поверхности нижней части стержня рельефно изображен зооморфный мотив [256, с. 678-680, рис. 3, 4]. Рисунок передан достаточно четко и представляет собой голову хищной птицы [220, с. 149-150; 256, с. 678]. В изображении головы с клювом, повернутой вправо, наблюдается явное нарушение пропорций. На схематично переданной маленькой голове двумя рельефными кружочками обозначен глаз, а небольшой ямочкой овальной формы - ухо. Вся правая сторона изображения занята массивным клювом со скрученным, волотообразным концом. В верхней части клюва имеется небольшой аппендикс, который начинается от головы и завершается в том месте, где клюв начинает скручиваться. Видимо, он обозначает восковицу. Изображение оконтурено рельефным ободком диаметром 0,9-1,5 см (рис. 5.6).

Штамп сделан с таким расчетом, что в результате удара молотком по верхнему краю на внутренней стороне тонкого золотого или серебряного листка отпечатывался негатив изображения, а на внешней стороне - фигура, как она должна быть. Изображение на штампе, как справедливо было указано, находит наиболее близкие аналогии среди скифских изделий подобного рода. К приведенным аналогиям следует добавить и золотые бляшки рубежа V-VI вв. до н.э. из Каховского района Херсонской области [308, с. 1-61, табл. 33]. Анализ изображения со штампа дает все основания согласиться с В. Куликом, который впервые опубликовал его, что этот тип декора был воспринят местными племенами от скифов [256, с. 280-282]. Попытка Д. Берчу причислить его к числу декоров, "характерных для фрако-гетского искусства", лишь на основании того, что скифы археологически не удостоверены в этом районе, а украшения с таким мотивом имели большой спрос у местной аристократии [220, с. 150], представляется неубедительной.

Наличие штампа позволяет предположить появление к этому времени специальных мастерских, возможно передвижных, изготовлявших украшения, детали конской упряжки и пр. Многие мотивы декора могли быть скифского происхождения, как в данном случае, проникшие и укоренившиеся в искусстве северных фракийцев в результате культурных взаимоотношений со скифами. Несколько по-иному выполнены детали конского убора, обнаруженные при неизвестных обстоятельствах близ с. Бредешть в Олтении (СРР), которые относятся ко второй половине V в. до н.э. [331, с. 149, рис. 18(4-10)]. Из клада известны только девять предметов. Все они изготовлены из бронзы литым способом. Среди них четыре пальметтообразные бляшки с небольшой плоской петлей, припа-

янной с обратной стороны для крепления на ремни сѳруи, три небольшие бляшки в виде пчел с такой же припаянной петлей. Голова, тело и крылья пчел переданы достаточно четко и реалистично. Найдены также две бронзовые фигурные пуговицы [220, с. 148].

Как известно, изображение пальметт греческого происхождения, однако их неумелое выполнение выдает руку варварского мастера. Что касается пчел, то они находят аналогии среди находок из Врац [220, с. 148] и в других местах. Следовательно, есть все основания полагать, что эти украшения конской узда были изготовлены местными мастерами.

Таким образом, изучение украшений и других орнаментированных изделий показывает, что начиная с VI в. до н.э. на обширном пространстве от Днестра и до Балкан, от Тисы и до Черного моря все шире распространяются предметы торевтики, выполненные в зверином стиле (карт. 2). Некоторые категории этих изделий известны и за пределами рассматриваемой территории [189, карт.]. В VI–V вв. до н.э. звериный стиль становится более предпочтителен, чем местный геометрический. Подобное явление объясняется наличием тесных контактов северофракийских племен с населением степной и лесостепной частей Северного Причерноморья, близким по уровню экономического и социального развития, откуда и проник он в прикладное искусство местных племен. Однако даже на первоначальном этапе контактов этих этнокультурных групп северофракийские племена не копировали, а творчески видоизменяли, главным образом в деталях, воспринятый звериный стиль. Более того, появляются изделия, в декоре которых сочетается изображение зверей и геометрический орнамент. Так, например, короткие концы крестообразной бляхи из Медэраш представляют собой стилизованные головы хищных птиц, покрытые геометрическим орнаментом в виде рельефных полос. Отдельные части тела кошачьих хищников, составляющих крестовину меча из Доболлий де Жос, в частности шея, передние и задние лапы, окантованы полосами из параллельных рубчиков – прием, широко используемый в IV–III вв. до н.э. и характерный только для фракийского прикладного искусства.

Следовательно, отдельные черты прикладного искусства северофракийских племен гетов, достигшего своего расцвета в последующем периоде, зарождаются уже в VI–V вв. до н.э.

Тенденция к установлению общих форм в духовной культуре, проявившаяся в искусстве и в единообразии погребального обряда, отражала установившиеся религиозные верования, которые источники связывают с племенами гетов. В западно-европейской историографии религии гетов уделяется особое внимание. Вопрос о ее характере является предметом острых дебатов на протяжении вот уже почти 300 лет, с момента

выхода работы М.Претория "Орбис Готикус" ("Готский Мир") и по настоящее время. Авторы большинства работ сведения ранней античной традиции о религиозных верованиях гетов безапелляционно приписывают и дакам [254, с.446-462; 291, с.62-102; 365, с.65-74]. На порочность подобного подхода при изучении религии северных фракийцев указывал еще в прошлом веке немецкий исследователь В.Бессел. Характеризуя верховное божество гетов, он подчеркивал, что "Залмоксис был божеством гетов... а не гето-даков" [223, с.51]. Это, собственно, вытекает из античной традиции. Древнегреческие авторы классического периода Геродот [4, IV, 94-96], Гелланик [22, Фр.73], Платон [35, 156], как и более поздних времен, в частности Мнасий [31, Фр.23], Диодор Сицилийский [16, I, 94, 2], Страбон [6, УП, 3, 5], Лукиан [28, 42], Апулей [8, Фр.26], Клемент Александрийский [14, 48 (2/3)], Оригена [32, Ш, 34 (469)], в своих свидетельствах о северных фракийцах, касающихся религии, обычаев, ритуалов, всегда связывают их с гетами. Если отдельные обычаи или верования практиковались и другими племенами, то это непременно отмечалось античными авторами. Например, кроме гетов верили в бессмертие еще кробидзы и теридзы, на что указал Гелланик [22, Фр. 73].

В зарубежной историографии вопрос о характере религии гетов рассматривается по-разному. Одни исследователи считают ее политеистической, другие - монотеистической, третьи - дуалистической.

В основу монотеизма гетов легла известная фраза Геродота о том, что, "по их мнению, они (геты. - И.Н.) не умирают, но покойник отходит к богу Залмоксису (иные зовут его также Гебелейзисом)" [4, IV, 94]. Исходя из этого приверженцы монотеизма считали, что Залмоксис и Гебелейзис - одно и то же божество. Следовательно, геты почитали только одно божество, и этим отличались от остальных фракийцев и других варварских племен [243, с.79-110, 370, с.258-260].

Дуалисты, напротив, в том же свидетельстве Геродота усматривали наличие "конкретизированного дуализма", представленного Залмоксисом и Гебелейзисом [223, с.51]. Этот "примитивный религиозный дуализм Залмоксиса и Гебелейзиса отражал социальный дуализм, который в свою очередь создал более высокий этнический дуализм" [340, с.649-654].

На самом деле, религия гетов, как и всех народов античности, была политеистической, то есть они верили во множество богов различного ранга. Сохранившиеся остатки культовых памятников далеко не полностью отражают содержание религиозных представлений, обычаев, ритуалов. Однако и дошедшие до нас сведения античной традиции не дают достаточной информации о религии гетов. Наиболее пространное свидетельство о верованиях гетов содержится в "Истории" Геродота. Говоря

о религии фракийского мира, он подчеркивал, "что нравы и обычаи у всех одинаковы, кроме гетов..." [4,У,3]. Отличительная особенность религиозных воззрений гетов состоит в том, что они считают себя бессмертными [4,IV,93]. Учение о бессмертии, которое античные источники приписывают гетам в качестве специфической особенности их религии, не является характерным только для них. Вера в бессмертие в несколько измененном виде известна у кельтов, древних германцев и др.

В гетской религии на первом плане было почитание главного божества — Залмоксиса, живущего в специальном "подземном покое" [4, IV,95] близ ставшей впоследствии священной горы Когайонон.

Название священной горы и протекающей рядом реки Когайонон встречаются только у географа рубежа нашей эры Страбона [6,УП,3,5]. Некоторые исследователи, не оспаривая наличие у Залмоксиса "подземного покоя", видимо пещеры, считают, что примененное Страбоном название "священной горы Когайонон" является не чем иным, как передачей в искаженном виде геродотовского выражения *ἡετταίων ὀβερμα* — подземный покой" [223, с. 51, 290, с. 624]. Этот "подземный покой" Залмоксиса, по мнению многих исследователей, мог находиться только в горах Орэштией [303, с. 232—234; 265, с. 53—54]. В подтверждение этому приводятся выявленные в указанном районе, в частности в градиште Мунчелулуй, святилища и каменные храмы, составляющие большой религиозный центр, где, собственно, и должен был находиться Залмоксис. Обнаруженные здесь святилища действительно впечатляющие, только, во-первых, датируются они I в. до н.э. [265, с. 227—279], тогда как свидетельства Геродота относятся к V в. до н.э. Во-вторых, все сведения античных авторов классического и большей частью эллинистического периода касаются гетов, а не даков с Карпатской дуги.

К нему, к Залмоксису, и отправлялись умершие геты, а также специально выбранные вестники. "Каждые пять лет геты посылают к Залмоксису вестника, выбранного по жребию, с поручением передать богу все, в чем они нуждаются в данное время. Посылают же вестника они так. Встроившись в ряд, одни держат наготове три метательных копьей, другие же хватают вестника к Залмоксису за руки и за ноги и затем подбрасывают в воздух, так что он падает на копьей. Если он умирает, пронзенный копьейми, то это считается знаком божьей милости, если же нет, то обвиняют самого вестника. Его объявляют злодеем, а к богу отправляют затем другого человека. Тем не менее поручения ему дают еще при жизни. Эти же самые фракийские племена во время грозы, когда сверкает молния, пускают стрелы в небо и угрожают богу, так как вовсе не признают иного бога, кроме своего" [4,IV,94].

По свидетельству Геродота, у некоторых северофракийских племен верховное божество называлось Гебелейзисом. То, что Гебелейзис упоминается всего один раз и только Геродотом, а античные авторы более поздних времен ничего о нем не знают, позволяет предположить, что эти сведения отражают процесс единения религиозных воззрений и создания общего для всех северных фракийцев пантеона богов, по крайней мере, для тех племен, которые были расселены вне Карпатской дуги. Во времена, описываемые Геродотом, некоторые племена северных фракийцев называли верховное божество по-своему, как было принято у них до формирования единой гетской религии, признавшей Залмоксиса общим верховным божеством, подобно Зевсу у греков, Тиргитай-Папая у скифов и пр.

Появление, по всей вероятности, к этому времени единого для всех северных фракийцев пантеона и общего верховного божества — Залмоксиса, отражало не только этническую, но и социальную консолидацию этих племен. Видимо, именно в среде племенной знати, стремившейся к созданию крепкой объединенной власти — племенного союза во главе с вождем, возник миф, который передает Геродот. Этот миф должен был освятить союз верховного божества и верховной племенной власти.

Таликарнаасский путешественник рассказывает, что "слышал от эллинов, живших на Геллеспонте и на Понте, этот Залмоксис был человеком, рабом на Самосе, а именно рабом Пифагора, сына Мнесарха. Потом, став свободным, приобрел великое богатство и с ним возвратился на родину. Фракийцы влачили тогда жалкое существование и были несколько глуповаты. Залмоксис познакомился с ионийским образом жизни и обычаями, более утонченными, чем фракийские, так как ему пришлось обращаться с величайшим эллинским мудрецом Пифагором. Залмоксис велел устроить обеденный покой для мужчин, куда приглашал на угощение знатнейших людей. При этом он доказывал друзьям, что ни сам он, ни они — его гости и даже их отдаленные потомки никогда не умрут, но перейдут в такую обитель, где их ожидает вечная жизнь и блаженство. Между тем, устраивая упомянутые угощения с такими речами, Залмоксис велел соорудить для себя подземный покой. Когда этот покой был готов, Залмоксис исчез из среды фракийцев, спустился в подземелье и там жил три года. Фракийцы же страстно тосковали по нему и оплакивали как умершего. На четвертый год, однако, Залмоксис вновь явился фракийцам, и те таким образом уверовали в его учение" [4, IV, 95].

Сам Геродот довольно критически относился к этим рассказам: "...я не отвергаю рассказ о нем и о подземелье, но и не слишком-то в это верю. Все же я полагаю, что этот Залмоксис жил за много лет до Пифагора. Впрочем, был ли вообще Залмоксис человеком или каким-либо местным божеством гетов..." [4, IV, 96].

Впоследствии учение Залмоксиса о бессмертии получило широкое распространение среди гетов, а он сам "пользовался большими почестями и уважением у правителей и народа, поскольку, опираясь на небесные знаки, делал предсказания. В конце концов он убедил Басилевса сделать его своим соправителем, ибо таково желание богов. Сначала Залмоксис стал жрецом верховного божества, а затем был возведен в ранг бога" [6, VII, 3,5].

Был ли Залмоксис основателем религиозной доктрины северо-фракийских племен, или она сложилась в течение времени посредством слияния религиозных верований отдельных племенных объединений – трудно установить, да это и не имеет особого значения. Важно то, что к V в. до н.э., когда Геродот писал свои рассказы на основе информации, полученной от ольвиополитов, хорошо знавших соседствовавших с ними фракийцев, так как они имели тесные торговые контакты, гетская религия стала основным религиозным воззрением и была воспринята если не всеми, то большинством северофракийских племен. Что касается подземного покоя Залмоксиса, то в рассказе Геродота, как нам представляется, можно усматривать определенную долю реальности. Археологические изыскания показывают, что многие гетские городища, представляющие важные военно-административные центры, такие, как Рудь на Днестре или Бутучены, Машкауцы, Потырка, Селитра, Кот на Реуте, расположены или на высоких скалистых берегах этих рек, или поблизости от них. В скалистых берегах выявлено значительное количество пещер. Возможно, в такие подземные покои время от времени, быть может через каждые четыре года, удалялись верховные жрецы гетов. Все это могло служить основным материалом, заставившим греческих купцов уверовать в гетский миф об удалении Залмоксиса в подземный покой.

Хотя имя этого верховного божества встречается у многих авторов различного периода, однако до сих пор не выяснен его характер. Одни исследователи, исходя из свидетельства античной традиции, полагают, что он обитал на небесах [277, с.36], другие считают его земным божеством [365, с.65–74]. Более того, до сих пор исследователи не пришли к единому мнению о форме его имени. Некоторые античные авторы, в частности Геродот, Платон, Апулей, его называют Залмоксисом или Салмоксисом, другие – Геллианик, Мнасий, Диодор Сицилийский, Страбон, Лукиан, Клемент Александрийский, Ориген – Замолксисом.

Наряду с Залмоксисом в общефракийский пантеон входила богиня, в жертвоприношение которой женщины "всегда приносят священные дары, завернутые в пшеничную солому" [4, IV, 33]. У южных фракийцев она известна под именем Бендиты, ей поклонялись и в Малой Азии [III, с.101].

Геты почитали также богиню – покровительницу домашнего очага, с культом которой, очевидно, были связаны антропоморфные глиняные статуэтки, найденные на многих гетских поселениях. Бог войны у гетов, по всей вероятности, воплощался в образе фракийского (дунайского) всадника, выступающего одновременно и как мифический герой – предок, родоначальник, защитник полей и пастбищ гетских [57, III, 34–35] против иноземных врагов. Его многочисленные скульптурные и иные изображения в более позднее время особенно были распространены в областях, прилегающих к нижнему Дунаю, где расселялись гетские племена.

Подобно другим варварским племенам геты верили в способность богов и предков управлять стихиями, в то, что от их воли зависело благополучие и счастье людей, что от несчастий можно откупиться щедрыми жертвоприношениями. Довольно широко была распространена вера в магическую силу всевозможных амулетов, с которыми фракийцев даже хоронили.

Известны у гетов и культовые сооружения. Остатки наиболее ранних из них обнаружены в 1984 г. на городище Бутучены. Само городище расположено на высоком скалистом мысу, образованном излучиной реки Реут. Высота мыса в этой части около 50–60 м над уровнем реки.

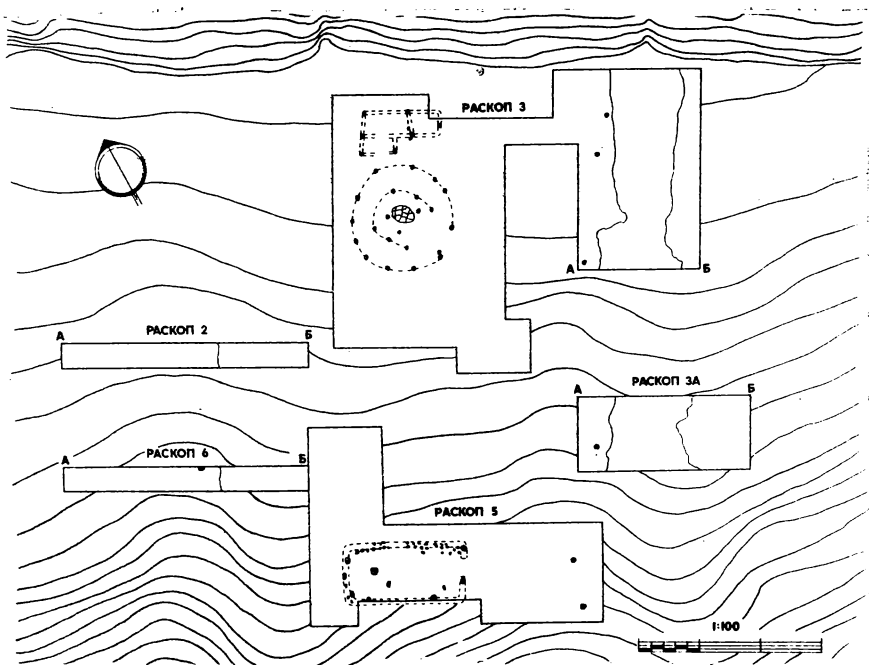

Рис. 6. Второй и третий валы с рвами и сооружения, выявленные между ними, на городище Бутучены

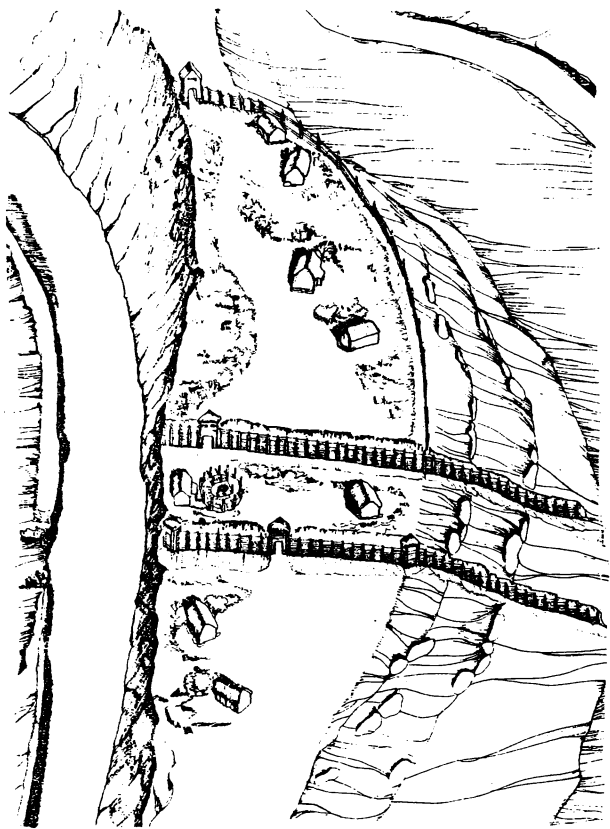

Рис. 7. Графическая реконструкция укрепленного поселка у с.Бутучены

Его крутой склон в верхней части завершается каменным поясом толщиной от 15 до 20 м, в котором в два яруса расположены более 20 пещер. Две из них являются скальными монастырями [84, с.61].

В восточной части мыса, между второй и третьей линиями оборонительных сооружений, представляющих собой валы с вырытыми в скальной породе глубокими рвами (рис. 6 и 7), на скальной породе обнаружена каменная вымостка. Она была сложена из плотно пригнанных друг к другу известняковых камней. В плане вымостка имеет овальную форму диаметром 1,3х2 м, ориентирована длинной осью с северо-запада на юго-восток и возвышается на 20-30 см. Поверхность вымостки хорошо заглажена, а край тщательно обтесан. Между вымосткой и скальной породой выявлен слой чернозема толщиной 1-1,5 см. Заглаженная поверхность вымостки красноватого цвета является, видимо, следами прожога.

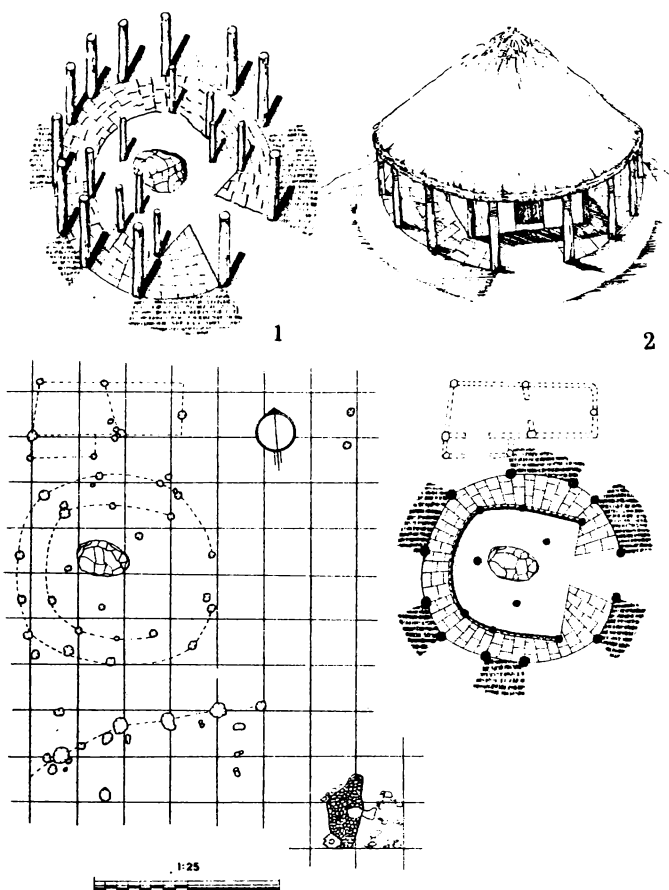

Рис. 8. Остатки святилища на городище Бутучены: 1 – наиболее вероятный вариант реконструкции; 2 – вариант реконструкции по Д.Антонеску

Вокруг каменной вымостки выявлен ряд вырытых в скальной породе ям. Как правило, ямы круглой или овальной в плане формы, диаметром от 24–30 до 30–48 см, глубиной от 40–50 до 60–65 см. В них, очевидно, были врыты деревянные столбы. В непосредственной близости от каменной вымостки расположены три столбовые ямы, за которыми расположены шесть таких же столбовых ям: три – в северной и три – в южной части. Каждый ряд ям образует полукруг, подобный подкове (рис.8). Расстояние между ямами от 1,3 до 3 м. Вся эта конструкция обнесена двенадцатью столбовыми ямами, расположенными по окружности на расстоянии от 1 до 2,5 м друг от друга. Диаметр окружности 8 – 9 м, она ориентирована длинной осью с востока на запад.

Определенная система в расположении столбовых ям по отношению к каменной вымостке свидетельствует о том, что они составляют единый комплекс, представляющий собой остатки древнего языческого святилища, которое было связано с культом небесных светил, в первую очередь Солнца.

Судя по обнаруженным материалам, каменная вымостка — это алтарь святилища, на котором совершались жертвоприношения. В ямы, расположенные вокруг алтаря, видимо, были забиты деревянные столбы. Хорошо продуманное расположение всех элементов и их количество свидетельствует о том, что местные племена обладали определенными знаниями в области астрономии и математики. Сама архитектура святилища отражала определенное мировоззрение древних. Подобные святилища издревле, опираясь на известные аналогии, в частности Стонехендже [334, с.82–93], были одновременно календарем, столь необходимым земледельческим племенам.

К северу от святилища, в непосредственной близости от него выявлены остатки развала наземной глинобитной на деревянном каркасе постройки, состоящие из кусков обмазки, керамики и камней. После снятия развала удалось обнаружить столбовые ямы от деревянного каркаса, расположение которых позволяет определить прямоугольную форму постройки и наличие в ней двух помещений (рис.8).

В развале постройки найдено лезвие от железного ножа с горбатой спинкой и 1403 фрагмента керамики, из которых 786 — от 9 лепных гетских сосудов, 30 — от гончарного гетского горшка, 1 — от чернолакового сосуда и 586 — от 4 греческих амфор [63, с.11–12]. Материалы, обнаруженные в святилище и вблизи него, представлены фрагментами от сахарно-солончонской и гетской лепной посуды, а также греческих амфор. Вообще на бутученском мысу, за исключением рва II оборонительной системы, материалы, относящиеся к более позднему периоду, нежели IV–III вв. до н.э., пока не найдены. Следовательно, самое позднее время, которым можно датировать святилище, IV–III вв. до н.э. Однако не исключено, что оно могло быть воздвигнуто раньше или в самом начале этого периода, когда селение на скалистом мысу стало превращаться в укрепленный поселок. В любом случае бутученское святилище является пока самым ранним из всех известных на территории рассматриваемого региона подобного рода культовых сооружений. Близкие по форме святилища обнаружены в Долинянах [378, с.309; 317, рис.1,3] на Среднем Днестре, а также на дакийских поселениях в горах Орэштии. Все они относятся к I в. до н.э. — II в. н.э. [265, с.234].

Бутученское святилище представляло собой сложное архитектурное сооружение. В каждый его элемент был вложен особый конкретный смысл, связанный с определенным циклом движения небесных светил. Как уже

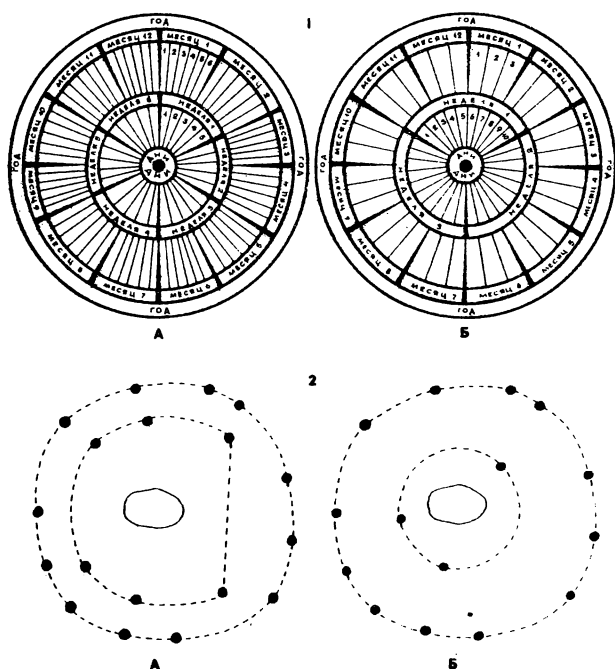

Рис. 9. Графическая реконструкция египетского и геттского календарей

указывалось, вокруг каменной вымостки были расположены три деревянных столба. За ними полукругом размещались еще шесть. В свою очередь, все они были окружены двенадцатью такими же столбами (рис.8.2 и 9.2).

Количество элементов и их расположение позволяют предположить, что сооружения такого типа являлись не только культовыми местами, но и применялись в качестве календарей. Для определения времен года астрономия была абсолютно необходима пастушеским и земледельческим народам. Как указал К.Маркс, "необходимость вычислять периоды подъема и спада воды в Ниле, создала египетскую астрономию, а вместе с тем господство касты жрецов как руководителей земледелия" [2, с.522]. Известно, что египетский календарь отличался исключительной простотой и удобством. Год делился на месяцы, которые в свою очередь разбивались на большие и малые недели. Большая неделя состояла из десяти дней. Три большие недели равнялись месяцу из тридцати дней, а двенадцать месяцев – году (рис. 9.1Б). Малая же неделя состояла из пяти дней, из шести таких недель складывался месяц, а из двенадцати месяцев – год из 360 дней (рис.9.1А) [172, с.45, 223].

Аналогичное вычисление, судя по архитектурным элементам, было присуще и бутученскому сооружению. Три центральных деревянных столба представляли число больших недель по десять дней, а шесть деревянных столбов — число малых недель по пять дней. Двенадцать столбов, расположенных по кругу, представляли месяцы по тридцать дней, которые вместе составляли год из 360 дней (рис. 9.2А,Б). Но, поскольку у гетов, как и у других народов того времени, год был непосредственно связан с наступлением летнего солнцестояния, то, видимо, со временем они заметили, что получается расхождение в пять дней. Возможно, это расхождение они подобно египтянам регулировали посредством празднования в конце года пяти святых праздников или, как греки, считали их "сверхгодовичными" [172, с.46], оставляя при этом месяц в тридцать дней.

Следует отметить, что расположение столбов, обозначающих большую и малую неделю, а также месяцы, судя по выявленным ямам, не было достаточно четким и равномерным, что недопустимо для подобного рода сооружений. Такое смещение столбовых ям могло получиться в результате тектонических изменений, вызванных частыми и сильными землетрясениями, которые происходили на протяжении длительного времени.

Бутученское святилище-календарь было сооружено по строго определенной системе и четко ориентировано по странам света, которые соответствовали в то время данной местности, так же, как и большое круговое святилище на горе Орэште. К концу нашей эры архитектура круговых святилищ-календарей намного усовершенствовалась. Например, диаметр внешнего круга святилища из Сармизегетусы увеличился по сравнению с другими до 29,4 м. В их строительстве широко стали применять детали из камня [265, с.235-240]. Однако многие из них, как те, что выявлены на поселениях Фецеле Албе [264, с.257-262], Печька [249, с.92-95, рис.1-2] и др., напоминают бутученское святилище, несмотря на то, что были построены на несколько столетий позже.

Одним из важных и сложных элементов круглых святилищ-календарей представляется подковообразное сооружение, состоящее из шести деревянных столбов (рис.6 и 9.2А). Обычно подковообразные сооружения, выявленные на святилище, интерпретируют как алтари, представляющие половины эклиптики, на которых сконцентрированы движение Солнца, Луны, а также созвездий зодиака [363, с.14-15]. Не оспаривая подобное мнение, все же отметим, что его назначение могло быть и иным. Для гетов, впрочем, как и для других народов античности, плоская земля на горизонте соединялась с купольнообразным небом, по которому в определенном порядке движутся Солнце, Луна и созвездия зодиака.

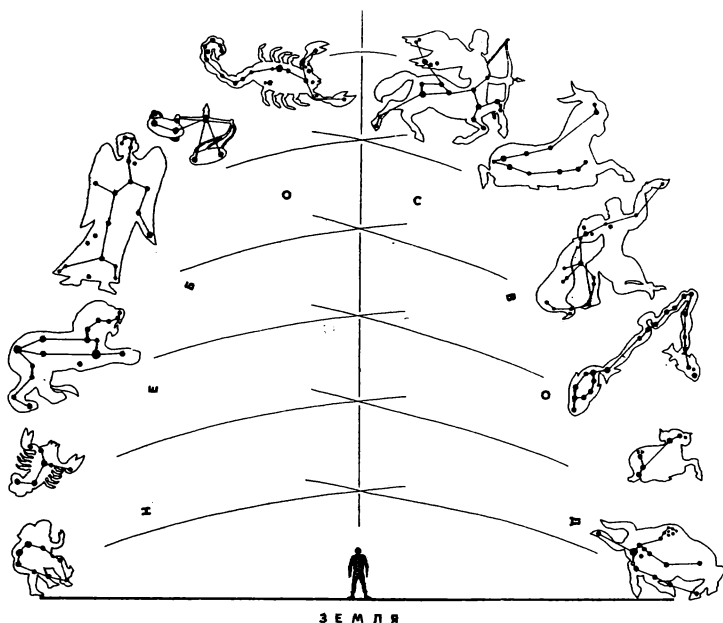

Рис. 10. Реконструкция подковообразной фигуры, представляющей небосвод и движение 12 знаков зодиака

Постоянные наблюдения за небесными светилами научили людей выявлять определенные закономерности в их движении. По положению звезд, движению Солнца и, особенно, Луны относительно созвездий зодиака (рис.10) они могли предсказать с определенной долей вероятности, какие следует ожидать перемены в погоде: наступление весеннего тепла, связанного с севом, выгоном скота на летние пастбища, или знойных летних дней, когда начинается жатва; приближение периода осенних дождей и морозов, до которых надлежит завершить уборку поздних культур и возвратит скот с летних стойбищ. Эти же методы помогали узнать время наступления солнечного затмения. По длине теней от деревянных столбов святилища-календаря в полдень гетские жрецы могли определить дни солнцестояний и равноденствий. О том, что они умели это делать, свидетельствуют античные традиции, в которых указывается, что Залмоксис "пользовался большими почестями и уважением у правителей и народа, поскольку, опираясь на небесные знаки, делал предсказания" [6,УП, 3,5].

Все эти знания, столь необходимые для земледельческих народов, хранились, множились и передавались из поколения в поколение определенной категорией людей – служителями культа. Жрецы зачастую приме-

няли приобретенные ими знания в корыстных целях, для повышения своего авторитета и влияния на соплеменников, порой прибегая ради этого к различным ухищрениям. В мифическом рассказе о Залмоксисе [4, IV, 95] проскальзывают и некоторые элементы реальности. Так, например, его учение о бессмертии и блаженной жизни, которое ожидает гетов в ином мире, не вызвало особых восторгов и по существу не было признано гетами. Тогда Залмоксис пошел на хитрость. Он покинул своих соплеменников и удалился в "подземный покой" – пещеру, где стал вести жизнь отшельника. Только три года спустя он снова появился среди гетов. Видимо, время своего возвращения он специально приурочил к началу каких-то катаклизмов, наступление которых он знал заранее и предупредил об их приближении. Аргумент оказался весьма убедительным и так подействовал на гетов, что они на этот раз "уверовали в его учение" [4, IV, 95].

Молва о том, что Залмоксис был рабом у Пифагора, к которой Геродот относится с недоверием, вероятно, сложилась среди ольвиополитов и других эллинов – информаторов Геродота. Ведь сооружение круглых святилищ-календарей, как на бутученском городище, требует соответствующих знаний и навыков. Их ориентация по странам света на местности, как и у других народов античности [237, с.81], производилась посредством старого метода, применяемого египтянами еще во времена Аменемхета I (2000–1980 гг. до н.э.) [237, с.540], так называемого египетского треугольника, соотношение сторон которого такое же, как и у пифагорского: 3–4 и 5 [363, с.19–28]. Эллины же припонтийских полисов не могли допустить мысль о том, что все это зародилось в "варварской" среде, потому что "глуповатые фракийцы (геты. – И.Н.), которые влачили жалкое существование" [4, IV, 95], естественно, не были в состоянии сами додуматься до этого. Однако, поскольку события происходили до массовой колонизации Причерноморья греками, следовательно, эти знания могли приобрести сами геты, попавшие в Грецию. Так, видимо, сложилась версия, согласно которой какой-то смысленный варвар из среды гетов по имени Залмоксис был продан в рабство в Грецию, где он попал в услужение к образованным людям. Таким образом, он не только познакомился с "утонченным ионийским образом жизни и обычаями", но и общался с "величайшим эллинским мудрецом Пифагором" [4, IV, 95], сформулировавшим, как известно, те математические приемы, которые информаторы Геродота заметили у гетов. Следовательно эти знания попали к ним из Греции посредством бывшего раба Пифагора – Залмоксиса.

Античная традиция более позднего времени объясняет применение гетами при строительстве круглых и четырехугольных святилищ, некоторых математических приемов тем, что "Залмоксис, будучи рабом у Пифаго-

ра, получил у него знания по астрономии, другая часть знаний (в области математики. — И.Н.) воспринята им у египтян, поскольку его скитания довели и до этих мест" [6, УП, 3,5].

На распространение у гетов определенных знаний указывают и другие античные авторы. Так, известный греческий философ конца У — начала IV в. до н.э. Платон считал, что полезность проповедуемого Залмоксисом направления в медицине состоит в том, что "у больного следует лечить не только травмированные места, а все тело, особенно путем благоприятного воздействия на его психику" [35,5,156а, 157с]. О развитии народной медицины путем применения различных целебных трав местными племенами свидетельствуют указания римского медика I в. н.э. Диоскорида из Аназарбы, что в Киликии [18,П,Ш,IV], который составил свой труд, используя работы известного медика конца II — начала I в. до н.э. Кратея и жившего во второй половине I в. до н.э. Секстия Нигера.

Особенно восторженными и, естественно, преувеличенными, однако не лишенными элементами реальности, представляются сведения византийского автора готского происхождения Иордана. Он, как известно, в середине 50-х гг. VI в. н.э. выпустил специальный труд, в котором все деяния гетов приписал готам, поскольку он считал их потомками гетов.

Показывая, как сильно было влияние Декеней — верховного жреца времени Буревисты — на народ, Иордан сообщает, что "он учил своих гетов, — в данном случае, видимо, он имеет в виду будущих служителей культа, — философии, поскольку был большим знатоком в этой области. Он обучал их этике, заставляя отречься от своих варварских обычаев, учил их разбираться в физических процессах, подготавливая их жить согласно законам природы; переписанные эти законы хранятся до сегодняшнего дня под названием белегины; учил логике, тем самым возвышая их над другими народами... он доказал им теорию двенадцати законов зодиака, указал пути движения планет и все секреты астрономии, и как растет и уменьшается орбита Луны, и насколько огневой шар Солнца превышает Землю, и указал, под каким именем и по каким законам проходят свой быстрый путь от восхода к закату все те триста сорок шесть звезд, приближаясь или удаляясь от полюса неба" [27, 69]. Хотя указания античной традиции о распространении знаний среди гетского жречества по широкому спектру наук несколько преувеличены [27, 70], вряд ли будет правомерно оспаривать наличие у них элементарных знаний и навыков, необходимых для создания или заимствования календаря. Всеми предсказаниями, прорицаниями занималась определенная прослойка людей — служители культа.

Жреческая каста, как и само гетское общество, была многоступенчатой, иерархической. Во главе стоял верховный жрец, который был вторым лицом в гетском обществе после басилевса. Таким был Залмоксис во времена, описываемые Геродотом. В более поздний периодистики называют Деценея, который на закате жизни стал даже басилевсом [27, 73; 254, с. 448-449].

По свидетельствам поздних античных источников можно заключить, что верхушка жречества составляла так называемые полистай ил" плеисти, что означает "самые знатные", "знатнейшие" [25, ХУП, I, 5, 22]. Как и для других фракийских племен, для гетов было характерно наличие сословия прорицателей-вегетарианцев, целебатов, никогда не живущих в обществе женщин. Это были "капнобатаи" - предсказатели будущего и "теосебы" - почитатели богов [6, УП, 3, 30]. Они пользовались определенным авторитетом населения, потому что, обладая некоторыми астрологическими знаниями, занимались предсказанием будущего, напоминая скифских женоподобных мужей - энареев, гадавших на ивовых прутьях или липовой коре [4, IV, 67].

Формировавшиеся в конце VI-V в. до н.э. у гетов религиозные верования впоследствии распространились на весь северофракийский мир от Днестра и до Балкан, от Тисы и до Черного моря.

Одновременно с развитием религии шел процесс сложения единого языка. Язык гетов, по-видимому, первоначально представлял один из диалектов общепфракийского языка. Указывая на близость южных и северных фракийцев, Страбон сообщает, что "геты говорили на одном языке с фракийцами" [6, УП, 3, 2; УП, 3, 10]. Фракийский язык не дошел до наших дней. Для изучения языка гетов имеется весьма ограниченный материал. Надписей на фракийском языке крайне мало, да и те еще не расшифрованы. Стихи римского поэта Овидия Назона, написанные им в годы ссылки в Томы (8-17 гг. н.э.) на гетском языке [33, IV, 13, 19, 20], до нас не дошли. Правда, некоторые исследователи высказали, на наш взгляд, вполне обоснованное сомнение в достоверности сообщения Овидия "о написании и прочтении им перед гетской аудиторией поэмы на гетском языке" [161, с. 89-90]. Для знакомства с фракийским языком, в том числе и гетским, единственным материалом служат собственные имена, глосы, топонимы, названия медицинских трав. Последние дошли до нас в работах древнегреческого врача Диоскорида и в труде, приписываемом Апулею. Однако флористика зачастую представляет смешанное этимологическое образование и не всегда может служить достоверным материалом для изучения языка. Более того, многие из этих названий не могут быть объяснены. В этой связи особый интерес в изучении гетского языка приобретают собственные имена, поскольку в произведениях древних авторов они сохранились полностью, а не фрагментарно, и поз-

тому сами они составляют часть языка. Элементы фонетики, небольшое число слов, имен, название местностей и селений позволили установить принадлежность языка гетов к индоевропейской группе языков. Например, "сарбалос" состоит из "сер", что означает "вырасти, родство по восходящей линии, потомство", и "балос", "бели" - "белый", то есть "потомок светловолосых людей", как названы фракийцы в трудах античных авторов; "гете" - "говорить", "золтэ" - "блестеть, желтый, зеленый"; "тарабостес" состоит из "тара" - "сильный, твердый" и "бостес" - "светлый, сиятельный" [366, с. 37-130].

Обособление южных и северных фракийцев на протяжении многих столетий, этнокультурная консолидация гетов отразились на развитии их языка. Характерными топонимами для северных фракийцев являются те, в состав которых входит слово "дава", "дева" - "поселения, место, город". В результате анализа имеющихся данных исследователи пришли к выводу, что в настоящее время можно выделить примерно 46 топонимов этого типа, 37 из которых локализуются в пределах Днестровско-Балканского региона [81, с. 184-197] - Клепидава, Заргидава, Тамасидава, Пироборидава, Бутеридава, Капидава и др.; несколько во Фракии - Пулпудева, Термидава [81, с. 191] и др. У южных фракийцев распространены были топонимы на "пара" (река?), "бриа" (город, место, поселение) и "диза" (крепость): Киерипара, Месембрия, Ордица и пр. [81, с. 178-191]. Подобные топонимы пока не известны к северу от Балканских гор. Изучение топонимов и другого лингвистического материала привело исследователей к выводу о том, что языки гетов и южных фракийцев настолько обособились, что со временем стали самостоятельными, хотя принадлежали к одной языковой группе [81, с. 193-194, 272]. Древние авторы, сообщающие о языковом единстве всех фракийцев, видимо, именно это имели в виду.

Установление общности языка на указанной территории имело огромное значение, поскольку в первобытнообщинную эпоху язык выступал важнейшим фактором этнического сплочения [124, с. 80].

Религия же при наличии общей территории, единого социально-экономического уровня развития племен, материальной культуры и языка имеет основное значение для создания единого этноса [75, с. 98].

В этом процессе особую роль сыграли наиболее сильные и многочисленные племена гетов, которые и дали название этносу, объединяя под своим этнонимом и другие северофракийские племена. Письменные источники более поздних времен упоминают ряд гетских племен, этнонимы которых в данном случае олицетворяют племенные наименования, тогда как вместе они составляли единый гетский мир.

Наличие гетского этнонима свидетельствует об осознанности членами этого этноса их особого единства и отличия от других подобных общностей, что нашло отражение и в письменных источниках [4, IV, 93, у. 3].

СЕВЕРНЫЕ ФРАКИЙЦЫ В IV–III вв. до н.э.

§ I. Гетские племена

Процессы, связанные с консолидацией северофракийских племен и приведшие к концу VI–V в. до н.э. к формированию гётского этноса, происходили только в пределах территории, расположенной между Днестром и Балканами, Карпатами и Черным морем. Это согласуется и со сведениями письменных источников, отражающими положение, сложившееся к IV–III вв. до н.э. в Днестровско–Балканском регионе.

В отличие от Геродота и Фукидида, отмечающих гетов только к югу от Дуная, древние авторы, описывающие события IV–III вв. до н.э., расселяют их в северодунайских областях вплоть до Днестра.

О возрастающем могуществе гетов, проживавших к северу от Дуная в IV в. до н.э. можно судить из указания Птолемея, сына Лага, в передаче Арриана. Для обеспечения безопасности северных границ перед восточной кампанией Александр Македонский счел нужным предпринять весной 335 г. до н.э. упреждающий поход против трибаллов, а затем и гетов [10, I, 3, I–5; I, 4, I–5]. Достоверность этих сведений не вызывает сомнений, поскольку Птоломей Лага – стратег Александра Македонского был очевидцем и участником этой военной кампании.

В III в. до н.э., согласно античной традиции, по обоим берегам нижнего Дуная [148, с. 126–129] располагалось крупное племенное объединение во главе с Дромихетом, которое дважды наносило серьезное поражение Македонии при правлении Лисимаха [16, XXI, I, XXI, 12, I–6; 34, I, 9, 5–7].

В периегесе III–II вв. до н.э., приписываемой хиосскому географу Скимну, описание западнопонтийского побережья, как отмечает сам автор, дается по недошедшей до нас работе Деметрия Каллатийского, достоверность информации которого вряд ли может подвергаться сомнению. В своей работе псевдо–Скимн оставил весьма интересные сведения о расселении гетов [44, Фр. 740].

Для выяснения географии северофракийских племен особый интерес представляют свидетельства Страбона. При создании своего труда известный географ античности широко пользовался сведениями своих предшественников, современников, а также собственными наблюдениями. Поэ-

тому хронологический диапазон его "Географии" довольно широк. Наиболее ранние сведения о расселении гетов в произведении Страбона относятся к IV в. до н.э. Касаясь упомянутого уже похода Александра Великого против северных соседей в 335 г. до н.э., античный географ указывает, что "преследуя трибаллов, Александр дошел до Истра, земли по той (левой. — И.Н.) стороне реки находились под властью гетов, он вошел в эти области, хотя из-за отсутствия кораблей ему не удалось взять остров" [6, УП, 3,8], где укрылись преследуемые им трибаллы. Из этого становится очевидным, что области в нижнем течении Дуная были заселены гетскими племенами. Особенно важным представляется то обстоятельство, что еще в IV—III вв. до н.э. геты проживали к северу от Дуная. Уточняя границы восточных районов гетского мира, Страбон конкретизировал: "...в промежуточной области, в его части от Истра до Тираса, лежит Пустыня гетов — сплошная безводная равнина. Здесь Дарий, сын Гистапса, перейдя во время похода на скифов через Истр, попал в западню, подвергшись опасности погибнуть со всем войском от жажды, однако царь, хотя и поздно, понял опасность и повернул назад. Впоследствии Лисимах, выступив в поход против гетов и их царя Дромихета, не только подвергся опасности, но даже попал в плен, однако ему удалось опять спастись, встретив великодушное отношение со стороны варвара" [6, УП, 3,14].

Пленение Лисимаха гетами во время македоно-гетского конфликта в 292/291 гг. до н.э., как явствует из вышеизложенного, произошло в Гетской пустыне [148, с.126-130]. Видимо, Истро-Тирасское междуречье давно было заселено гетами, если к началу III в. до н.э. за ним прочно укоренилось название Гетской пустыни или Гетской равнины.

Ознакомление с немногочисленными и отрывочными сведениями античных источников, касающимися расселения гетов в IV—III вв. до н.э., позволяет установить, что они занимали почти все основные области Днестровско-Балканского региона за исключением Карпатской дуги. С этим согласуются и археологические данные.

В IV—III вв. до н.э. геты переживали довольно интенсивное социально-экономическое развитие, приведшее к бурному росту населения.

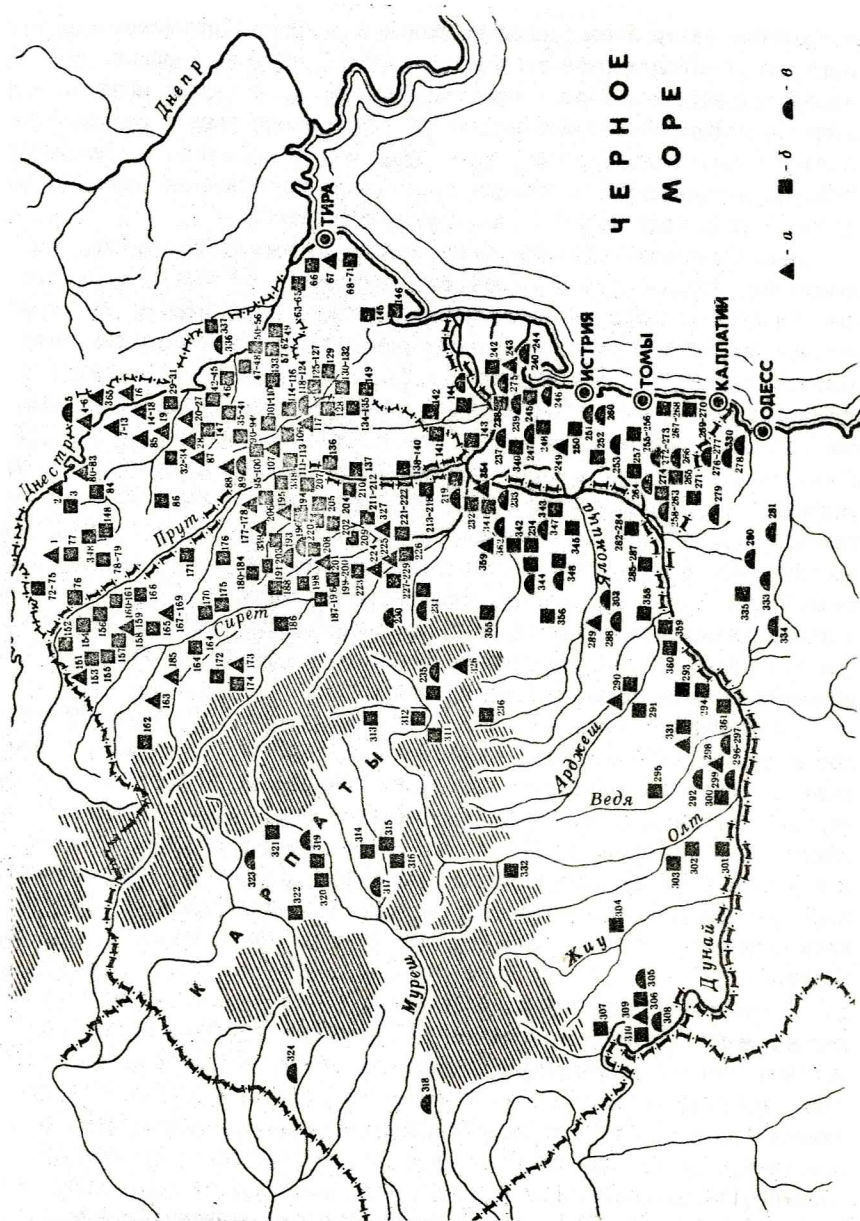
К настоящему времени археологическими изысканиями выявлены 365 гетских памятников IV—III вв. до н.э., из них 335 поселений и 30 могильников и отдельных захоронений. Картографирование памятников IV—III вв. до н.э. во всем ареале от Днестра до Балкан, от Тисы до Черного моря позволило установить, что расположены они в пределах этой территории весьма неравномерно. Из общего количества известных памятников 242, то есть подавляющее большинство, расположены в Днестровско-Карпатских землях, в том числе 154 — в Днестровско-Прутском междуречье. Наибольшая плотность поселений наблюдается в

центральной части лесостепной Молдавии и в Истро-Понтийской зоне, тогда как в районах Прикарпатья, Среднего Припутья и южных степей Днестровско-Дунайской зоны густота памятников несколько меньше. В Карпато-Дунайском бассейне поселения встречаются реже и расположены главным образом вдоль левобережья Дуная и его притоков. Памятники Внутрикarpатской дуги сосредоточены по верхнему течению Олта, Сомеша, Муреша и его притоков Тырнава-Маре и Тырнава-Микэ.

Такое соотношение памятников, когда в Днестровско-Карпатских землях находится почти в 2 раза больше поселений, нежели в остальных областях рассматриваемого региона, видимо, не следует относить за счет слабой изученности отдельных областей. Сопоставление археологических карт разных периодов (IV-III и II-I вв. до н.э.) позволяет установить относительно одинаковый уровень исследования всего региона. По всей вероятности, такое расселение местных племен в IV-III вв. до н.э. было связано с экономическим уровнем развития, с их укладом хозяйства, которые во многом зависели от природно-климатических условий. Основным занятием их было земледелие, поэтому они прежде всего заселяли территории, обладавшие наиболее плодородной почвой, а также богатыми лугами для разведения скота. А таковыми в пределах рассматриваемого региона тогда, как и сейчас (ибо особых изменений в природно-климатических условиях за это время не произошло), были Днестровско-Карпатские земли.

Жили гетские племена как в укрепленных, так и неукрепленных поселках. Археологическими изысканиями выявлено 71 городище. В пределах Днестровско-Прутского междуречья находятся 40 городищ, 21 обнаружено между Прутом и Карпатами, 3 - на территории, расположенной между Дунаем и Черным морем, и 6 - в Карпато-Дунайском бассейне. В пределах Внутрикarpатской дуги их количество крайне ограничено. Пока достоверно здесь известно только 1 городище (карт.3). Строились поселки главным образом на берегах рек, склонах, плато, долинах.

Укрепленные поселения сооружались обычно на естественно защищенных местах: господствующих над местностью высотах, крутых берегах рек, мысах. Занимаемая площадь разная: от 0,7-10,0 кв.км, число таких городищ минимально, до 20-50 кв.км. Однако чаще всего встречаются городища, площадь которых 40-100 кв.км. Городища IV-III вв. до н.э. получили достаточное освещение в специальной литературе [96, с.36-60; 148, с.26-42]. Хотелось бы только отметить, что в топографии, занимаемой площади, а также строительстве фортификационных сооружений городищ наблюдается определенное сходство, характерное для всех укрепленных поселений Днестровско-Балканского региона. Особо следует сказать о таких городищах, как Бутучены, Рудь, Машкауцы и Котнарь-

Карта 3. Памятники IY-III вв. до н.э.: а) городища; б) поселения; в) могильники. 1 - Липник, 2 - Рудь, 3 - Рудь, 4 - Рашково, 5 - Рашково, 6 - Катериновка, 7 - Куратура, 8 - Глиняны, 9 - Матеуцы, 10 - Парканы, 11 - Олишканы, 12 - Стохная I, 13 - Стохная II, 14 - Малая Сахарна, 15 - Большая Сахарна, 16 - Выхватинцы, 17 - Гульбоака, 18 - Городище, 19 - Селитра, 20 - Кот, 21 - Фурчени I, 22 - Фурчени II, 23 - Скок, 24 - Бутучены, 25 - Потырка, 26 - Машкауцы, 27 - Гыртопул-Маре, 28 - Исаково, 29 - Требужены I, 30 - Требужены II, 31 - Требужены III, 32 - Кот, 33 - Домний, 34 - Бранешты I, 35 - Бранешты II, 36-41 - Иванча II-Y, УП, УШ, 42 - Слободзея-Душка, 43 - Коржево, 44 - Балабанешты, 45 - Балцата, 46 - Калфа, 47 - Кичканы, 48 - Копанка, 49 - Раскаецы, 50-55 - Чобручи I, II, У, Х, XI, XII, 56 - Талмаз, 57-62 - Поповка I-VI, 63 - Тудорова, 64-65 - Паланка I-II, 66 - Коса, 67 - Пивденное, 68 - Затока, 69 - Сергеевка, 70 - Чебановка, 71 - Широкая, 72-75 - Корестэуцы II, III, IV, У, 76 - Маркауцы, 77 - Михалашаны, 78-79 - Клокушна VI, VII, 80 - Йоржница, 81 - Инунден, 82 - Редь-Черешновец, 83 - Слободзея-Кремене, 84 - Маркулешты, 85 - Царевка, 86 - Будей, 87 - Кодрянка, 88 - Городище, 89 - Пыржолтены, 90 - Буда, 91 - Городка III, 92 - Городка VI, 93 - Большая Городка, 94 - Малая Городка, 95 - Лозово-Лесхоз, 96 - Дурлешты, 97 - Дурлешты, 98-100 - Улму IV, У, УШ, 101-103 - Суручены, I, IV, У, 104-105 - Данчени IV, VI, 106 - Браила, 107 - Стольничены, 108 - Новне Русешты, 109 - Бардар, 110 - Кайой, 111-112 - Бужор I, II, 113 - Лапушна, 114-116 - Костешты I, III, У, 117 - Пожорены, 118 - Ханска-городище, 119 - Ханска-Лутэрия, 120 - Ханска-Дялул Улмулуй, 121 - Ханска-Толоакэ, 122 - Ханска-Лимбарь, 123 - Ханска-Пидашка, 124 - Ханска I, 125-127 - Горешты III, VI, VII, 128 - Молешты, 129 - Манойлешты, 130-132 - Чигырляны, 133 - Каушаны, 134 - Фетица, 135 - Липовены, 136 - Токиле-Радуканы, 137 - Маргута, 138 - Готешты, 139 - Кокора, 140 - Зырнешты, 141-142 - На берегу Ялпуга, 143 - Картал-Орловка, 144 - Измаил, 145 - Желтый Яр, 146 - Заречное, 147 - Лукашовка II, 148 - Дондошаны, 149 - Салкуца, 150 - Машкауцы, 151 - Дерска, 152 - Хорошты, 153 - Ионешты, 154 - Икимен, 155 - Леорда, 156 - Борола, 157 - Кукорэнь, 158 - Стычешты, 159 - Богошань, 160 - Трушешты, 161 - Ионэшен, 162 - Богошана, 163 - Бая, 164 - Будень, 165 - Хырлэу, 166 - Глэвенештий Векь, 167 - Котнарь-Кэтэлина I, 168 - Котнарь-Кэтэлина II, 169 - Хорошты, 170 - Бэйчень, 171 - Шорогарь, 172 - Тырпешты, 173 - Докия, 174 - Петрикань, 175 - Хабэешты, 176 - Лунка Чурей, 177 - Мошна, 178 - Арсура, 179 - Кэзенешты, 180 - Тыргу-Негрешты, 181 - Селиште, 182 - Дрэешты, 183 - Бэчешты, 184 - Тодирешты, 185 - Бухалница, 186 - Итешты, 187 - Нэнешты, 188 - Бухэешты, 189 - Бакэу, 190 - Рэкэтеу, 191 - Бодяска, 192 - Гэбешты, 193 - Васлуй, 194 - Вутканы, 195 - Крецешты, 196 - Поенешты, 197 - Негрешты, 198 - Будай, 199 - Лунжешты, 200 - Килый, 201 - Четэуца Брэхэешты, 202 - Ивэнешты, 203 - Голгофта, 204 - Брэхэшоая, 205 - Федешты, 206 - Хушь, 207 - Рышешты, 208 - Бэрбоаса, 209 - Бырлад, 210 - Епурень, 211 - Мэлүштень, 212 - Тыргу-Берешты, 213 - Муржень, 214 - Писку, 215 - Тэмэйонь, 216 - Фэгэрашь, 217 - Фрумушица, 218 - Галац, 219 - Барбошь, 220 - Хыршоа, 221 - Пыргул Ханулуй, 222 - Тропиле Тэгерешты, 223 - Шишканы, 224 - Пойна, 225 - Доленешты, 226 - Диакон, 227 - Ружинешты, 228 - Чиорань, 229 - Кэбешты Валя Зелетинулуй, 230 - Слободзея, 231 - Бырсешты, 232 - Назыру, 233 - Бэйтица, 234 - Суцешты, 235 - Пойан, 236 - Пойна Коцофенешты, 237 - Телица, 238 - Тулча, 239 - Аджигиол, 240 - Муригиол I, 241 - Муригиол II, 242 - Малкоч, 243 - Бештене, 244 - Махмулия, 245 - Сарикой, 246 - Бисала, 247 - Сату Ноу, 248 - Бабадаг, 249 - Бейдауд, 250 - Тариверде, 251 - Истрия, 252 - Дунэря, 253 - Николае Балческу, 254 - Чернавода, 255 - Кастелу, 256 - Меджидия, 257 - Кокирлен, 258 - Расова, 259 - Дунэрен, 260 - Нунташь, 261 - Сату Ноу, 262 - Буджак Остров I, 263 - Буджак Остров II, 264 - Адамклиан, 265 - Вэлень, 266 - Фынтына - Маре, 267 - Дулчешты, 268 - Аджиджа, 269 - Арса, 270 - Хаджлен, 271 - Добромиру дин Мале, 272 - Бейлик, 273 - Бэяса, 274 - Канлия, 275 - Пятра Фрекаций, 276 - Вырбино, 277 - Алеково, 278 - Равна, 279 -

Проф.Златарская, 280 - Браничево, 281 - Янково, 282 - Улму, 283 - Градиштя-Кослоджень, 284 - Кэлэраш, 285 - Градиштя-Кэлэраш, 286 - Потоавэ, 287 - Раса, 288 - Доробанцу, 289 - Пискул Крэсань, 290 - Албешть, 291 - Попешть, 292 - Перету, 293 - Гостину, 294 - Ончешть, 295 - Александрия, 296 - Фынтынеле, 297 - Зимница, 298 - Зимница, 299 - Турну Мэгуреле, 300 - Турну Мэгуреле, 301 - Гура Падиной, 302 - Гостовэц, 303 - Хотэрэнь, 304 - Крайова, 305 - Гогошу, 306 - Гогошу, 307 - Пороина, 308 - Балта Верде, 309 - Островул Маре, 310 - Островул Маре, 311 - Хэрман, 312 - Сф. Георге Бедехоза, 313 - Синкрэйнень, 314 - Медиаш, 315 - Шейка Мика, 316 - Шейка Маре, 317 - Блаж, 318 - Синпетру Жерман, 319 - Чипэу, 320 - Сф. Георге Ковасна, 321 - Морешть, 322 - Клуж Мэнэштур, 323 - Чепарь, 324 - Орадя, 325 - Бихаря, 326 - Нэружа, 327 - Кривешть, 328 - Плопь, 329 - Кочулия, 330 - Друмево, 331 - Обряска де Сус, 332 - Окница Вылча, 333 - Круклер, 334 - Кьолмен, 335 - Горно Монастырица, 336 - Спей, 337 - Спей, 338 - Корнь, 339 - Бунешть, 340 - Мирча Вода, 341 - Балдовенешть, 342 - Сихляну, 343 - Жеменеле, 344 - Рымничелу, 345 - Скэрлэтешть, 346 - Спиру Харет, 347 - Тикилешть, 348 - Спанцов, 349 - Босанч, 350 - Балэнешть, 351 - Пискул Садовой, 352 - Галаций Бистрицей, 353 - Алба-Юлия - Апулум, 354 - Балдовенешть, 355 - Блэжань, 356 - Караджеле, 357 - Кэсчоареле, 358 - Куркань-Леоара, 359 - Градиштя, 360 - Хотареле, 361 - Петрошань, 362 - Брэилица, 363 - Кишкань, 364 - Мэрджинень, 365 - Строенцы

Кэтэлина. Во-первых, они лучше других изучены, а во-вторых, судя по занимаемой площади и системе оборонительных сооружений, это были не рядовые укрепленные поселения.

Городище Бутучены расположено в центральной части Днестровско-Прутского междуречья, в Оргеевских кодрах. Открыто оно было Г.Д.Смирновым [174, с.24-25]. Он и проводил в конце 40-х - начале 50-х гг. археологические раскопки на территории городища. Наиболее яркие материалы, обнаруженные в ходе этих изысканий, частично нашли отражение в его работах того времени [174, с.24-25]. И хотя все эти годы к бутученскому городищу обращались многие исследователи [96, с.49-50], отсутствие специальных публикаций о выявленных сооружениях и массовом материале снижают его ценность. Возобновление археологических исследований на этом памятнике дало весьма интересные результаты [63, с.1-30; 64, с.1-44, 65, с.1-27].

Городище находится на высоком скалистом мысу продолговатой формы, образованном излучиной реки Реут и вытянутом с запада на восток. Северная сторона мыса завершается крутым скалистым обрывом, вертикально возвышающимся над рекой на 60 м. Южная сторона пологая и упирается в реку. Западная оконечность мыса постепенно спускается к центральной части излучины Реута. Восточная часть окружена глубокими оврагами с отвесными берегами, и только узкий перешеек связывает мыс с окружающим миром (рис.II).

Таким образом, мыс представлял собой удобное для заселения естественно защищенное место. В ходе раскопок 1983-1985 гг. было установлено, что еще в первой половине I-го тысячелетия до н.э.существ-

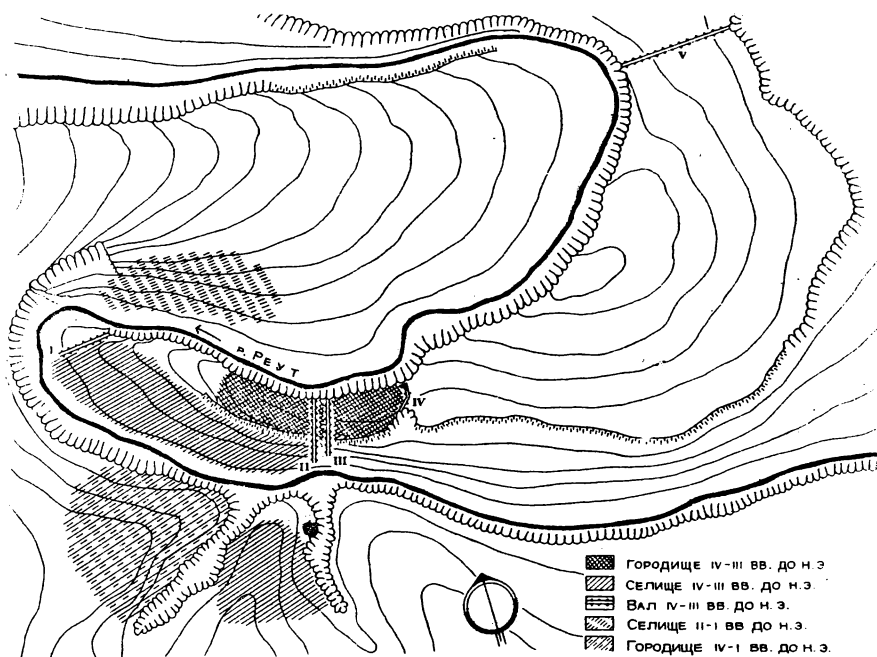

Рис. II. Памятники бутученского микрорайона

вовало поселение сахарна-солонченского типа, которое занимало примерно ту же площадь, что впоследствии гетское городище (рис. II). В этот период мыс еще не был укреплен. Судя по обнаруженному материалу, фортификационные сооружения были воздвигнуты в середине, или в начале второй половины I-го тысячелетия до н.э., когда на мысу уже существовало гетское поселение. Укрепления были построены исходя из ландшафта местности и конфигурации мыса.

Северная сторона мыса с отвесными берегами не нуждалась в искусственных укреплениях. Западная пологая часть мыса, как установил Г.Д.Смирнов, защищалась со стороны реки Реута первым земляным валом со рвом [174, с.25, рис. I]. Южная сторона, также достаточно высокая, укреплялась деревянным частоколом, состоящим из двух рядов столбов, вдоль которых были прикреплены горизонтальные балки. Для прочности оба эти ряда крепились поперечными балками, образуя тем самым нечто подобное клеткам, которые заполнялись забутовкой из земли и песка.

На мысу в IV-III вв. до н.э. существовало большое поселение, занимавшее всю западную часть мыса. Городище же располагалось в его центральной части.

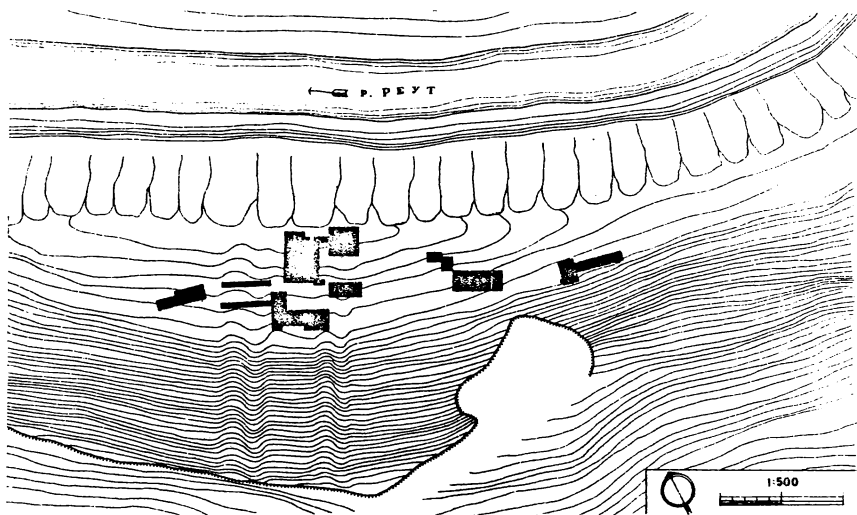

Рис. 12. Раскопки 1983-1985 гг. на городище Бутучены

Единственной доступной для противника была восточная сторона мыса. Здесь была возведена мощная система фортификационных сооружений, состоящая из земляных валов и рвов (рис. 11 и 12).

Внутренний второй вал и ров изучены посредством поперечного среза двумя траншеями (раскопы 2 и 6) длиной 20 м и шириной 2 м каждая (рис. 6; 12 и 13). В западной части траншеи 6 на глубине 35-50 см обнаружены остатки слабосохранившегося развала наземной постройки, состоящие из кусков обмазки и керамики. Траншея лишь частично задела развал, куски обмазки отчетливо видны в профилях ее северной, западной и южной стен, куда заходит основная его часть. При разборе развала обнаружено пряслице, изготовленное из фрагмента стенки лепного сосуда, фрагменты от гетских лепных сосудов и греческих амфор. Над развалом возвышался вал, который, как и ров, пересекал мыс поперек. (рис 7; 11 и 12). Судя по стратиграфическим напластованиям, ширина подошвы вала 10 м, высота насыпи в настоящее время в наивысшей точке 1 м (рис. 13). В основание вала был заложен слой из крупных известняковых камней размером до 40х40х16 см, а над ним забутовка из земли и щебня. В наслоениях вала выявлены фрагменты гетской лепной керамики и греческих амфор. К востоку от вала, в непосредственной близости от него, в скальной породе был вырыт ров шириной 9 м при глубине 3,30 м от древней дневной поверхности. Придонная часть рва была заполнена мелким щебнем, остальная часть - главным образом щебнем и отдельными кусками песчаника или чернозе-

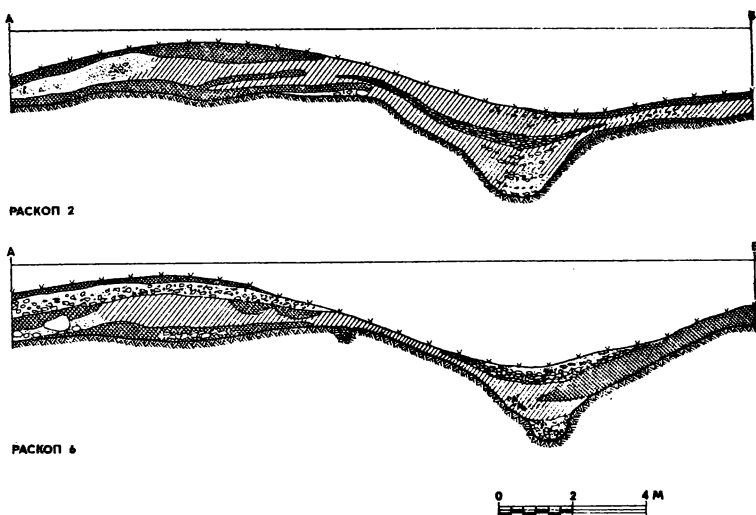

Рис. 13. Профили валов и рвов второй и третьей линии обороны

мом, перемешанным с щебнем. В заполнении выявлены фрагменты от эллиптических амфор и золотоордынских горшков, украшенных штампованным орнаментом.

Судя по стратиграфии и материалам из конструкции вала, он был сооружен к IV в. до н.э. Тогда был вырыт в породной скале ров. Находка в его заполнении золотоордынской керамики свидетельствует о том, что в средневековое время ров был еще достаточно глубоким.

Третья линия обороны исследована на значительно большей площади (рис.6 и 12), поэтому удалось более полно изучить способ строительства вала. Эта линия обороны была сооружена в 30 м к востоку от второго рва внутреннего вала (рис.6) и представляла аналогичный вал и ров. Вал на территории городища не сохранился. Его еще в античное время снесли в ров, в стратиграфии заполнения которого отчетливо прослеживаются в перевернутом виде напластования строительного материала вала. На месте вала выявлены вырытые в скальной породе ямы от столбов, входивших в его деревянную конструкцию. Ямы круглой или овальной в плане формы диаметром 15–20 или 35–20 см, глубиной 20–25 см. Столбовые ямы, расположенные в два ряда, пересекают мыс поперек. Расстояние между ямами от I до 3,45 м. Расстояние между рядами 7,2 м.

Деревянный каркас вала представлял собой два параллельных ряда вертикальных столбов, забитых в скальную породу, к которым прикреплялись горизонтальные балки. Между рядами столбов, у основания

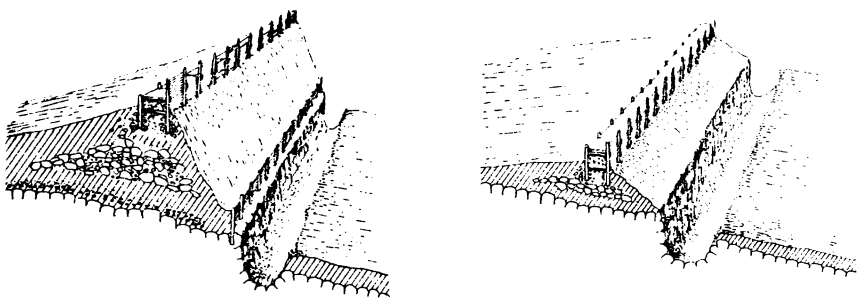

Рис. 14. Графическая реконструкция второй и третьей линий обороны Бутученского городища

были уложены большие куски необработанного камня. Сверху они были укрыты хорошо утрамбованным слоем из щебня и земли.

Для того, чтобы деревянный каркас не разрушился под давлением и тяжестью утрамбованного слоя, ряды столбов крепились поперечными балками-креплениями, разделяя таким образом каркас на отдельные секции. Над нижним слоем был насыпан другой слой из земли и щебня. Каждый слой отдельно утрамбовывался. Вся эта конструкция покрывалась толстым слоем грунта, образуя земляной вал. На гребне вала сооружали деревянный частокол (рис. 14).

Вырытый в скальной породе ров перерезал поперек мыс (рис. 7, II и 12). Ширина рва от 4,65 до 6,90 м. Глубина от 3 до 3,65 м. В центральной части мыса ров сужался до 1,5 м (рис. 6). Видимо, в этом месте находился въезд в цитадель. Подъемный деревянный мост был перекинут через ров. В заполнении рва было обнаружено значительное количество индивидуальных находок и массового материала. Среди индивидуальных находок выделяется упомянутая уже бронзовая крестовидная бляха в виде цветка с четырьмя лепестками и кольцом для крепления на обратной стороне, которая может быть отнесена согласно аналогичным крестовидным бляхам, деталям конского убора из кургана 4 у с. Емчиха [101, с. 55–60, рис. 14(4)] и экземплярам из кургана у с. Луки [102, с. 153–154, рис. 3/3] к VI в. до н.э. В слоях заполнения обнаружены также глиняный тигель, наконечники трехлопастных бронзовых втулчатых стрел скифского типа. Массовый материал представлен гетской и привозной керамикой. Среди последней категории встречаются фрагменты греческих амфор, в том числе и хиосских пухлогорлых экземпляров.

Быстрый рост поселка привел к тому, что третья линия обороны стала теснить его. С тем, чтобы сnivelировать местность, вал был сброшен в ров, куда жители поселка сбрасывали также различные отходы, в частности золу, битую посуду, о чем свидетельствует найденный

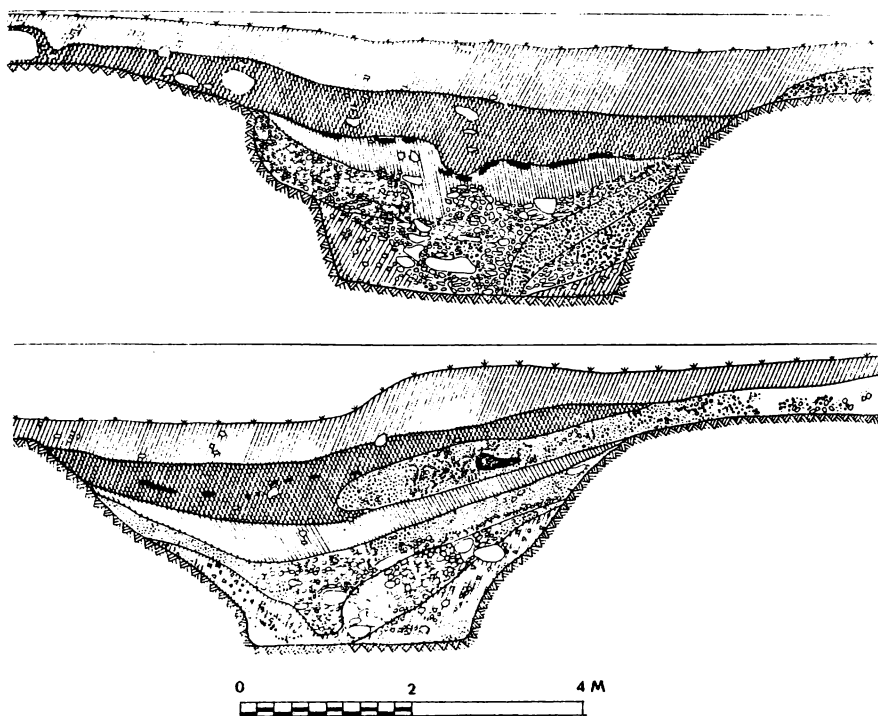

Рис. 15. Профили третьего рва Бутученского городища

в нем материал (рис.15). Внутренняя же линия обороны, второй вал и ров, которые и в настоящее время отчетливо видны, были сохранены как второй эшелон защиты поселка.

Новая система фортификаций была сооружена в 122 м восточнее третьего рва, на участке, где мыс сужался максимально (рис.7 и II). В этом месте были воздвигнуты новые вал и ров. В отличие от предыдущих они были значительно меньше и не пересекали мыс поперек, а были сооружены под углом к нему с юго-запада на северо-восток, с таким расчетом, чтобы можно было держать под обстрелом подъем на южной, пологой на этом участке, стороне мыса. Вал и ров одним концом упирались в южную часть мыса, другим – в каменную площадку естественного происхождения, которая имела трапециевидную форму размером 11х19х6 м. Она возвышается на 10-20 см над северной, крутой стороной мыса. На этой площадке Г.Д.Смирнов обнаружил остатки каменного

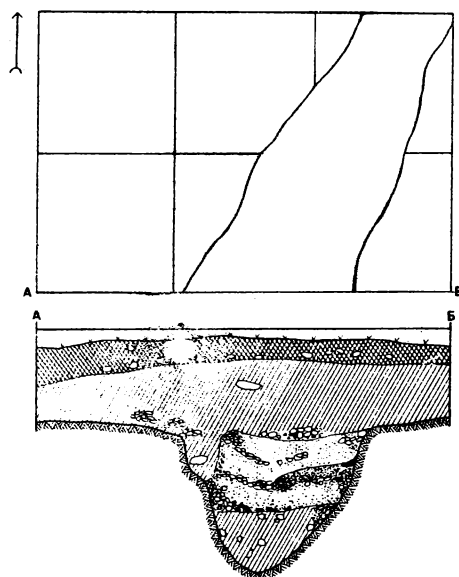

Рис. 16. План и профиль четвертой оборонительной линии

четырёхугольного сооружения, подобного башне^{*}, которое вместе с валом и рвом накрепко закрывало вход в поселок. Вал не сохранился, однако во рву, в его придонной части выявлен слой толщиной 70 см, состоящий из кусков обмазки, древесного угля и камней. Куски обмазки довольно больших размеров — 12х6х5 и 15х10х5 см, имеют твердость кирпича. На некоторых из них видны отпечатки столбов и прутьев. Среди обмазки обнаружены большие куски древесного угля от обгоревших балок. Длина раскопанного рва свыше 4,6 м, и на всем протяжении слой обмазки, камней и древесного угля плотно залегает почти одинаковой толщины (рис.16). Все это позволяет предположить, что в ров сброшены остатки вала, наружная сторона которого, видимо, была обмазана глиной, как на городище Большая Сахарна [173, с.94]. Ров, как и остальные рвы этого городища, вырыт в скальной породе. Глубина его 3,45 м, ширина в южной части — 2,62 м, в северной — 1,15–2 м [65, с.26–27].

Одновременно мыс был укреплен еще одной, пятой, линией обороны, состоящей из мощного земляного вала с широким и глубоким рвом. Эта линия обороны также пересекала мыс поперек на месте его соединения с внешним миром: восточным концом она упиралась в глубокий овраг,

^{*} Наличие этого сооружения установлено по фотографиям из личного архива Г.Д.Смирнова, выполненным в ходе раскопок на городище в 1949—1953 гг.

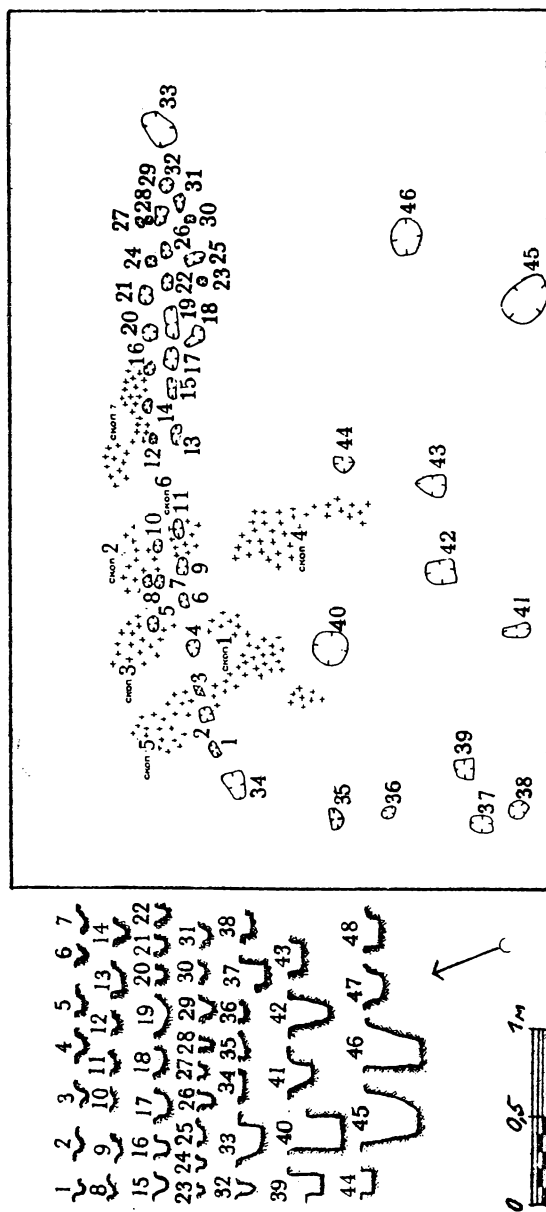

Рис. 17. Столбовые ямы от деревянного каркаса наземной постройки

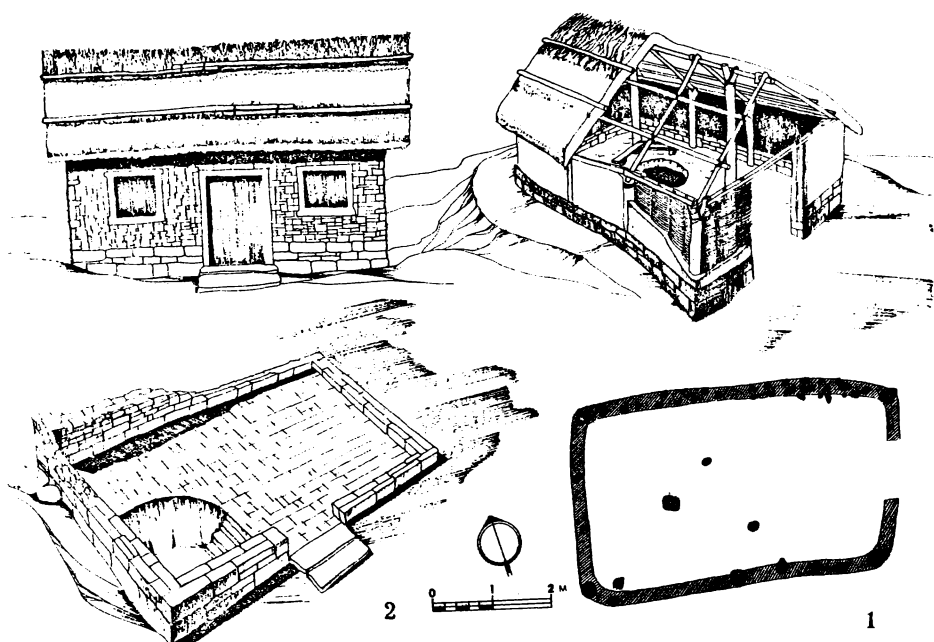

Рис. 18. Реконструкция наземных жилищ: I – по материалам автора; 2 – по Г.Д.Смирнову

западным – в высокий крутой берег реки Реут (рис. II). Между четвертой и пятой линиями обороны находится большое свободное пространство, которое использовалось в случае войны в качестве загона для скота, принадлежащего не только жителям Бутученского поселка, но и близлежащих селений.

В ходе археологических раскопок, проводимых на территории городища Г.Д.Смирновым и автором этой работы, был выявлен ряд наземных сооружений. По способу строительства выделяются два типа построек: глинобитные на деревянном каркасе и каменные. Глинобитные дома с городища находят широкую аналогию среди гетских жилищ IV–III вв. до н.э. [148, с. 46–61]. По периметру стен в скальную породу вбивались опорные столбы различной толщины, о чем свидетельствуют выявленные ямы от них (рис. 6 и 8). Между второй и третьей линиями обороны обнаружен развал глинобитной на деревянном каркасе наземной постройки, сооруженной на материке, представляющем собою скальный монолит, благодаря чему удалось детально проследить способ ее строительства. От северной стены сохранились столбовые ямы деревянного каркаса, которые здесь расположены в два ряда. Судя по их полукруглым в плане формам и размерам, можно заключить, что стена была построена из рас-

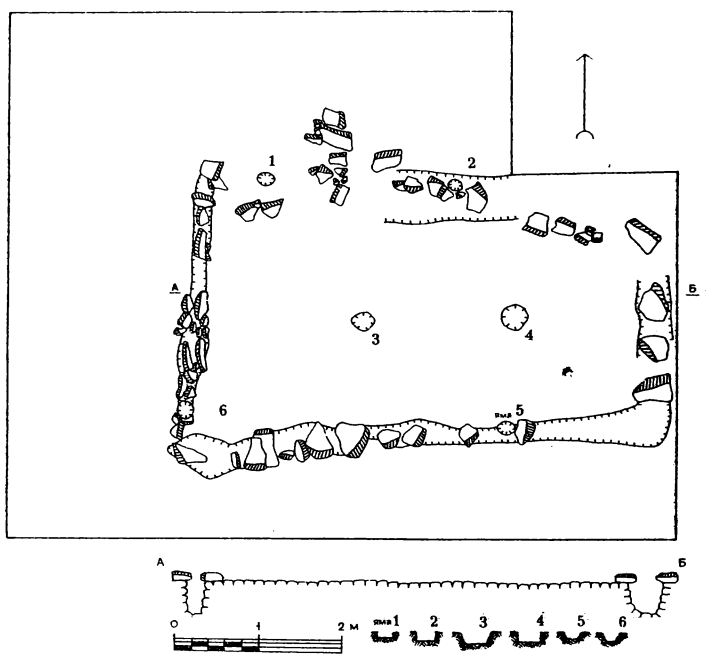

Рис. 19. План жилища

пиленных вдоль столбов. Поскольку она постоянно подвергалась воздействию суровых северных ветров, стену сделали двойной. Пространство между рядами столбов было забутовано глиной, а стороны обмазывались глиной. Из-за наклона местности к югу, основная тяжесть приходилась на южную стену, диаметр столбов которой достигает 20 см (рис. 17). В развале постройки, особенно по периметру стен, наряду с кусками обмазки найдено значительное количество камней, которые, видимо, использовались для закрепления основания стен жилища (рис. 18.1), — способ известный в гетском домостроительстве по раскопкам на городище Пивденное [168, с. 20].

В восточной части городища возле четвертой оборонительной линии выявлен развал наземного жилища, состоящий из камней, кусков обмазки и керамики. Развал плотным слоем залегал параллельно поверхности земли, его толщина 10–20 см. Развал распространялся на площади 6х4 м. После снятия развала на глубине 15–18 см были выявлены контуры постройки. Для укладки стен сооружения в скальную породу была выкопана канава шириной 20–40 см, глубиной 35–40 см. Контур постройки, образованный этой канавой, имеет прямоугольную в

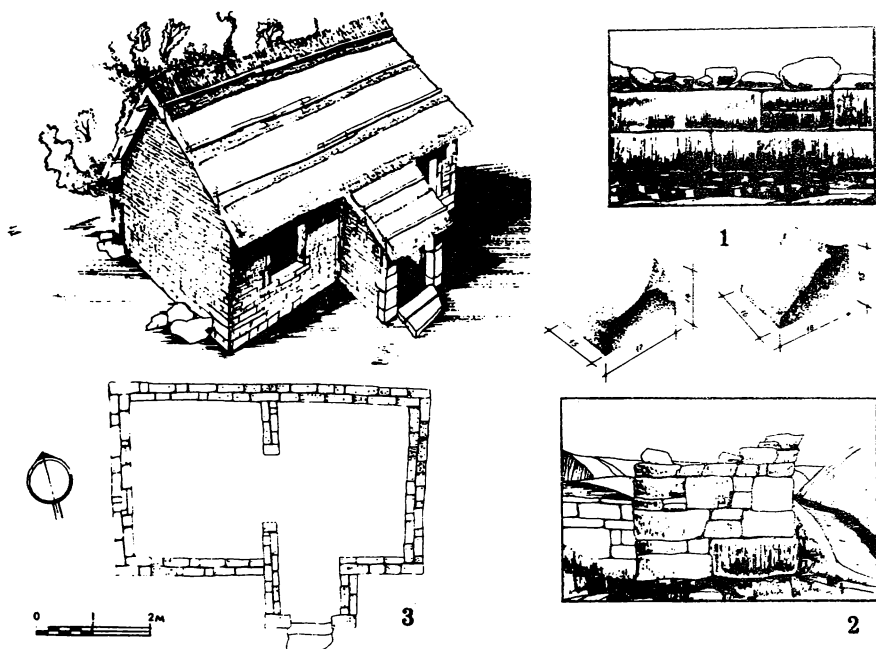

Рис. 20. Жилище IV – III вв. до н.э.: 1, 2 – каменная кладка (чертеж выполнен по фотографиям из архива Г.Д.Смирнова); 3 – реконструкция каменного дома

плане форму длиной 6 м, шириной 3,8 м (рис.19). В канаве выявлена кладка из кусков рваного камня, которая местами возвышалась на 10–20 см над скальной материковой поверхностью. Для прочности кладка была забутована щебнем. На дне канавы по ее периметру обнаружены четыре столбовые ямы от деревянного каркаса стен. Две ямы выявлены по продольной оси постройки, видимо, от опорных столбов, поддерживавших крышу. В плане ямы имеют овальную форму диаметром 10–20 и 14–18 см при глубине от 40 до 60 см [65, с.24–25] (рис.19). Среди камней фундамента постройки встречаются обработанные плиты размером 40х40х20 и 40х25х15 см. В развале дома найдены два фигурных камня, подвергнутых тщательной обработке. Размеры их 14х15х17 и 15х16х18 см (рис.20). Согласно геологическому анализу породы*, эти две фигур-

* Автор выражает искреннюю признательность доценту кафедры почвоведения КГУ им. В.И.Ленина М.Г.Булату за проведенный анализ почв.

Рис. 21. Обработанный камень

ные детали изготовлены из серого пузыристого андезитобазальта (рис.21). Пузыри-пустоты составляют около 20-25% объема породы, размеры их от 1-3 до 5-7 мм, форма изометрическая и причудливо-извилистая. По стенкам пустот отмечаются признаки белого пелитоморфного карбоната, бурные глинистые продукты, иногда фиштакново-зеленый эпидот.

По геологическим данным известно, что пузыристый андезитобазальт имеется в Причерноморье, только слои породы залегает довольно глубоко, что исключает ее добывание в рассматриваемое время. Подобного камня достаточно много в Эгейском бассейне, откуда он мог попасть в северо- или западнопонтийские полисы. А из этих городов они могли распространиться на Бутученский поселок.

Наиболее полно сохранились фундаменты и нижняя часть стен двух каменных домов, исследованных Г.Д.Смирновым. Нижняя часть фундамента возведена из больших, хорошо обработанных каменных плит, размеры которых доходят до 135х50х35 см (рис.20.1,2). Выше стены сложены из кусков необработанного камня на глиняном растворе. Технический уровень строительства был достаточно высок. Дома на поселении подобны каменным строениям греческих городов Северного Причер-

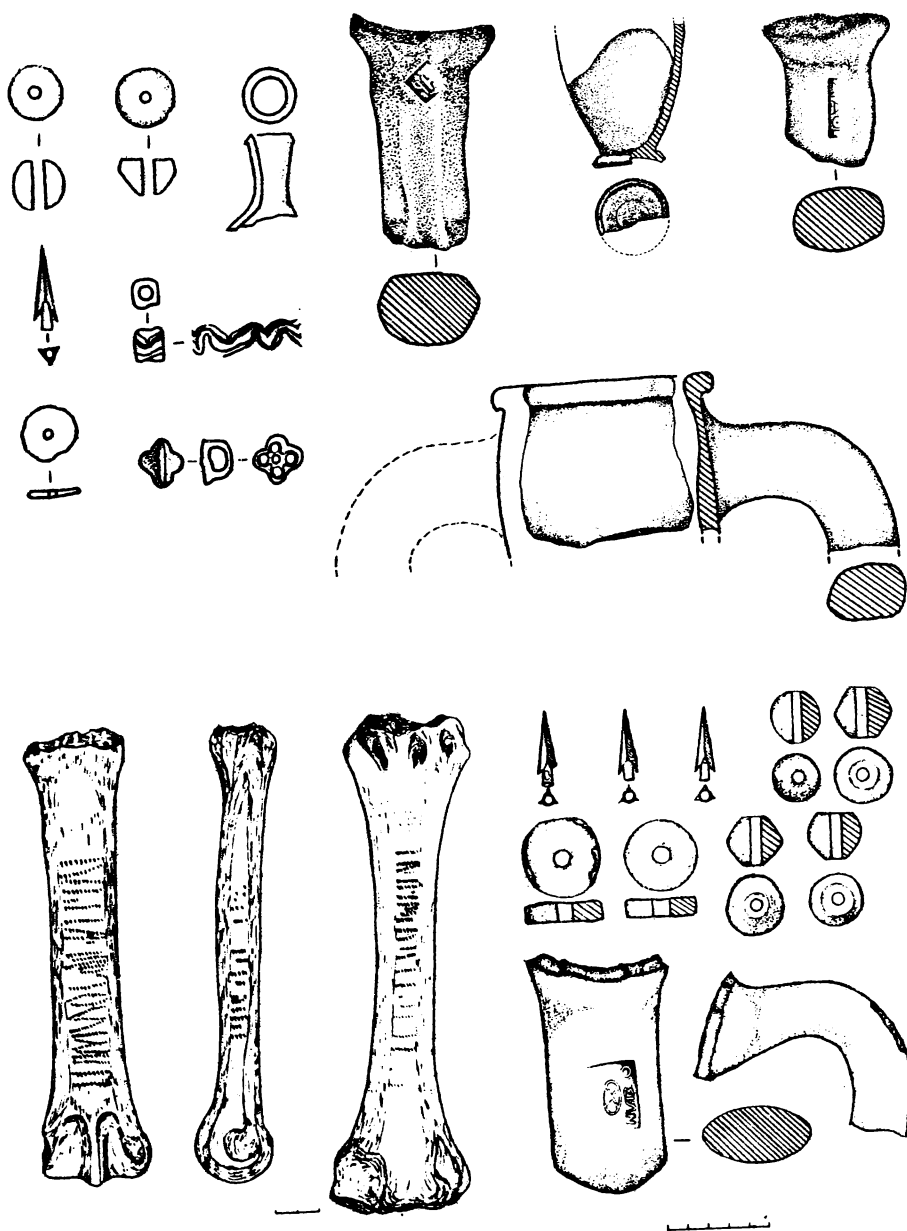

Рис. 22. Материалы из рва второй линии обороны

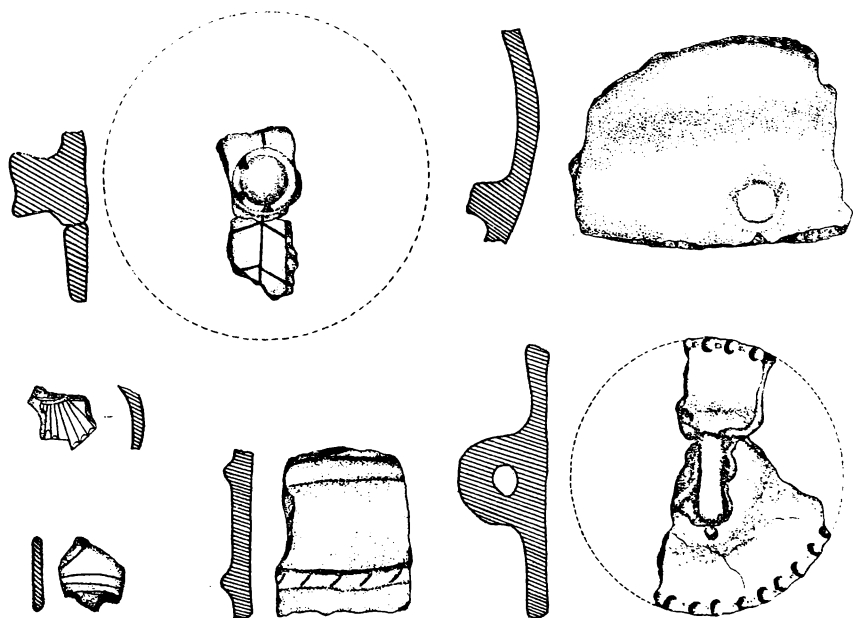

Рис. 23. Глиняные изделия из Бутучан

номеры [69, с. 295, рис. 93]. В одном из домов найден подвал (рис. 18.2), вырытый в скальной породе. В его заполнении, как и в жилищах, найдена гетская лепная, а также гончарная керамика, целые греческие амфоры и их фрагменты, обломки чернолаковой посуды*.

На территории городища в ходе археологических изысканий собран большой и разнообразный материал (рис. 22–25), в том числе глиняный тигель и куски железного шлака, свидетельствующие о том, что жители поселка занимались обработкой металлов. Из металлических изделий выделяется оружие. Найден кованый из железа меч-акинак с навершием в виде широкого, но сравнительно короткого бруска, длина которого лишь незначительно превышает ширину стержня рукоятки. Перекрестье довольно массивное, напоминает раскрытые крылья бабочки. В поперечном разрезе клинок имеет форму вытянутого ромба. Выявлены трехлопастные бронзовые наконечники стрел. Частыми находками в сооружениях являются лезвия железных ножей с горбатой спинкой, четырехгранные шилья, различные кольца и пр. Среди другого материала обнаружены и две медные монеты города Тир автономного периода. Одна из них, отно-

* Раскопки Г. Д. Смирнова 1946–1949 гг. Материал не опубликован, хранится в фондах МАЭ АН МССР.

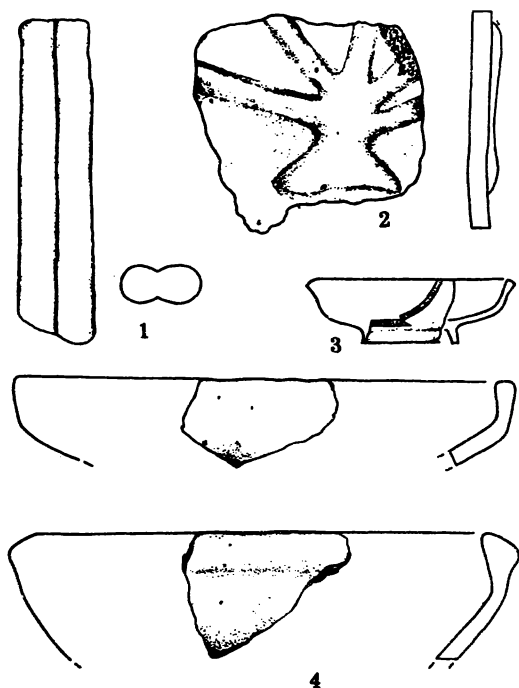

Рис. 24. Материалы из сооружений городища Бутучны

сящаяся к концу IV в. до н.э., найдена в развале каменного дома, другая, датируемая серединой III в. до н.э., — близ городища [156, с. 47; 162, с. 290-291, рис. 2 (1-2)].

Анализ многочисленного керамического материала, выявленного на городище, позволил установить, что основная масса посуды была изготовлена лепным способом и как по форме, так и по орнаменту является гетской керамикой IV-III вв. до н.э., известной на территории рассматриваемого региона. Части фрагменты серой гончарной посуды. Среди лепной керамики встречаются экземпляры, напоминающие скифские сосуды. Эти формы составляют 5-10% от общей массы керамического материала.

Привозная посуда, как показывают подсчеты керамики из коллекций раскопок последних лет, составляет 20-25%. Она представлена в основном фрагментированными греческими сосудами, среди которых преобладают амфоры. Встречаются фрагменты хиосских пухлогорлых амфор V в. до н.э., фасосских, гераклеийских и других эллинских центров. Из парадной керамики найдены черепки от небольших чернолаковых сосу-

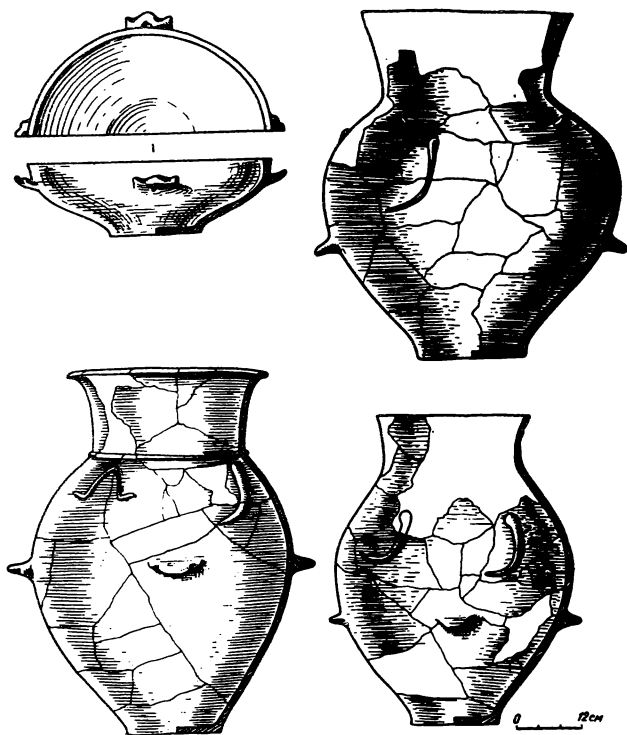

Рис. 25. Керамика с городища Бутучены

дов, среди которых выделяются фрагменты канфаров, горло от флакончиков для благовоний и др. Столь большой процент эллинской керамики на городище, находящемся на большом расстоянии от Причерноморских греческих городов, может быть объяснен только тем, что укрепленный поселок у с. Бутучены представлял собой центр оживленной торговли, долгие коммерческие связи которого с греческими городами Причерноморья в IV—III вв. до н.э. достигли апогея своего развития. Водным путем сюда стекались товары греческих кушцов, а затем распространялись на расположенных по обоим берегам Реута гетских поселениях.

Тщательное изучение материалов с Бутученского городища* позволило выполнить реконструкцию укрепленного поселка (рис. 7) — мощного военного и политического центра гетов в IV—III вв. до н.э.

* Были изучены материалы из личного архива Г.Д.Смирнова, любезно представленные В.И.Маркевичем, из фондов республиканского краеведческого музея, его отчеты и публикации, отражающие результаты археологических изысканий; привлечены данные, полученные в ходе раскопок в 1983—1985 гг. археологической экспедицией КГУ имени В.И.Ленина под руководством автора.

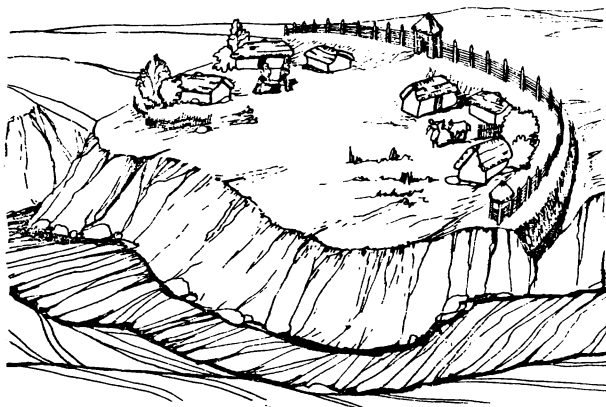

Рис. 26. Вариант реконструкции городища Машкауц

Аналогичным по топографии, строительству оборонительных сооружений и выявленному на нем материалу является городище Рудь, расположенное в 16 км к югу от современного города Атаки (МССР) [121, с. 78-79, рис. 26-28]. Городище занимает мыс, образованный рекой Днестр и глубоким оврагом Рыпа луй Аритон. С севера неприступность мыса обеспечивалась высоким и крутым скалистым берегом Днестра, с юго-востока – отвесным берегом упомянутого оврага. Укрепить городище необходимо было только в уязвимых местах мыса. С западной стороны был воздвигнут ряд оборонительных линий, состоящих из четырех валов и рвов и одного бастиона. Северо-восточная часть была укреплена двумя валами и рвами и системой эскарпов [165, с. 29]. Изучение валов показало, что они построены по тому же принципу, что и на городище Бутучены: из деревянной ограды или клетей, забутованных камнем и землей. По обеим сторонам центрального входа в поселок имелись башни, служившие для фланговой обороны [166, с. 122]. На территории городища кроме жилых и хозяйственных комплексов второй половины УШ – конца УІ в. до н.э. и І в. до н.э. – І в. н.э. выявлен значительный материал ІУ–Ш вв. до н.э. Среди последнего следует отметить железные псалии, ножи с горбатой спинкой, бронзовые трехлопастные стрелы, костяные изделия, а также керамику, в том числе и амфорную тару [166, с. 123].

Сопоставление сведений письменных источников и археологических данных, выявленных на городище Рудь, привело исследователей к выводу о возможности отождествления его с городом Мэтонием [166, с. 121-137], упомянутым Клавдием Птоломеем [45, III, 5, 15].

Разведывательными раскопками на городище Машкауцы (рис. 26) обнаружены развал наземного жилища IV–III вв. до н.э. и остатки наземной постройки с углубленным в скальной породе – материки – основанием. Они относятся, судя по обнаруженному в заполнении материалу, к поянештско-лукашевской культуре II–I вв. до н.э. На территории городища найден весьма разнообразный материал, в том числе бронзовая фибула с S-овидной спинкой (рис. 27.1), лезвие железного ножа с горбатой спинкой (рис. 27.2), нижняя часть глиняной антропоморфной фигурки (рис. 27.3), фрагмент бронзового браслета (рис. 27.4), глиняные прислица (рис. 27.5), миниатюрный сосудик (рис. 27.6), а также значительное количество гетской лепной, гончарной и привозной керамики. Среди последней выделяются фрагменты греческих амфор.

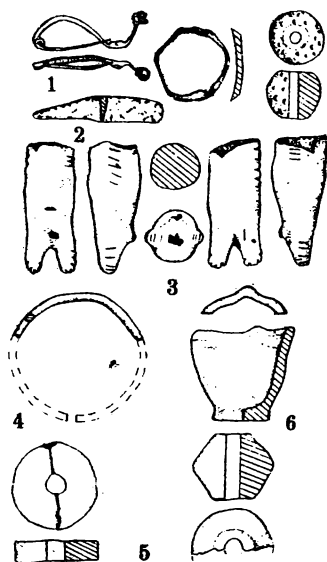

рис. 27. Материалы с городища Машкауцы

Особый интерес представляет городище Котнарь-Кэтэлина. Расположенное в центральной части Молдавской возвышенности в Ясском уезде, городище занимает одну из господствующих высот и является примером удачного сочетания ландшафта местности, который представляет внушительную естественную преграду, с системой искусственных фортификаций. Северо-западная сторона возвышенности была укреплена земляным валом с эскарпом. В юго-восточной части, где наклон местности доходил до $20-35^{\circ}$, для прочности в строительстве вала было применено каменное крепление, состоящее из двух параллельных каменных стен, сложенных из кусков необработанного камня техникой сухой кладки, которые крепились поперек, через определенные интервалы такими же стенками и деревянными балками. Это сооружение из продольных и поперечных каменных стен шириной 3–5 м являлось фундаментом земляного вала, высота которого в настоящее время достигает 5 м при ширине в основании 25 м. Возле вала с внешней стороны был вырыт ров глубиной до 6 м, шириной в верхней части 23 м. На гребне вала были обнаружены следы от частоккола, сооруженного из столбов, диаметр которых, судя по ямам от них, не превышал 15–30 см, расположенных на расстоянии 1,5–1,8 м друг от друга [281, с. 106–108, рис. 8–9]. На городище, как и в Бутученах, выявлен ряд жилых и хозяйственных комплексов, со-

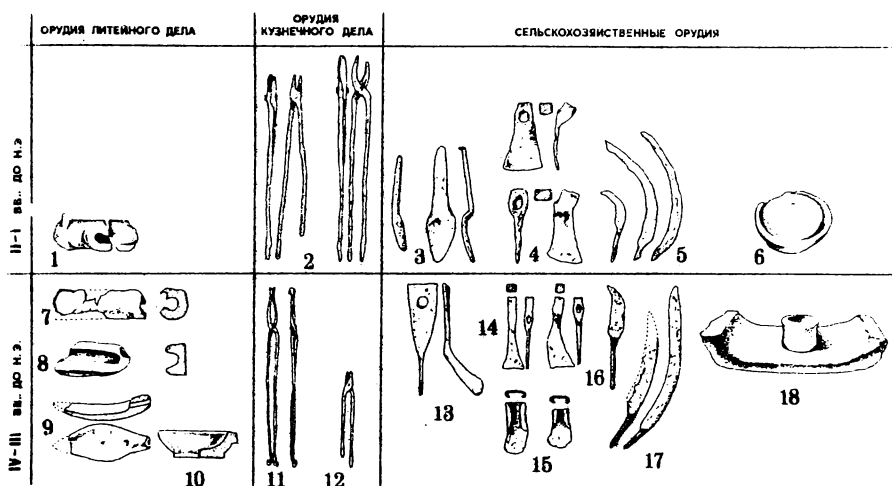

Рис. 28. Таблица эволюции и соотношения орудий труда

держащих многочисленный местный и привозной керамический материал, а также иной инвентарь.

Городище Еунешть, расположенное на господствующем над местностью мысу площадью 50 кв. км., было укреплено земляным валом, высота которого в северной части доходит до 9 м. На территории городища выявлено 46 жилищ и значительное число хозяйственных ям. Жилища все глинобитные на деревянном каркасе, о чем свидетельствуют многочисленные куски обмазки из развалов, на которых отчетливо сохранились отпечатки столбов, плах, веток от плетня. Площадь развалов жилищ от 40 до 60 кв. м. При их разборе выяснилось, что многие постройки были разделены на два помещения. Обогревание жилищ осуществлялось посредством глинобитного очага. Проведенные на большой площади раскопки позволили установить, что в исследованной части городища дома располагались в два параллельных ряда, расстояние между которыми не превышало 4-6 м [2II, с.249].

В ходе раскопок на городище найдены четыре клада. Два из них содержали украшения. В одном найдены серебрянные фибулы, браслеты, кольца и истрийская серебряная драхма конца IV в. до н.э., в другом - коралловое и янтарное ожерелья, две золотые подвески, два серебрянных проволочных браслета, завершающихся змеиными головками, и две ракушки [I96, с. 4]. Остальные два клада содержали железные орудия труда: топоры с проушиной и топоры с вертикальной втулкой для коленчатой рукоятки, сошник (рис.28.13,14), а также инструменты кузнечного дела: клещи, пробойники, кернер и др. (рис. 28.II,12). В жи-

лых и хозяйственных комплексах, как и в культурном слое, обнаружены орудия труда, оружие, украшения и значительное количество местного и привозного материала. Среди орудий труда, кроме упомянутого сошника из клада, следует отметить слабоизогнутые железные серпы с выступом-крючком на державке и зазубренным лезвием, ножи с черенком и горбатой спинкой и пр. (рис. 28.16). Оружие представлено железными наконечниками копий листовидных форм, бронзовыми трехлопастными наконечниками стрел и фрагментом меча. Частой находкой на городище являются куски железного шлака. Из украшений найдены серебряные и бронзовые браслеты с несомкнутыми концами или в виде спирали со стилизованными змеиными головками на концах, фибулы с S-овидной спинкой фракийского типа IV—III вв. до н.э., духцовские фибулы с массивной спинкой и длинной неприклепанной пятой III—II вв. до н.э. [148, с. 102—103, рис. I, IX, 3, 4], бусы из стеклянной пасты, покрытые росписью в виде человеческих лиц, круглых глазков и пр.

В 1984 г. на городище обнаружена золотая диадема весом 575,6 г. Она состоит из двух параллельных золотых стержней, концы которых завершаются стилизованными изображениями хищных животных [196, с. 4].

Массовый керамический материал представляет почти все основные формы гетской лепной посуды. На территории, подвергнутой археологическим исследованиям, к 1984 г. было обнаружено свыше 100 дакийских чаш, большое количество сосудов мешковидной и колоколовидной форм, горшков с округлобким туловом, украшенных рельефным орнаментом в виде схематических ритонов по плечикам, кувшины, кружки, миски, крышки от сосудов с вертикальной, наподобие бутученских, ручкой и без ручек и пр. Местная гончарная керамика встречается в значительно меньшем количестве. Импортная посуда представлена главным образом амфорами или фрагментами от них, среди которых выделяются фассосские, родосские, синопские и гераклеийские амфоры. Найдены также фрагменты чернолаковой керамики, в частности канфара на высокой ножке, мисочки и др. Из других находок обнаружены часть греческой терракотовой статуэтки и 14 гето-дакийских монет типа Хушь-Вовриешть [196, с. 4; 211, с. 253].

Само расположение городища в гуще многочисленных гетских, большей частью неукрепленных, поселений, его мощные оборонительные укрепления, вал, который в настоящее время достигает 9 м высоты, большая территория поселка с многочисленным населением, судя по выявленному только на раскопанной части 46 жилищам, а также многочисленный разнородный инвентарь, обнаруженный на памятнике, свидетельствуют о том, что поселок у современного села Бунешть в IV—III вв. до н.э. был мощным военно-административным и ремесленно-торговым центром.

Другим не менее важным центром считалось городище Стынчешть-Ботошана, расположенное в северной части Пруто-Карпатских земель. Городище состояло из двух частей, каждая из которых была укреплена земляным валом и рвом. Вал был очень мощный, в настоящее время его высота 5 м при ширине основания 20-22 м. Ров имеет трапециевидную в сечении форму шириной в верхней части 20-23 м, в нижней - 5,50 м. Глубина рва 6 - 7,20 м. Обе части городища составляли одно целое поселение площадью 50 кв.км. В ходе раскопок на городище выявлено свыше 37 жилых и хозяйственных комплексов. Жилища глинобитные на деревянном каркасе. Встречаются наземные дома и с углубленным в материк основанием. Все они имеют четырехугольную в плане форму, в некоторых найдены очаги и ямы от опорных столбов, поддерживающих крышу. Системы подземных кладовых - хозяйственных ям, и отопления жилищ аналогичны тем, что выявлены в Бутученах, Бунешть и пр.

В одном из жилищ площадью 42 кв.м под развалом из кусков обмазки, камней и керамики найдены фрагменты от двух бронзовых поножей, два псаля из бронзы с концами в виде головы орла, два украшения конской сбруи, изготовленные из тонкой золотой пластины, золотое зооморфное изображение, представляющее голову кабана и тело рыбы с орлиным хвостом [279, с.15].

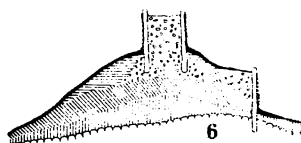
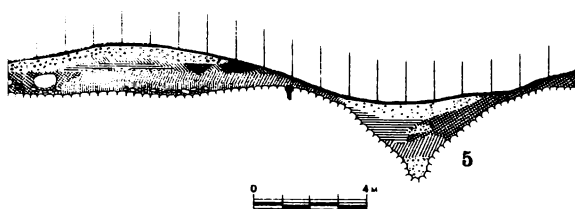
В жилых и хозяйственных комплексах, а также в культурном слое найдены железные наконечники копий, бронзовые трехлопастные стрелы, многочисленные куски железного шлака, украшения, в частности глазчатые бусы из стеклянной пасты, подвески и пр. Керамический материал представлен лепной керамикой различных типов, многие из которых аналогичны бутученским и бунештским, и привозной посудой, в первую очередь амфорами из Хиоса, Фассоса и Синопы [279, с.12-13].

Аналогичные городища известны и в других областях рассматриваемого региона.

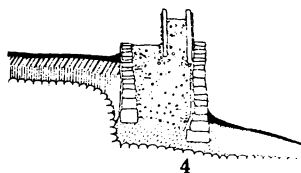
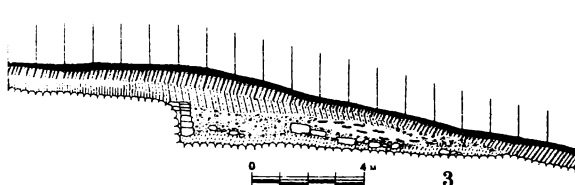
В Истро-Понтийской зоне такие укрепленные поселения обнаружены в Бештепе и Бейдауд. Последнее расположено на высоком плато, южная и восточная стороны которого очень крутые. В этой части был воздвигнут земляной вал. Северо-восточная сторона плато укреплена двумя валами, сооруженными из кусков необработанного камня и земли. На городище выявлены остатки наземных глинобитных жилищ и значительный керамический материал IY-III вв. до н.э. [376, с.39-50, табл. I, II].

В Дунайско-Балканском регионе обнаружен ряд городищ, среди которых такие, как Пискул Крeсань в северной части, Албешть, Зимнича на Дунае и др. Зимнича занимала господствующий над местностью мыс, окруженный с трех сторон оврагами, отвесные склоны которых местами доходят до 20 м высоты. Укреплен мыс только с пологой стороны 150-

IV-III вв. до н.э.

II в. до н.э. - I в. н.э.

I-II вв. н.э.

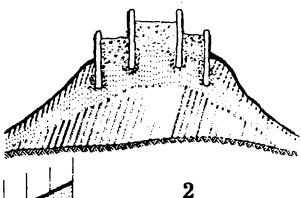
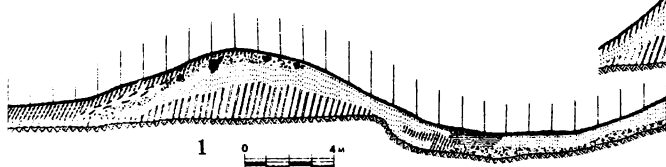

Рис. 29. Система укреплений: 1,3,5 - оборонительные сооружения; 2,4,6 - реконструкция валов

метровым рвом шириной 30 м. Ров полностью изолирует поселок от внешнего мира. В ходе раскопок в укрепленной части мыса выявлены наземные глинобитные на деревянном каркасе жилища, покрытые камышом или соломой [416, с.19-27, рис.А]. Среди находок выделяется бронзовое зеркало с железной ручкой, оружие, фрагменты глиняных литейных форм, а также местная и привозная керамика. Лепная посуда включает формы, характерные для гетской керамики IV-III вв. до н.э. Найдена и гончарная серая и желтоватая посуда. Привозная керамика представлена на городище в основном амфорами [416, рис.4]. Археологическими изысканиями установлено три периода жизни на данном мысу с IV до I в. до н.э. Каждому периоду соответствовал отдельный поселок. Все они погибли в результате сильных пожаров, о чем свидетельствуют слои пепла. Судя по выявленному материалу, не только на городище, но и на курганном могильнике, расположенном вблизи [416, с.24-25], на мысу на протяжении IV-I вв. до н.э. находился поселок, представляющий собой важный военный, административный и торговый центр.

Изучение городищ IV-III вв. до н.э. показало, что не на всех из них жизнь была постоянной на протяжении двух или хотя бы одного столетия. Многие из них, например Ханска, Гульбоака, Бештепе [375, с.31-

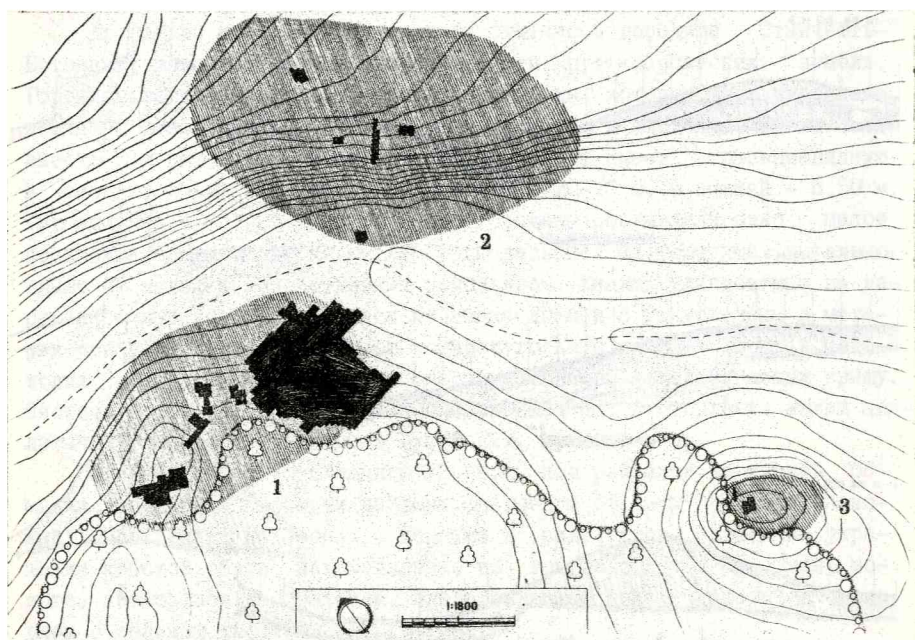

Рис. 30. Селища Ханского микрорайона: 1 - Ханска-Лимбарь; 2 - Ханска-Пидашка; 3 - Ханска-Толоакэ

37], были временными поселениями, в которых укрывалось население из близлежащих сел в случае набегов враждебных племен, то есть они были городищами-убежищами [148, с.39-40].

Вместе с тем исследования укрепленных поселений показали, что топография, планировка и способ строительства укреплений едины [375, с.34-35] (рис. 29.1,2) для всех городищ Днестровско-Балканского региона, за исключением Карпатской дуги, где они пока еще не изучены.

Селища, как правило, геты создавали вблизи источников воды, в окружении плодородных земель, лесов и пойменных лугов. Топография неукрепленных поселений характерна для всех обитателей лесостепной зоны. В ней отражены хозяйственные потребности жителей. Под поселки чаще всего выбирали защищенные от ветра склоны оврагов и долин, однако многие из них располагались и на высоких плато. Встречаются единичные поселения и группы селищ (карт.3).

Поселки в плане в основном имели продолговатую форму (рис.30). Наиболее полное представление о планировке и общем виде гетского поселка IV-III вв. до н.э. получено в результате многолетних археологических изысканий в центральной части Днестровско-Прутского между-

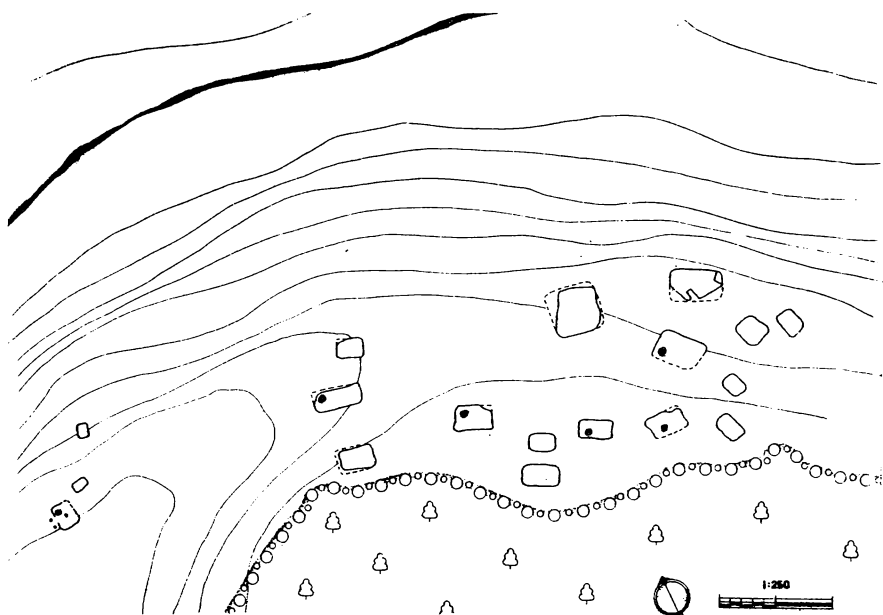

Рис. 31. План поселения Ханска-Лимбарь

речья, где была раскопана большая часть поселения Ханска-Лимбарь, вследствие чего стала возможной его реконструкция (рис.30-32). Дома в гетском поселке, как видно из плана расположения жилых и хозяйственных комплексов на поселении Ханска-Лимбарь (рис.31), строились сравнительно близко друг от друга, вдоль склона группами по две, три постройки с системой подземных кладовых вблизи них, а иногда и в самих жилищах. Расстояние между домами в группах от 4 до 8 м, между группами жилищ от 10 до 15 м. В поселке, как правило, имелись мастерские, которые обычно размещались в специальных, земляночного типа помещениях, наподобие мастерских из Ханска-Лимбарь (рис. 32 и 33.2). Кучевая планировка жилищ в поселках позволяет считать, что они складывались из нескольких семей, связанных между собой не только хозяйственной, социальной и идеологической общностью, но и родственными узами. Исходя из сохранившихся указаний античной традиции и археологических данных можно заключить, что у жителей этих поселков была общая обрабатываемая земля, общее место захоронения и др. [II4, с.100].

Жилища гетов были в основном наземные, хотя встречаются дома с углубленным основанием, а также полуземлянки (рис.1.2). Наземные дома строились прямо на древней дневной поверхности. Обнаруженные остатки их представляют развалы из кусков обмазки и камней. Обмазка

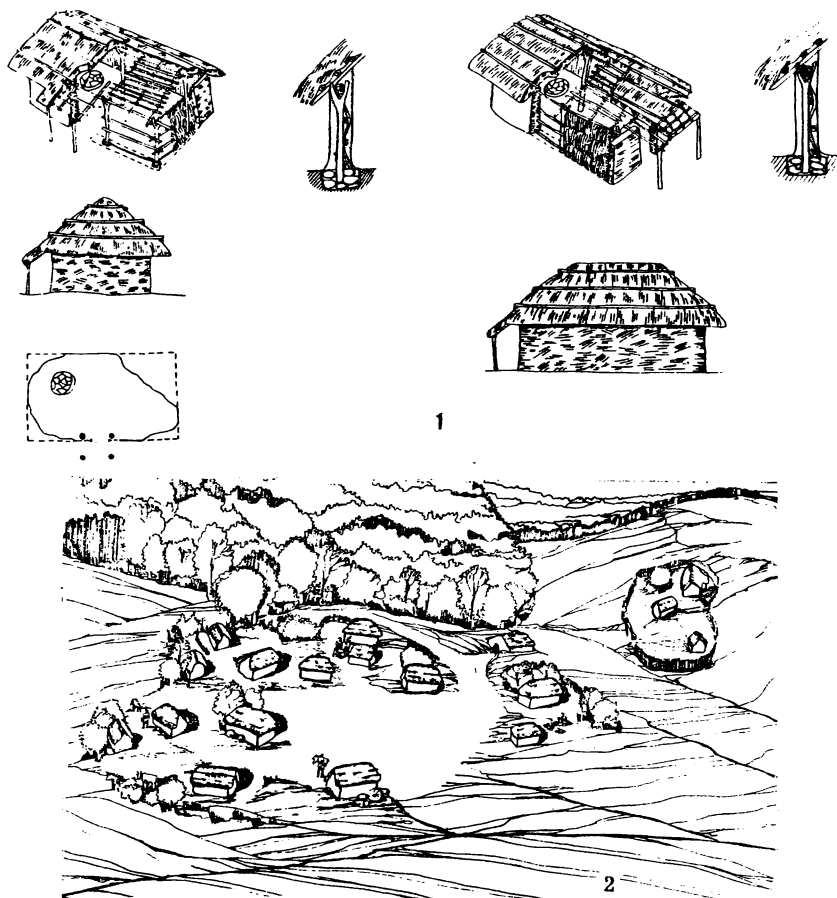

Рис. 32. Реконструкция: 1 - гетского жилища; 2 - поселения Ханска-Лимбарь

сделана из глины с примесью половы, соломы, травы, листьев и хорошо обожжена. На некоторых кусках заметны отпечатки жердей, бревен, веток, иногда злаков. Встречаются куски обожженной глины, которые с двух сторон, в результате давления на них угловых досок или распиленных бревен, имеют гладкую поверхность. Изучение развалов жилищ позволяет восстановить способ их строительства. На специально выравненной площадке сооружали четырехугольный деревянный каркас, стены которого оплетали прутьями, затем с обеих сторон обмазывали толстым слоем глины. Иногда основание деревянного каркаса постройки, которое для прочности углублялось в землю, обкладывалось с обеих сторон известняковыми камнями. Дома в основном прямоугольные, некото-

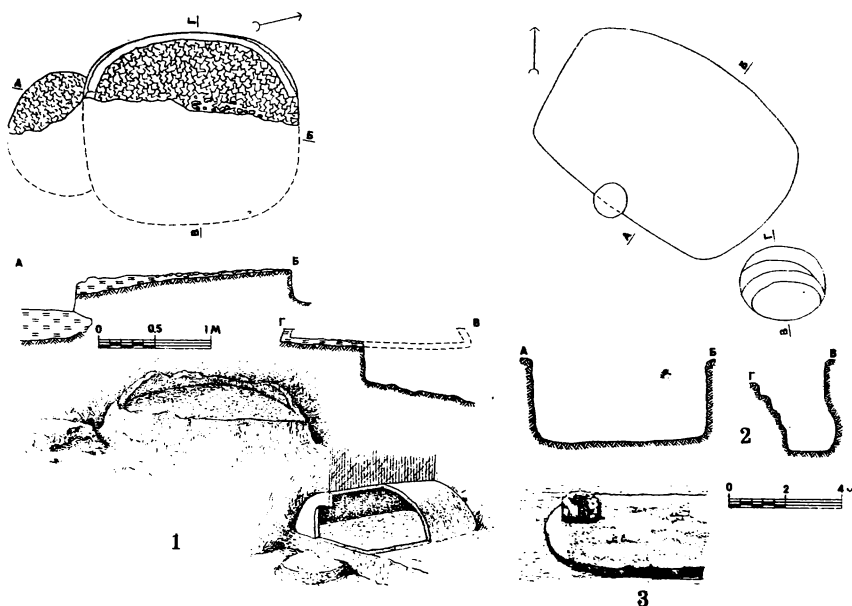

Рис. 33. Сооружения IV—III вв. до н.э.: 1 — крематорий могильника Ханска-Лутерия; 2 — мастерские с поселения Ханска-Лимбарь; 3 — горы с поселения Брагадир (по М. Турку)

рые из них, судя по постройкам из Ханска (рис. 32.1), имеют сени. Крыша скорее всего была двухскатной, из камыша, соломы или веток. Аналогично строились и дома с углубленным в материк основанием. Отапливались гетские жилища очагами, реже печами или жаровнями (рис. 34).

Полуземлянки, как наземные дома, четырехугольные и углублены в материковую глину на I—I,2 м.

При гетских жилищах помимо ям-хранилищ обнаружен и ряд хозяйственных помещений. Это маленькие глинобитные постройки, предназначенные для хранения инвентаря, припасов и т.п. По площади гетские дома двух типов: большие, площадью 60—70 кв.м и малые — 12—24 кв.м. На отдельных поселениях отмечены дома, разделенные на комнаты меньших размеров, о чем свидетельствуют остатки перегородок или расположенные рядом очаги.

В ходе раскопок в западной части поселения Ханска-Лимбарь обнаружены две земляночного типа постройки: одна — четырехугольная в плане, другая — овальная (рис.33.2).

Первое сооружение выявлено на глубине 50—55 см от уровня дневной поверхности. Оно представлено слабым развалом из кусков обмазки незначительных размеров и керамики. После снятия развала на

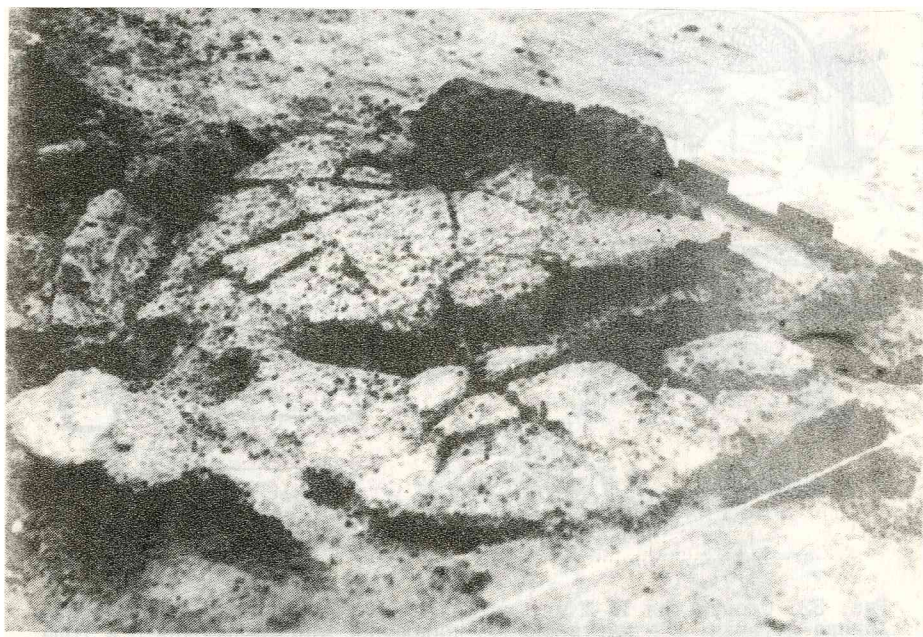

Рис. 34. Жаровня из наземного жилища с поселения Ханска-Пидашка

фоне желтоватого материка на глубине 60 см появилось темное пятно прямоугольной формы размером 9х6 м, ориентированное короткими сторонами с северо-востока на юго-запад. При снятии темного грунта выяснилось, что постройка углублялась в материковую глину до 2 м. В заполнении котлована обнаружен довольно разнообразный материал: семь наконечников бронзовых стрел (пять трехлопастных и два трехгранных) (рис. 35.1), два бронзовых шила (рис. 35.3), железная иголка с проушиной (рис. 35.2), фрагмент каменной литейной формы (рис. 37.6), три железные предмета, видимо заготовки (рис. 37.4), костяные накладки от двух железных ножей, на одной сохранились три заклепки (рис. 37.2,3), заготовка глиняной фигуры (рис. 36.3), фрагмент дна глиняного лепного сосуда с отпечатками ткани (рис. 36.2). Из украшений найдены бронзовый браслет с несомкнутыми концами, выполненными в виде сильно стилизованных головок змеи (рис. 35.4), две низки стеклянных бус и одна пастовая глазчатая (рис. 35.5,6). В заполнении обнаружены также куски от глиняной жаровни и 872 фрагмента керамики, из которой 855 – от гетской и 17 – от привозной посуды. Среди гетской керамики выделяются 784 фрагмента от лепных и 52 – от гончарных сосудов. Лепная посуда по консистенции теста, формам и орнаментации ана-

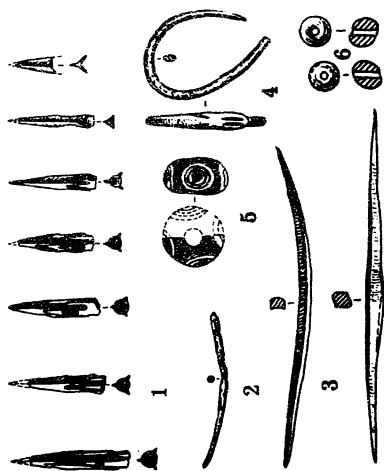

Рис. 35. Металлические и каменные изделия

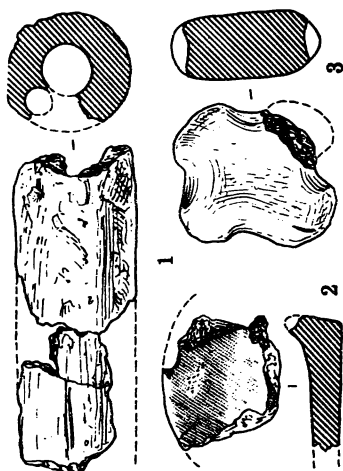

Рис. 37. Находки из мастерской

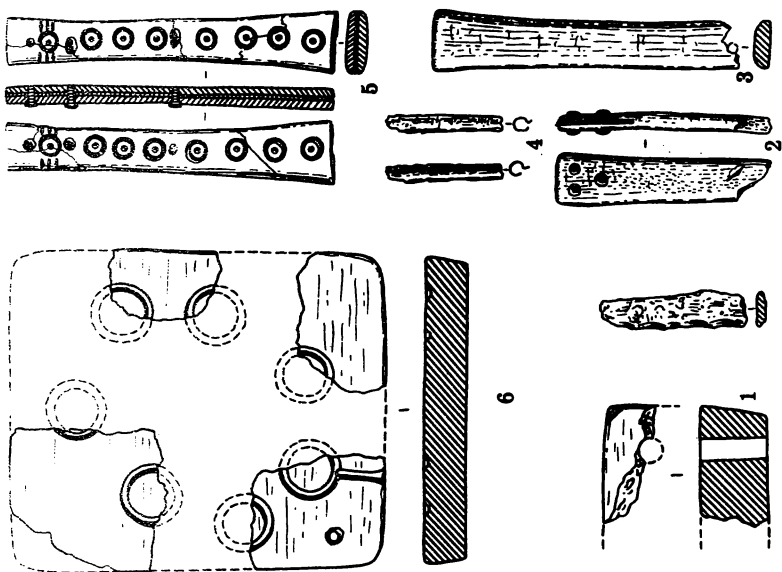

Рис. 36. Коотные, металлические и каменные предметы

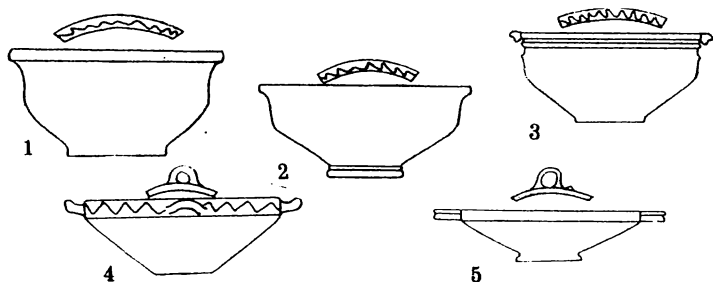

Рис. 38. Гончарная керамика с гетских поселений: 1,2 - Ханска-Лимбарь; 3,4 - Хушь-Корнь, 5 - Ханска-Толоакэ

логична гетской керамике IV-III вв. до н.э. Гончарная представлена фрагментами от сосудов светло-желтого и серого цвета с лощеной поверхностью (рис.38).

Судя по сохранившимся материалам, постройка была сооружена в виде полуземлянки. Учитывая, что развал выявлен в предматериковом слое, толщина которого не превышала 15-20 см, то глубина котлована не превышала 2,15-2,20 м. Над котлованом воздвигались невысокие глинобитные на деревянном каркасе стены. Наличие в заполнении полуземлянки фрагмента от литейной формы, многочисленных металлических изделий, заготовок глиняных пряслиц, заготовок из железа в виде небольшого стержня и трубочек и других предметов, позволяет предположить, что данная полуземлянка служила мастерской.

Рядом, в 70 см к юго-востоку, выявлено еще одно сооружение размером 3х2,8 м, глубиной 2,6 м от уровня материка (рис.32.2). Землянка имеет неправильную геометрическую форму. В северной стене выявлены три выступа: первый - шириной 50 см, расположен на глубине 35 см от материковой поверхности, второй - шириной 30 см, находится на глубине 65 см, третий - шириной тоже 30 см, на глубине 80 см. В южной стене с глубины 70 см и до дна располагается подбой, заходящий в стену на 30-35 см (рис. 33.2). Дно землянки ровное. В заполнении найден интересный материал: два куса железного шлака, кусок железной руды около 0,5 кг, четыре фрагмента от каменных литейных форм (рис.37.6), костяные накладки от железного ножа, украшенные нарезными кружочками с углублением посередине (рис.37.5). В том числе обнаружен фрагмент глиняного сопла со следами шлакирования, длиной 13 см, диаметром 4,5 см, сопло имеет два продольных круглых отверстия: одно - посередине, диаметром 2 см, второе - в стенке сопла, диаметром 1 см (рис.36.1). В заполнении найдены также фрагменты гетской лепной керамики.

Обнаруженный в землянке материал достаточно убедительно указывает на то, что она служила мастерской, где занимались отливкой

и обработкой различных металлических изделий. Куски железной руды и шлака, а также керамическое сошло позволяют предположить, что местные мастера занимались не только обработкой, но и выплавкой железа. Правда, остатки домниц не найдены, однако хорошо известно, что геты в IV—III вв. до н.э. [148, с.89] и в последующее время [401, с.90, табл. III, I, 2] добывали железо посредством специальных горнов (рис.33.3). В мастерской изготавливали изделия не только из металла, но и из других материалов: кости, глины, камня. Очевидно, оба сооружения составляли единый комплекс по изготовлению и ремонту сельскохозяйственного инвентаря, оружия, украшений и различной домашней утвари. Не исключено, что этот комплекс обеспечивал металлическими и иными изделиями не только данный поселок, но и весь ханский микрорайон. Аналогичное положение было и на других гетских поселениях.

Изучение гетских поселений показывает, что на некоторых из них преобладают наземные дома, как в Ханска-Лимбарь, на других — дома с углубленным в материке основанием, как в Хушь-Корнь, но по планировке, способу сооружения, строительному материалу, отопительным сооружениям все они одинаковы. Эта общность наблюдается и в топографии неукрепленных поселений на всей рассматриваемой территории от Днестра и до Балкан, от Тиссы и до Черного моря.

Погребальный обряд северных фракийцев получил достаточное освещение в отечественной [147, с.27—43; 148, с.62—88] и зарубежной [321 с.23—35; 361, с.15—105; 374, с.49—57] литературе, поэтому нет необходимости останавливаться на его детальном разборе и в данной работе.

Вместе с тем необходимо затронуть вопрос о соотношении погребального обряда местного населения в VI—V вв. до н.э. и в IV—III вв. до н.э., а также выявить характер могильного ритуала в IV—III вв. до н.э. на всей обширной территории от Днестра до Балкан, от Карпат до Черного моря.

Анализ погребального обряда показывает, что в IV—III вв. до н.э. получают дальнейшее развитие обряды, сложившиеся на протяжении VI—V вв. до н.э., хотя отдельные из них претерпели некоторые изменения. В IV—III вв. до н.э. топография могильников осталась без особых изменений. Как и раньше, практиковались курганные и грунтовые захоронения. Для более ранних курганных могильников, в частности Енисала, Аджигиол, датированных IV в. до н.э. [374, с.55; 220, с.76], характерно возведение над захоронениями сначала невысокого настила из речной гальки или песчаника в один, два и более рядов камней, который, словно панцирь, накрывал погребение, а затем сооружалась земляная насыпь. Этот способ сооружения курганной насыпи широко применялся на могильниках VI—V вв. до н.э. Бырсешть, Феридже, Тигвень, Добриня, Ревна и др. Однако с конца IV в. до н.э. каменный панцирь в курганной на-

Рис. 39. План могильника IV–III вв. до н.э. Ханска-Дутэрия

сыпи больше не встречается. В IV–III вв. до н.э. продолжают об-
тывать основные формы
могильных ям, извест-
ные в предшествующее
время, среди которых
особое распространение
получили простые, зем-
ляные, цилиндрической
формы ямы и захороне-
ния в цистах. Эти виды
могильных ям характер-
ны не только для се-
верных, но и для юж-
ных фракийцев [321,

с.26]. В этот период увеличивается количество и разнообразие форм
сложных погребальных сооружений [147, с.43]. В погребальном ритуа-
ле особых изменений не произошло. Как и раньше, в IV–III вв. до н.э.
местные племена практиковали оба обряда: трупоположение и трупосож-
жение, но с явным преобладанием последнего. Кремация усопших, за ис-
ключением погребения-печи из Зимничи и Поенешть, происходила в спе-
циальных печах-крематориях, расположенных за пределами могильника,
как в Ханска-Дутэрия (рис.33.I). Среди погребений с трупосожжением
преобладают урновые захоронения под крышкой или без крышек (рис.39),
в простых земляных ямах или в цистах. Погребения с трупоположени-
ем по ареалу, формам могильных ям, характеру инвентаря, расположе-
нию в пределах могильника ничем не отличаются от захоронений с тру-
посожжением [197, с.19–126]. В этой связи следует отметить, что
большая часть захоронений с трупоположением, а их в настоящее время
известно много [320, с.381], – курганные. К тому же чаще всего они
являются центральными курганными погребениями и совершены в сооруже-
ниях в виде прямоугольных каменных конструкций, как в Аджиголе, Ян-
ково и др. Как правило, они содержат богатый материал: серебряные
парадное оружие и предметы торевтики, а также боевое оружие, амфо-
ры, греческую парадную посуду и местные лепные сосуды с жертвенной
пищей. В таких погребениях имеется отдельная камера, где хоронили
боевого коня усопшего [220, с.33–76, рис.7]. Например, в курганном
погребении в Перету вместе с усопшим был захоронен боевой конь, здесь
же найдены обручи от колесницы, а также серебряный шлем с позоло-
той, серебряная антропоморфная маска с позолотой, украшения, выпол-
ненные в зверином стиле [320, с.383–390].

Изучение погребального обряда позволило установить, что основная часть богатых курганных захоронений независимо от ритуала содержала оружие – свидетельство их принадлежности воинам. Наряду с погребениями богатых воинов хорошо известны погребения рядового населения. Обнаруженный в них инвентарь значительно беднее, вместо боевого коня в некоторых из них встречаются детали конской сбруи или узда: псалии, удила и пр. Иногда в погребениях находят и оружие, в частности наконечники стрел и пр. В захоронениях, как правило, обнаружены керамические изделия. Это, прежде всего, урны в погребениях с трупосожжением и сосуды с жертвенной пищей. В качестве урн применялись обыкновенные сосуды, широко распространенные на близлежащих поселениях. Урнами могли быть горшки различных типов, даже кружки и миски, а иногда и греческие амфоры. Все сосуды, выявленные в захоронениях, по технике изготовления, консистенции теста, формам и системе орнамента аналогичны керамике с поселений IV–III вв. до н.э. Днестровско-Балканского региона.

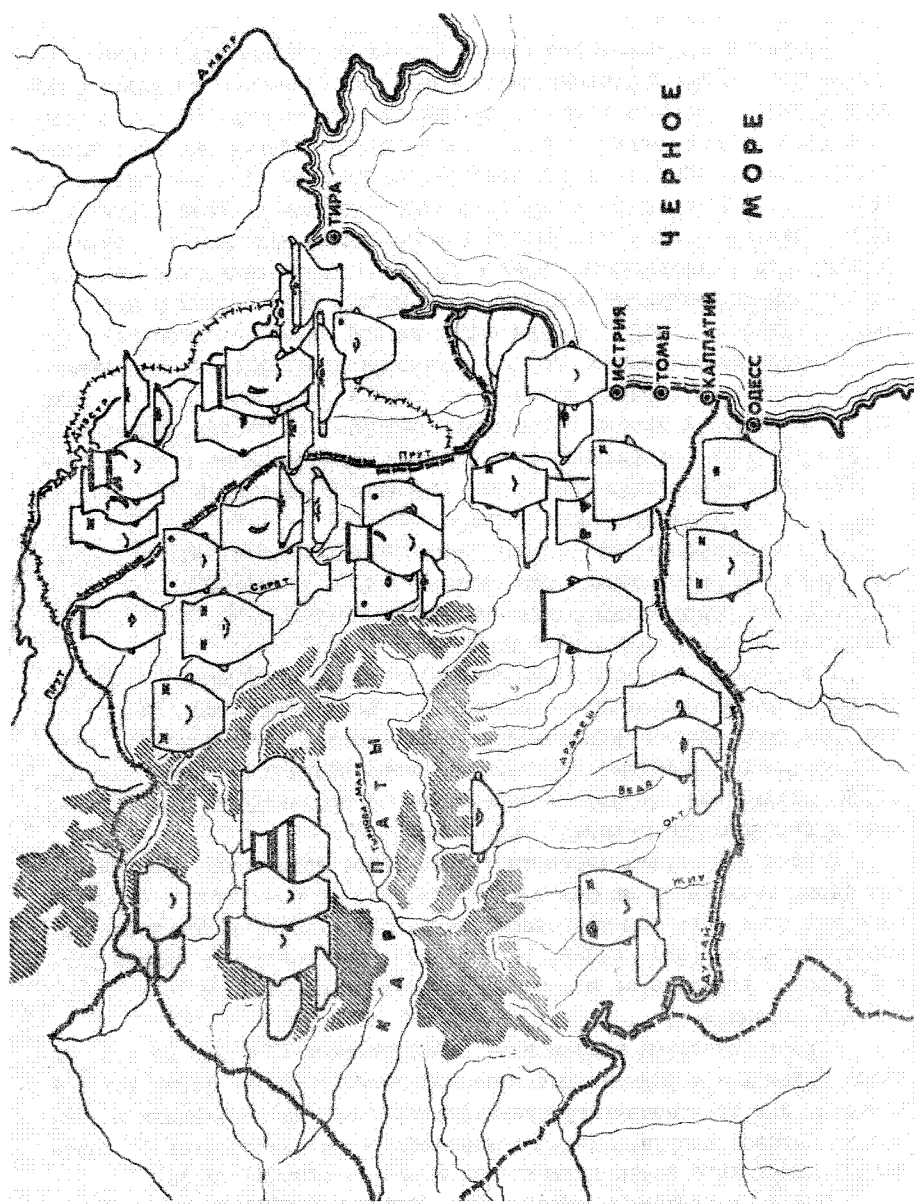
Анализ погребального обряда, который выполнен на основе изучения свыше 900 захоронений, относящихся к IV–III вв. до н.э., полностью подтверждает высказанный ранее вывод о его единстве на всей рассматриваемой территории [147, с.43].

В изучении местных племен особое значение приобретает керамический материал, богато представленный на всех памятниках. Известно, что "для составления заключений о палеоэтнографических чертах древнего населения наиболее перспективно использовать керамические находки, являющиеся продуктами неремесленных производств или ремесленных производств на заказ" [73, с.242].

В настоящее время известно значительное количество керамических форм, выявленных на памятниках IV–III вв. до н.э. Этот огромный материал стал объектом многочисленных исследований, в том числе и монографических [251, с.356; 323, с.392], что облегчает задачи данной работы, избавляя ее от необходимости классификации северофракийской керамики.

Археологическими изысканиями на памятниках IV–III вв. до н.э. выявлен большой ассортимент керамической посуды, многие формы которой известны и в предшествующее время (рис.2 и 3). На поселениях в качестве бытовой посуды, а на могильниках – урн или сосудов с жертвенной пищей чаще всего применялись горшки различных типов.

Горшки с низким прямым горлом, покатыми плечиками и наибольшим расширением тулова в средней части (рис.2.7) известны на городищах Бутучены, Стынчешть-Ботошана, селищах Ханска-Пидашка, могильниках Ханска-Лутэрия в Днестровско-Карпатских землях; Брэилица [377, с.28, рис.9(1)], Зимнича [197, с.74, рис.20 (3,4)], Фэкеу – [323,

Карта 4. Распространение основных керамических форм

табл. IV, 8] — в Карпато-Дунайском бассейне; Телица [374, с. 72, табл. XII, а], Буджак Остров [299, с. 204, рис. 8] — в Истро-Понтийской зоне. Широкое распространение этот тип горшков получил в I в. до н.э. (карт. 4). В III-II вв. до н.э. горшки с низким, прямым горлом подверглись некоторым изменениям. Их стали украшать розетками в верхней части горла или схематичными ритонами в виде косых налепов, реже на лепами в виде перевернутой латинской цифры "V".

Горшки с низким, расширяющимся к устью горлом, покатыми плечиками и наибольшим диаметром тулова в средней части. Как правило, они снабжены ручками-упорами, расположенными по линии наибольшего расширения тулова. Иногда встречается орнамент в виде схематичных ритонов, выполненный налепным валиком на плечиках сосуда. Целые или во фрагментах горшки этого типа известны почти во всех областях рассматриваемого региона, в частности в Бутученах, Ханске, Бунешть (рис. 2.8-10), Васлуй, Пояне, Зимнице [251, с. 112, рис. 40/2, 4; 41], Енисале [374, с. 67, табл. VII, в], Апахиде, Дезмире [251, табл. XXX, 2, XXXI, 2, 4], Добошень [251, табл. XXXII, 4], Чумешть [251, табл. XXIX 10] и др.

Горшки-корчаги с хорошо выраженным, расширяющимся кверху и переходящим к устью в раструб горлом. Тулово округлобкое с покатыми плечиками и ручками-упорами посередине. Переход от горла к тулову плавный. Плечики сосудов, как правило, орнаментированы косыми налепами в виде схематичных ритонов и невысоких цилиндрических налепов. На некоторых экземплярах верхняя часть тулова была украшена рельефным орнаментом в виде трезубца, двузубца или перевернутой латинской цифры "V" (рис. 2.21). На одном фрагменте от корчаги, найденном в заполнении рва городища Бутучены, обнаружен рельефный орнамент, представляющий мощное старое дерево с пышной кроной, видимо, олицетворяющее "древо жизни" (рис. 24.2). Горшки этого типа, целые или во фрагментах, широко представлены в Бутученах, Ханска-Пидашка, Ханска-Лутэрия, Хушь-Корнь [393, с. 177, рис. 9 (1, 2)], Стынчешть-Ботосана [279, с. 12, рис. 3(5)], Пояне [251, с. 112, рис. 40(3)], Зимнице [197, с. 74, рис. 20(8)], Грэдиштя-Кэлэрашь [257, с. 139, рис. 2(1)] и других памятниках, охватывая почти всю рассматриваемую территорию, за исключением Внутрикarpатских областей, где пока они неизвестны (карт. 4).

Горшки-корчаги с высоким расширяющимся к устью горлом и выпуклыми плечиками. Венчик прямо срезан. Выпуклое тулово резким изгибом соединяется с горлом. Посередине тулова обычно расположено по две или четыре ручки-упора. На плечиках часто встречается орнамент в виде схематичных ритонов и небольших цилиндрических налепов. Такие горшки были выявлены почти на всех исследованных памятниках I в.

ш вв. до н.э. Целые, они известны в Бутученах, Ханске (рис.2.19, 22), Пояне [251, с.69, рис.20(1)], Бештепе [375, с.47, табл. УП,2], Зимниче [197, с.76, рис.22(4)], а также внутри Карпатской дуги в Цара Ёырсей [251, табл. ХУП, 3] и др.

В IУ-Ш вв. до н.э. широко распространяются и другие типы горшковидных сосудов, в частности горшки без выделенного горла. Тулово баночной или едва выпуклой формы. Многие из них орнаментированы в верхней части, несколько ниже венчика, налепным валиком со вдавлениями, которые прерываются ручками-упорами. Целые экземпляры известны в Бутученах, Ханске, Пояне (рис.2. 26-28), Канлия [323, с.406, табл. ХIУ,2.7], Хушь-Корнь [393, с.175, рис.6(2)], Бунешть [211, с.259, рис.8(9)], Енисале [372, с.84, рис.15а], Сату Ноу [317, рис.1 (2)], Муригиол [230, табл. I(2)], Гредештя Кэлэрашь [257, с. 139, рис.2(2)], Зимниче [197, с.67, рис. 13(4-8)], Клуж-Мэнэштур [251, табл.ХУШ, 35] и др.

Довольно распространенными являются горшки без выделенного горла с широким устьем. Колоколовидное тулово этих горшков снабжено ручками-упорами, расположенными в средней или нижней части высоты. Иногда верхняя часть сосуда украшена цилиндрическими налепами (рис.2. 32-34). Целые или во фрагментах, они известны почти на всех памятниках УI-IV вв. до н.э., в том числе и на расположенных во Внутри-карпатских областях в Клуж-Мэнэштур [251, табл. ХУШ,2], Сфынту Георге, Симпетру Джерман [251, табл. ХУШ, I-2]. На памятниках III в. до н.э. в Карпатских районах они больше не встречаются. В Днестровско-Балканском регионе они бытуют несколько дольше, вплоть до конца III-начала II в. до н.э.

Частой находкой на памятниках являются горшки с едва намеченным горлом и покатыми плечиками. Тулово обычно украшено двумя-четырьмя наклоненными вниз ручками-упорами, расположенными в нижней, реже в средней части его высоты (рис. 2.39-41).

Все эти виды сосудов бытовали и в предшествующее время (рис.2). Однако наряду с ними в конце У - начале IV в. до н.э. появляются новые типы посуды, характерные только для IV-III вв. до н.э. Среди них особое распространение получили горшки без выделенного горла, с покатыми плечиками и наибольшим диаметром в верхней части тулова. Они, как правило, снабжены ручками-упорами, расположенными в нижней части тулова. Иногда верхняя часть сосуда несколько ниже венчика опоясана горизонтальным налепным валиком со вдавлениями, которые прерываются двумя или четырьмя небольшими сегментовидными упорами. На отдельных экземплярах от горизонтальных валиков опускаются вниз аналогичные налепные валики, которые, словно тирлянды, обрамляют горшок до его донной части (рис.2. 43-47). Такие горшки обнаружены в Палан-

ке-Тудорово, Бутученах, Ханске, Пояне, Мэлуштень, Поенешть, Буджак. Муригиол, Обряска де Сус, Канлия, Васлуй, Зимниче, Енисале [323, табл.ХУІ, 2,6,7; ХУІІ, І-6; ХУІІІ, 2; ХІХ, 2],— тем самым охватывая все районы рассматриваемого региона, расположенные вне Карпатской котловины.

Другой категорией керамики, широко представленной как на поселениях, так и на могильниках, являются миски. В ІУ—Ш вв. до н.э. наиболее распространенным типом этой категории были миски с усеченно-коническим туловом и наклоненным внутрь верхним краем, которые соединялись между собой округленным ребром (рис. 3.5,7). Лепные миски с наклоненным внутрь верхним краем, целые или во фрагментах, найдены почти на всех известных памятниках.

В ІУ—Ш вв. до н.э. появляются и широко распространяются миски с усеченно-коническим туловом и вертикальным, прямо срезанным верхним краем. Некоторые из них снабжены двумя горизонтальными полукруглыми или фигурными ручками. Иногда верхний край миски украшен косыми налепными валиками в виде схематичных ритонов. Миски с вертикальным бортиком обнаружены в Бутученах, Бунешть, Ханске (рис.25 и 40), Пояне [323, табл. XLIX, 2] Котнарь [323, табл. XLIX, 3], Васлуй [323, табл. LIU, I], Рэкэтэу [323, табл. XLIX, 9], Хушь-Корнь [393, І82, рис.20(І,3-5)] и 2І(4,6,7) в Днестровско-Карпатских землях; Муригиол [229, табл. П,9,І0], Канлия [323, табл. LIU,7], Енисале [374, с.69, табл.ІХ "с"] — в Истро-Понтийской зоне; Брэилице [377, с.26, рис. 8(3)], Зимниче [І97, с.77, рис.23 (II,24)], Браничево [89,с.І69,рис. 7(І)] — в Карпато-Балканском бассейне. Миски этого типа не имеют местных корней. Они появились на рубеже У и ІУ вв. до н.э. под непосредственным влиянием греческих двуручных мисок серого цвета с вертикальным бортиком. Такие миски хорошо известны в западнопонтийских городах [24І, табл. 3(43)], часто встречаются на северофракийских памятниках, куда ввозились греческими купцами в качестве обменного товара.

В это же время распространяются миски с округлобоким туловом и несколько отогнутым наружу венчиком (рис.3.І7-І9). Среди них есть и гончарные. По форме они очень близки к мискам с таким же венчиком и вертикальными, реже горизонтальными ручками по линии наибольшего диаметра тулова или ниже ее, характерные для памятников УІ-У вв. до н.э. (рис.3.І3-І6).

К ІУ в. до н.э. на памятниках в Ханске, [62,с.ІІ,рис.7], Хушь-Корнь [393, с.І48, рис.24(7)], Муригиол [229, табл.П,І], Зимниче [І97, с.88, рис. 24 (7)] и многих других появились своеобразные сосуды на ножке, получившие название фруктовниц. Они представляют миски усеченно-конической формы с наклоненным внутрь или прямо сре-

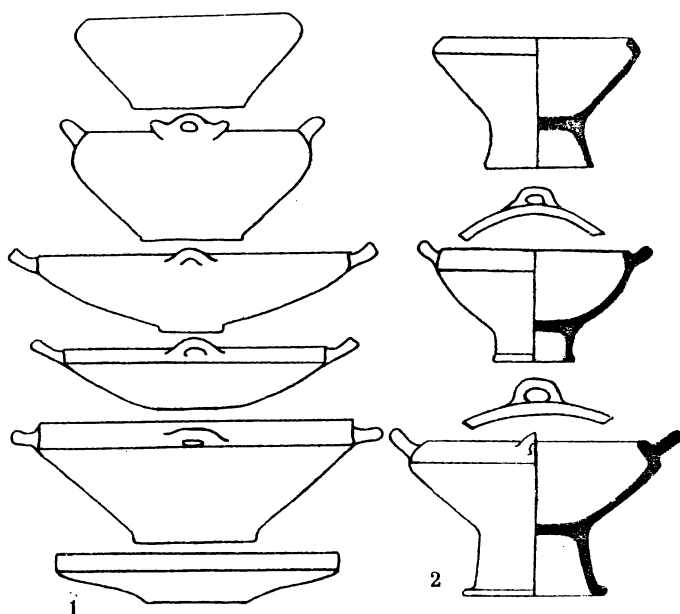

Рис. 40. Лепная керамика: 1 - с поселения Ханска-Лимбарь; 2 - с могильника Ханска-Лутэрия

занным верхним краем. Узкое дно переходит в расширяющуюся книзу ножку. Полая ножка высотой от 6 до 9-10 см завершается в нижней части раструбом или утолщенным, несколько отогнутым наружу бортиком, придавая тем самым максимальную устойчивость сосуду. В верхней части имеются две, чаще четыре горизонтальные полуовальные, иногда фигурные или плетеные ручки. Исключение составляют экземпляры из поздних - конца III-II в. до н.э. - захоронений курганного могильника Зимнича, изготовленные по эллинским образцам [197, с. 48-93, рис. 40(2-4); 416, рис. 6]. Остальные же, из комплексов IV-III вв. до н.э., повторяют местные традиционные формы мисок (рис. 40.2).

На памятниках IV-III вв. до н.э. часто встречаются одноручные кувшины с высоким, расширяющимся к устью горлом и выпуклобоким туловом. Ручка едва возвышается над венчиком (рис. 3.23, 24) или прикреплена чуть ниже его (рис. 3.29). Известны и двуручные кувшины такой же формы, только ручки полуовальной формы вертикально прикреплены к тулову по линии его наибольшего диаметра. Нижняя часть тулова сосуда снабжена небольшими ручками-упорами. Если одноручные кувшины с выпуклобоким туловом характерны только для памятников, расположенных вне Карпат и изготовлены по эллинским формам, то дву-

ручные кувшины находят аналогии почти во всех районах рассматриваемого региона. В Трансильвании близкие к ним экземпляры известны только на памятниках VI—V вв. до н.э. в Чипэу, Блаж, Аэд [251, табл. СХХХ, I—3; СХХХI, I, 2], в последующее время они больше не встречаются, видимо вышли из обихода.

Характерными для памятников всего региона являются кружки и особенно так называемые дакийские чаши (рис. 3.38, 39, 40, 44).

Таким образом, анализ основного ассортимента посуды позволяет установить, что на памятниках, расположенных между Днестром и Балканами, Карпатами и Черным морем, в IV—III вв. до н.э. распространялись одинаковые формы керамических изделий. На памятниках же Внутривосточного района продолжает бытовать керамическая посуда, характерная для предшествующего времени, и только в III в. до н.э. появляются новые формы.

§ 2. Искусство гетов

Если количество известных предметов искусства VI—V вв. до н.э. ограничено, то в IV—III вв. до н.э. их число становится намного больше, характер и декор значительно разнообразнее, а их ареал совпадает с территорией расселения гетов: от Днестра до Балкан, от Карпат до Черного моря (карт. 5). Для этого периода характерно распространение золотого и серебряного в основном защитного, парадного оружия, представляющего собой настоящие произведения ювелирного и декоративного искусства, а также предметов торевтики: кубков, ритонов, гривен, диадем, серег, браслетов, фибул и особенно деталей конской сбруи.

Особый интерес представляют золотые и серебряные изделия из кладов Лэргуца, Бэйченъ, Пояна-Коцофенешть, Крайова, Порциле де Фиер, из грунтовых и курганных захоронений Ханска-Лутэрия, Аджиголу, Гэвань, Перету, Браничево, а также из городищ Матеуц, Бунешть и др. (карт. 5).

Среди украшений выделяются предметы из клада, найденного у с. Лэргуца. На местности под названием Дялул Шоймулуй жителями села в разные годы были обнаружены золотые вещи: фрагменты двух шейных гривен [153, с. 250—252, рис. 3] и сосуд с 21 монетой. Монеты представлены 16 золотыми статерами Филиппа II Аминты (359—336 гг. до н.э.), 4 — Александра Македонского (336—323 гг. до н.э.), и 1 — Филиппа III Аридея (323—317 гг. до н.э.). Все они, как отмечает исследователь этого клада А.А. Нудельман, "отличной сохранности, видимо, в обращении находились сравнительно недолго" [155, с. 129—130]. Следовательно, есть все основания полагать, что клад в целом хронологически не выходит за пределы IV в. до н.э.

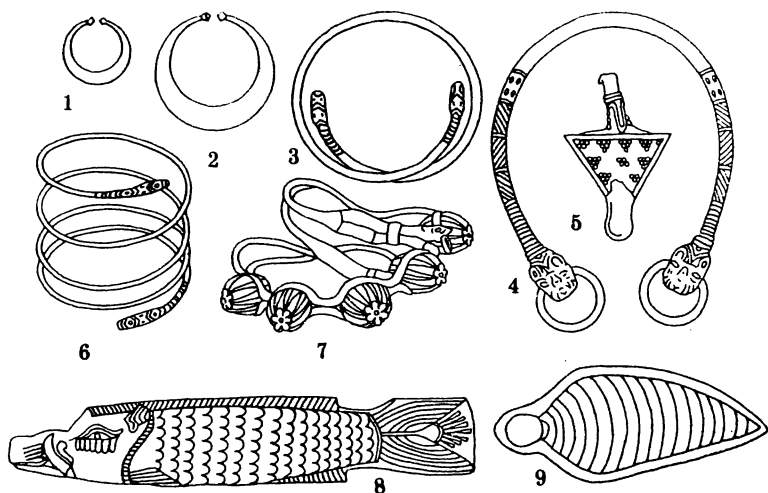

Рис. 4I. Золотые украшения с гетских памятников

На месте, где обнаружены золотые вещи, были проведены небольшие археологические разведывательные раскопки. В результате выявлены остатки небольших развалов глинобитных жилищ, состоящие из кусков обожженной глины и фрагментов керамики. Керамика представлена главным образом лепными фрагментами, многие из которых украшены налепными валиками с вдавлениями и ручками-упорами — орнамент, характерный для гетской посуды этого периода. Найдены также фрагменты ручек, стенок и дниц от греческих амфор IV—III вв. до н.э., а также большие куски металлического шлака — материал, позволяющий считать, что клад был обнаружен на территории гетского поселения. Рядом с поселением расположены невысокие всхолмления, возможно, курганы того же времени*.

Гривны изготовлены из цельных золотых, круглых в сечении кованых прутьев. Несомкнутые концы завершаются львиными головками, которые выполнены с довольно тщательной проработкой деталей: отчетливо показаны глаза, усы, ноздри, грива. Уши переданы условно в виде ямок — манера, довольно широко распространенная у фракийцев и известная с V в. до н.э. по изображению львиной головы на налобнике из Свещары [405, с. 236, карт. 257]. В пасти каждого льва зажато кольцо. Одна гривна почти полностью покрыта геометрическим орнаментом, сос-

* Сведения сообщены А.А.Нудельманом, проводившим археологические разведывательные изыскания на месте находки клада, за что приношу ему искреннее признание.

тоящим из полос, косых линий и колец, а также кружочков, выполненных техникой чеканки (рис. 4I.4). Вторая гривна украшена полосой из восьми параллельных колец, расположенных за львиной головкой.

В такой же примерно манере выполнены гривна и браслеты из клада, найденного на гетском поселении IV—III вв. до н.э. близ с. Матеуцы. Состоит клад из серебряной гривны, двух серебряных браслетов, золотого и двух серебряных височных колец [154, с. 129—131, рис. 1] (рис. 4I.1—3, 6).

Гривна изготовлена из серебряной круглой в сечении проволоки. Концы ее утолщены и оформлены в виде стилизованных головок змей. Изображения выполнены при помощи прямых и кривых, глубоких и четких надрезов и точек. На головках различаются глаза, ноздри, пасти. Оба конца гривны выше головок украшены полосой из девяти параллельных колец. Концы загнуты вверх с таким расчетом, чтобы стилизованные головки и орнамент были хорошо видны (рис. 4I.3).

Оба серебряных браслета выполнены в виде спирали с несомкнутыми концами. По технике изготовления и декора они проявляют большую схожесть, отличаются только по количеству спиралей и отдельных деталей. Один браслет представляет собой спираль из пяти витков. Изготовлен он из круглой в сечении серебряной проволоки, концы которой расплюснены. На них сверху с помощью гравировки линий и кружков выполнены стилизованные головки змей (рис. 4I.6).

Второй спиралевидный браслет изготовлен таким же образом, только состоит из трех витков. На расплюсненных концах выгравирован геометрический орнамент из прямых, косых перекрещивающихся линий, точек, которые в целом изображают также стилизованные головки змей.

Золотое височное кольцо сделано из круглой в сечении золотой проволоки. Средняя часть его несколько утолщена, а сужающиеся концы завершаются небольшими конусиками (рис. 4I.1).

Аналогично выполнены и остальные два серебряные височные кольца, только они значительно массивнее (рис. 4I.2). Золотые височные кольца с конусообразными дужками, украшенные филигранью, известны у южных фракийцев. Только в курганном захоронении Кукова могила близ Дуванлий, относящемся к V в. до н.э., найдены семь таких колец [405, с. 231, кат. 187]. Височные кольца, подобные матеуцким, встречены и на скифских памятниках, в частности в погребении Николаевского могильника [137, с. 30—31, рис. 9(10)].

Клад из Бэйченъ обнаружен на месте глиняного карьера на плато Ляо. Основная его часть была найдена местными жителями. Археологическими изысканиями, проведенными на плато, выявлено еще несколько золотых пластинок от шлема, а также открыто гетское поселение IV—II вв. до н.э. [347, с. 105]. Следы интенсивного обитания гетов ус-

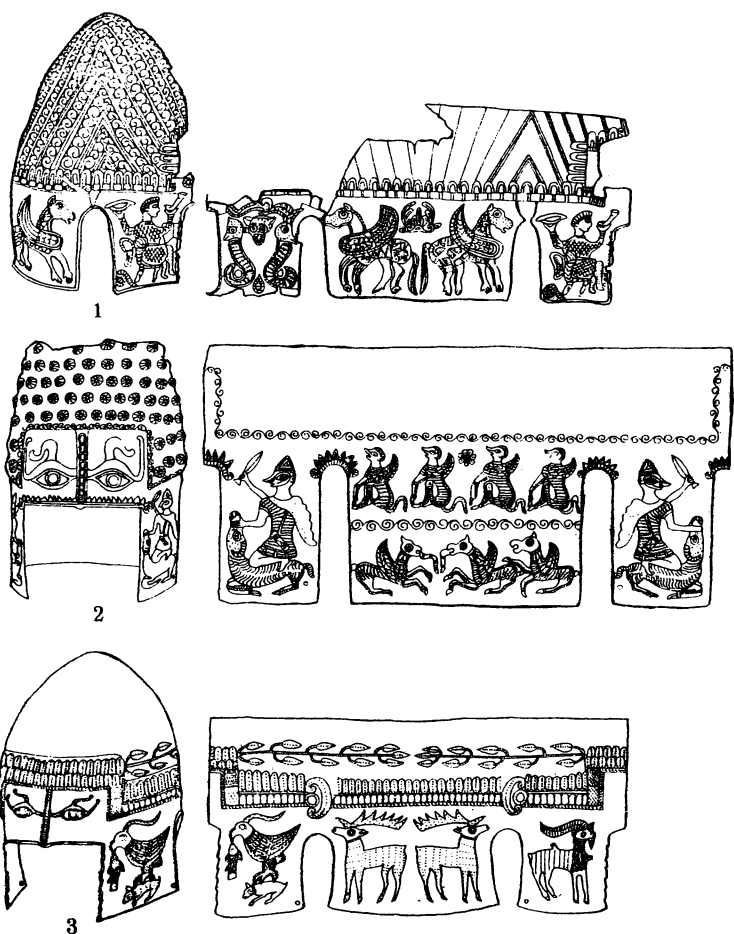

Рис. 42. Золотые шлемы: 1 - из Бэйчень, 2 - из Коцофенешть;
3 - серебряный шлем из Перету

тановлены на склоне холма Млада и мысу Четэцуя [345, с.31], расположенных в непосредственной близости от плато Лау. Недалеко от местонахождения клада у Пиетрэрие (каменный карьер) открыто погребение с трупосождением, совершенное в круглой в плане могильной яме. Погребальный инвентарь представлен гетской лепной и гончарной керамикой [347, с.105]. Вблизи этого комплекса открыт курганный могильник в местности, названной Госан. В данном районе находились важные военные и административные центры, такие, как комплекс Котнарь-Кэтэлина, Кривешть и др. Исходя из этого исследователи клада из Бэйчень

пришли к вполне логическому выводу о том, что принадлежал он одному из местных басилеев [347, с. 105-106, 123].

Всего в кладе обнаружено около 70 золотых предметов общим весом 2063 г [226, с. 67, кат. 25]. Однако при дальнейшем изучении оказалось, что многие предметы представляли собой детали отдельных изделий. Так, например, большая часть найденных пластин оказалась фрагментами верхней конической части шлема.

Шлем (рис. 42.1) высотой 34,5 см, наибольшим диаметром 25 см и весом 500 г [347, с. 107] изготовлен из золотой пластины, толщина которой не превышает 0,01-0,03 см. Шлем покрыт разнообразным орнаментом, выполненным в свободной манере, без матриц, техникой чеканки. Верхняя коническая часть шлема украшена рядами из рельефных спиралевидных завитков. Ряды, расположенные под углом друг к другу, образуют нечто, подобное елочному орнаменту. Каждый такой ряд содержит определенное количество спиралевидных завитков [347, с. 107]. Ряды разделены между собой двумя параллельными рельефными линиями из параллельных рубчиков. Верхняя коническая часть шлема завершается рельефной розеткой из 9 лепестков с маленьким умбоном в центре, олицетворяющей, видимо, солнечный диск. Вокруг розетки расположены силуэты трех изображенных в профиль животных. Вся эта композиция обрамлена рельефным кружком из параллельных рубчиков, украшенным с наружной стороны, видимо, 16 спиралевидными завитками (сохранились только 8). Каждые четыре спиралевидные завитка меняют направление: то вправо, то влево. От налобника шлема сохранилась только небольшая часть, судя по которой можно предположить, что он был украшен такими же апотропическими (отпугивающими) глазами, как и у остальных шлемов, известных на территории рассматриваемого региона (рис. 41. 2, 3). Нашечники шлема одинаковые по форме и величине и представляют собой прямоугольные пластинки, покрытые различным по сюжету орнаментом. На правом нашечнике изображен сидящий на стуле мужчина. Одет он в длинный, почти до колен, панцирь из металлических пластинок, узкие штаны, облегающие ноги, составляли одно целое с обувью, как и у воина-всадника с серебряной пластинки IV в. до н.э. из Летницы [405, кат. 285, 286]. Талия туго затянута поясным ремнем, а через левое плечо перекинут другой ремень - портупея, пристегивающаяся к поясу на правом боку, где привязан горит.

Несомненно, судя по панцирю и гориту, на нашечнике изображен воин. Фигура воина передана в двух ракурсах: тело и руки - в фас, а голова и ноги - в профиль. Волосы густые и кудрявые. Моделированный глаз передан в фас. Продолговатый нос лишен переносицы и составляет одно целое со лбом. Рот хорошо очерчен. Ухо передано рельефным кружком, лицо бритое, без бороды. Обе руки воина согнуты в локтях, подняты вверх.

В правой руке он держит фиалку, в левой – ритон в виде головы животного, по форме напоминающий серебряный с позолотой ритон из Пороины. Поза, несомненно, сакральная, изображающая воина, который совершает жертвенное возлияние. Стул изображен сбоку. Видны только две инкрустированные ножки. Спинка, отогнутая наружу в верхней части, плавно переходит в сидение. Боковая часть спинки инкрустирована елочным орнаментом. Вправо от сидящего воина возле задней ножки стула изображена свернувшаяся змея (рис. 42.1).

На левом нащечнике изображены две симметрично расположенные змеи с птичьими головами. Змеи переданы в вертикальном положении, хвост в нижней его части свернут в кольцо. Тела покрыты чешуей. Нижняя часть их тел разделена восемью поперечными рельефными линиями. На изображении змей видны следы ремонта. В его верхней части видна овально-продолговатая пластинка с двумя отверстиями для заклепок. Головы змей одинаковы, различаются только в деталях. Глаза выполнены в одной и той же манере при помощи рельефных кружочков. Глаз змеи справа значительно больше, его внутренний кружочек заштрихован, тогда как глаз змеи слева несколько меньше и без заштрихованного внутреннего кружочка.

Между головками змей изображена голова быка в фас с короткими изогнутыми рогами. Морда и голова быка, как и у змей, покрыты углубленными кружочками. Глаза показаны несколько иначе, чем у змей. Посредством рельефно выпуклого кружочка обозначены зрачки, а веки с ресницами переданы заштрихованными кружочками (рис. 42.1).

На назатыльнике на одном уровне изображены две симметрично расположенные фигуры крылатых коней в движении: одна – влево, другая – вправо. Длинная морда украшена углубленными кружочками, уши подняты вверх, глаза круглые, выполнены рельефными кружочками. Шеи и тела животных покрыты рельефным узорчатым орнаментом, состоящим из заштрихованных геометрических фигур: треугольников, прямоугольников, многоугольников, трапеций. Ноги орнаментированы неодинаково. У коня с правой стороны передние ноги украшены рельефными заштрихованными линиями, у расположенного слева – ноги сзади окантованы полосой параллельных рубчиков. Длинные хвосты свисают почти до земли (рис. 42.1). Отличает эти фигуры от обычного изображения коней, встречаемых на гетских [201, таол. I] и южнофракийских [405, с. 238, кат. 285, 286] золотых и серебряных изделиях, наличие крыльев и когтей вместо копыт. Когти, особенно передних ног, длинные, как у грифонов, что, собственно, и заставило некоторых авторов считать изображения на назатыльнике бэйченского шлема грифонами [282, с. 55]. Форма крыльев в корне отличается от крыльев греческих коней-пегасов. Они начинаются у груди коня и под небольшим углом продолжают до области

лопаток, откуда полукрутом, сужаясь, поднимаются вверх до уровня головы, где завершаются острием в виде пера. Основная часть крыла, которая непосредственно соединена с телом животного, у обеих фигур украшена рельефными полуovalами, заполненными елочным орнаментом, имитирующим перья. В этой же манере фракийские мастера изображали и чешую змей, как, например, на кнemiде из курганного захоронения IV в. до н.э. во Враце [77, с. 10, рис. 3]. Перья верхней части крыльев переданы довольно схематично: рядами из косо заштрихованных полос.

Между животными на уровне крыльев размещена стилизованная пальметта, которая как бы свисает над их крупами (рис. 42. I).

Форма крыльев, их декор, впрочем, как и сами изображения, навеяны восточным искусством. Однако, к фракийцам этот мотив, видимо, проник не непосредственно, а через греков. Изделия из драгоценных металлов с изображением крылатых мифических животных появляются во фракийском мире уже к VI в. до н.э. Известен золотой медальон из Пазарджика, на котором изображены голова сфинкса в фас с двумя крылатыми туловищами в профиль [405, с. 230, кат. I75]. Обе части крыльев по манере исполнения очень сходны с крыльями фантастических животных с назатыльника шлема из Бэйчень. Изображение крылатых фантастических животных и особенно манера передачи крыльев из двух частей получают в V в. до н.э. широкое распространение. Так, на серебряном налобнике из Свищово [405, с. 236, кат. 257] и бронзовой пластине-матрице из Гарчиново [405, с. 229, кат. I52] изображены по две хищные птицы, крылья которых выполнены аналогичным образом. Подобное изображение крыльев грифонов известно на серебряной пластинке IV в. до н.э. из Панагюриште [405, с. 235, кат. 245].

Прямые аналогии изображениям с нащечников и назатыльников неизвестны, однако шлем в целом по форме, технике изготовления и манере выполнения декора находит много общего среди гетских золотых и серебряных шлемов.

Из украшений в кладе найдены золотые браслеты: один целый и детали от другого, а также фрагменты золотого ожерелья.

Браслет изготовлен из трубчатого стержня в виде спирали в два витка. Оба конца завершаются протомами зооморфной формы. Концы браслета несколько толще, чем остальная часть, и украшены рядами вертикальных спиралей, выполненными техникой гравировки. Места перехода стержня в протомы орнаментированы филигранью. Головы животных, завершающие концы браслета, изготовлены из двух частей, слитых воедино техникойковки и пайки. Глаза выполнены припаянными кружочками из скрученной золотой нитки. Уши лепестковой формы и рога переданы техникой чеканки. Рога начинаются на уровне ушей, загибаясь, завер-

шаются у ноздрей. На голове между рогами расположена розетка из II лепестков, выполненных филигранной техникой.

От золотого ожерелья сохранились лишь его концы в виде головы животного и отдельные небольшие фрагменты. Среди них выделяется фрагмент от завершающей части ожерелья. Можно предположить, что ожерелье было изготовлено также из трубчатого стержня, поверхность которого покрыта геометрическим орнаментом. На фрагменте отчетливо выделяются две зоны, состоящие из двух рядов треугольников с противолежащими углами. Поверхность треугольников украшена круглыми вдавлениями. Между зонами треугольников расположены полосы из горизонтальных и вертикальных заштрихованных рельефных линий.

В кладе найдены две золотые пуговицы. Одна из них биконической формы и орнаментирована филигранью. В центре изображена розетка. Центральный кружочек розетки, как и ее лепестки, сделаны из тонких припаянных золотых нитей. Край верхней части пуговицы украшен припаянной тонкой золотой зигзагообразной ниткой, образовавшей нечто подобное лепесткам. Противоположная, нижняя часть пуговицы орнаментирована такими же лепестками из тонкой золотой нитки. От второй пуговицы сохранилась только верхняя часть, которая покрыта аналогичным орнаментом.

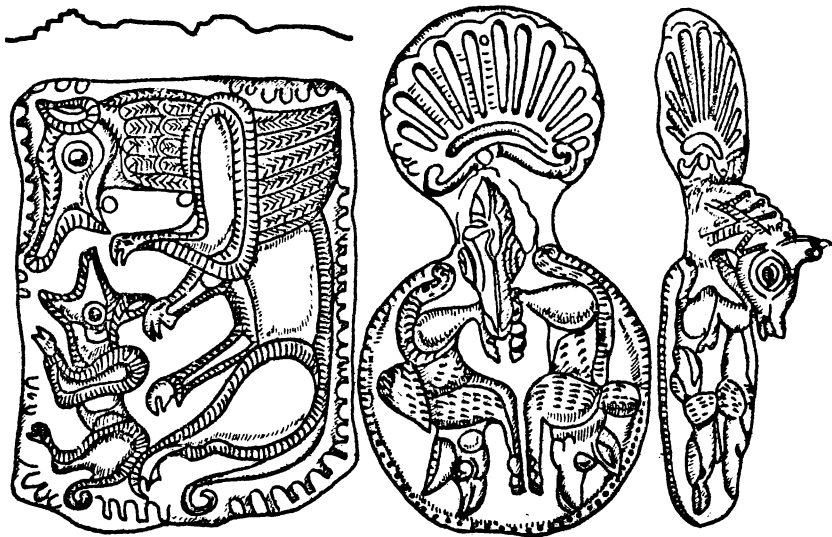

Рис. 43. Золотые украшения из Байченъского клада

Рис. 44. Свастикообразная бляха из Бэйченьского клада

Среди предметов клада особое место занимают детали декора конской уздечки.

Найдены четыре треугольные пластинки, три из которых орнаментированы рядами небольших рельефных розеток пирамидальной формы. Между нижними рядами припаяны скрученные золотые нитки. Четвертая пластинка имеет в каждом углу по одной розетке, выполненный филигранью.

Среди деталей декора конской сбруи выделяется налобник, представляющий собой золотую пластинку из двух неравных по величине дисков, выполненных техникой чеканки. На месте соединения дисков припаяна протома в виде головы коня (рис. 43). На переднем большом диске изображены две симметричные фигуры фантастических животных, уши и морды которых вытянуты вперед. Глаза переданы посредством рельефного кружочка. Передние и задние лапы согнуты, длинный хвост со скрученным концом украшен в верхней части кольцевыми нарезками, в нижней — параллельными насечками.

Задний диск украшен стилизованной пальметтой с двумя волтами у основания, от которых поднимаются вверх 12 продолговатых схематичных лепестков (рис. 43).

В кладе найдены еще четыре свастикообразные бляхи с небольшим центральным полушарием, вокруг которого изображены четыре протомы коней, повернутые влево. Шеи коней окантованы полосами из параллельных рубчиков. Таким же образом очерчены головы и морды животных. Глаза и уши переданы в известной уже манере (рис. 44). Свастикообразные бляхи широко распространены в варварском мире Юго-Восточной Европы. Больше всего они известны у гетов, где обнаружены в богатых захоронениях и в кладах. Так, например, свыше 40 серебряных блях найдены в курганном погребении Перету [320, с. 386]. В богатом воинском захоронении из Гэвань выявлены серебряные свастикообразные бляхи как с тремя, так и с четырьмя протомами [282, с. 119–120]. Аналогичные бляхи с протомами коней найдены в курганных захоронениях Аджигоил [220, с. 69, рис. 46(1)] и Браничево [89, с. 174, рис. 13(1)]. В знаменитом кладе серебряных предметов из Крайовы свастикообразные бляхи известны в большом количестве, в том числе с тремя и четырьмя протомами коней [282, с. 119–120]. К настоящему времени обнаруже-

ны около 72 свастикообразных блях. Этот тип конского декора встречен у южных фракийцев, в частности в кладе Луковит [405, кат. 277], а также у скифов в захоронениях курганов Краснокут, Козел [138, с. 123, рис. 10 (3, 4)] и Огуз [129, с. 283]. В специальной литературе были высказаны различные точки зрения по вопросу о происхождении свастикообразных блях.

На основе анализа блях с Огузского кургана было выдвинуто предположение, согласно которому сходство огузских, а вместе с ними солохинских и чертомлыцких деталей конского убора с теми, что изображены на конских обрухах и уздечках из Казанлыкской гробницы, свидетельствует в пользу их фракийского происхождения [129, с. 288].

Другие авторы, специально останавливаясь на характеристике свастикообразных блях из скифских курганных захоронений, пришли к явно противоположному выводу о том, что все они "безусловно очень близкие к фракийцам по сюжету и всем деталям орнамента, хотя предшественниками последних были скифские бляхи-свастики конца VI в. до н.э. Не получив развития на скифской почве, этот вид уздечных украшений разрабатывается и оформляется на свой манер фракийцами. В таком виде он воспринимался скифскими торевтами IV в. до н.э., подражающими фракийским образцам" [138, с. 126].

Эти взаимоисключающие взгляды получили широкую поддержку как в отечественной, так и зарубежной историографии, поскольку они непосредственно связаны с вопросом о происхождении фракийского искусства в целом.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на то, что выдвинутые аргументы обоснования происхождения свастикообразных блях вряд ли могут быть приемлемы. Ссылка на сходство огузских деталей уздечки с теми, что изображены на уздечках коней из Казанлыкской гробницы, представляется неправомерной, поскольку на упомянутой настенной росписи украшения конской уздечки, за исключением загнутых псалий, переданы слишком схематично и ни одного изображения на бляхах нельзя разобрать [91, с. 109-113, рис. 34-36].

Что касается предположения о скифском происхождении этого типа блях, то, не оспаривая возможности скифского влияния на их изготовление, надлежит отметить, что вряд ли следует это связывать с экземпляром конца VI в. до н.э. из кургана 8 у с. Волковцы, сходство с которым несколько отдаленное, тогда как изображения свастикообразных блях с протонами коней известны на территории рассматриваемого региона с VI в. до н.э., свидетельством чему является крестовидная бляха с тремя протонами коней из Солонте [404, табл. 21(2), 27(26)] (рис. 5.8). Если к этому добавить то обстоятельство, что основная масса известных на данном этапе свастикообразных блях обнаружена на

гетских памятниках конца V — начала IV в. до н.э. [220, с. 76; 347, с. 123], то, видимо, есть основание предполагать их фракийское происхождение. Заимствованы же они из восточной цивилизации, в частности Ирана, для которого, как известно, изображения тройных протом коней, равно как и других животных, — символы, характерные для ахеменидской и более поздних эпох [125, с. 89].

Из других предметов в кладе из Бэйчень обнаружены различные орнаментированные пластинки. Среди них выделяется прямоугольная пластинка размером 13,6 x 10 см, со скругленными углами, на которой чеканкой переданы изображения двух фантастических животных, занимающих всю ее площадь. Композиционно расстановка фигур довольно сложна, однако хорошая техника исполнения всех деталей декора и реализм воплощения позволяет определить замысел мастера. Фигуры по своим пропорциям различны. Изображение с правой стороны значительно больше, чем фигура животного слева, и занимает почти 2/3 пластинки (рис. 43). Голова его напоминает конскую с открытой пастью. Глаз выполнен рельефным кружочком. Поднятые вверх уши обозначены полосой параллельных рубчиков. Такой же полосой окантованы голова, шея и морда. Кроме того, шея покрыта стилизованными перьями, подобно тем, что украшают переднюю часть крыла коня-пегаса с назатыльника шлема. Перья расположены в два ряда, по четыре в каждом. От лопатки вверх поднимаются семь рядов перьев, изображающих крыло, верхняя часть которого из-за согнутости фигуры полностью не видна. Крыло выполнено в той же манере, что и у упомянутого уже фантастического животного с назатыльника шлема. Чтобы фигура уместилась полностью, она изогнута. Мощное тело наделено сильными лапами с длинными когтями. Передние ноги окантованы вместе с лопаткой полосой из параллельных рубчиков, составляя тем самым одно целое, — прием, известный у южных фракийцев еще с начала V в. до н.э. по упомянутой уже пластине-матрице из Гарчиново. Таким же образом переданы и задние ноги вместе с крупом. Примерно с начала V в. до н.э. известен данный технический прием и у скифов, судя по статуэтке львицы из Золотого кургана у г. Симферополя [100, с. 103, 109].

Фигура на пластине имеет длинный, закрученный в конце хвост. Судя по расположению ног, животное передано в спокойном движении. И хотя изображение выполнено не очень умело, видно, что мастер великолепно знал повадки животных, в частности расстановку ног в беге и шаге.

Фигура с левой стороны пластинки по форме, технике исполнения, декору во многом сходна с вышеописанной, только значительно меньше и не имеет крыльев. Создается впечатление, что художник сделал ее лишь для заполнения оставшегося свободного места на пластинке.

Изображение животного дано в таком же ракурсе. Согнутые лапы, поднятые уши, открытая пасть, вся напряженно-ощетинившаяся фигура маленького животного указывают на готовность к решительному прыжку (рис.43.1).

Эта пластинка, как и другие, была предметом украшения. У нее сохранились четыре круглые отверстия для крепления на ремне.

В кладе обнаружены еще многие фрагменты от различных украшений, однако они настолько фрагментарны, что нельзя определить их форму и назначение.

Среди парадных доспехов особо выделяется золотой шлем, случайно обнаруженный во время пахоты на территории гетского поселения близ с.Коцофанешты [220,рис.55-61; 226,с.68,рис.60-62]. Шлем конической формы изготовлен из цельного золотого листа. Высота шлема 25,5 см, наибольший диаметр 19 см, вес - 770 г (рис. 42.2). Верхняя часть шлема украшена рельефными коническими розетками, схематически изображающими прическу.

На надлобной части изображены два больших миндалевидных глаза. От толстых надбровных дуг, завершающихся загнутыми вверх концами наподобие спирали, поднимаются такие же спиралевидные брови. Глаза, впрочем как и остальные детали, выполнены схематично и чрезмерно преувеличены, подчеркивая их условный отпугивающий характер.

Нащечники шлема имеют прямоугольные формы размером 11,3х8,3 см и покрыты одинаковым орнаментом, изображающим сцену жертвоприношения. Совершающий ритуал мужчина одет в панцирь из металлических пластинок, через правое плечо перекинута кожаная портупея, которая пристегнута к поясу в месте крепления кинжала, на плечах накидка, свободно свисающая сзади. Голова покрыта коническим шлемом. Одной ногой мужчина, по одежде воин, придерживает поваленного на землю барана. В поднятой вверх для нанесения удара правой руке зажат кинжал с раздвоенным наконечником. Несмотря на все старания мастера в передаче этой сцены нельзя не заметить некоторое техническое несовершенство, незнание законов перспективы. Фигура воина на обоих нащечниках передана в фас, тогда как голова - в профиль. Причем, миндалевидный глаз и удлинённый нос занимают все лицо. Рука с акинаком, занесённая над жертвенным животным, как будто неживая, анемична и не вырастает из плеча, а,наоборот, как бы воткнута в него. В передаче фигуры не выдержана надлежащая пропорциональность: верхняя часть тела значительно массивнее нижней.

Назатыльник шлема имеет прямоугольную форму шириной 10,2 см. Нижний край ее несколько загнут наружу. Лентой из спиралевидного орнамента он разделен на два яруса. На верхнем изображены две группы, состоящие из двух фантастических животных. Группы разделены между

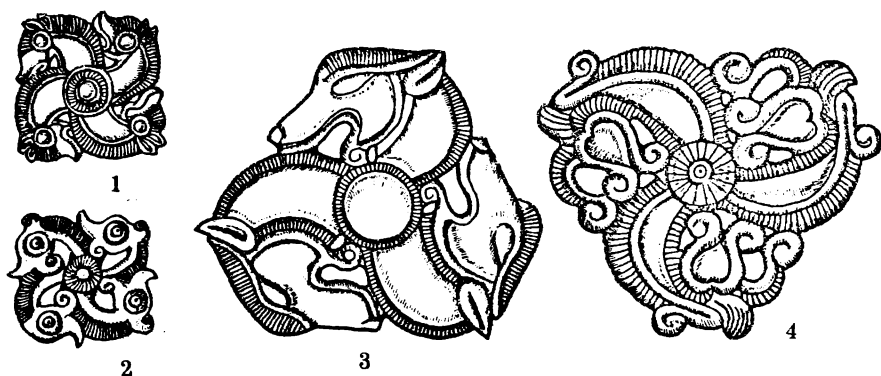

Рис. 45. Свастикообразные бляхи из клада в Крайове

собой розеткой, олицетворяющей, видимо, солнечный диск. Головы фигур изображены очень схематично, глаза и нос переданы в профиль, притом в такой же манере, как у мужской фигуры на нащечниках. Тела покрыты чешуей. Все фигуры имеют крылья, длинный хвост и лапы с когтями.

На нижнем ярусе изображены три крылатые фантастические фигуры, напоминающие грифонов. Два из них расположены друг против друга и держат в клюве лапу животного, третий — с открытым клювом и поднятой правой лапой — готовится к нападению. Головы животных переданы схематично, у двух глаза изображены в виде розетки, у третьей двумя рельефными кружочками. Шея и передняя часть тела у фигур, повернутых влево, как и крылья, покрыты орнаментом, изображающим перья. У животного, повернутого вправо, таким орнаментом покрыта только передняя часть тела и крылья. Форма крыльев, манера и техника их выполнения аналогичны крыльям фантастических животных, изображенных на назатыльнике шлема из Бэйчень.

Из предметов, относящихся к произведениям искусства, местонахождение которых с достоверностью пока не установлено, следует отметить серебряные с позолотой уздечные украшения из клада, купленного в Крайове, и серебряные шлем и кубок из Детройтского художественного музея (США), случайно найденные, как полагает большинство исследователей, в районе Железных ворот.

К кладу из Крайовы обращались многие исследователи [220, с. 123-126, рис. 83-103; 369, с. 1-90], что избавляет нас от его детального описания. Отметим только, что первоначально клад состоял из 80 предметов, в том числе 77 целых и 3 фрагментов. В настоящее время осталось только 60 предметов. Среди обнаруженных украшений особо выделяются

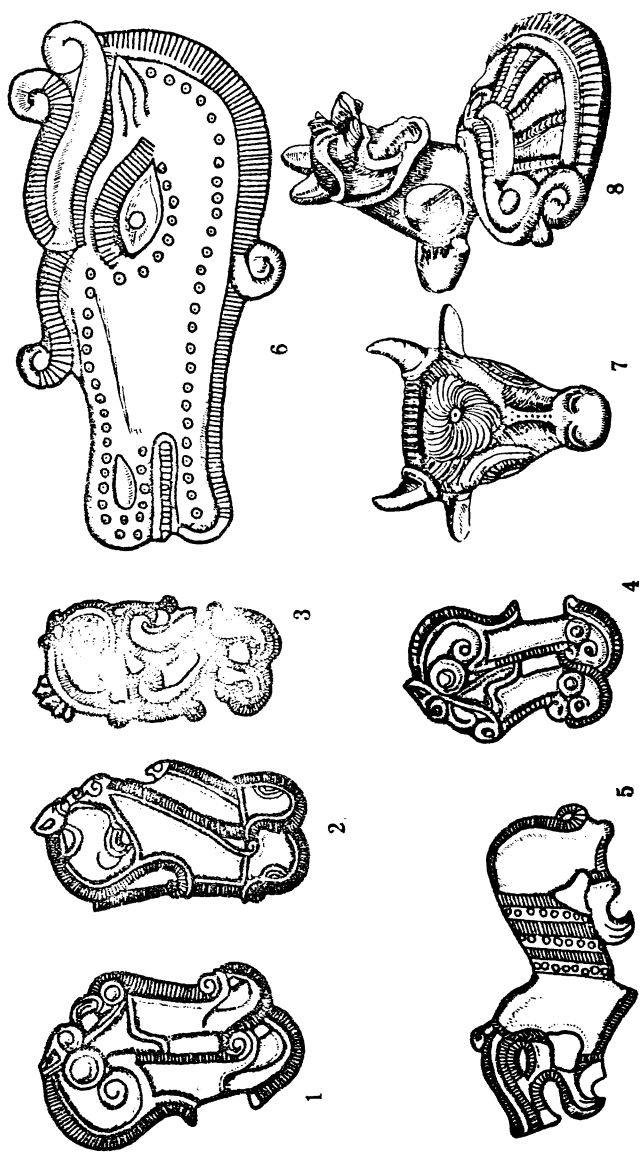

Рис. 46. Детали конского убора

свастикаобразные бляхи, которые по форме разделяются на два типа: 19 блях с четырьмя протомами коней (рис. 45.1,2) и 5 - с тремя (рис.45.3,4). Свастикаобразные бляхи с четырьмя протомами коней, как правило, имеют форму квадрата, а с тремя протомами - треугольника. Вершины углов этих фигур представлены лошадиными головами.

В кладе также найдены четыре бляхи, на которых схематично изображено нападение фантастического грифона-змеи на травоядное животное (рис. 46. 1,2), две бляхи в виде льва (рис. 46.5) и головы оленя (рис. 46.6); две простые ажурные бляхи. На других бляхах схематично изображена смертельная схватка хищника с травоядным. Некоторые исследователи усматривают в ней борьбу грифона со львом [369, с. 7] или иные сцены [220, с.128-130]. Все эти изделия обработаны техникой тиснения и чеканки. Кроме того, найдены шесть блях в виде головы быка с розеткой, изображающей солнечный диск во лбу (рис.46.7), налобник в виде головы львицы (рис.46.8).

Среди украшений обнаружены также две серебряные подвески в виде когтя, две жемчужины и два небольших серебряных колечка. Остальные предметы представляют собой фрагменты деталей, которые определению не поддаются. На большинстве украшений обнаружены следы изношенности, свидетельствующие о том, что детали конского убора из клада долгое время были в употреблении.

Обнаруженные в кладе из Крайовы украшения конской уздечки довольно разнообразны как по форме, так и по сюжету. А.М.Мелюкова, касаясь вопроса о появлении у фракийцев различных видов украшений конского убора, вполне обоснованно показала, что у них "преобладают те же сюжеты, что и в Скифии при сходной форме предметов". Некоторые экземпляры "особенно близки к раннескифским по простоте и стилистическим данным, хотя и не имеют прямых аналогий в скифских древностях" [138, с.112]. По мнению этой же исследовательницы, "декоративные элементы, сближающие между собой фракийские и степные скифские украшения конской узды IV-III вв. до н.э., видимо, имеют фракийское происхождение. Под влиянием произведений фракийского искусства в Скифии изготавливали серебряные, золотые и бронзовые налобники, нащечники и бляхи-свастики, на которых большое место занимает узор в виде заштрихованных полос и волнот, традиционный для фракийцев и не менявшийся скифами вплоть до IV в. до н.э." [138, с.119-121].

Серебряные шлем из Детройтского художественного музея и кубок, хранящийся в Нью-Йоркском Метрополитен-музее, были обнаружены, как полагает большинство исследователей, в районе Железных ворот, между Дробетой-Турну-Северин и Оршовой [220, с.83-93; 282, с.283-284].

Шлем по форме близок к описанным уже экземплярам из Бэйченя и Коцофенешть и почти идентичен серебряным шлемам из Аджигисл и Пе-

ретен. Он имеет такую же коническую, подобную шапке, форму, с округлым верхом. Изготовлен из тонкого цельного серебряного листа таковой чеканки и пайки. В передней части имеет невысокое, но достаточно широкое отверстие для лица, близкое к прямоугольной форме со скругленными углами. Край отверстия утолщен. Оба нащечника таковой прямоугольной формы с утолщенными краями. Боксвой край нащечников сделан в виде ступенек.

Налобник шлема имеет прямоугольную форму. Нижняя его часть и стороны украшены заштрихованным рельефным орнаментом. Полосой из параллельных рубчиков налобник разделен на две равные части, в каждой из которых представлено по одному большому миндалевидному глазу. Они очень экспрессивны, зрачок передан выпуклым кружком, который обведен двойным рельефным кольцом, изображающим его веки с ресницами. Массивные надбровные дуги составляют одно целое с бровями и, как и у шлема из Коцофенешть, переданы широкой рельефной заштрихованной дугой с загнутым вверх концом. От середины бровей ответвляются вторые такие же брови, но только меньших размеров. Изображение огромных глаз имело такой же отпугивающий, так называемый магико-апотропаический характер, как и на шлемах из Аджигиол, Коцофенешть, Перету и Бэйченъ.

Нащечники покрыты различным по декору и сюжету орнаментом.

На левом нащечнике изображена крылатая фигура повернутого влево животного, напоминающая горного козла. Голова его поднята, от мордочки спускается борода треугольной формы, заштрихованная прямыми линиями, параллельными сторонам треугольника. Большой круглый глаз выполнен посредством круглого рельефного кружочка, обведенного двойным рельефным заштрихованным кольцом, изображающим, видимо, веки с ресницами. Длинные рога загнуты назад в виде латинской буквы "S" и покрыты гравированными кружочками. Листовидной формы уши расположены непосредственно под рогами.

Фигура животного выполнена несколько примитивно, неумело, лишена пропорциональности. От массивного туловища поднимается небольшое, загнутое кверху крыло. Само туловище передано схематично: не выделена грудь, лопатки, задние ноги расставлены неестественно, правая нога выглядит неживой. Шея и туловище животного покрыты орнаментом в виде вертикальных лент из коротких горизонтальных параллельных линий.

На правом нащечнике отмечен довольно необычный для древнего искусства рисунок. Он представляет собой хищную птицу, видимо, орла, с большим круглым глазом, выполненным выпуклым кружком, обведенным двойным заштрихованным рельефным кольцом. Крыло сложено, в огромном когте зажат заяц, из клюва птицы свисает рыба. Часть нащечника, где

изображена макушка птицы, сломана, поэтому невозможно полностью восстановить изображение. Орел очень сильный, с мощным телом и чрезмерно преувеличенным когтем, который несколько больше, чем пойманный бегущий заяц. Рыба, свисающая из клюва, выполнена весьма реалистично во всех деталях. Изображение зайца менее удачно. Голова его выполнена схематично. Листовидные ушки с острыми концами подняты вверх, что неестественно для бегущего зайца. Тело его орнаментировано такими же вертикальными лентами из коротких горизонтальных параллельных линий, что и у горного козла с левого нащечника.

Аналогичный сюжет встречается и на серебряном кубке из этих же мест, на левом нащечнике серебряного с позолотой шлема из богатого воинского захоронения в Перету (рис. 42.3) и серебряном кубке из курганного погребения в Аджиголе. Б.Гольдман, специально изучавший декор на серебряных изделиях из района Железных ворот, указывал, что мотив орла, преследующего зайца, хотя и редко, но встречается в Европе, в частности в прикладном искусстве Иллирии и на отдельных сицилийских монетах. Обнаружен он и на Кавказе. Мотив хищной птицы, преследующей животных, по мнению этого же исследователя, больше характерен для древнего востока. Изображение птицы с рыбой, свисающей из клюва, обнаружено на некоторых керамических изделиях из Месопотамии и Ирана. Специфика изображения хищной птицы, держащей зайца в когте, по всей вероятности, сложилась в Анатолии [287, с.63-67].

На месте расположения ушей данный шлем, как и остальные экземпляры, имеет широкий разрез, идущий донизу. Над этим разрезом рельефно изображено массивное ухо. Назатыльник шлема прямой, ровный, с отогнутым наружу нижним краем. Горизонтальной, рельефно заштрихованной полосой разделен на два яруса. На верхнем ярусе изображен ряд схематичных и стилизованных розеток, на нижнем — изгибающийся на ветру стебель плюща с близкими к треугольной форме листочками на спиралевидных черенках. Изображение плюща встречается и на серебряных шлемах из Аджигола и Перету.

Верхняя часть шлема лишена орнамента и только ее основание украшено двумя рядами листообразного декора. Верхний ряд представляет собой длинные, с округлым верхним краем листья, покрытые елочным орнаментом. Нижний ряд листьев лишен орнамента. Ряды разделены горизонтальной, рельефно заштрихованной полосой.

По технике изготовления, манере выполнения декора и содержанию отдельных сюжетов шлем из окрестностей Железных Ворот почти идентичен серебряным шлемам из Аджигола и Перету. Эта близость позволяет думать, что все они были изготовлены в одной и той же мастерской.

Серебряный кубок из этих же мест высотой 28 см имеет форму двух усеченных конусов, спаянных вершинами. Венчик отогнут наружу. При-

донная часть плавно переходит в округлое дно. Декор на кубке выполнен техникой чеканки, тиснения и гравировки.

В верхней части под венчиком расположена полоса из пяти рядов гравированных полукругов, изображающих чешую. Под полосой кубок обрамлен гирляндой из отростков огромного рога, вырастающего из макушки восьминогого оленя – одной из центральных фигур, представленных на кубке. Отростки рога увенчаны головками хищных птиц с большими круглым глазом – выпуклым кружочком. От глаза идет мощный загнутый вниз клюв, над которым изображен короткий отросток, представляющий, видимо, восковицу. Шеи птиц – отростки рога, да и сами рога покрыты гравированными кружочками.

Основные изображения сконцентрированы в средней части кубка, между гирляндой из рога оленя и украшающей придонную часть полосой из 12 рядов гравированных полукругов. Полоса увенчана спиралевидным орнаментом, отделяющим ее от основного сюжета. Центральная часть кубка разделена на четыре зоны, в каждой из которых изображен отдельный сюжет.

В одной из этих зон, очевидно, центральной, располагается упомянутый уже восьминогий крылатый олень, с мощными рогами в виде гирлянды. Глаз оленя круглый, зрачок окружен двойным заштрихованным кольцом. Уши – листовидной формы с острым верхом, мордочка – круглая. Шея и туловище оленя покрыты орнаментом из узких полос, состоящих из горизонтальных параллельных линий. На спине изображено небольшое крыло, выполненное в известной уже манере. Над оленем рельефно изображен круг, украшенный тремя полукрутами [220, с.91, рис.96].

Вправо от крылатого оленя, во второй зоне изображено еще одно животное, напоминающее лань. Рога вырастают из теменной области головы и покрыты гравированными кружочками. Глаз, как и у крылатого оленя, круглый и обведен заштрихованным рельефным кольцом, изображающим веко с ресницами. Мордочка округлая, уши листовидной формы с заостренным верхом. Шея и туловище украшены узкими полосами из вертикальных лент, заштрихованных горизонтальными линиями, как и у восьминогого оленя. Так же, как и у него, копыта раздвоены.

В третьей зоне помещена фигура животного, напоминающего козла, с рогами такой же формы, как у описанного уже экземпляра с левого нащечника серебряного шлема из этих же мест. Мордочка округлой формы. Шея украшена узкими вертикальными полосами из горизонтальных лент, или пуансоном, под которыми такие же ленты из крутов и полукругов. На груди изображен круг, обведенный двойным рельефным заштрихованным кольцом. Туловище украшено заштрихованными лентами. В спину животного как будто воткнуто крыло. Копыта, как и у остальных животных, раздвоенные. Слева над изображением козла пред-

ставлена уже хищная птица с явно преувеличенным когтем, готовая наброситься на крылатого козла.

В последней, четвертой, зоне помещен мощный орел, держащий в клюве рыбу. Орел имеет большой рог, вырастающий из основания клюва. Рог в виде спирали с поднятым вверх острым концом полностью покрыт гравированными кружочками. Загнутый вниз выразительный клюв держит за рот свисающую рыбу. Круглый глаз рыбы передан посредством выпуклого кружочка, изображающего зрачок, который обведен двойным рельефным заштрихованным кольцом. Сложенное крыло и тело птицы покрыты гравированными кружочками, тогда как хвост передан посредством рельефных, косо расположенных полос. Огромный коготь готов зажать бегущего зайца — мотив, известный в гетском искусстве. Заяц имеет небольшую голову с круглым глазом в виде выпуклого кружочка и листовидными ушами. Тело его покрыто орнаментом, представляющим собой вертикальные ленты, состоящие из коротких горизонтальных линий.

Выпуклое дно кубка покрыто изображением, представляющим собой фантастическое крылатое животное с четырьмя лапами с длинными когтями, которое сседает ногу животного. Одновременно тремя лапами он сжимает пойманного кабана. Тело фантастического животного украшено тремя заштрихованными лентами. Задняя часть туловища покрыта гравированными полукрутами.

Весь декор кубка выполнен в зооморфном стиле с применением рельефного орнамента и гравировки. Орнамент в виде заштрихованных полос и вертикальных лент, состоящих из коротких горизонтальных линий, широко применялся при выполнении изображения животных и хищных птиц на аналогичных кубках из Аджигола. Использован этот декор и при выполнении изображений львов на бляхах клада из Крайовы.

Зооморфный ритон из Пороины принадлежит к числу случайных находок, обнаруженных еще в XIX в. [335, с. 498, рис. 202–205]. Изготовленный из цельного серебряного листа со спаянными концами ритон высотой 27 см и диаметром венчика 9 см, представляет собой голову и шею быка (рис. 47). Декор нанесен техникой чеканки. Голова быка выполнена весьма реалистично. Шерсть на лбу передана посредством заштрихованных треугольников с вогнутыми и выпуклыми сторонами — манера, примененная при изображении шерсти козла со второй ситуды аджигольского захоронения. В центре лба имеется вихор (розетка), как и на бычьих протомах из клада в Крайове (рис. 46.7). Рога отсутствуют, зато на их месте имеются пазы для вставки драгоценных камней. Из таких же драгоценных камней были, очевидно, сделаны и глаза, которые вставлялись между едва возвышающимися над глазницами веками в виде заштрихованных полукругов. Под каждым нижним веком расположен ряд маленьких заштрихованных треугольников с вогнутыми и выпуклыми

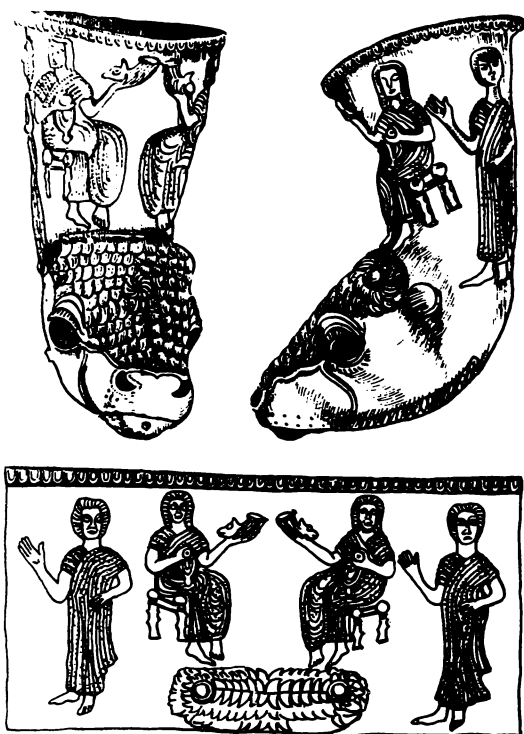

Рис. 47. Серебряный ритон из Пороины

сторонами, изображающими ресницы. Надбровные дуги очень выразительны и переданы тремя рельефными полукругами. От переднего угла глаза до подбородка идет рельефная позолоченная линия, обозначающая кровеносный сосуд. Реалистично обозначены нос и ноздри. Области глаз и лба вплоть до ноздрей покрыты золотом. Уши не сохранились.

На верхней части ритона (шее быка) изображена группа антропоморфных фигур. В центре представлены две человеческие фигуры, сидящие на богато инкрустированных стульях без спинок, в пол-оборота друг к другу. У них длинные, доходящие до плеч прически, которые обрамляют лицо. Миндалевидные белки глаз в виде выпуклых овалов обведены сверху и снизу рельефными полуовальными полосами, обозначающими веки. Массивный прямой нос в конце приплюснут, поэтому ширина ноздрей равна величине невыразительного рта. Удлиненные лица завершаются узкими прямоугольными подбородками. Одеты они в длинную, доходящую до щиколоток грубоватую одежду, отдаленно напоминающую хитоны. Платья вязанные, с выделением вертикальных рядов. Сзади и по бокам ряды прямые от верха до низа, а спереди они соединяются в по-

лукруг, который украшает платье снизу до пояса. Спереди от уровня поднятой к груди руки спускается короткий, но с широким основанием клин из такого же материала, что и платье. Клин завершается своеобразной кисточкой. Связан ли клин и кисточка со сферическим сосудом, который каждый сидящий персонаж держит в приподнятой руке, или он является украшением одежды, — определить по изображению на ритоне почти невозможно. В таком же платье одет человек, изображенный верхом на льве с луком и стрелой в правой руке с серебряного кувшина из клада серебряных изделий, обнаруженного у с.Рогозены, расположенного на Придунайской равнине Северо-Западной Болгарии [160, с.23-25]. Обе сидящие фигуры на ритоне из Пороины — одна в приподнятой согнутой в локте правой руке, другая — в приподнятой согнутой в локте левой руке — держат по одному зооморфному ритону, аналогичному по форме тому, на котором они изображены. Соответственно левая и правая руки прижимают к груди какой-то сферический предмет, возможно чашу. Фигуры сидят, положив ногу на ногу. Свисающая нога изображена весьма реалистично, отчетливо переданы пальцы и даже ногти на них. Вторая нога передана очень схематично и выглядит анемично.

Влево и вправо от сидящих персонажей находятся по одной стоящей фигуре, которые несколько отличаются от центральных. Богатые волосы также обрамляют лицо, только они уложены в короткую, доходящую до затылка, прическу. Лица выполнены в той же манере, только выражают они скорее почитательность, нежели высокомерие и недоступность, как у сидящих фигур. Одежда такая же, только спереди отсутствуют вязанные полукруги. Левая рука с растопыренными пальцами прижата к бедру, правая — приподнята и согнута в локте в жесте почитания. У обеих стоящих фигур левая нога передана реалистично, правая схематично и выглядит анемично. Несомненно, эта композиция представляет ритуальную сцену. Сидящие центральные персонажи изображают, по видимому, верховных жрецов, совершающих ритуальное возлияние, а стоящие рядом оказывают им почтение.

Ритону из Пороины уделялось особое внимание на протяжении длительного времени. Считалось, что он изготовлен скифами, сарматами, греками и, наконец, автохтонным населением. Если первые две версии отпали, то третья все еще разделяется некоторыми исследователями [253, с.31-33; 282, с.281-282].

Действительно, нижняя часть ритона в виде головы быка настолько реалистично выполнена, что трудно отличить ее от эллинской работы. Однако изображения человеческих фигур не идут ни в какое сравнение с изображением человека греческими мастерами. Прежде всего, фигуры имеют какие-то окаменелые, застывшие лица. У сидящих персо-

нашей рука со сферическим сосудом выполнена в фас, а кисть, чтобы показать сосуд, — в профиль. При этом захват сосуда передан неестественно, напоминая скорее всего захват когтем орла бегущего зайца или дракона, изображенного на кнemiде из Враца [405, кат.234]. Кисти рук у стоящих фигур несоразмерны их длине. То, что у всех фигур нога, расположенная на втором плане, передана схематично и выглядит анемично, свидетельствует о неумении мастера передать перспективу. Все это явно выдает варварскую принадлежность ритона из Пороины.

Вышеописанные изделия из драгоценных металлов, представляющие предметы искусства, как уже было отмечено, обнаружены случайно на территории гетских памятников или вблизи них. В отдельных случаях место их нахождения известно лишь приблизительно, как, например, шлема и кубка из района Железных Ворот, в других, в частности клада из Крайовы, — затруднительно указать не только место нахождения, но даже не известно, все ли эти предметы из одного клада или собраны из разных мест. В связи с этим особую значимость приобретают золотые, серебряные и бронзовые изделия, найденные в закрытых комплексах непосредственно на территории поселений или в захоронениях.

На гетском могильнике Ханска-Лутэрия в погребении 31 среди кальцинированных костей была найдена почти целая массивная золотая серьга с дужкой в виде трубочки, загнутой в полукольцо, верхняя часть которой сломана. Нижняя часть дужки украшена зернью и филигранью. Конец ее припаян к полой опрокинутой пирамидке, стороны которой орнаментированы зернью, расположенной рядами в виде виноградной грозди. От вершины пирамидки отходит короткий цилиндрический пруттик, завершающийся полым шариком [148, с. 105-106, рис. 9(1)] (рис. 41.5). Близкие по форме и орнаментации серьги известны у южных фракийцев.

На поселении Ханска-Пидашка этого же микрорайона возле развала одного из наземных глинобитных жилищ найдена бронзовая фибула с S-овидной спинкой, характерной для фракийского типа фибул. Наружная сторона спинки была покрыта узором, напоминающим чешую [152, с. 102, рис. 3(6)].

К началу IV в. до н.э. относятся золотые и бронзовые предметы, обнаруженные под развалом наземного жилища на гетском городище Стынчешть [279, с. 15]. Среди них выделяются фрагменты от двух сильно разрушенных бронзовых поножей, двух бронзовых псалий с концами в виде орлиных головок и трех золотых пластинок. Если псалии с протомами коня, как и экземпляр из Фериджиле [409, с. 136-137, рис. 3(3)], известны на северофракийских памятниках с предшествующего периода, то псалии с концами в виде птичьих головок встречаются значительно реже. Одна из найденных здесь золотых пластинок сделана в виде фан-

тастического животного с головой кабана, туловищем рыбы и хвостом птицы, скорее всего орла (рис. 41.8). Декор выполнен техникой тиснения и чеканки. Хотя рисунок и схематичен, он достаточно реалистично и четко передает части животных. Остальные две бляхи имеют листовидную форму с небольшим овальным выступом на месте черенка листа. Внешняя сторона листа окантована рельефным ободочком для крепления. Лист украшен горизонтальными полукрутами (рис. 41.9). Аналогичные бляхи известны среди украшений конской узды из скифского курганного захоронения Чмырева Могила, которые применялись для украшения ремня конской уздечки [100, с. 148–151; с. 378]. Видимо, такое же назначение имели и стынчетские листовидные бляхи [226, с. 67–68].

В ходе раскопок 1984 г. на гетском городище IV–II вв. до н.э. Бунешть была обнаружена золотая диадема весом 757,6 г (рис. 41.7). Диадема изготовлена из двух параллельных золотых стержней, концы которых завершаются изображением головы хищного зверя, судя по всему, волка [196, с. 4]. В пасти каждого из них, как и в пасти львов, представляющих концы гривны из Ларгуцы, зажато по кольцу с помощью которых диадема застегивалась у затылка. В передней части диадемы на стержнях припаяны пять цветков, изготовленных из золотой проволоки филигранной техникой. Цветки напоминают форму розетки с шестью лепестками – декор, часто встречаемый на различных изделиях гетского искусства.

В центральной камере курганного захоронения из Аджигола, относящегося к IV в. до н.э., обнаружен богатый инвентарь, среди которого выделяется серебряное парадное оружие и предметы торевтики. Во второй камере найдены в основном золотые и серебряные украшения, характерные для женского наряда и туалета. В третьей камере, где были погребены три боевых коня, выявлено значительное количество деталей конского убора [220, с. 33–82].

Парадные защитные доспехи представлены серебряным с позолотой шлемом и двумя поножами.

Шлем (рис. 48) изготовлен из цельного серебряного листа, толщина которого варьирует от 1 до 4 мм. Форма шлема шапкообразная с коническим верхом, почти идентична экземпляру из района Железных ворот. Высота его 27 см, вес 743,53 г. Нашечники и назатыльник составляет одно целое со шлемом. Прямоугольный вырез для лица высотой 10 см и шириной 8,5 см имеет боковые стороны в виде ступени, как на шлемах из Перету и Железных ворот. Налобная часть шлема, как нашечники и назатыльник, покрыта богатыми и разнообразными мотивами декора.

Налобник четырехугольной формы размером 6,3х1,4 см, прямо над носом имеет выступ в виде угла, полосой из параллельных рубчиков раз-

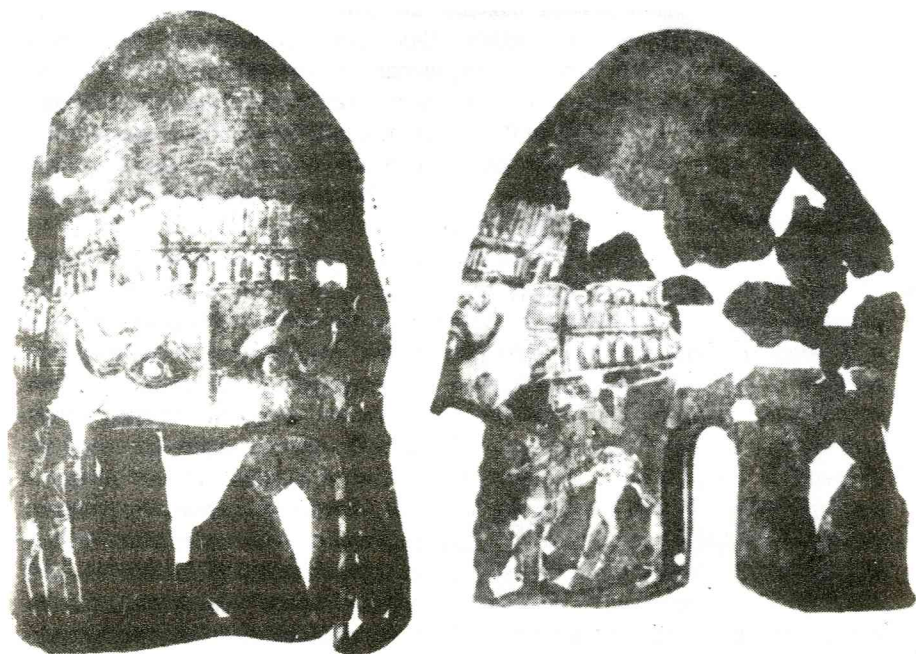

Рис. 48. Серебряный шлем из Аджигола

делен на две равные части. В каждом из образовавшихся таким образом четырехугольников изображено по одному большому, очень выразительному, миндалевидной формы, с апотропаическим характером глазу. Глаза и ресницы переданы так же, как на шлеме из района Железных ворот, но брови на аджигольском экземпляре более массивны и гораздо искуснее выполнены. Слева и справа от апотропаических глаз имеются прямоугольные зоны, разделенные на два яруса. Нижние ярусы обеих зон украшены рельефными полукрутами, верхние — пересекающимися линиями. Над налобником находится декор, состоящий из двух фризав, отделенных от налобника и друг от друга горизонтальными рельефными полосами из параллельных рубчиков. Нижний фриз представляет собой ряд "ов", разделенных заштрихованными полосками, верхний украшен пальметтами, соединенными у основания полукрутами. Пальметты разделены посередине двумя рельефными линиями. Весь декор вместе с налобником составляет единую композицию и так же, как на шлемах из района Железных ворот и Перету, покрыт золотом.

На обоих нащечниках изображено по одному всаднику. На левом нащечнике всадник повернут влево. Лево́й рукой держит поводок узды, а правой мечет копьё. Большая голова всадника посажена на мощную

шею. Длинные завитые волосы доходят до плеч. Узкий лоб почти полностью занят миндалевидным глазом. Над глазом находится S-овидная бровь, которая берет начало у переносицы и завершается возле уха. По форме и манере исполнения она аналогична бровям апотропаических глаз с налобника шлема. Прямой нос составляет почти одно целое со лбом. Рот едва отмечен. Тяжелый подбородок покрыт аккуратно постриженной бородкой. Прямые волосы бородки переданы посредством гравированных штрихов.

Левая рука всадника, держащая поводок, выглядит неестественно. Она как будто вырастает из груди. Правая рука значительно больше по размерам, однако она также неестественно держит копьё. Всадник одет в длинную безрукавку, покрытую рельефными полукругами, изображающими панцирь с металлическими пластинками. Талия воина опоясана нешироким ремнем. Длинные обтягивающие ноги штаны, покрытые гравированным орнаментом в виде пересекающихся линий, изображающих, по всей вероятности, узор ткани, составляли одно целое с обувью. Под всадником изображено нечто напоминающее седло, которое двумя широкими украшенными кружочками ремнями прикреплено к коню. Судя по орнаменту в виде рельефных кружочков и квадратиков, нанесенному на шею, круп, верхнюю часть задних ног, грудь коня, можно предположить, что конь был покрыт дорогой, с богатым орнаментом, попоной.

Поднятый хвост и расстановка ног коня подчеркивают стремление мастера передать его в движении. Удачно изображена голова коня и узда со всеми деталями и украшениями. Видна даже часть S-овидного псаля, аналогичного экземпляру, который найден в этом же захоронении, и псаля, известного на гетских памятниках этого периода [148, с. 107]. Характеризуя композицию всадника и коня в целом, следует отметить, что художник не обладал достаточными знаниями не только анатомии человека, но и мало разбирался в строении тела животных. Мастер нарушил пропорциональность при изображении коня: его передняя часть неправдоподобно больше задней.

На правом нащечнике изображен аналогичный всадник, только повернутый вправо (рис. 49). Правой рукой он держит поводок, левой — мечет копьё. Как и на левом нащечнике, одет всадник также в панцирь, покрытый металлическими пластинами. Рука, держащая поводок, в данном случае правая, значительно меньше, чем левая с копьём. Говоря об идентичности декора обоих нащечников, следует указать, что изображение всадника и коня на правом нащечнике несколько грубее, нежели на левом. Оба изображения в свое время были позолочены, о чем свидетельствует сохранившаяся местами позолота.

Над нащечниками расположен декор, состоящий из двух зон. Нижняя зона представляет ряд "ов". Верхняя зона представлена спиралевидным

орнаментом. Над разрезом, отделяющим нащечники от назатыльника, изображено массивное ухо, которое передано посредством рельефного крута. Заднюю часть уха обрамляет рельефный полукрут со скрученными концами, представляющими ушную раковину.

На назатыльнике изображены разделенные розеткой два всадника: один повернут влево, другой — вправо. В целом изображения всадников и коней идентичны тем, что на нащечниках. Вместе с тем есть и некоторые отличия. Так, например, панцирь всадника, повернутого направо, видимо, литой, поскольку не покрыт металлическими пластинками.

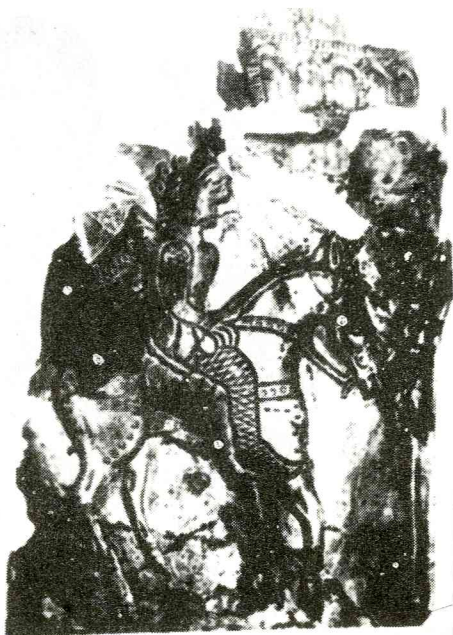

Рис. 49. Изображение всадника на нащечнике шлема из Аджигола

Над назатыльником шлем украшен орнаментом, расположенным в три яруса.

Нижний ярус отделен от изображений на назатыльнике рельефной линией, над которой расположен ряд "ов". Второй ярус состоит из горизонтальной рельефной линии и сверху ряда пальметт. Наконец, третий ярус представлен такой же горизонтальной линией, от которой извиваются стилизованные изображения змей. Ширина фриза со змеями около 3 см. Верхняя коническая часть шлема не орнаментирована.

В целом декор, нанесенный на аджигольском шлеме, состоит из множества разнообразных мотивов, выполненных иногда очень удачно. Однако несоблюдение пропорциональности в передаче антропоморфных и зооморфных изображений, их сильная стилизация, а также метание копья всадником левой рукой в неестественном положении и отсутствие перспективы, явно недопустимое для греческого искусства, свидетельствуют о том, что аджигольский шлем был изготовлен в одной из местных мастерских [220, с. 45] художниками, не полностью еще постигшими искусство эллинских мастеров.

В захоронении, как уже было отмечено, найдены и две серебряные поножи.

Рис. 50. Поножа I из Аджигола

Одна из них (рис. 50) высотой 47,8 см завершается у коленной чашечки изображением женской головы. Волосы уложены завитками в короткую прическу, доходящую до мочек ушей. В верхней части лба изображен обруч в виде рельефной косо заштрихованной полосы, поддерживающей прическу. Уши выполнены точно в такой же манере, что и на шлеме. Рельефным полукругом обозначена ушная раковина, тогда как само ухо отмечено заштрихованным рельефным кружочком. С мочек обеих ушных раковин свисают серьги (рис. 50), по форме и декору идентичные золотой серьге из погребения 31 могильника Ханска-Лутэрия. Брови выполнены рельефной полосой, украшенной елочным орнаментом. Миндалевидный глаз с едва отмеченными ресницами имеет в центре вдавленный кружочек, обозначающий зрачок. Нос очень выразительный с чуть намеченной горбинкой, губы узкие и сжатые, узкий подбородок раздвоен. Черты лица придают облику застывшее угрожающее выражение. Шея украшена ожерельем и гривной. Ожерелье состоит из 13 амфоровидных подвесок, идентичных золотым экземплярам, найденным среди инвентаря этого же захоронения. В верхней части ожерелье имеет ушко, через которое подвески нанизывались на тонкую золотую цепочку. Этот вид украшений получил в IV—III вв. до н.э. широкое распространение. Они часто встречаются не только в гетских, но и в богатых скифских захоронениях [100, с. 214—215]. Под ожерельем находится гривна, загнутые концы которой доходят до уровня сережек. Гривна по харак-

теру орнамента разделяется на три зоны. Центральная зона украшена узкими вертикальными полосками, состоящими из коротких горизонтальных линий. Края полос украшены полукругами и гуансоном. По обоим концам гривы нанесен такой же орнамент, только полосы расположены вдоль, а не поперек. Этот декор часто встречается на художественных изделиях, найденных на памятниках северофракийского мира, поэтому его считают характерным для гето-дакийского искусства [220, с. 46].

Несколько ниже гривны, по бокам поножи изображены две змеи, хвосты которых свернуты в спиралевидном клубке, а передняя часть тела, извиваясь, спускается вниз. Змея с правой стороны достигает лба изображенного в этой части поножи коня, а с левой — клюва сильно стилизованной головы хищной птицы. Тела змей покрыты чешуей. Маленькие головы имеют большой круглый глаз, переданный заштрихованным рельефным кружочком. Из угрожающе открытой пасти высовывается разделенный на три части в виде цветка язык.

На правой стороне поножи, в ее центральной части, изображен всадник, повернутый вправо. Фигура всадника выполнена несколько стилизованно и недостаточно умело. Зажатые обручем кудрявые волосы на непокрытой голове переданы посредством четырех заштрихованных спиралей. Глаз обозначен рельефным кружочком, ушная раковина — рельефным полукругом с загнутыми внутрь концами. Прямо от ушей тянется горизонтальная заштрихованная рельефная полоса, изображающая брови. Линии носа и лба не разделены переносицей и составляют одно целое. Крупный нос как бы нависает над едва обозначенным ртом. Всадник одет в блузу с длинными рукавами и штаны, составляющие одно целое с обувью. Вся одежда покрыта орнаментом в виде пересекающихся линий, обозначающим, видимо, узор ткани, из которого она сделана. Талия всадника опоясана нешироким ремнем. В поднятой и оттянутой назад правой руке он держит лук, в левой — узду. Изображение коня выполнено более удачно, нежели всадника. Отчетливо видна узда и даже ее украшения, расположенные на месте соединения ремней. Большой круглый глаз коня передан заштрихованным рельефным кружочком. Нижняя часть мордочки покрыта редкими линиями, обозначающими волосы. Грива обозначена рельефной косо заштрихованной полоской. Постриженный и ухоженный хвост коня, переданный прямыми линиями, несколько приподнят, а ноги с четко обозначенными копытами расставлены в беге. Этим, видимо, мастер стремился подчеркнуть, что всадник-стрелок скачет во весь опор.

Под этой композицией изображен сидящий на стуле мужчина. Фигура его выполнена в той же манере, что и всадник. Большая непокрытая голова с тяжелым и массивным подбородком посажена на тонкую шею.

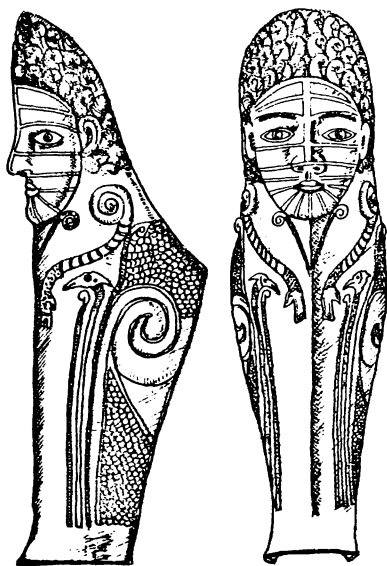

Рис. 51. Поножа II из Аджигиола

Кудрявые волосы, выполненные заштрихованными спиралями, спереди зажаты обручем в виде рельефной заштрихованной полосы. Ухо обозначено кружочком, а ушная раковина — известным уже рельефным полукругом. Миндалевидный глаз сделан в виде рельефного заштрихованного овала, а короткие брови выделены рельефной линией. Невысокий лоб соединен по прямой с массивным носом, свисающим над схематично обозначенным ртом. Одет мужчина точно так же, как и всадник. Сидит он на покрытом нарезным орнаментом стуле с четырьмя ножками и невысокой спинкой. Правая нога закинута на левую.левой согнутой в локте и припод-

нятой кверху рукой он подносит ритон к губам. В правой, также приподнятой кверху и согнутой в локте руке держит орла. Д. Берчу, описывая эту сцену, указывает, что сидящий мужчина держит в правой руке ритон, а в левой — орла [220, с. 48], что явно не соответствует позе изображенного. Если принять его утверждение, тогда надлежит допустить, что персонаж сидит спиной к нам, а это никак не согласуется с положением головы и ног, переданным хотя и под углом, но спереди (рис. 50). Ритон в отличие от экземпляра, изображенного в руке воина с правого нащечника шлема из Бэйчэнь, не зооморфный, а имеет форму рога, украшенного полосами из коротких параллельных линий. В изображении сидящей фигуры наблюдается явное несоблюдение пропорций, характерных для человеческого тела, и отсутствие перспективы. Массивная голова вместе с тонкой шеей занимает в композиции столько же места, сколько верхняя часть туловища от плеч до бедер. Левая рука как бы вырастает из груди и показана неестественно с внешней стороны. Выглядит это так, как будто у фигуры две правые руки, что, видимо, и смутило Д. Берчу, когда он решил, что мужчина держит ритон в правой руке. Не совсем естественно и изображение ног. Подобных неточностей не мог допустить ни один эллинский мастер, что, собственно, противоречит некоторым утверждениям о греческом производстве поножи [226, с. 29-30] и выдает местное исполнение антропоморфных и зооморфных изображений на аджигиольских кнемидах.

На левой стороне этой же поножи изображена стилизованная голова хищной птицы со змеиным туловищем. Крутой глаз выполнен при помощи рельефного кружочка, длинный клюв имеет едва обозначенную восковицу. Шея покрыта чешуйчатым орнаментом в виде рельефных полукругов, а туловище — прямыми горизонтальными линиями. Рядом находятся еще три напоминающих змей изображения, только у них вместо голов загнутый конец.

Вторая поножа высотой 46 см также изготовлена из цельного серебряного листа (рис. 51). Верхняя наложенная часть представляет собой женскую голову. Длинная, доходящая до плеч, кудрявая прическа в отличие от изображения прически на голове с первой кнemiды вся была покрыта золотом. Уши выполнены в такой же манере, что и на описанной поноже, только более реалистично. Миндалевидные глаза, обрамленные тонкими ресницами, переданы посредством вдавленных кружочков, обозначающих зрачки. Художник сумел придать глазам какое-то застывшее, свирепо пугающее выражение. Нос прямой, ровный, с выраженными ноздрями. Пухлые губы очень хорошо очерчены. Нижняя часть лица завершается полукруглым подбородком. Все лицо начиная от лба и кончая подбородком покрыто неширокими золотыми лентами. Несколько ниже головы по обеим сторонам поножей расположены свернувшиеся в комок змеи со стилизованными головками. Верхняя часть тела покрыта чешуей, остальная часть — линиями. Стилизованные головки направлены в сторону головы хищной птицы со змеиным туловищем, подобной той, что изображена на левой стороне первой кнemiды. В остальном детали декора обеих кнемид сходны.

Поножа, аналогичная второму экземпляру из Аджигиола с позолоченной прической и покрытым золотыми лентами лицом, почти такой же величины найдена в курганном захоронении IV в. до н.э. близ Враца [77, с. 10, рис. 37]. Способ применения и ношения этих кнемид отчетливо виден на изображении сцены охоты воина на серебряной с позолотой бляшке из Летницы [130, с. 60, рис. 27].

Особый интерес представляют найденные среди могильного инвентаря центрального погребения два серебряных кубка или ситуты, как их иногда еще называют. По форме и мотивам декора они аналогичны кубку из района Железных ворот.

Первый кубок (рис. 52.Г) изготовлен из серебряной пластинки в виде двух усеченных конусов. Выпуклое дно обработано отдельно, а затем припаяно к кубку. Декор кубка выполнен техникой чеканки и тиснения. Гравированные линии очерчивают контур каждого изображения. Декор разбивается как бы на самостоятельные сюжеты, в целом же вся композиция подчинена единой концепции. Кубок богато орнаментирован, многие мотивы декора аналогичны тем, что изображены на экземпляре

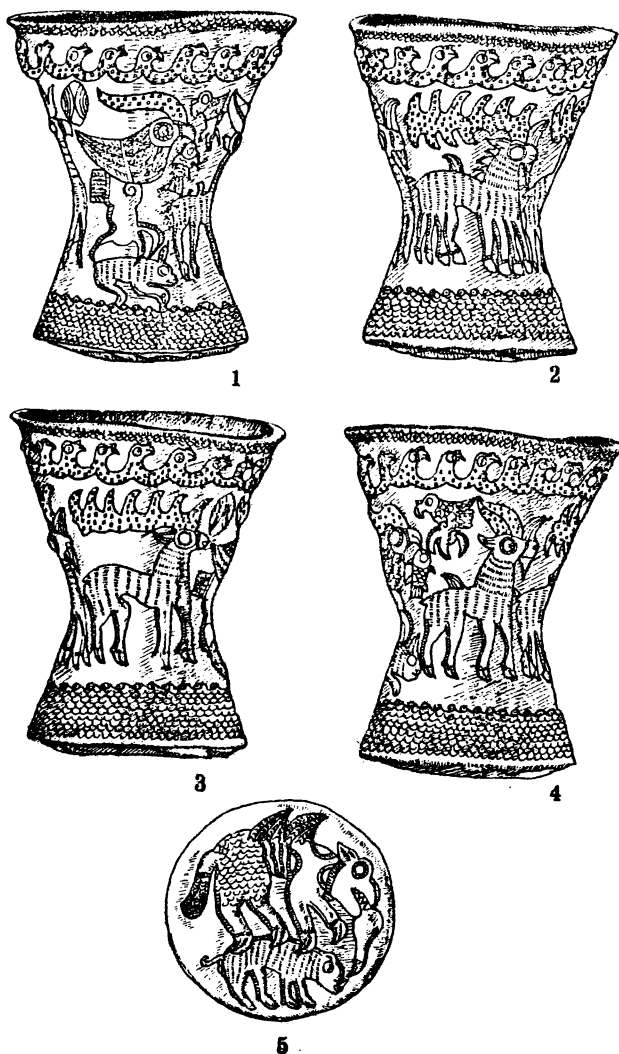

Рис. 52. Серебряный кубок I из Аджигола

с Железных ворот, однако в деталях они различаются. Под венчиком кубок украшен полосой из гравированных полукругов, изображающих чешуру. Ниже расположен декор, состоящий из голов хищной птицы, видимо орла, соединенных гирляндой. Головка орла имеет относительно большой круглый глаз, выполненный выпуклым кружочком, мощный загнутый вниз клюв украшен в верхней части заштрихованным гребешком.

Шея птицы, как и сама гирлянда, украшена маленькими гравированными квадратами. Под фризом нанесен основной декор кубка.

Центральная группа состоит из трех изображений, представляющих известный уже мотив хищной птицы, охотящейся за зайцем, со свисающей из клюва рыбой – сюжет, отчеканенный на правом нащечнике и серебряном кубке из района Железных ворот.

Голова орла почти целиком занята большим круглым глазом, перенесенным на выпуклом круге, обведенным заштрихованным рельефным кружочком. Над мощным загнутым книзу клювом изображен гребешок в виде рельефной заштрихованной полосы, от которой ответвляется вверх и отходит назад массивный рог, украшенный клеточными вдавлениями. Перья, покрывающие тело птицы, в ее передней части выполнены в виде пальметт, заштрихованных под елочный орнамент. Сложенное крыло изображено параллельными рельефными линиями, украшенными таким же орнаментом. Хвост птицы сделан весьма условно, состоит из пяти коротких коротко заштрихованных рельефных полос и расположен ниже крыла, на массивной ноге, в вертикальном положении. Коготь явно преувеличен и для того, чтобы показать его еще внушительнее, мастер посредством рельефных полос из параллельных рубчиков постарался передать чешуйчатое покрытие нижней части ноги и когтя. Передняя шпора, которая появляется у этой породы птиц только в зрелом возрасте, показана в виде завитой спирали. Мощный клюв держит за губу свисающую рыбу, которая достигает только уровня груди птицы, тогда как на упомянутых изображениях с изделий из Железных ворот она доходит до уровня когтя. Фигура бегущего зайца и орнамент на нем почти идентичны изображениям тех же изделий (рис. 52.1).

Спереди на уровне головы представлена повернутая влево хищная птица, аналогичная описанной, только значительно меньших размеров и без массивного рога. Круглый глаз выполнен в той же манере, но не обведен рельефным кружочком. Мощный загнутый клюв украшен в верхней части короткой заштрихованной полосой, изображающей гребешок. Передняя часть тела орла покрыта рядами полукругов. Сложенное крыло и относительно длинный хвост, расположенный вертикально, выполнены традиционно, заштрихованными линиями. Большой коготь, почти равный по величине всей птице, сжимает добычу. Сделан он так же, как и коготь орла с центральной композиции.

Влево от орла, сжимающего в когте зайца, размещен круг, украшенный рельефными полукругами.

Следующая композиционная группа состоит из трех фигур животных. Центральная из них представляет восьминогую оленя с большими разветвленными вниз и вверх рогами, покрытыми гравированными квадратами (рис. 52.2). Изображение восьминогую оленя, возможно, имело опре-

деленное целенаправленное значение, поскольку довольно часто встречается на изделиях торевтики IY—III вв. до н.э. Видимо, это чисто профессиональный прием, применяемый мастером, не владеющим законами перспективы, для того, чтобы передать двух рядом стоящих животных. Этим, по всей вероятности, объясняется и наличие второй бороды на мордочке животного, которая, правда, изображена в противоположном направлении. Крутлый глаз выполнен выпуклым кружком, обведенным заштрихованным рельефным ободком, передающим веко с ресницами. Борода треугольной формы, заполненная заштрихованными линиями, начинается прямо от края нижней губы. С противоположной стороны, прямо на мордочке, в ее ноздревой части, возвышается еще одна, только на этот раз клиновидная, борода с отогнутой вправо вершиной. От листовидного уха, обрамляя заднюю часть шеи, спускаются четыре заштрихованных треугольника, изображающих гриву. На задней части спины возвышается небольшое крыло клиновидной формы с отогнутой назад вершиной. Шея и туловище животного покрыты узкими полосами, состоящими из коротких параллельных линий. Хвост едва намечен. Все восемь ног сзади окантованы полосой из параллельных рубчиков. Копыта не раздвоенные.

Слева от центральной фигуры изображен четырехногий олень с длинными разветвленными вверх рогами (рис. 55.3), покрытыми орнаментом из квадратов. Большой крутлый глаз, выполненный посредством выпуклого кружочка с заштрихованным ободком, заполняет основную часть головы. Область ноздрей и рта отделена от головы полосой параллельных рубчиков. Листовидное ухо обозначено довольно четко гравированными линиями. Хвост едва обозначен. Шея и туловище покрыты полосами из коротких горизонтальных линий. Ноги с задней стороны окантованы полосой из параллельных рубчиков. Копыта раздвоенные.

Третья фигура расположена справа от центральной и напоминает козла, только с маленьким клиновидным крылом и двумя расположенными друг против друга бородами (рис. 52.4). Голова, глаз, ухо точно такие же, как и у предыдущего четырехногого оленя, только мордочка несколько длиннее. Из макушки вырастают два массивных S-овидной формы рога, покрытых вдавленными квадратами. Верхняя и нижняя бороды, а также крыло сделаны как у восьминогого оленя. Спереди, в области соединения шеи и груди, имеется небольшой клиновидный выступ наподобие крыла. В остальном ничем не отличается от прочих фигур животных с этого кубка.

Придонная часть кубка покрыта широкой полосой состоящей из 13 рядов полукругов, верхняя часть которых украшена спиралевидным орнаментом.

На дне сосуда воспроизведена сцена охоты фантастического хищника, видимо, на травоядное животное. Основная часть этой компози-

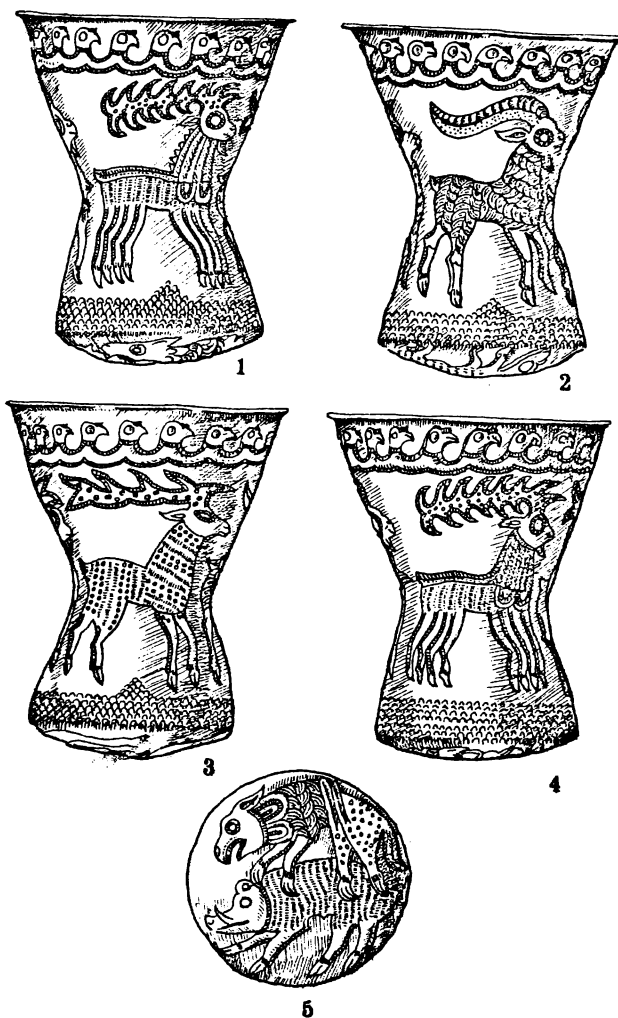

Рис. 53. Серебряный кубок 2 из Аджигола

ции занята изображением хищного животного, напоминающего грифона (рис. 52.5). Из большой пасти с крупными и острыми зубами торчит задняя нога какого-то животного. Круглый глаз и листовидное ухо выполнены в известной уже манере. Шея охвачена заштрихованной полосой, к которой примыкают полукрути из таких же полос. Ряд полос из параллельных рубчиков с полукрутами по бокам опоясывают туловище животного. Следует отметить, что они опоясывают переднюю часть туловища в том же месте, что и на бляхе в виде льва из клада, куплен-

ного в Крайове (рис. 46.5), на что обратил внимание Д.Берчу [220, с.55]. На спине грифона изображены два небольших крыла. Круп и верхняя часть задних лап покрыты гравированными полукрутами. Длинный хвост примерно от середины и до конца украшен тремя продольными полосами, покрытыми елочным орнаментом. Ноги с задней стороны окантованы полосой из параллельных рубчиков. Хорошо обозначены длинные и мощные когти. Тремя лапами грифон вцепился в спину травоядного животного, которого вряд ли стоит отождествлять с диким кабаном, как это делает Д.Берчу [220, с.55]. Нижняя фигура действительно чем-то напоминает кабана, только узкая мордочка с овальными ноздрями и острым рогом, расположенным над носом, как у носорогов, отличает его от этой породы животных. От рога полоса из параллельных рубчиков окантовывает сверху туловище животного. Такая же полоса выделяет ноги с раздвоенными копытцами. Круглый глаз и едва отмеченное полукруглое ушко выполнены так же, как и у остальных животных. Шея и тело покрыты вертикальными полосами из коротких параллельных линий (рис.52.5).

Второй кубок (рис.53) высотой 16,5 см имеет такую же форму, как и первый. Аналогична и техника нанесения декора. Во многом сходны и его мотивы, хотя в деталях они различаются.

Под отогнутым наружу венчиком отсутствует полоса из полукругов, зато сохранился фриз, состоящий из орлиных головок, соединенных гирляндой. Головки сделаны точно так же, как и на первом кубке, но отделены от гирлянды полосой из параллельных рубчиков. Аналогичные полосы окантовывают и гирлянду, тем самым придавая ей большую экспрессивность и элегантность. Однако в отличие от первого кубка головки птиц и гирлянда лишены орнамента. На основной части кубка, между верхним фризом и нижней полосой из полукругов, размещены изображения четырех животных.

Центральная фигура (рис. 53.1) представляет собой восьминогое животное, повернутое вправо, с короткой мордочкой, на которой отчетливо переданы ноздри, пасть и клиновидная бородка. Большой круглый глаз и листовидное ухо выполнены в той же манере, что и у остальных животных. Мощный отогнутый назад рог с ответвлениями вверх и вниз орнаментирован кружочками с точками посередине. Рога окантованы рельефной заштрихованной полосой. На месте соединения головы и шеи имеется заштрихованная полоска, напоминающая ошейник, от которой спускаются вниз такие же рельефные полосы. Грудь животного украшают два полукруга из таких же полос. Спина и едва намеченный хвост, равно как и ноги, окантованы рельефными полосками из параллельных рубчиков. Копыта не раздвоены. Туловище покрыто вертикальными полосами из коротких параллельных линий.

С левой стороны от центральной фигуры находится изображение другого животного, по всей вероятности, козла (рис. 53.2). Небольшая голова с круглым глазом и листовидным ухом, короткая мордочка со слабо отмеченными ноздрями и пастью, клиновидная борода, покрытая заштрихованными линиями, выполнены так же, как и у центральной фигуры. Из макушки вырастают два массивных отогнутых назад S-овидной формы рога, которые из-за незнания законов перспективы мастером наложены один на другой. Левый рог украшен горизонтальными рельефными линиями, правый — точками. Шея и туловище козла покрыты длинной шерстью, переданной посредством небольших заштрихованных треугольников с выпуклой и вогнутой сторонами. Ноги с раздвоенными копытцами окантованы с задней стороны рельефной полосой. Задние ноги покрыты шерстью только в верхней части, передние же совершенно оголены. В целом фигура козла, как и шерсть на нем, выполнены значительно реалистичнее, нежели остальные изображения животных.

Далее, влево от козла, расположена фигура оленя с мощным схематично изображенным рогом, от которого отростки отходят только вверх. И рог, и отростки украшены гравированными кружочками с углублениями в виде точек посередине. Миндалевидный глаз выполнен заштрихованным рельефным овалом. Ухо листовидной формы, мордочка несколько удлинена (рис. 53.3). Непропорциональное туловище и шея покрыты орнаментом из чередующихся полос, состоящих из рядов гравированных кружочков с точкой посередине и вертикальных лент из параллельных коротких линий. Ноги с раздвоенными копытами обозначены с задней стороны полосой параллельных рубчиков (рис. 53.3).

Наконец, четвертое изображение расположено на противоположной стороне кубка по отношению к центральной фигуре. Оно представляет собой аналогичное восьминогое животное с большим круглым глазом, листовидным ухом, короткой мордочкой с клиновидной бородакой и большим рогом, от которого отростки отходят вверх и вниз (рис. 53.4). Рог и отростки окантованы полоской из параллельных рубчиков, как и у первого восьминогого животного, и покрыты гравированными кружочками с углублениями в виде точек посередине. Грива обозначена посредством восьми небольших треугольников. Шея украшена девятью вертикальными рельефными косо заштрихованными полосками. На груди из подобных же полос сделаны два полукрута. Спина и едва отмеченный хвост переданы двумя полосами: заштрихованной и покрытой пуансоном. Туловище украшено узкими полосами из коротких параллельных линий. Ноги окантованы полоской, состоящей из параллельных рубчиков, копыта не раздвоены.

Придонная часть кубка покрыта широкой полосой, состоящей из восьми рядов гравированных полукругов, от которой под каждым изо-

Рис. 54. Детали конского убора из Аджигола

бражением, кроме одного, поднимается выступ треугольной формы из таких же полукругов. Чешуйчатая зона не увенчана спиралевидным фризом, как на первом кубке или экземпляре из района Железных Ворот.

На дно сосуда нанесен декор, представляющий собой известную уже сцену охоты хищного фантастического животного-грифона на дикого кабана (рис.53.5). Соотношение фигур нападающего и жертвы здесь несколько иное. Грифон почти такой же величины, что и кабан. Зубы в открытой пасти переданы схематично — полосой из параллельных рубчиков. Крутой глаз и листовидное, направленное назад ушко выполнены рельефно. Место перехода головы в шею обозначено также рельефной полосой из параллельных рубчиков, от которой по шее идут такие же полуovalы. Передняя часть туловища покрыта шерстью, переданной такими же заштрихованными треугольниками с кривыми сторонами, как у двурогого козла. Задняя часть туловища грифона отделена от передней двумя рельефными полосами из параллельных рубчиков, отмечающими переднюю часть крупа. Круп и задние ноги покрыты гравированными кружочками с углублением в виде точки посередине. Ноги с мощными когтями окантованы с одной стороны полосой из параллельных рубчиков. Хвост точно такой же, как у грифона со дна первого кубка. Кабан изображен довольно реалистично. Длинная мордочка с пятчком и большим клыком, маленький круглый глаз и едва обозначенное полукруглое ушко выполнены в известной уже манере. Тело пок-

рыто вертикальными полосами из коротких параллельных линий. Короткие, но сильные ноги имеют раздвоенное копытце.

Среди украшений, обнаруженных в аджигиольском захоронении, выделяются две золотые амфоровидные подвески высотой 2,3 и 3,9 см. Они изготовлены из тонкого золотого листа, на котором техникой чеканки воспроизведен декор, представляющий собой четыре горизонтальных ряда рельефных клеток, покрывающих его верхнюю часть от шейки до линии наибольшего диаметра подвески. Края листа соединены пайкой. В верхней части они имеют круглое, наподобие кольца, ушко для подвешивания, в нижней части — горизонтальное кольцо.

Из других золотых украшений следует отметить две небольшие, шириной 2,8 см, треугольные бляшки. На них техникой тиснения изображена коза в лежачем положении с подогнутыми под себя ногами (рис. 54.1). Коза повернута вправо, ее голова откинута назад, она как бы вылизывает шерсть на левом боку. Миндалевидный глаз выполнен не очень выразительно. Небольшое листовидное с острым верхом ухо имеет посередине отверстие для прикрепления к какому-то материалу. Длинная и грациозная шея согнута в полукруг. Короткий хвост также имеет отверстие посередине. Такие же отверстия для крепления есть и в области передних и задних ног. Верхняя часть бляшки от хвоста и до согнутых передних ног обрамлена широкой полосой из параллельных рубчиков. Обе бляшки настолько идентичны, что изготовление их по одной матрице не вызывает сомнений [220, с. 51].

В погребении найдены также многочисленные украшения конской сбруи. Среди них выделяются серебряные зооморфные налобники-наносники с выступающей скульптурной головкой скорее всего хищного животного на длинной шее и с передним щитком. Наиболее выразительный из них — это налобник-наносник с головой грифона и богато орнаментированным щитком (рис. 54.2). Голова обрамлена прямоугольником со скругленными углами. В средней его части изображены миндалевидные глаза, выполненные посредством выпуклых косо расставленных по отношению к переносице овалов, обведенных заштрихованными рельефными ободками, представляющими ресницы. Нижнюю часть ободков составляют скругленные углы четырехугольника. Под прямоугольником выступает короткий загнутый вниз клюв. Прямоугольник, в свою очередь, окантован двумя сильно стилизованными змеями, над которыми возвышается декор из шести украшенных углублениями в виде точек полукругов, изображающих гриву грифона. Его длинная шея с поперечным круглым отверстием посередине приварена к щитку. Большой щиток сделан в виде полукруга, украшенного в передней части пальметтой, нижняя часть которой окантована полосой из параллельных рубчиков. Верхняя часть щитка покрыта точками и спиралевидным орнаментом, выпол-

ненным гравированными линиями и рельефными косо заштрихованными полосами.

Серебряный налобник-наносник изготовлен в виде выступающей скульптурной головки гиены на относительно длинной шее и небольшого переднего щитка [220, с. 64, рис. I8 (I4)] (рис. 54.3). Косо посаженные миндалевидные глаза выполнены посредством выпуклых овалов с углубленными краями, подчеркивающими глубокие глазницы и придающими глазам угрожающее выражение. Поднятые короткие уши треугольной формы, прищуренные глаза и открытая пасть подчеркивают раздраженность зверя. На щитке рельефно показаны передние лапы гиены, которые до когтей покрыты горизонтальными линиями. Под подбородком гиены, между лапами изображена сильно стилизованная голова зайца. Большие круглые глаза нанесены двойными гравированными кружочками. Длинные листовидные уши прикрывают шею гиены до подбородка.

Другой налобник-наносник с выступающей головкой львицы или пантеры с открытой пастью, круглыми глазами, обведенными заштрихованной рельефной линией, и большими в виде полукругов украшенными точками ушами (рис. 54.4) [220, с. 60, рис. I8 (6)]. Длинная шея, с тем же круглым отверстием посередине, приварена к щитку. На месте сварки щиток орнаментирован полукругом из гравированных углублений в виде точек. Полукруглый щит окантован заштрихованной рельефной полосой, за которой идут еще две такие же, только различной ширины, полосы. В центре щитка воспроизведена в фас голова животного с гривой, расчесанной как бы на прямой пробор.

Найдены еще два серебряных налобника-наносника с головой, по всей вероятности, медведя на выступающей части [220, с. 61-62, рис. I8 (10)]. Сделаны они техникой литья. Головка на одном экземпляре (рис. 54.5) передана значительно экспрессивнее и более реалистично. Круглые глаза обведены заштрихованной рельефной полосой. Хорошо очерчены нос и полуоткрытая пасть. Уши в виде полукругов украшены углублениями по краям. Выставленные вперед передние лапы выполнены достаточно реалистично, обозначены даже когти. Вокруг передних лап расположены две стилизованные змеи различной величины, головки которых покоятся на шее медвежонка. Тела змей переданы рельефными полосами, покрытыми гравированным елочным орнаментом. Такая же полоса окантовывает и край переднего щитка.

На многих экземплярах этой группы украшений конской узды схематизм в выполнении сюжета доведен до предела. На некоторых трудно определить характер изображения. Это и привело к тому, что скульптурное изображение на одном и том же налобнике-наноснике из аджиги-ольского захоронения одними исследователями воспринято как голова медвежонка [220, с. 60], другими - льва [138, с. 121].

Декор, как правило, выполнен техникой чеканки, однако весьма грубо. Заштрихованные рельефные полосы имеют различную толщину. Не всегда орнамент несет функциональную нагрузку, иногда не соответствует характеру композиции. Все это достаточно убедительно свидетельствует о местном изготовлении подобного рода изделий [220, с. 60]. А.И. Мелюкова, сопоставляя скифские и фракийские детали конского убора, обратила внимание на их сходство. Исходя из этого она полагает, что гетские мастера лишь разрабатывали и оформляли воспринятые у скифов сюжеты. [138, с. 112]. К сожалению, исследовательница не развернула аргументацию своего предположения, ее взгляды пока только тезисно нашли отражение в специальной литературе [138, с. 106–127; 139, с. 211–225]. Однако в связи с этим следует заметить, что если в гетском конском уборе и разрабатывались известные в античном и варварском мире сюжеты, то это означало не просто копирование или подражание, а творческое развитие сюжета при сочетании в нем различных мотивов декора, а также техники его нанесения. Ведь в скифском мире не известны пока аналогии гетским налобникам–наносникам.

Обнаруженные в погребении боевых коней аджигиольского кургана серебряные нащечники делятся на два вида. К первому относятся экземпляры, представляющие собой ажурные бляхи, на которых изображена повернутая назад голова животного, скорее всего оленя [220, с. 65–66, рис. 45(1, 2)]. Голова с круглым, выполненным рельефным кружочком глазом и волотой вместо носа передана крайне схематично. Остальная часть нащечника покрыта орнаментом, состоящим из заштрихованных полос со спиралевидными концами и волот. Этот вид нащечников, хотя и находит определенные аналогии среди экземпляров из Краснокутского кургана, Гаймановой могилы и других памятников, все же, как справедливо отметила А.И. Мелюкова, по особенностям стиля вполне соответствует характеру фракийского искусства и поэтому отличается от золотых и серебряных нащечников из скифских курганов [138, с. 124]. Ко второму виду зооморфных нащечников относятся стилизованные ажурные свастикообразные серебряные бляхи [220, с. 66, рис. 45(3)]. Один нащечник представляет собой вырезанные из цельной серебряной пластины четыре протомы коней, повернутых влево. Стилизованные изображения головы и шеи коней переданы в профиль и оформлены посредством полосы параллельных рубчиков и гравированных линий. Такой же полосой обозначены круглые глаза коней и центральный круг бляхи.

На другой серебряной свастикообразной бляхе техникой чеканки изображены сильно стилизованные протомы трех львиных грифонов [220, с. 66, рис. 45(4)]. Кружочками из полос параллельных рубчиков оформлены края бляхи и сами протомы, направленные влево, а также круглый

глаз каждого из них. Кружочком из такой же полосы обозначен центр бляхи, а гравированными линиями – только спиралевидные клювы львиных грифонов. Аналогичные изображения протом фантастических львиных грифонов известны на свастикообразной бляхе из Враца [405, кат. 279].

В ходе проведения спасательных археологических раскопок на одиночном кургане у с. Перету открыто захоронение с труположением, относящееся ко второй четверти или середине I V в. до н.э. В центральном погребении найден весьма богатый и разнообразный могильный инвентарь, в частности серебряные с позолотой шлем и изображение человеческой головы, четыре железные шины от колесницы, которые прикреплялись к ободьям гвоздями с ромбовидными шляпками, три фиалы, из них две ахеменидского и одна греческого типа, а также детали конского убора, среди которых налобник с выступающей головой львиного грифона и 40 блях с протомами коней и львиных грифонов [320, с. 383–390].

Серебряный шлем (рис. 42.3) по форме, технике нанесения декора и содержанию отдельных сюжетов аналогичен экземплярам из Аджи-гиола и Железных ворот. Он так же изготовлен из цельного серебряного листа, с прямоугольным вырезом для лица со ступенчатыми боковыми сторонами, неподвижными нащечниками и назатыльником. Налобная часть прямоугольной формы массивной рельефной полосой из параллельных рубчиков разделена на две равные половины, в каждой из которых размещено по большому выразительному миндалевидному глазу с двойными спиралевидными бровями. Выше, над налобником, расположена зона из двух рядов пальметт. По обеим сторонам налобника с апотропаическими глазами находится по одной небольшой полосе, разделенной на две равные по величине части. Верхняя часть полос покрыта орнаментом в виде рельефных ромбиков, нижняя – чешуей, состоящей из рядов рельефных полукругов. Точно такими же полосами с аналогичным орнаментом украшены и боковые стороны налобника шлема из Аджи-гиола. На правом нащечнике изображен козел, а на левом – известная композиция, представляющая орла с S-овидным рогом, сложенным крылом, держащим в клюве свисающую рыбу, а в мощном, явно преувеличенном, когте – бегущего зайца. Эта композиция встречается на правом нащечнике шлема и кубка из района Железных ворот, а также на первом кубке из Аджи-гиола. Несмотря на большое сходство, почти идентичность этих изображений, все же имеются и некоторые различия. На всех упомянутых изделиях орел изображен повернутым вправо, тогда как на нащечнике шлема из Перету – влево. Внешняя сторона клюва от восковицы и до конца, а также нижняя часть туловища орла от шейки и до основания когтя окаймлены полосой, украшенной пуансоном. Таким же орнаментом покрыт и S-овидный рог, декор которого отсутствует на остальных

изображениях хищной птицы. Менее экспрессивно передан и коготь орла. Несколько иначе изображена свисающая из клюва рыба. Однако эти незначительные различия в технике нанесения и характере декора на отдельных мотивах композиции не могут служить основанием оспаривать ее единство на всех трех упомянутых предметах гетской торевтики. Выше нащечников от налобника идет фриз, состоящий из трех зон. Нижняя зона представлена рядом "ов", выполненных рельефной линией. Они отделены от следующей зоны из пальметт горизонтальной рельефной полосой, покрытой параллельными рубчиками. Последняя зона украшена ветвью лотоса с листовой. На назатыльнике изображены два оленя, аналогичные оленю, изображенному на втором кубке из Аджигола. Весь орнамент, за исключением ветви лотоса, покрыт позолотой.

Изображение человеческой головы по форме напоминает навершие (рис. 55). Изготовлено оно из цельного тонкого серебряного листа. Волосы завитками уложены в короткую, достигающую до затылка прическу, напоминающую изображение причесок фигур с аджигольских кнемид. Она обрамляет лицо. Завитки выполнены рельефно, в виде заштрихованных волн. Спереди волосы уложены челкой. Верхняя часть лба покрыта диадемой, представляющей собой косо заштрихованную рельефную линию, над которой возвышается ряд высоких пальметт. Сведенные к переносице брови выполнены рельефной косо заштрихованной линией, составляющей почти одно целое с переносицей. Концы бровей к виску сужаются до минимума. Брови, диадема и прическа были покрыты золотом. Большие почти круглые глаза выполнены весьма реалистично. Зрачки сделаны в виде углубленных кружочков, а белки — в виде выпуклых овалов, которые обрамлены рельефными с параллельными рубчиками крутами, представляющими веки с ресницами. Длинный прямой нос завершается чуть плоским концом с четко очерченными ноздрями. Впалый рот с тонкими сжатыми гу-

Рис. 55. Изображение человеческой головы из погребения Перету

бами резко выделен рельефными линиями. Узкий раздвоенный подбородок в нижней части несколько округлен. Мощная шея украшена золотым ожерельем, состоящим из двух параллельных рельефных полос, между которыми расположен ряд амфоровидных подвесок. Назначение изображения человеческой головы трудно с достоверностью определить, хотя были высказаны различные предположения [320, с. 286, рис. 2]. Возможно, это навершие от балдахина или скипетра.

Относительно деталей конского убора, о которых упоминает Э. Москалу – автор спасательных раскопок и предварительных сообщений о курганном захоронении в Перету, трудно что-нибудь определенно сказать, поскольку из сорока предметов украшений опубликовано описание только двух. Это серебряная бляха и нащечник.

Серебряная бляха со стилизованными протомами львиных грифонов выполнена в той же технике, что и описанные уже подобные детали конской сбруи из Аджигола, Крайовы и др. На тонкой серебряной пластине вырезаны протомы, а техникой чеканки и гравировки нанесен орнамент. Выпуклым кружочком обозначен глаз, а заштрихованным рельефным ободком вокруг него – веки с ресницами. Рельефной спиралевидной полосой, покрытой пуансоном, передан клык львиного грифона. Небольшие листовидные уши и грива украшены гравированным елочным орнаментом. В центре бляхи имеется большой умбон, обведенный заштрихованным рельефным кружочком.

Серебряный нащечник с одним концом в виде головы грифона, с круглым переданным розеткой глазом и спиралевидным клыком, выполненным рельефной полосой. Остальная часть нащечника покрыта орнаментом, состоящим из простых или с параллельными рубчиками рельефных полос. Край нащечника окантован косо заштрихованной рельефной полосой.

Остальные бляхи – детали конского убора, по формам и декору не отличаются от известных в гетском мире украшений конской сбруи.

В одном из погребений курганного могильника близ с. Браничево в Северо-Восточной Болгарии найдена серебряная фиала высотой 6,7 см, диаметром 10 см, весом 164 г [89, с. 461]. Фиала имеет широкий отогнутый наружу венчик и относительно высокую шейку. Омфалы и нижняя часть тулова покрыты рельефным ромбовидным орнаментом. Дно круглое, вогнутое. На этом же могильнике, как уже отмечалось, найдена свастикообразная бляха с тремя протомами коней [88, с. 174, рис. 13(1)].

Все золотые и серебряные изделия, представляющие собой предметы искусства, большинство исследователей относят к периоду не ранее конца V – начала IV в. до н.э. и не позднее первой половины III в. до н.э. [201, с. 273–281; 220, с. 76–93, 195–145; 320, с. 386; 405, кат. 236–239].

Изучение предметов торевтики обращает внимание на их своеобразие и парадный характер, будь это доспехи, посуда, украшения или детали конского убора.

Золотые конической формы шлемы из Бэйчень и Коцфенешть, а также серебряные с позолотой экземпляры из Аджигиола, Перету и района Железных ворот отличаются между собой лишь в деталях декора, тогда как в целом они составляют оригинальный тип парадных доспехов. Такое же сходство наблюдается и в декоре серебряной посуды, в частности кубков из Аджигиола и района Железных ворот, которые по существу почти идентичны. Более того, некоторые мотивы декора, такие, как хищная птица с рыбой в клюве и травоядными животными в огромном, неестественном когте или козел с двумя большими рогами и маленьким крылом-выступом на спине, также являются общими как для посуды, так и для шлемов. Это наводит на мысль о том, что все они изготовлены в одной и той же мастерской [320, с.386-389].

Своеобразны и украшения, декор которых представляет собой сочетание стилизованных изображений животных, гравированных линий и розеток, как на золотых гривнах из Ляргуцы и диадеме из Бунешть, на серебряных гривне и спиральных браслетах из Матеуц, Бунешть, Енисалы и на бронзовых фибулах с S-овидной спинкой, покрытой стилизованной чешуей змеи, подобно экземпляру из Ханска.

Картографирование памятников и мест случайных находок, на которых обнаружены эти предметы, позволило установить, что распространялись они на строго определенной территории, расположенной между Днестром и Балканами, Карпатами и Черным морем (карт.5), то есть в областях, где формировались и проживали северофракийские племена гетов. За пределами этого региона не известно пока ни одного золотого или серебряного шлема, ни одной ситутлы, гривны или диадемы такой же формы и такого же декора.

На территории Внутрикarpатской дуги, заселенной родственными гетам северофракийскими племенами, пока не найдено ни одного изделия торевтики, аналогичного вышеописанному. В IV-III вв. до н.э. в пределах этой области распространялись изделия кельтского искусства (карт.5).

Не встречаются они и у южных фракийцев. Самое отдаленное место к югу от Дуная, где найдена серебряная чаша, на которой изображены олень, козел и хищная птица с рыбой в клюве — сюжеты, характерные для гетского декора, — это с.Рогозены, лежащее в Придунайской равнине [160, с.23-25]. Южнее этого района положение несколько иное. Так, например, в кладе из Летницы обнаружены серебряные с позолотой бляхи с изображениями воинов, у которых спереди волосы уложены в чуб, тогда как остальные свободно закрывают шею [130, с.58].

рис. 26]. Прическа с чубом, как известно, издавна была характерной для южных фракийцев. Еще Гомер в "Илиаде" называл фракийцев "чубатыми" [5, IV, 523]. На всех же золотых и серебряных изделиях, обнаруженных на памятниках к северу от Старой Планины, антропоморфные изображения имеют кудрявую прическу или прямые волосы, уложенные назад в короткую или длинную, доходящую до плеч, прическу.

Неизвестны пока предметы торевтики, обнаруженные на гетских памятниках, за исключением конского убора, и у северо-восточных соседей-скифов, хотя в целом в прикладном искусстве фракийцев и скифов очень много общего. В деталях же конского убора наблюдается преобладание звериного стиля, для которого характерна широкая география от скифо-саков до южных фракийцев включительно. Анализ этой категории изделий нашел достаточное освещение в отечественной и зарубежной историографии [78, с. 5-43; 138, с. 106-127; 220, с. 161-181].

Таким образом, есть все основания полагать, что появление определенных категорий изделий торевтики на территории расселения гетских племен следует связывать с развитием местного искусства, начало которого было заложено еще в VI-V вв. до н.э.

Анализ основных предметов искусства, обнаруженных на гетских памятниках, позволил выявить ряд общих для них черт, многие из которых естественно свойственны и прикладному искусству соседних народов.

Прежде всего, для гетского искусства характерны сложные, порой запутанные мотивы, сочетающие растительно-геометрический орнамент с антропоморфными и зооморфными изображениями, воссоздание реалистичных черт с широким применением средств стилизации, а также стремление к применению декоративных условностей. Как и скифскому, гетскому искусству свойственна любовь к фантастическим образам: львиным грифонам, рыбам с головой вепря и хвостом птицы или нереальным комбинациям различных животных (восьминогий олень, орел с рыбой в клюве, охотящийся за бегущим зайцем и др.). Склонность к геометрической орнаментации, переданной гравированными спиралями, различными линиями, полосами параллельных рубчиков, использование общих методов изготовления предметов с широким применением техники чеканки, тиснения, гравировки, распространение изделий, украшенных филигранью и пуансоном, — все эти черты также присущи гетскому искусству.

Предметы торевтики, изготовленные из благородных металлов, в силу своей дороговизны, естественно, могли быть доступны только ограниченному кругу населения, главным образом местным правителям и верхушке родовой аристократии. Это подтверждается и тем, что найдены они, как правило, в богатых захоронениях: Аджигиол, Перету, Браничево или на городищах Бунешть, Стынчешть и др.

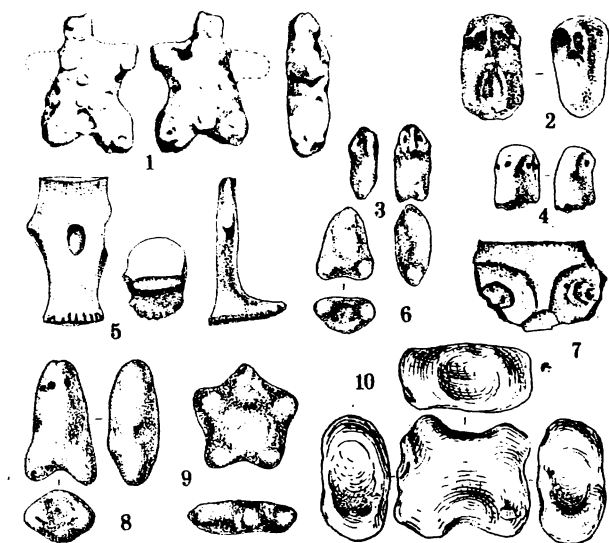

Рис. 56. Глиняная пластика

Наряду с предметами искусства на памятниках встречаются и более скромные, следовательно более дешевые, предметы туалета и украшений, которые были доступны рядовому населению. Это прежде всего серебряные и бронзовые фибулы с S-овидной спинкой и пятой в виде сильно стилизованной головки змеи (рис. 27.1), известные по находкам на поселениях Бутучены, Машкауцы, Ханска-Пидашка, Бунешть, а также на могильниках Буджак, Енисала, Зимнича и др.; многочисленные браслеты с концами в виде стилизованных головок змеи (рис. 41.6), найденные в Матеуцах, Бунешть, Енисале; браслеты с тремя или четырьмя группами тройных выступов, обнаруженные в Ханске-Лимбарь, Хушь-Корнь, Пояне, Бэрбоасе, Турбата-Хушь, Муригиол, Констанце, Енисале, Буджак, Албешть-Телеорман, Янково и др. [302, с. 73-77, рис. 1(3-5)].

К изделиям искусства, видимо, следует отнести и глиняную пластику. На многих памятниках часто находят глиняные антропоморфные и зооморфные скульптуры, которые относят к культовой практике [152, с. 115]. Изготовлены они из глины с примесью шамота, обжиг неравномерный, цвет светлый.

Глиняные антропоморфные скульптуры очень просты и схематичны. Представлены они, как правило, слабо моделированными конусами, на которых в одних случаях зашипами обозначен нос, углублениями — глаза (рис. 27.3 и 56.2-4), в других — на верхней конической части ту-

ловища ямками обозначены глаза, а в нижней — чуть выделены ноги (рис. 56.8). Особый интерес представляет экземпляр с выделенной плоской головой, покоящейся на едва заметной шее. Вверху, на уровне предполагаемых плеч отrostками переданы руки, а в нижней части туловища также небольшими отrostками — ноги. Фигурка изображена в сидячем положении. Находилась она в небольшой речной ракушке в глиняном сосуде вместе с другими предметами культового значения. Такие антропоморфные скульптуры известны в Пояне, Пискул Кресань, Зимнице, Морешть и др. [245, с. 299].

Наряду с этими известны и более усовершенствованные глиняные антропоморфные скульптуры, у которых туловище передано значительно реальнее, отчетливо выделены либо голова, либо руки и ноги, хотя все еще сохраняется известный схематизм и стилизация как на экземплярах из Ханска-Лимбарь и Бутучен (рис. 56. I-5).

Вместе с антропоморфными встречаются и зооморфные глиняные фигурки. Среди них выделяется фрагмент бычка из Ханска-Пидашка, изображение животного из Зимнич, быка из Енисалы [373, с. 143-165, рис. 8(4)] и Морешть, собаки из Морешть и др. [251, табл. XLI, I-3].

Среди статуэток имеются подлинные шедевры культовой пластики. Глиняные антропоморфные и зооморфные скульптуры широко известны в античном мире, в частности у племен лесостепной Скифии, по многочисленным экземплярам, найденным вокруг жертвенников и в ритуальных ямах на Бельском городище. Обычно эти виды глиняной пластики связывают с культом растительности и плодородия [194, с. 202].

Вопрос о происхождении гетского искусства, как и фракийского в целом, очень сложный и является предметом острых дебатов среди исследователей в течение долгого времени. Дискуссии ведутся главным образом вокруг звериного стиля, который действительно занимал заметное место в прикладном искусстве как северных, так и южных фракийцев. Суть этого спора состоит в следующем. Одни исследователи считают, что звериный стиль сложился и развивался в скифской среде, "представляя третий составной элемент скифской культуры" [181, с. 4; 99, с. 58-59]. От них он распространился и у фракийцев. Другие — напротив, оспаривают приоритет скифов в этой области, утверждая, что в прикладном искусстве северных фракийцев "зооморфные изображения известны еще с эпохи бронзы, когда они появились на глиняных сосудах культуры Гырла Маре и в пятой фазе цивилизации Вербичиоара" [222, с. 378-379]. Во Фракии "зверинный стиль представлен на золотых предметах еще в микенскую эпоху, где он возник и развивался самостоятельно" [127, с. 57-79]. Он пришел в скифию с запада [275, с. 361-434] "вместе с фракийцами и не был скифским" [128, с. 120].

Не вдаваясь в подробности этой дискуссии, отметим только, что уровень исследования данного вопроса еще недостаточен для его окончательного решения. Оно затрудняется и диаметрально противоположными взглядами, которых придерживаются отдельные представители обоих направлений. Видимо, стоит согласиться с положением, прозвучавшим в одной из работ М.Цончевой [190, с.266-267] и окончательно сформулированным А.И.Мелюковой, о том, что фракийское, а мы добавили бы и гетское, искусство не аналогично скифскому [139, с.232]. Фракийское прикладное искусство является самобытным, самостоятельным искусством. Однако, находясь в контактной зоне, оно одновременно "вобрало в себя греческие, переднеазиатские и скифские элементы, сказавшиеся в выборе мотивов, стилистических приемах передачи образов и сцен" [139, с.232]. Именно поэтому многие изделия в художественном отношении представляют собой произведения-гибрид. "Доминирующее положение среди внешних влияний занимало греческое воздействие" [201, с.278], которое ощущалось на протяжении долгого времени и органически слилось с местными традициями [201, с.278]. Это единство привело к тому, что некоторые исследователи стали считать золотые и серебряные изделия с гетских памятников произведениями греческих мастеров, выполненными в северо- или западнопонтийских городах [253, с.25-35]. Скифское воздействие выразилось главным образом в восприятии фракийцами звериного стиля. Это, по всей вероятности, было вызвано тем, что он отвечал вкусам местной аристократии, которая так же, как и скифская, была связана с военным бытом. Звериный стиль применялся для орнаментации предметов, сходных или близких скифским [139, с.234].

В целом прикладное искусство в том виде, в каком оно представлено изделиями с гетских памятников и случайными находками, явно свидетельствует о том, что период его формирования совпадает с эпохой глубокой поляризации населения и классовообразования, которая независимо от результатов, неминуемо отразилась в идеологии, в том числе и искусстве, как составной части общественного сознания. Социальная среда гетского общества этого времени являлась фундаментом, определившим семантические и художественные основы прикладного искусства.

Многие изображения на предметах торевтики связаны с религиозными представлениями гетов. Так, например, в изображенном на правом нащечнике золотого шлема из Бейчень воине с ритонем в левой и фиалой в правой руке, видимо, следует усматривать верховного жреца, совершающего ритуальные возлияния. Судя по его военным аксессуарам, верховный жрец мог быть одновременно и басилевсом данного племени или союза племен. Несомненно религиозный характер носит сцена жертвоприношения, представленная на нащечниках золотого шлема из Коцо-

фенешть, где верховный жрец-воин, видимо, местный правитель, приносит в жертву барана. С определенным ритуалом или процессией связана и композиция из сидящих и стоящих антропоморфных фигур, изображенных на ритоне из Пороины. Не менее значительны изображения всадника с копьем, представляющие обожествленного героя, родоначальника и защитника, широко известного и почитаемого как у северных, так и у южных фракийцев [83, с. 143].

Звериному стилю религиозность была присуща изначально, поскольку она являлась неотъемлемой частью мировоззрения варварского общества в любых его проявлениях. То обстоятельство, что многие украшения конского убора представляют лишь изображение части животного, видимо, связано с парциальной магией, хорошо известной у многих народов, согласно которой часть выражает целое. В соответствии с правилами магии, обладание предметами с изображениями определенных животных или отдельных частей их тела способствовало перенесению на их владельца качеств, присущих этим животным [182, с. 16]. Видимо, поэтому в скифском искусстве, а через него и в гетском, появились изображения лишь части образа: не птицы, а лишь головы, когтя или клюва, не коня, а фрагмента фигуры, как на серебряных бляхах-украшениях конской сбруи из клада, купленного в Крайове и пр. Однако каждый такой элемент был строго отобран мастером и подчинен общей идее композиции, представляющей отдельный синкретический образ или целый мифологический сюжет [117, с. 59].

В мифологии почти всех индоевропейцев солнце представлялось движущимся по небу на колеснице, запряженной четырьмя белыми лошадьми [117, с. 60-61]. Эта солярная символика в гетском прикладном искусстве проявилась в распространении розеток, которыми украшены золотые диадемы из Бунешть, шлем из Бэйченъ, свастикообразные бляхи с протомами коней и др. На одной из блях с четырьмя протомами коней из Крайовы в центре имеется обведенная двумя рельефными кружочками полоса, заштрихованная 36 радиальными рельефными линиями. Протомы коней, расположенные вокруг полосы из 36 радиальных линий, которые означают число декад года, символически представляют положение солнца в дни равноденствия и солнцестояния [363, с. 99]. При этом надо иметь в виду, что согласно представлению гетов о небесных светилах солнце двигалось вокруг земли.

Среди свастикообразных блях с тремя протомами коней встречаются экземпляры, у которых протомы расположены вокруг центрального пространства, заштрихованного 18 радиальными рельефными линиями. В данном случае количество радиальных линий представляет число декад от одного равноденствия до другого [363, с. 112-113].

У земледельческих народов потребности хозяйства всегда вызывали необходимость в предсказаниях. Видимо, поэтому у большинства земледельцев древности знания в области астрологии были весьма широкими и основательными. Как уже было указано, они заметили, что появление и смена на небосклоне отдельных созвездий связаны с временами года, наступление которых имело чрезвычайное значение для земледельческих племен. Данное явление в искусстве переднеазиатских народов воплотилось в сцене терзания травоядных хищниками [II7, с. 61]. Это, видимо, частично воспринято и гетами, которые стали изображать терзание грифоном дикого кабана, как на дне ситул из Аджигиола и Железных ворот, или травоядного крылатым грифоном, представленное на назатыльнике золотого шлема из Коцофенешть. Возможно, с этим связано и изображение орла, терзающего когтем зайца, а клювом — рыбу.

Широкое распространение изображений змеи на различных изделиях торевтики объясняется тем, что змея играла особую роль в религии фракийцев. Она олицетворяла идею бога — покровителя племени [83, с. 150] или, скорее всего, небесного бога, посредством влаги оплодотворяющего Землю плодородительницу, что было очень важно для земледельцев.

Изучение предметов прикладного искусства северных фракийцев позволяет установить определенное единство в характере и содержании композиций, технике выполнения декора и в самом ассортименте изделий. Однако это характерно только для тех предметов, которые обнаружены на территории, расположенной между Днестром и Балканами, Карпатами и Черным морем (карт. 5). Отметим, что общность основных керамических форм характерна главным образом только для этого региона (карт. 4).

Единство, наблюдаемое в основных керамических формах прикладного искусства наряду с известными уже общими признаками, характерными для одного и того же региона, является серьезным основанием для вывода о наличии в его пределах единой этнокультурной группы, которую следует отнести к гетским племенам, упомянутым античными источниками на этих землях. Разумеется, что это не исключает существования иного, родственного, как, например, южнофракийского, а возможно, и не родственного, в частности скифского, населения. Однако пришлый элемент составлял, видимо, незначительный процент и не мог нарушить этническое единство местных племен.

А. И. Мелюкова в результате комплексного изучения источников пришла к заключению, что нет никаких оснований "говорить о значительной экспансии и глубоком проникновении скифов в земли к югу от Дуная" [139, с. 243]. В этих областях "до сих пор не обнаружено ни одного погребального памятника IV в. до н. э., который можно было хотя

бы предположительно считать скифским" [139, с. 243]. Эти выводы А. И. Мелюковой вызвали некоторые возражения со стороны отдельных зарубежных исследователей. Они полагают, что исследовательница пришла к такому мнению, поскольку ей не были известны новые материалы, в особенности данные скифских могильников Кискань и Мурджанка, которые ко времени выхода в свет ее работы еще не были опубликованы [246, с. 230].

Изучение новых материалов и их сопоставление с данными письменных источников, привели румынского исследователя В. Сырбу к заключению, что в IV—III вв. до н.э. в низовьях Дуная проживали две этнические группы племен: гетов и скифов [377, с. 39]. Подтверждением тому является наличие в районе от Брэилы и далее к югу по течению Дуная ряда памятников, среди которых и могильники, в частности Кискань, где найдены захоронения с труположением. В погребениях кости, как правило, находятся в вытянутом положении и ориентированы по линии запад — восток. В них обнаружен так же значительный инвентарь. В одном из погребений найдены остатки туши быка, меж ребер которого был воткнут железный нож с горбатой спинкой и костяной рукояткой. Возле левого бедра погребенного лежали 33 наконечника бронзовых трехлопастных стрел. Подобный ритуал характерен только для скифских племен [377, с. 38]. Все эти наблюдения интересны, но недостаточно убедительны. Материалы с так называемых скифских могильников Кискань и Мурджанка не могут быть привлечены в качестве основных доказательств, поскольку оба эти могильника были почти полностью разрушены [246, с. 230; 377, с. 25]. На могильнике Кискань, где выявлено около 30 захоронений, неразрушенным найдено только одно, по которому, собственно, и делается заключение об остальных. К тому же было высказано предположение о сарматской принадлежности части погребений этого могильника [323, с. 170].

Погребения с труположением, содержавшие жертвенную пищу в виде туш быков, баранов и других животных, а также убитых боевых коней, детали конской сбруи и оружие (бронзовые трехлопастные наконечники стрел, железные мечи-акинаки и др.) широко известны на могильниках северофракийских племен гетов как в VI—V, так и в IV—III вв. до н.э. Видимо, пора отойти от заученной формулировки, согласно которой для "гетов в погребальном обряде характерен только ритуал трупосожжения" [377, с. 37] и, следовательно, каждое захоронение с труположением надлежит относить к скифам [251, с. 23—24; 377, с. 38; 404, с. 42—56]. Напротив, биритуализм был присущ местным племенам со времен фракийского галыштата [147, с. 41], на что неоднократно обращали внимание и другие исследователи [231, с. 23—35; 322, с. 232].

Пребывание скифов в Западном Причерноморье, разумеется, отрицать не приходится. Скифы, как вытекает из свидетельства античных авторов, во времена правления царя Атея, захватили часть западно-понтийских областей [6, УП, 3,18; 54, IX, 2,1-16]. Господство скифов на нижнем Дунае было недолговременным. Если исходить из того, что Атей прочно обосновался на землях к югу от Дуная уже к середине IV в. до н.э. [193, с.27], то выходит, что скифы владели этим районом не более IО-II лет, поскольку в 339 г. до н.э. они были разгромлены Филиппом II - царем Македонии и вынуждены были полностью покинуть захваченные области. Хотя скифы в указанный период владели территорией, возможно, несколько большей [139, с.243], чем район гирла Дуная [108, с.54-60], все же археологически невозможно пока определенно установить область, которая была бы заселена скифами [139, с.242; 323, с.171] и которую с уверенностью можно было бы связать с Малой Скифией, расположенной, согласно Страбону, на этих землях.

Из свидетельства амассийского географа вытекает, что области нижнего Дуная были названы Малой Скифией благодаря тому, что были заселены многочисленным населением, перешедшим из-за Тираса и Истра [6, УП, 4,5]. Поскольку другие виды источников, как было указано, не подтверждают наличия постоянного скифского населения в этих областях, то, видимо, это указание Страбона представляет, скорее всего, отзвук событий, происходивших на протяжении длительного времени, начиная от VI-V вв. до н.э., когда Истро-Тирасское междуречье, а возможно, и часть западнопонтийских областей, были местом кочевья скифов, и вплоть до скифо-македонского конфликта. Эти события, связанные так или иначе с пребыванием скифов на Дунае, по всей вероятности, создали ложное представление в античной традиции о территории Малой Скифии, впрочем, как и о Сарматии и других областях.

Следовательно, ни один вид источников не противоречит выводу о том, что территория, расположенная между Днестром и Балканами, Карпатами и Черным Морем, в IV-III вв. до н.э. была заселена главным образом гетскими племенами.

§ 3. Северные фракийцы Внутрикarpатского района. Племена даков

В трудах античных авторов не содержится каких-либо сведений о северофракийских племенах, заселявших территории Карпатской дуги в IV-III вв. до н.э. Находившееся в стороне от районов, представлявших жизненно важные интересы для эллинов, таких, как Средиземноморье и

Причерноморье, население этих областей не принимало активного участия в исторических событиях припонтийского мира, поэтому и не привлекало к себе внимания историков классического и эллинистического времени. Нет сведений о северных фракийцах этих областей и в эпиграфических материалах. Единственным источником, позволяющим в какой-то мере проследить развитие местных племен, остаются археологические данные. Естественно, они не могут дать точных конкретных сведений об изменениях социального и политического характера. И тем не менее, наиболее важные события, связанные главным образом с этническими и иными процессами, которые имеют решающее значение для развития населения, безусловно, отразились и на его материальной культуре. Поэтому изучение археологических материалов и их сопоставление с данными античных авторов более позднего времени позволяют частично проследить развитие северофракийских племен Карпатской котловины в IV—III вв. до н.э.

Анализ материалов с поселений и могильников и их сопоставление с археологическими данными из памятников, расположенных вне Карпатской дуги, как уже было отмечено, показывают, что процесс унификации материальной культуры, охвативший северофракийские племена в конце VI—V вв. до н.э., в меньшей мере затронули Внутрикарпатские области.

В настоящее время известно незначительное количество поселений, которые исследователи относят к концу IV — началу II в. до н.э., в частности Боря, Бистрица, Чумешть, Чичир, Медиаш, Морешть, Клуж-Сомешень, Сибеш и др. [252, с.49—65, рис.7]. Все они неукрепленные. На территории же северной Трансильвании отмечено только одно городище, да и то по разведочным данным. Наличие малого числа поселений IV—III вв. до н.э. в этих областях отличает их от территории, расположенной между Днестром и Балканами, Карпатами и Черным морем, где городища известны в большом количестве (карт.3). Тем более, что в период раннего галлытата, да и в последующее время — во II в. до н.э. — Внутрикарпатский район был насыщен системой сильно укрепленных городищ. По-видимому, причины отсутствия укрепленных поселений связаны с общим условием развития местных племен в рассматриваемое время.

На поселениях, которые в той или иной степени подверглись археологическим изысканиям, установлено наличие только земляночного типа жилищ, тогда как в остальных областях северофракийского мира, как уже было указано, преобладают наземные глинобитные дома.

Для Внутрикарпатского района обычны жилища небольших размеров, четырехугольной формы, содержащие весьма разнообразный материал, среди которого встречаются бронзовые фибулы духцовского типа с не-

прикрепленной к спинке пятой, бронзовые браслеты, бусы и прочие украшения, характерные для кельтской культуры конца IV – начала II в. до н.э. [187, с.88, рис. 21]. Массовый керамический материал в жилищах представлен различными формами местных лепных сосудов, известных с позднегалльстатского периода, а также многочисленной гончарной кельтской посудой. Несмотря на то, что кельтская гончарная посуда найдена во всех жилищах, все же с достоверностью установлено преобладание местной фракийской керамики на исследованных поселениях [250, с.80–84].

Анализ археологического материала, имеющегося в настоящее время в распоряжении исследователей, пока не дает оснований выделить поселения, которые можно отнести к местным северофракийским племенам, к смешанному фрако-кельтскому населению или к кельтам. Тем более затруднительно выделить на поселениях жилые и хозяйственные комплексы, принадлежавшие каждой из этих категорий населения [250, с.81], хотя подсчеты показывают, что в одних жилищах кельтская керамика составляет не более 10% от всего найденного керамического материала, в других – 20%, в третьих – 40%, а в отдельных домах – 50% от местной северофракийской [250, с.24].

На территории современной Трансильвании было открыто значительное число могильников, однако не все они подвергнуты систематическим изысканиям. Пока ни один могильник не был полностью исследован [252, с.68]. Большинство из них известны по случайно выявленным одному или двум захоронениям. Этим, видимо, объясняется то обстоятельство, что некоторые могильники одними исследователями отнесены к местным северофракийским племенам, другими – к смешанному фрако-кельтскому населению, третьими – к кельтам. Более того, такое противоречивое определение встречается у одного и того же автора. Так, например, исследователь И.Х.Кришан в одной из своих работ приходит к заключению, что "могильник с трупосожжением из Чепарь датируется концом IV – началом III в. до н.э. и принадлежит автохтонному дакийскому населению" [250, с.63; 361, с.21], в другой работе он на основе тех же 13 захоронений с холма Кахленберг относит могильник Чепарь к кельтским племенам [252, с.54]. Такие несоответствия в публикациях появляются и по другим могильникам. И все же на основе изучения известных погребений можно установить, что в рассматриваемое время племена Карпатской дуги практиковали в погребальном обряде тот же биритуализм, что и северные фракийцы остальных областей. Так же, как и в остальном северофракийском мире Днестровско-Балканского региона, на одних могильниках (Апахида, Чепарь) все выявленные погребения (соответственно 72 и 13) совершены через трупосожжение, на других встречаются оба ритуала. Биритуализм выяв-

лен на 6 из 27 известных могильников. Как и в других районах, на одних некрополях захоронения с трупосожжением представлены десятками, на других — гораздо меньшим числом. В Чумешть из 35 открытых погребений 6 — с трупоположением, остальные 29 — с трупосожжением, в Пиш-кольц из 37 захоронений 15 совершены через ингумацию, а 17 — путем кремации трупов. Из 20 погребений, выявленных на могильнике Тэриан, 15 — с трупоположением и 5 — с трупосожжением. Аналогичное положение и на остальных биритуальных могильниках [252, с. 50-65].

Захоронения с трупосожжением, как правило, совершались в цилиндрических ямах, однако на отдельных могильниках (Фынтыниле и др.) встречаются могильные ямы овальной и прямоугольной в плане формы [361, с. 25].

Погребения с трупосожжением совершались в урнах или без них. Урновые захоронения на отдельных могильниках, таких, как Чумешть, Чепарь, накрывались крышкой, но чаще всего встречаются без крышек. На могильниках преобладают безурновые захоронения. По форме ям погребения с трупоположением не отличаются от известных аналогичных захоронений в могильниках Ханска-Лутэрия, Муригиол и других, расположенных далеко от этих областей.

Инвентарь, обнаруженный в погребениях, обычный и состоит главным образом из сосудов с жертвенной пищей, украшениями, реже встречается оружие. Погребальный обряд не может служить материалом для выяснения этнической принадлежности племен, оставивших эти могильники, потому что, как известно, во второй половине I-го тысячелетия до н.э. биритуализм с преобладанием трупосожжения был характерным обрядом для большинства варварских племен Центральной и Юго-Восточной Европы [323, с. 169-170].

Вместе с тем могильный ритуал, как наиболее консервативная сторона любого древнего общества, при любых обстоятельствах долгое время сохраняет в себе особенности, присущие только данной этнокультурной группе. Анализ могильного инвентаря показывает, что даже в пределах одного могильника встречаются одновременные погребения, содержащие неоднородный материал. Несмотря на то, что степень изученности могильников далеко не полная и не одинакова, анализ инвентаря на нынешнем этапе исследования позволяет разделить их на три группы.

К первой группе относятся могильники, в погребениях которых содержится только местный северофракийский материал. Это прежде всего лепная посуда, изготовленная по местным гальштатским образцам. Такие могильники известны в различных местах Внутрикарпатского района: Биксадул Олтулуй, Генчу, Джортелек, Чепарь, Харман и др. [250 с. 44-75; 361, с. 15-55].

Ко второй группе принадлежат могильники, в захоронениях которых найден инвентарь кельтского происхождения. Это металлические украшения, в частности фибулы духцовского типа, браслеты, а также различные типы гончарной посуды, принадлежность которой к кельтской культуре не вызывает сомнений. Могильники данной группы известны в Ард-Гай, Валя Михай, Диндешть, Фойень, Медиаш, Пишколц, Тариан, Турдаш, Клуж и др. [252, с.50–65], что свидетельствует о большом охвате территории Карпатской дуги. Видимо, эти памятники следует связать с кельтскими племенами, проникшими к этому времени на территорию современной Трансильвании.

К третьей группе относятся могильники, содержащие инвентарь как местного северофракийского, так и пришлого кельтского происхождения. Такие могильники обнаружены в различных областях рассматриваемой территории, в частности Аркюд, Чумешть, Апахида, Фынтыниле, Арад, Дезмир, Блаж, Галаций Быстрицей, Санислэу и пр. [252, с.50–65]. Фракийские и кельтские погребения располагались на могильниках вперемешку. Трудно установить какие-то закономерности при размещении обоих видов захоронений на могильниках.

Наиболее ранние кельтские могильники на территории северной Трансильвании относятся к концу IV – началу III в. до н.э. Следовательно, проникновение кельтов произошло несколько ранее этого рубежа, видимо, в середине IV в. до н.э., на что обратили внимание и другие авторы [252, с.68; 332, с.159–182; 350, с.639–666].

Изучение этих могильников, а также поселений позволяет проследить процессы, происходившие в этих областях в результате проникновения кельтских племен. Особый интерес для исследователей представляют керамические изделия.

В IV–III вв. до н.э. на памятниках широко распространяются сосуды, которые хорошо были известны в предшествующее время. На начальном этапе этого периода они характерны для всего Днестровско-Балканского региона (карт.4). Однако на протяжении IV–III вв. до н.э. вне Карпатских областей появились типы сосудов, которые в Трансильвании не встречались: горшки-корчаги с хорошо выраженным, расширяющимся к устью горлом и округлобким туловом, снабженным ручками-упорами по линии наибольшего его расширения (рис. 2.21); горшки без выделенного горла, с покатыми плечиками и наибольшим диаметром в верхней части тулова (рис. 2.44–45). На памятниках Внутрикарпатского района отсутствуют также фруктошницы с усеченно-коническим туловом и наклоненным внутрь бортиком или прямо срезанным верхним краем, столь хорошо известные на гетских памятниках IV–III вв. до н.э. по экземплярам из Ханска, Муригиол, Зимичи и пр. В Трансильвании фруктошницы несколько иного типа. Чаще всего они представляют мис-

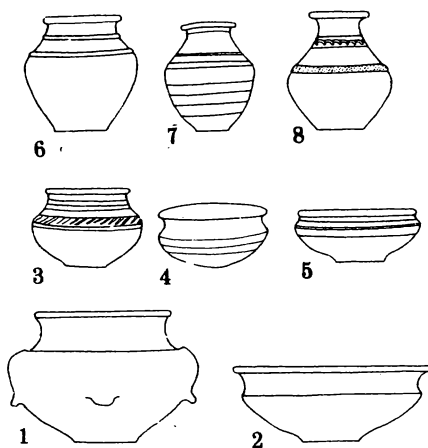

Рис. 57. Сосуды с дако-кельтских памятников

памятниках они довольно многочисленны, иногда составляют более 40–50%. Появляются сосуды, представляющие сочетание кельтского и северофракийского декора. Так, например, в погребении 5 могильника Чуметь обнаружен лепной горшок с низким, сильно профилированным горлом и выпуклобоким туловом (рис. 57.1). Форма типична для кельтских горшков, только тулово в нижней части было снабжено четырьмя сегментовидными, наклоненными вниз ручками-упорами – элементом традиционно фракийским [250, с. 14, рис. 3(2)]. В ассортименте посуды населения Карпатской котловины нашли применение миски, изготовленные по кельтским гончарным образцам (рис. 57.2–5). Такие формы керамики пока не найдены ни на одном из многочисленных гетских памятников IV–III вв. до н.э., расположенных вне Карпат.

В областях Внутривосточной котловины не обнаружено пока ни предметов торевтики, ни украшений, ни защитного парадного оружия, ни деталей конского убора, которые имели бы аналогии среди подобных же изделий, выявленных на памятниках их сородичей из равнинных областей северофракийского мира. Как уже указывалось, картографирование предметов прикладного искусства показало, что в Карпатской котловине в IV–III вв. до н.э. распространяются главным образом изделия кельтских мастеров (карт. 5). Видимо, в отличие от гетов местные племена этого региона не входили в круг тех племен, для которых характерно фракийское искусство.

Анализ археологических материалов с внутривосточных памятников показывает, что процесс формирования единой материальной культуры, который охватил в VI–V вв. до н.э. области, расположенные

ки с широким отогнутым наружу венчиком и высокой прямой выпуклобокой полый ножкой.

Не выявлены в этих областях одноручные кувшины с высоким, расширяющимся к устью горлом и выпуклобоким туловом, которые широко представлены на гетских памятниках IV–III вв. до н.э.

В конце IV и особенно в III в. до н.э. широко стали распространяться на поселениях и могильниках Трансильвании различные типы кельтской посуды. На отдельных

между Днестром и Балканами, Карпатами и Черным морем, этот район не затронул. Не последнюю роль здесь сыграл и географический фактор. Окруженная со всех сторон естественной преградой — Карпатскими горами, территория нынешней Трансильвании была несколько отгорожена от внешнего мира.

Изучение памятников этого района показывает, что греческий импорт встречается крайне редко и появляется, согласно материалам из могильника Чепарь, не ранее III в. до н.э. [250, с. 57–63]. В IV–III вв. до н.э. почти 85% от общего количества гетских памятников, расположенных к востоку и югу от Карпат, а их известно около 345 (карт. 3), содержат греческий импорт.

Следовательно, оторванность северных фракийцев из Карпатской котловины от внешнего мира лишала их контакта с окружающими цивилизациями, которые во многом способствовали внутреннему развитию их соплеменников из-за Карпат.

Изучение керамических изделий показывает, что в Трансильвании в IV–III вв. до н.э. большая часть местной лепной посуды имеет еще гальштатский характер.

Отсутствие непосредственных контактов с греческим, скифским и южнофракийским миром несколько замедлило развитие межплеменного обмена, что в свою очередь отрицательно отразилось на развитии межплеменных связей. Северные фракийцы этих областей к IV в. до н.э. по-прежнему жили отдельными обособленными племенами в отличие от северных фракийцев из-за Карпат, здесь еще не были установлены тесные связи между отдельными племенами, группами племен и пр.

В это время начинается широкая экспансия в области Центральной и Юго-Восточной Европы кельтских племен, которая нашла отражение и в письменных источниках [54, XXIУ, 4, I–7; XXУ, I, I–5, XXXП, 3, 5–7; XXXП, 3, I2]. Набеги кельтов на Карпатскую котловину с переменным успехом [252, с. 69] будут продолжаться в течение IV в. до н.э. [187, с. 61]. В результате этих набегов часть кельтских племен, в частности боев, таврисков и анартов, которые, согласно свидетельствам античных авторов [6, У, I6, УП, 3, II; I2, I, I8; 45, Ш, 8, 3], осели у границы рассматриваемого района, проникли и на его территорию.

Археологические материалы не дают оснований говорить о сплошном заселении кельтами территории современной Трансильвании. По мнению И. Х. Кришана, основательно изучившего этот вопрос, кельты заняли главным образом верхнее течение Тиомы и центральную часть Трансильвании: верхнее течение Муреша, Тырнова Маре, Тырнова Микэ и Быстрицы [252, с. 69]. Остальные области остались вне поля деятельности кельтов. Видимо, они встретили яростное сопротивление местных племен, в связи с чем основная масса кельтов не осела на этих территориях,

а продвинулась на юго-восток к Балканскому полуострову [54, XXIV, 4, I-7; XXV, I, I-5, XXXII, 3, 5-7]. Те же кельтские племена, что остались, не занимали отдельную, обособленную от местных племен область. Картографирование памятников подтверждает это положение: кельты расселились в среде местных побежденных северофракийских племен. То, что на поселениях конца IV-III в. до н.э. наряду с местным фракийским встречается и кельтский материал — гончарная посуда, украшения, оружие, металлические фигурки вепря, сугубо характерные для кельтской культуры, а на могильниках кельтские захоронения соседствуют с погребениями северных фракийцев, является явным подтверждением тому, что в течение последующего времени отношения между кельтами и местными племенами были только мирными. Поскольку северные фракийцы составляли преобладающее большинство, то со временем кельты были ассимилированы и к началу II в. до н.э. археологически их трудно выявить.

Приход кельтов и ожесточенное сопротивление им местных племен, с одной стороны, а также начало проникновения греческого и римского импорта [283, с. 46, рис. I] — с другой, не только содействовали, но и ускорили процесс консолидации северофракийских племен Внутривосточного региона. В борьбе с кельтами и в период их ассимиляции среди многочисленных местных племен, видимо, стали выделяться наиболее мощные племена, объединившие вокруг себя другие, что археологически выразилось в создании единой материальной культуры. Эти племена в античной традиции II в. до н.э. известны под этнонимом "даки". Подобно тому, как в VI-V вв. до н.э. геты объединили северофракийские племена, расположенные вне Карпат, даки в III в. до н.э. объединили северных фракийцев из Трансильвании. Именно с конца этого века можно говорить о дакийцах и дакийской культуре.

§ 4. Хозяйство, торговля, денежное обращение и общественно-политические отношения гетов

Основными занятиями гетских племен были земледелие и скотоводство. Плодородие черноземных почв, о котором свидетельствуют античные авторы [52, III, 23, 4], во многом определяло главные отрасли производственной деятельности местного населения. Птолемей Лаг — один из сподвижников Александра Македонского, описывая его поход на гетов в 335 г. до н.э., рассказывал, что войны, переправившись через Дунай, в течение целой ночи шли через обширные хлебные поля [10, I, 4, I].

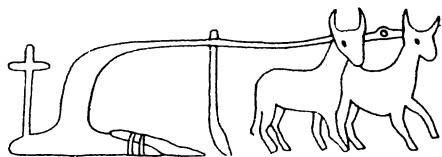

Рис. 58. Реконструкция деревянного рала

Земледельческое хозяйство нашло отражение и в религиозных верованиях гетов. Как сообщает Геродот, при совершении жертвоприношения в честь богини плодородия "фракийские женщины использовали пшеничную солому" [4, IV, 33]. Развитию земледелия во многом

способствовали западнопонтийские города, которые были центрами организованной транзитной торговли [236, с. 350–391].

Основным пахотным орудием у гетов было деревянное рало с деревянным остовом, сделанным из цельного куска крепкой породы дерева и состоявшим из двух частей – грядиля и горизонтального ползуна. К ползуну при помощи колец прикрепляли железную рабочую часть. Нож-чересло закреплялся через специальное прямоугольное отверстие в изгибе грядиля (рис. 58). Рало на протяжении долгого времени было основным пахотным орудием в гетском земледельческом хозяйстве. Наряду с ралом для разрыхления почвы применялся и сошник (рис. 28.13). Техника обработки земли у гетов соответствовала тому уровню, который был достигнут большинством варварских племен Европы. При раскопках гетских поселений на кусках обмазки из развала жилищ обнаружены отпечатки зерен злаков, а иногда и целых колосьев. Встречаются также и обугленные зерна. Наряду с пшеницей геты культивировали и ячмень, который, как указывают античные источники, использовали не только как продукт питания, но и для изготовления брито́на – напитка, подобного пиву. Убирали урожай железными серпами (рис. 28.17). Собранный урожай хранился в зерновых ямах – хранилищах, которые для предотвращения сырости обмазывали глиной и обжигали, реже облицовывали камнем, а также в больших глиняных сосудах. Помол зерна совершался при помощи каменных зернотерок различных форм, среди которых широко применялись прямоугольные (рис. 28.18) [339, табл. 28(1)].

Геты возделывали и виноградную лозу. На подах печей, выявленных на гетском памятнике IV–III вв. до н.э. у с. Ганск, обнаружены обугленные косточки винограда. Геты успешно преодолевали трудности, связанные с климатическими условиями, прикрывая лозу от холода, на что указывают и античные источники. Возможно, они выращивали стелющуюся виноградную лозу, которая способна была выдержать ветры и морозы. На поселениях встречаются кривые ножи, применявшиеся при обработке виноградника (рис. 28.16).

Из технических культур особое место занимала конопля. По свидетельству Геродота [4, IV, 74], фракийцы из конопли изготавливали оде-

жду, настолько похожую на льняную, что малосведущий человек совершенно не мог их различать. Для прядения конопли применяли деревянные веретена с глиняными грузиками-пряслицами.

В письменных источниках сохранились некоторые сведения, указывающие на развитие у гетов скотоводства. Еще Гомер в "Илиаде" называл фракийцев "конеукротителями" из-за их великолепных коней. Согласно античной традиции фракийцы были прекрасными конниками, которые составляли, по свидетельству римского историка Арриана, значительную часть гетского войска [10, I, 3, 5]. Однако ведущее место в скотоводческом хозяйстве гетов занимал крупный рогатый скот, на втором месте был мелкий, в частности овцы. Скот в хозяйстве выращивали и для мяса, и для молока, традиционной фракийской брынзы и урды. Древнегреческий историк Страбон упоминает об особом сословии жрецов у гетов, которое питалось "медом, молоком и брынзой". Кроме того, крупный рогатый скот, в частности волю, использовался как тягловая сила при обработке земли и перевозке грузов. Волчья шкура находила применение в военном деле для изготовления щитов, панцирей, а в быту - обуви и пр. Разводили также свиней, но в меньшем количестве. Скотоводство было одной из ведущих отраслей в производительной деятельности гетов, о чем свидетельствует и анализ остеологического материала с некоторых поселений [148, с. 118].

В IV-III вв. до н.э. у гетов развивается обработка металла, кости, камня, глины. О местной обработке железа говорят не только изделия, найденные при раскопках гетских поселений (рис. 28.7-18 и 35.1-6), но и шлаки. Основным сырьем для получения железа служила болотная руда, которая содержит от 18 до 40% железа, что вполне достаточно для примитивной металлургии. В глинобитных горнах происходил восстановительный процесс, который возможен при относительно невысокой температуре в 600-800⁰, вполне доступной для первобытных металлургов. Развито было кузнечное дело, о чем свидетельствуют кузнечные инструменты, подобные тем, что обнаружены на городище Бунешть [211, с. 254, рис. 3] (рис. 28.11, 12). Широко распространялось бронзолитейное дело, подтверждением чему являются глиняные льячки, известные по экземплярам из погребения на могильнике Ханска-Лутэрие (рис. 28.9) и городища Исаково (рис. 28.10), по тигелю из Бутучен (рис. 28.8), фрагментам каменных литейных форм с поселений Зимнича и Ханска-Лимбарь (рис. 36.1, 6).

Следует отметить, что изделия из бронзы в большинстве своем сохранились довольно хорошо, что свидетельствует об их высококачественном сплаве. Структурный анализ одной трехлопастной бронзовой стрелы с поселения Ханска-Лимбарь показал, что отливалась она в разъемной трехсоставной металлической форме. Высокое качество отливки,

полное отсутствие в них литейных пор говорят о совершенных профессиональных навыках изготавливавшего их мастера. Умело осуществлялся и подбор исходного сплава, обогащенного свинцом. Свинец, как известно, снижает пористость отлитых изделий из оловянной бронзы, повышает их жидкотекучесть^{*}. Количественный спектральный анализ, выполненный в лаборатории института археологии АН СССР, позволил установить, что в состав сплава подобного рода изделий, изготовленного на медной основе, входили свинец – 20%, олово – 18% и другие компоненты^{**}. Из железа древние мастера изготавливали топоры (рис.28.14), серпы (рис.28.17), ножи (рис.27.2), псалии, крючки, иголки (рис.35.2), а также некоторые виды оружия, такие, как мечи-акинаки и наконечники копий [148, с.97–98]. На поселениях появляются мастерские, в которых посредством сыродутных горнов, как в Чиреше [148, с.89], добывали железо или, как на поселении Ханска-Лимбарь, изготавливали различного рода изделия как из железа и бронзы, так и из кости, камня, глины.

Высокого уровня развития достигла обработка цветных металлов – золота, серебра, бронзы, из которых гетские мастера изготавливали, как уже было указано, различные предметы. Особого расцвета достигла торевтика – ювелирная техника ручной рельефной обработки художественных изделий из металла: чеканка, тиснение, обработка литья.

Изготовление керамической посуды постепенно становится ремесленным производством. При этом используется медленно вращающийся ручной гончарный круг.

Изготовление тканей, обработка дерева, шкур, меха и другие производства оставались домашним видом труда.

Перемены, которые произошли в жизни северных фракийцев к IV–III вв., были обусловлены всем ходом внутреннего развития местных племен на протяжении ряда столетий и ускорены внешними факторами, в частности воздействием эллинской цивилизации, влиянием южнофракийской и скифской культур.

Торговые отношения с внешним миром, в особенности с греческими городами Причерноморья, имели для развития гетских племен особое значение.

^{*} Структурный анализ № 1254 выполнен доцентом кафедры археологии МГУ Н.В.Рындиной. Автор выражает ей искреннюю признательность.

^{**} Качественный спектральный анализ № 3089I проведен в лаборатории АН СССР, за что автор приносит всем сотрудникам свою благодарность. Состав сплава стрелки: Cu – основа; Sn – 18%; Pb – 20%; Zn – 0,003%; Bi – 0,005%; Ag – 0,02%; Sb – 0,02%; As – 0,13%; Fe – 0,015%; Ni – 0,015%; Co – 0,01; Au – 0,01 – 0,003%.

После освоения греческими колонистами побережья Черного моря между античными центрами и местными варварскими племенами стали постепенно налаживаться экономические контакты. Развитие хозяйства, усовершенствование земледельческих орудий труда, способствовали оживлению торговли с греческими городами-колониями.

Начиная с IV в. до н.э. торговые связи между гетами и греческими городами усиливаются и расширяются. В торговый оборот вовлекались все новые районы. Почти на всех поселениях встречается греческий импорт, что свидетельствует о широком участии в торговле гетских племен.

Греки поставляли местным племенам, главным образом родоплеменной аристократии, парадную посуду, изделия из драгоценных металлов, украшения, иногда строительные материалы в виде обработанных каменных деталей для домов, подобных тем, что обнаружены в развале жилища на городище Бутучены, а также вино и различные масла, тарой для которых служили амфоры, найденные почти на каждом гетском поселении. Вывозили эллинские купцы с гетских территорий в первую очередь скот и множество рабов, а также хлеб и рыбу [4, УП, 147; 6, I, 8; 39, IV, 38, 4]. Греки поднимались вверх по крупным рекам и их притокам, которые в то время были главными, если не единственными, артериями, связывающими центральные и периферийные районы гетов с внешним миром. Из Тиры купцы с товарами поднимались вверх по Днестру вплоть до Мэтония (предположительно городище у с. Рудь), по его притоку Реут доходили до Бутучен. Истрийские, впрочем, и другие эллинские купцы достигали среднего течения Прута и Серета, по Дунаю и впадающим в него рекам добирались до прикарпатских областей современных Мунтении и Олтении, о чем свидетельствуют найденные на гетских поселениях IV—III вв. до н.э. по берегам этих рек греческие амфоры и парадная посуда. В свою очередь гетские укрепленные поселения Рудь, Пивденное, Зимнича, Бутучены, Машкауцы и другие сооружены были на берегах судоходных в то время рек. Из 71 известного городища 32 расположены вблизи водных артерий. Они были крупными торговыми центрами. Отсюда привозимые товары по суше распространялись по поселкам, расположенным вдали от греческих полисов и судоходных рек. Возможно, эллинские товары через посредство самих гетов проникали в самые глухие и отдаленные поселки.

Торговые отношения гетов не ограничивались одним только греческим миром.

Оживленная торговля с греческими городами-колониями способствовала также развитию связей между северными и южными фракийцами, которые ярко отразились в изготовлении гончарной посуды, искусстве и пр. Местные племена установили постоянные контакты и со скифским

миром. Наиболее отчетливо скифское влияние прослеживается в вооружении и конском снаряжении местных племен, в стиле декора их художественных изделий.

Взаимоотношения северных фракийцев с греческими полисами, южными фракийцами и скифами не ограничивались только областью обменной торговли. Взаимные влияния нашли отражение и в развитии их материальной культуры. Например, многие предметы вооружения и быта, которые изготавливались греческими мастерами не только для сбыта у варваров, но также для нужд населения причерноморских городов, украшались мотивами северофракийского художественного стиля. При этом следует отметить, что воздействие эллинской цивилизации было неизмеримо значительнее. Все это ускорило процесс экономического и общественного развития северофракийских племен.

Развивающийся в IV—III вв. до н.э. обмен привел к необходимости увеличения выпуска монет греческих колоний. Вначале монеты античных центров Причерноморья предназначались прежде всего для удовлетворения нужд внутригородского хозяйства, но по мере дальнейшего развития их экономики и обмена с варварским миром эти монеты стали постепенно проникать в среду местных племен. Наиболее заметную роль в регионе играли монеты Истрии и Тиры. Бронзовые монеты обычно не выходили за пределы городов, обслуживая их рынки, повседневные внутренние экономические нужды. Серебряные монеты проникали в другие полисы, а также в среду местных племен. Крупный клад серебряных монет Истрии и Тиры был обнаружен в Поднепровье, в окрестностях с. Дорожкое. На поселение Гэбешть найден клад из 30 истрийских драхм, клад истрийских драхм выявлен на поселениях Скэришоара, Кременарь, Бистрецу [228, с. 83—88, рис. 1]. На гетских поселениях Бутучены, Требужены и на некоторых других найдены единичные экземпляры бронзовых монет Тиры; в Пояне, Берешть, Кэчулешть, Браиле, Кэлэрашь и на других памятниках обнаружены серебряные монеты Истрии [359, с. 23].

В последней трети IV в. до н.э. появилось значительное количество золотых монет Македонии и эллинистической Фракии. География находок этих монет свидетельствует о том, что они проникли в глубь заселенной варварами территории, выполняя в основном функции средства накопления, о чем свидетельствуют найденные клады этих монет. Источниками их поступления в варварскую среду являлись не только экономические контакты между гетскими племенами и эллинским миром, но также военная добыча, выкупы, стипендии.

Развитие производства, общественного разделения труда и обмена, появление денег создали в гетском обществе потребность в чеканке собственной монеты. Возникновение собственных монет стало свиде-

тельством процесса разложения родового строя. Этому в значительной мере способствовало влияние припонтийских античных центров, монеты которых уже в IV в. до н.э. в значительной степени внедрились в среду окрестных гетских племен и становились не только средством накопления и платежа, но и социального престижа. Монеты греческих городов становятся со временем средством обращения в их торговле с варварами.

Первые собственные монеты у северофракийских племен появились в конце IV – начале III в. до н.э. [359, с.29–47; 157, с.168]. Они представляли собой грубые имитации серебряных македонских монет царя Филиппа II. На лицевой стороне изображен Зевс, на оборотной – всадник. Румынский археолог и нумизмат К.Преда, специально изучивший местные подражания греко-македонским монетам, выделяет среди них несколько типов, которые различаются между собой как хронологически, так и стилистически и территориально. Так, например, самые ранние гетские монеты (типа А и Б) представляют подражания серебряным тетрадрахмам Филиппа II. Распространялись они в основном в областях, расположенных между отрогами Балканских гор и Карпат [359, с.29–47, рис.1]. Во второй половине III и до конца II в. до н.э. появилось значительное количество типов местных эмиссий, которые, по мнению исследователей, выпускались определенными северофракийскими племенами или союзами племен [359, с.407; 399, с.275].

Для Внутрикarpатской котловины, особенно ее северо-западной части, характерно распространение начиная со второй половины III в. до н.э. македонских монет кельтской чеканки, на реверсе которых наряду с известной символикой изображался кабан – образ широко распространенный в кельтском искусстве [359, с.417]. Один из этих типов с прорубленным по радиусу монетным диском и различными надчеканками проник в Днестровско-Карпатские земли, где в последние два десятилетия III – первой половине II в. до н.э. получил широкое распространение [158, с.20]. Монеты обнаружены в жилых и хозяйственных комплексах на городище Бунешть, на территории памятников Лопатник, Требужены, Пояна, в кладках Леушени, Забричаны, Маркауцы, Вовриешть, Хушь и др.

Несмотря на то, что монеты изготавливались из добротного серебра, они не проникали в припонтийские античные центры. В местной же среде они являлись средствами накопления, платежа и одновременно обращения.

Развитие торговли и появление монет способствовали не только установлению тесных связей между северофракийскими племенами и группами племен, но и расслоению населения.

Наряду с существованием большой патриархальной семьи происходило становление меньшей социальной ячейки гетов — малой семьи. Среди исследованных гетских жилищ IV—III вв. до н.э. выявлены как большие дома — до 60–70 кв.м, служившие местом обитания крупных коллективов, то есть большой патриархальной семьи, так и жилища довольно скромных размеров — 12–24 кв.м. Малые дома всегда встречаются вперемежку с большими жилищами, которые были разделены на комнаты. Распространение домов малой площади и деление больших жилищ на комнаты связано с обособлением малой семьи. Кучевое расположение жилищ в гетских поселках, а также выделение отдельных групп погребений на могильниках указывает, что население, проживающее в поселениях, большей частью было еще связано между собой кровнородственными узами. Малые и большие семьи объединялись, видимо, в патронимии (основанные на сохраняющихся отношениях кровного родства), которые в свою очередь составляли разлагающуюся первобытную соседско-большесемейную общину. Общины коллективно владели и пользовались землей.

В IV—III вв. до н.э. группы гетских общинных поселений сосредотачиваются главным образом вокруг больших, хорошо укрепленных городищ. По всей вероятности, обитатели этих групп поселений составляли небольшие племена, которые в свою очередь объединялись в племенные союзы. Крупными племенными центрами, видимо, были укрепленные поселения у нынешнего с.Бутучены, окруженные меньшими укреплениями и множеством неукрепленных поселков, и также Котнарь-Кэтэлина, Федешть, Албешть и пр. (карт.3).

Развитие у гетов обмена, зарождение товарно-денежных отношений, военная добыча способствовали углублению имущественного неравенства. Это прежде всего отразилось в погребальном обряде. В могильнике Ханска-Лутэрия основная масса гетских погребений очень бедна. Аналогичное положение и на других гетских могильниках. Среди массы бедных захоронений выделяется небольшое число богатых погребений. Они, как правило, курганные и расположены отдельно. Если же встречаются в пределах могильников, то несколько обособленно от остальных рядовых захоронений. Сами погребения совершались в каменных ящиках, сложенных из известняковых или песчениковых плит. В таких погребениях обычно находят бронзовые украшения и греческую посуду. В отличие от других племен геты редко клали оружие в захоронения, однако в богатых погребениях оно почти всегда содержится. Этим, очевидно, подчеркивалась принадлежность погребенных к военной аристократии.

В конце IV — начале III в. до н.э. одним из наиболее могущественных стало племенное объединение гетов во главе с Дромихетом. Оно мог-

ло успешно противостоять даже могущественному македонскому царству, которое в начале III в. до н.э., после заключенного между диадохами перемирия, совершало неоднократные набеги на гетов. Два наиболее важных похода нашли отражение в античных источниках: один в 300 г. до н.э. во главе с Агафоклом – сыном македонского правителя [6, УП, 3,14; 16, XXI, 12,1], второй – в 293/292 или 292/291 гг. до н.э. [48, УП, 25] под предводительством самого Лисимаха [38, De teunda... 9; Reg. et imper... 1: De sera... 12].

Вопросы этнической атрибуции, территории и характера "царства" Дромикета нами уже были затронуты [148, с.126–128]. Исходя из анализа письменных источников и археологических данных, в частности картографирования гетских памятников IV–III вв. до н.э., "царство" было определено в рамках южной части современной МССР, Дунайско-Днестровского междуречья, южной части Запрутской Молдовы и северо-восточной части Мунтении [148, с.126].

В последние годы некоторые из упомянутых выше проблем, касающихся этого племенного союза, стали предметом новых дискуссий. Так, А.И.Мелюкова, затрагивая вопрос о границах "царства" Дромикета, высказалась против его локализации в пределах Днестровско-Дунайского междуречья. Она выдвинула ряд аргументов против такого предположения Т.Д.Златковской и Л.Л.Полевого, указывая, что малочисленность населения этих областей вряд ли "могла составлять такую военную силу, которая способна была противостоять Лисимаху. Поэтому либо в "царство" Дромикета должны были входить лесостепные племена или какая-то их часть, либо в нем объединились жители степи и правобережных районов нижнего Дуная" [139, с.237–238].

Соглашаясь с последним предположением исследовательницы, которое, собственно, совпадает с нашим, хотелось бы заметить, что вряд ли правомерно включать в состав "царства" земли лесостепных районов, ибо в таком случае оно располагалось чуть ли не в пределах средневекового Молдавского княжества, что маловероятно для союза земледельческих племен IV–III вв. до н.э. Это относится и к предположению, высказанному Г.Трохани и Л.Немойяну, которые исходя из тезиса К.Дайковичу размещают племенной союз Дромикета по обоим берегам Олта и Дуная: от левобережья Яломицы на востоке и до района Железных Ворот на западе, от Карпат на севере и до отрогов Балкан на юге [399, с.271–274, рис.1]. Тезис К.Дайковичу основывается на том, что в высказывании Полибия, где говорится, что "экспедиция Лисимаха на север была направлена против Дромикета-царя одрисов" [39, Фр.102], средневековым переписчиком была допущена ошибка. У античного автора шла речь не об одрисах, а об ордисах, то есть северных фракийцах, живших на реке Ордессе или Ордиссе, которую следует идентифициро-

вать с современным Арджешом. Следовательно, Дрохимет правил над ордиссами-гетами с Арджеша.

Нам уже приходилось касаться этого тезиса и была сделана попытка показать его необоснованность [148, с. 126–130]. Добавим только, что усилия Г. Трохани и Л. Немойяну аргументировать гипотезу К. Дайковичу тем, что в этом ареале распространялись представляющие собой подражания монетам Филиппа II местные эмиссии типа А и В и уровень экономического развития местных племен был значительно выше, чем в остальных районах гетского мира, представляются необоснованными, поскольку этому противоречат следующие факты. Во-первых, упомянутые типы гетских монет к юго-западу от Олта известны в единичном экземпляре, а к юго-западу от Дуная, то есть в северо-западной части Болгарии, найден только один – крушовицкий – клад [359, с. 41, рис. I]. Во-вторых, утверждение авторов о высоком экономическом уровне развития этих областей никак не согласуется с археологическими материалами. Высокий экономический уровень, как известно, предполагает и интенсивное демографическое развитие. Однако картографирование археологических памятников (карт. 3) показывает, что эти области представляют не самый плотно заселенный район гетского мира. Здесь известны всего лишь пять отдельных слабозащищенных городищ и незначительное количество поселений, что свидетельствует скорее всего о существовании отдельных племенных объединений или небольших союзов племен.

В южной части МССР, Дунайско-Днестровском междуречье, Запрутской Молдове, северо-восточной Мунтении известно значительное количество памятников, в том числе и укрепленных поселений, таких, как Пояна, Балдовенешть, Домнешть, а также по правому берегу Дуная: Бештепе, Байдауд и других (карт. 3), последние, видимо, были захвачены македонцами и затем возвращены гетам согласно мирному договору, заключенному в Хелисе между Дрохиметом и плененным Лисимахом.

Следовательно, есть все основания полагать, что именно эти районы и составляли основу "царства" Дрохимета.

В III в. до н.э. в землях к востоку и юго-востоку от Карпат существовали и другие союзы гетских племен. Об одном из них сообщает декрет в честь трех посланников, заключивших первостепенной важности для греческого города Истрия договор с Залмогедиком, который правил над гетами, обитавшими по обоим берегам нижнего Дуная вблизи его устья. Истрия, как следует из декрета, обеспечивала себе мирные добрососедские отношения с окружающими ее гетскими племенами выплатой определенной контрибуции. Такие взаимоотношения не были исключением. Они характерны и для других греческих городов-государств Причерноморья. Из декрета в честь Протогена известно, что в III в. до

н.э. между Ольвией и скифским царем Сайтефарном существовали аналогичные взаимоотношения. Греческие причерноморские города со своими богатыми землевладельческими округами привлекали гетов не только как центры торговли, но и служили объектом их грабительских нападений. Греческие полисы были вынуждены заключить договоры с вождями наиболее могущественных племенных союзов, которые за определенную плату брали на себя обязанность защищать город и округу от посягательства других племен.

Монеты с именами басилевса Акросандра, который, видимо, во второй половине III в. до н.э. возглавлял гетский племенной союз, расположенный в Днестровско-Дунайском междуречье, чеканились в эллинистических городах Томи и Одесс [382, с. 379-401].

Аналогичные племенные союзы были и в других районах гетского мира, хотя они и не нашли отражения в античных письменных источниках. Картографирование археологических памятников этого периода позволяет хотя бы предположительно выделить некоторые из них. Так, например, большое скопление поселений, в том числе и укрепленных, таких, как Машкауцы, Селитра, Потырка, Кот, Скок (рис. 59) и другие, вокруг мощного городища Бутучены, указывает, видимо, на то, что этот сильно укрепленный поселок в IV-III вв. до н.э. представлял собой не только военный, административный, торговый и религиозный центр, о чем свидетельствуют археологические материалы, но и был крупным политическим центром, объединявшим вокруг себя многочисленные гетские племена этого района (карт. 3).

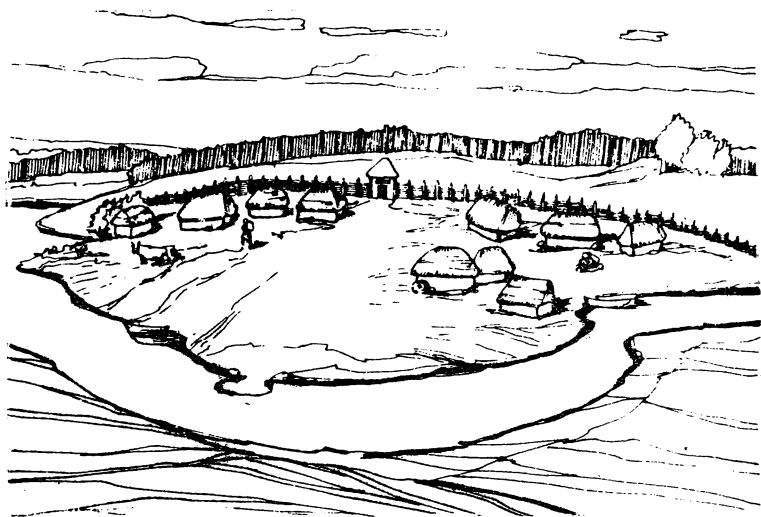

Рис. 59. Городище Скок (реконструкция)

Аналогичный племенной союз был расположен по верхнему и среднему течению реки Ботнишоара, о чем свидетельствует сосредоточение в этих районах значительного количества гетских памятников (карт.3).

Крупные племенные союзы, судя по большому числу укрепленных и неукрепленных поселений, находились в северной и центральной частях Пруто-Сиретского междуречья, в южной Добрудже и Северо-Восточной Болгарии и в других районах гетского мира. Пока ни по письменным, ни по археологическим источникам не удастся определить наличие во Внутрикарпатских областях в тот период каких-либо крупных племенных объединений. Здесь выявлены только отдельные разрозненные группы памятников, которые представлены двумя-четырьмя неукрепленными поселениями (карт.3), указывающими, скорее всего, на существование отдельных северофракийских племен.

Создание крупных военно-племенных объединений характерно для обществ, развивающихся в форму правления военной демократии, в которых органы общинной демократии – народное собрание (обычно воинов), совет предводителей, старейшин и выборный военачальник – сочетаются с организацией племенной жизни для войны. "Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападения, или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом" [I, с.163-164]. Органы родового строя еще пока играют определенную роль в управлении общественной жизнью племен и племенных объединений. Как вытекает из античной традиции, Дромихет – предводитель одного из самых крупных гетских союзов племен и родоплеменная знать еще не пользовались особыми, неограниченными правами в гетском обществе. Все важнейшие дела решались общим собранием воинов. После победы над Лисимахом, "собравшись вместе", гетские воины потребовали от своего вождя выдать им для расправы пленного македонского царя. Дромихет же рассчитывал заключить с ним выгодный мирный договор. Только убедив собравшихся воинов в целесообразности своего плана и получив их одобрение, он смог поступить так, как задумал [I6, XXI, I2,3,4; I48, с.121]. Ограничение власти вождей и знати свидетельствует о господстве у гетов общественных отношений, характерных для строя военной демократии. Но господство племенной аристократии, особенно военной, обладавшей властью и богатством, укреплялось. Существенным источником обогащения были войны. Жречество, видимо, как и племенная знать, возвышалось над массой простых общинников. Во главе стоял верховный жрец, который был вторым лицом после "царя", как в свое время Залмоксис.

Развивавшийся у гетов строй военной демократии подготовил создание в будущем еще более крупных племенных объединений. Этот процесс ускорился из-за того, что гетам приходилось сдерживать натиск могущественных соседей – Македонской державы, кельтов и, особенно, скифов.

ГЕТЫ И ДАКИ ВО II-I вв. до н.э.

§ I. Вторжение бастарнов и галатов
в Днестровско-Карпатские земли

В конце III – начале II в. до н.э. в жизни местного населения Днестровско-Карпатских земель происходят некоторые изменения. Они связаны главным образом с приходом иноземных племен. Это событие, нашедшее отражение в эпиграфических и нарративных источниках, согласуется и с археологическими данными.

Свидетельства о нашествии чужеродных племен, которые угрожали не только местным племенам, но и некоторым античным городам Северного Причерноморья, содержатся в известном декрете в честь Протогена, время издания которого является предметом давних споров в специальной литературе. Большинство исследователей склонны отнести его к концу III – началу II в. до н.э. [107, с.95-105; II2, с.142-149]. В декрете в честь Протогена говорится, что "галаты и скиры составили союз и собрали большие силы", готовясь, видимо, напасть на Ольвию, поэтому "фисаматы, скифы, свадараты (жившие к западу от Буга, – И.Н.) ищут укрепленные места... боясь жестокости галатов" [58, I², 32]. Исходя из этого свидетельства, одни специалисты считают, что под галатами источник подразумевает бастарнов-германцев, другие – бастарнов-кельтов, проживавших между Карпатами и Днестром.

В "Истории Филиппа", составленной в первых десятилетиях I в. н.э. Трогом Помпеем и дошедшей до нас в сокращении Юстина – автора середины II в. н.э., сообщается, что местные племена во времена правления царя Орола "неудачно воевали против бастарнов и потому в виде наказания за проявленную трусость по приказу царя они должны были во время сна класть не голову, а ноги на подушку и выполнять всю женскую работу, которая до сих пор была уделом их жен. Это наказание было отменено благодаря проявленной доблести на ратном поле, которое искупило их позор" [54, XXXII, 3, 16]. Анализируя это свидетельство, почти все исследователи едины в том, что вторжение бастарнов и конфликт местных племен с иноземными племенами, о котором идет речь в сообщении Трога Помпея, имели место примерно в 200 г. до н.э. [259, с.128-129, 338, с.68], то есть одновременно с приходом галатов, о которых говорится в декрете в честь Протогена.

О продвижении бастарнов в пределы северобалканских областей в начале II в. до н.э. сообщает Полибий — современник описываемых событий [39, XXVI, 9.I]. Из свидетельства Тита Ливия, подробно описывающего события, происходившие в этом регионе, явствует, что в 80–70-х г. до н.э. бастарны представляли довольно грозную силу. Именно поэтому Филипп IV Македонский обратился в 182 г. до н.э. к ним за помощью с намерением сначала направить их против фракийцев, которые столь часто беспокоили македонцев своими набегами, а затем против римлян [53, XL, 57,2].

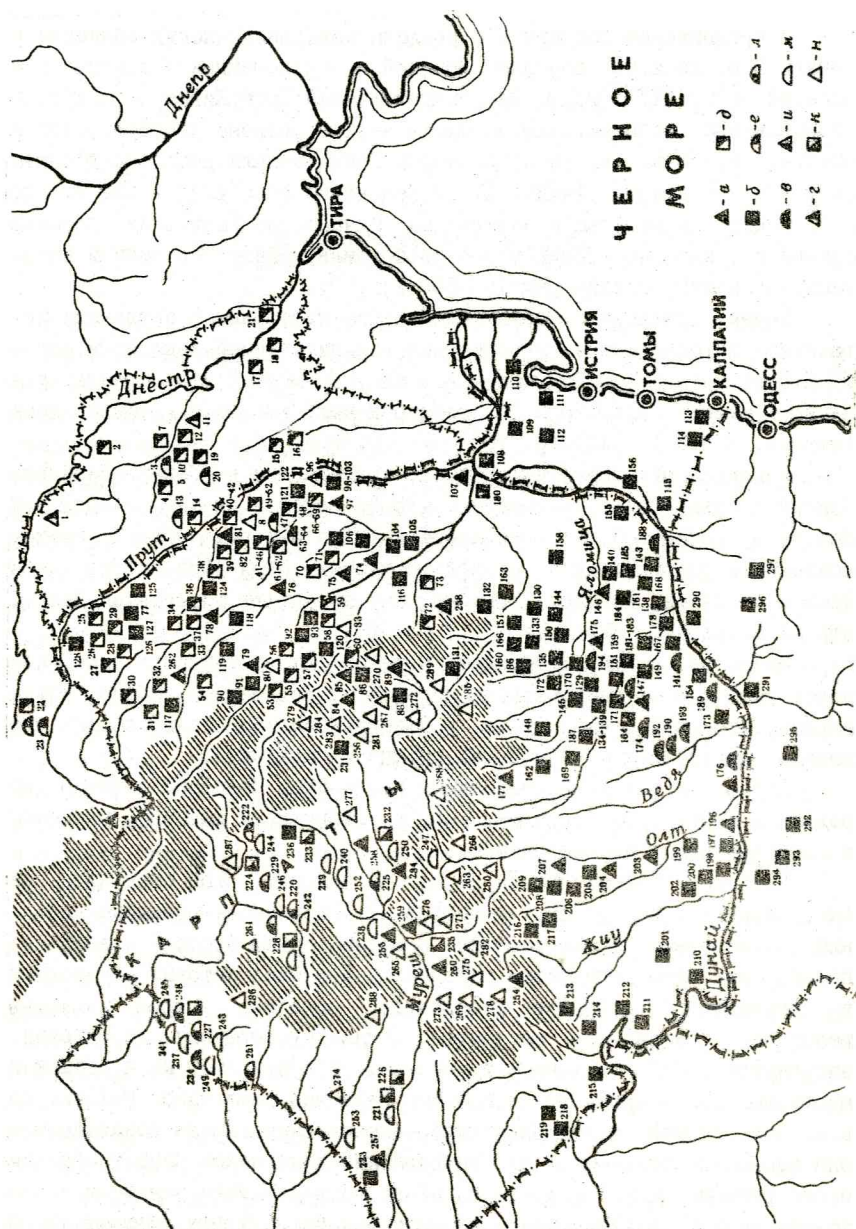
Точные сведения о местах расселения бастарнов в античных источниках не содержатся. В периегесе, приписываемой хиосскому автору III–II вв. до н.э. Скимну, лишь вскользь упоминается, что, согласно указанию Деметрия Каллатийского, бастарны жили вместе с фракийцами (гетами. — И.Н.) [44, Фр. 790].

Описывая расположение племен, проживавших в Северо-Западном Причерноморье, Страбон указывал, что "в глубине страны находились бастарны, соседствующие с тирагетами. Все они германского происхождения и разделяются на несколько племен. Одни называются атмонами и сидонами, другие — певкинами и проживают на острове Певке, что на Истре" [6, VI, 3,17].

Несмотря на фрагментарность и не всегда достаточную определенность приведенных свидетельств письменных источников, можно установить, что во II–I вв. до н.э. в Днестровско-Карпатских землях проживало значительное количество пришлого населения.

Однако из указаний письменных источников невозможно четко определить территории, на которых осели вторгшиеся племена, масштабы и последствия этого вторжения.

Приход иноземных племен не мог не наложить свой отпечаток на быт, материальную культуру и вообще на дальнейшее развитие населения, вовлеченного в эти события. В связи с этим особое значение приобретают археологические материалы, изучение которых позволяет в определенной степени установить области, через которые вторглись бастарны, наметить примерную границу территории, затронутой этим вторжением и, наконец, пролить свет на судьбы как местного, так и пришлого населения. Изучение памятников II–I вв. до н.э. лесостепной части Днестровско-Карпатских земель показало, что они несколько отличаются от аналогичных памятников Карпато-Балканского региона (карт. 6). Исходя из этого исследователи выделили данные памятники в отдельную поенештско-лукашевскую культуру, получившую название по могильнику у с. Поенешть [413, с. 107–118] и памятникам у с. Лукашовка [184, с. 8–45; 164 с. 81–95].

Карта 6. Памятники II-I вв. до н.э.: а) гетские городища; б) гетские селища; в) гетские могильники; г) городища поянештско-лукашевской культуры; д) селища поянештско-лукашевской культуры; е) могильники поянештско-лукашевской культуры; и) дако-кельтские городища; к) дако-кельтские селища; л) дако-кельтские могильники; м) дакийские могильники; н) дакийские городища.

1 - Рудь, 2 - Алчадар, 3 - Лукашовка, 4 - Лукашовка I, 5 - Лукашовка II, 6 - Петруха, 7 - Требужены, 8 - Бранешты II, 9 - Иванча II, 10 - Иванча IV, 11 - Машкауцы, 12 - Бутучены, 13 - Сипотены, 14 - Пыр-жолтены, 15 - Улму, 16 - Васиены, 17 - Калфа, 18 - Пуркары, 19 - Мана, 20 - Лозово, 21 - Грэдница, 22 - Крутлик, 23 - Непоротово, 24 - Солотвино, 25 - Ливень, 26 - Икимень, 27 - Будухачя, 28 - Ипотешть, 29 - Ионэшенъ, 30 - Грэничешть, 31 - Ботошана, 32 - Шипот, 33 - Будень, 34 - Доленъ, 35 - Пробота, 36 - Спиноаса, 37 - Бэйченъ, 38 - Доробанцу, 39 - Шорогарь, 40 - Коада Стинчий, 41 - Яссы-Господарский двор, 42 - Холбока, 43 - Влэджичень, 44 - Томешть, 45 - Черку, 46 - Луика Чурей, 47 - Боршоешть, 48 - Скянтея, 49 - Киперешть, 50 - Костулень, 51 - Рэдукэненъ, 52 - Мошна, 53 - Кривешть, 54 - Тырпешть, 55 - Цибуканий де Сус, 56 - Давиденъ, 57 - Гелэешть, 58 - Хочинджь, 59 - Молдовень, 60 - Тазлау, 61 - Думешть, 62 - Софронешть, 63 - Бухэешть, 64 - Пойенешть, 65 - Дэнешть, 66 - Арсура, 67 - Куртень, 68 - Шулетья, 69 - Мэлустень, 70 - Балэнешть, 71 - Гэбешть, 72 - Комэнешть, 73 - Слободзия, 74 - Поаян-Текуч, 75 - Рэкэтеу (Бакау), 76 - Браду, 77 - Котнаръ-Кэтэлина, 78 - Бутя, 79 - Пятра-Нямц-Козла, 80 - Пятра-Нямц-Бытка-Доамней, 81 - Чурбешть, 82 - Гогошишть, 83 - Тыргу-Окна-Тисешть-Тителка, 84 - Зетя, 85 - Жигодин, 86 - Синкрэнь, 87 - Тушнад, 88 - Сф.Георге, 89 - Ковасна, 90 - Хангу, 91 - Ввишоара, 92 - Калду, 93 - Балану, 94 - Ливада, 95 - Косичень, 96 - Бырлэешть, 97 - Лупешть, 98 - Ижешть, 99 - Хорничень, 100 - Додешть, 101 - Стоиешть, 102 - Цифу, 103 - 23 август-Флоринта, 104 - Брэнешть, 105 - Текуч, 106 - Стрымба, 107 - Барбош, 108 - Диногешия-Гарван, 109 - Никулицел, 110 - Махмудия, 111 - Саркиой, 112 - Налбант, 113 - Арса, 114 - Албешть, 115 - Олтина, 116 - Сату Ноу, 117 - Преуцешть, 118 - Тэмэшенъ, 119 - Хорничень, 120 - Валя Сеакэ, 121 - Чуря, 122 - Дэнешть, 123 - Белчешть, 124 - Бану, 125 - Рэкиу, 126 - Кэтэмэрешть, 127 - Редю, 128 - Хородиштя, 129 - Афуманъ, 130 - Амару, 131 - Берка, 132 - Блажан, 133 - Бежой, 134 - Брагадиру, 135 - Бразь, 136 - Букур, 137 - Буфта, 138 - Будешть, 139 - Бутиману, 140 - Кэтэлуй, 141 - Кирноджь, 142 - Олтиничя, 143 - Киселет-Маротин, 144 - Чорань, 145 - Корнешть, 146 - Пискул Крэсань, 147 - Дэмэроая-Букурешть, 148 - Дэрмэнешть, 149 - Добренъ, 150 - Дрэгэнешть, 151 - Дудешть, 152 - Фундуля, 153 - Джолешть, 154 - Джорджо, 155 - Грэдиштя-Кослодженъ, 156 - Грэдиштя-Росети, 157 - Грэждина, 158 - Гринду, 159 - Ла Нуч, 160 - Липэнешть, 161 - Мэнэстиря, 162 - Мэнешть, 163 - Мэрэчинень, 164 - Михэилешть, 165 - Митренъ, 166 - Нейен, 167 - Негоешть, 168 - Одайя Влэдикий-Султина, 169 - Одобешть, 170 - Оларий Векь, 171 - Пантелимон-Букурешть, 172 - Петрошань-Прахова, 173 - Петрошань-Телеорман, 174 - Попешть-Новац, 175 - Тиносул, 176 - Зимничя, 177 - Четэченъ, 178 - Родовану, 179 - Раду-Букурешть, 180 - Сихлян, 181 - Штубей, 182 - Тынчану, 183 - Василац, 184 - Валя Арговей-Влэдичаска, 185 - Влэдичаска, 186 - Валя Кэлутэряскэ, 187 - Винэторий Мич, 188 - Андолина, 189 - Дайя, 190 - Лэченъ, 191 - Ласкул Тей-Букурешть, 192 - Орбяска де Сус, 193 - Пороския, 194 - Снагов, 195 - Зидуриде динтре Вий-Букурешть, 196 - Челей, 197 - Орля, 198 - Калэрашу, 199 - Мэргэритешть, 200 - Коплателе, 201 - Коцонень, 202 - Садово, 203 - Еношешть, 204 - Дрэгэшань, 205 - Дэешть-Вылця, 206 - Бебенъ, 207 - Столчичень, 208 - Булетя, 209 - Олэнешть, 210 - Моцэцей, 211 - Островул Корбулуй, 212 - Билидару, 213 - Корнешть, 214 - Костешть, 215 - Баиле Херкулане, 216 - Бая де Фьер, 217 - Поллорачь, 218 - Варэдия, 219 - Греопи, 220 - Апахида, 221 - Арад, 222 - Аркиуд, 223 - Беря, 224 - Бистрица, 225 - Бляж, 226 - Чичир, 227 - Чумешть, 228 - Клуж-Сомешень, 229 - Галаций Бистрицей, 230 -

Генч-Карей, 231 - Фитвушу, 232 - Медиаш, 233 - Морешть, 234 - Сани-
 слэу, 235 - Себеш, 236 - Сф.Георге-Бедехэза, 237 - Валялуй Михай, 238 -
 Аюд, 239 - Банд, 240 - Чепарь, 241 - Куртюшень, 242 - Дезмир, 243 -
 Диндешть, 244 - Фынтиниле, 245 - Фойень, 246 - Жукул де Сус, 247 -
 Окна Сибиулуй, 248 - Пишкольц, 249 - Сэкуень, 250 - Шейка Микэ, 251 -
 Тэриан, 252 - Турдаш, 253 - Вэршанд, 254 - Бэница, 255 - Пятра Кра-
 ивий, 256 - Сигишоара, 257 - Печика, 258 - Бериндя, 259 - Кулжир,
 260 - Дева, 261 - Марка, 262 - Пятра Шоймулуй, 263 - Половраджь,
 264 - Шейка Маре, 265 - Ардеу, 266 - Арпашу де Сус, 267 - Бихад,
 268 - Бяза, 269 - Брета Мурешанэ, 270 - Ковасна, 271 - Кэпылна,
 272 - Чернат, 273 - Кымпурь-Сурдук, 274 - Клит, 275 - Костешть, 276 -
 Кукош, 277 - Гундарь, 278 - Градишта Мунчелулуй, 279 - Жигодин I, 280 -
 Оклица, 281 - Одорхейл секуеск, 282 - Пятра Рошия, 283 - Порумбений
 Марь, 284 - Раку, 285 - Рышнов, 286 - Сакэлэсу, 287 - Сэрэцел, 288 -
 Тэшад, 289 - Телю, 290 - Старо село, 291 - Русе, 292 - Тирнава-Царе-
 вец, 293 - Софрониево, 294 - Буковлак, 295 - Малек Преславец, 296 -
 Загелево, 297 - Грот Деветак

Наличие определенных различий на этих памятниках и слабая изу-
 ченность поенештско-лукашевской культуры в целом привели к появле-
 нию разных, порой противоположных, мнений, связанных с хроноло-
 гией, этнической атрибуцией и другими аспектами.

Большинство исследователей считает, что в настоящее время в
 историографии четко определились два направления. Представители од-
 ного из них связывают памятники поенештско-лукашевской культуры с
 пришлыми с севера племенами [132, с.82-96; 208, с.215-238; 292, с.77-
 89; 383, с. 403-425; 414, с.107], другие, не оспаривая наличия
 чужеродных элементов, утверждают, что приход иноземных племен не
 привел ни к резкому изменению в характере материальной культуры,
 ни к смене населения в Днестровско-Карпатском регионе во II-I вв.
 до н.э. [164, с. 81-95; 184, с.54-55; 386, с.37-42]. Четкость ус-
 тановившихся в историографии направлений носит лишь видимый харак-
 тер, ибо приверженцы иноземного происхождения поенештско-лукашевс-
 кой группы памятников расходятся между собой по наиболее важным
 вопросам. Это прежде всего связано с территорией формирования и эт-
 нической атрибуцией данной культурной группы.

Р.Вульпе, опираясь на металлические изделия и керамику, глав-
 ным образом на формы погребальных урн черного цвета из Поенештско-
 го могильника, имеющие широкие аналогии в Висло-Одерском междуре-
 чье, высказал предположение, что памятники типа Поенешт образо-
 вались на обширной территории Германии и Польши [413, с.107, 117-
 118].

Р.Хахман и К.Такенберг сходны в том, что поенештско-лукашевс-
 кая культура выделяется из ясторфской; только выводят они ее из
 разных районов: первый - из бассейна средней Эльбы [292, с.117-124],
 второй - из Анхальт и северо-восточной Саксонии [383, с.411-414].

Д.А.Мачинский, напротив, анализируя конкретный материал, приходит к категоричному заключению, что необходимо "окончательно отбросить Эльбу как территорию, где могла сформироваться культура Поенешты". Образовалась она, по мнению исследователя, в бассейне среднего Одера, где развитие поморской культуры начиная со II в. до н.э. стало подвергаться постоянному влиянию с запада ясторфской и отчасти кельтской культур, а с северо-востока – пшеворской. Слияние всех этих элементов привело к «возникновению особой группы "позднепоморских памятников", к кругу которых принадлежит и поенештско-лукашевская культура» [132, с.3-94].

Исходя из того, что в материальной культуре племен северной и центральной части Днестровско-Карпатского массива содержатся компоненты различных культурных групп из прибрежной зоны низовьев Одера и Эльбы, М.Бабеш считает: "ареал формирования этой группы памятников может и должен быть значительно расширен" [208, с.215].

Не менее противоречивы взгляды исследователей в отношении этнической атрибуции поенештско-лукашевской культуры. Для Р.Хахмана и К.Такенберга, отождествляющих ясторфскую и поенештско-лукашевскую группу памятников, германская принадлежность последней сомнению не подлежит.

Р.Вулпе и Д.Мачинский едины в том, что носителями поенештско-лукашевской культуры были упомянутые в этом регионе античными источниками племени бастарнов. Однако Р.Вулпе считает этноним "бастарн" собирательным, распространяющимся на различные германские племена, в том числе и на певкинов, которые, по его мнению, жили не в устье Дуная на острове Павке, где их отмечает Страбон, а в ареале поенештско-лукашевской культуры [418, с.32-33]. Д.Мачинский выступает против гетерогенности бастарнов и утверждает, что они "в основе своей представляли единый народ", заметно отличающийся от германской группы, и "не исключена возможность, что они могли представлять неизвестную пока этническую общность" [132, с.96].

М.Бабеш полностью солидарен с мнением Р.Вулпе о собирательном характере этнонима бастарнов. Более того, он на основе обнаруженного на поселении Гелэйешть фрагмента бронзовой фибулы поморского типа, которая имеет аналогии среди фибул с памятников низовьев Эльбы-Одерской зоны, где, по мнению античного географа Птолемея, расселялись с(е)идины или сидоны, считает доказанным, что в состав населения, оставившего поенештско-лукашевские памятники и известного под названием бастарнов, входили не только певкины [210, с.79-84, рис.1], но и скиро-сидоны [207, с.214-216, рис.6]. Поскольку нигде на родине древних германцев не обнаружена материальная культура, эквивалентная поенештско-лукашевской, то, следовательно, ее носи-

тели продвинулись в Днестровско-Карпатские земли из областей, расположенных как к западу, так и к востоку от Одера.

Как явствует из вышеизложенного, поенештско-лукашевская культура отождествляется с каким-то вариантом ясторфской культуры или представляется результатом слияния различных культур. И в том, и в другом случае следует, что эта материальная культура привезена в готовом виде, а ее носители заняли освободившееся в результате вытеснения местных племен пространство между Карпатами и Днестром [132, с. 89, 91; 208, с. 219; 414, с. 109, 114].

Наиболее перспективным кажется мнение Д.А.Мачинского о симбиозном характере позднепоморской группы памятников, создатели которых вторглись к началу II в. до н.э. в Карпато-Днестровские земли. Эта точка зрения согласуется и с археологическим материалом. Ясторфское влияние на поенештско-лукашевскую культуру проявляется в наличии так называемой бастарнской посуды, встречающейся на всех памятниках от Карпат до Днестра. Пшеворский компонент отчетливо выявляется в массовом керамическом материале как на раскопанных поселениях (Бранешты, Ботошана, Улму, Шорогарь, Будень, Куко-рень, Арсура и др.), так и в погребальном ритуале [184, с. 60]. Металлические украшения и немногочисленные керамические формы кельтского облика, известные на памятниках поенештско-лукашевского типа и обычно считавшиеся результатом торговых сношений или проникновения из Трансильвании, являются скорее всего выражением самой природы данной группы памятников. Однако наличие этих особенностей не отражает полного содержания поенештско-лукашевской культуры, и, следовательно, не дает никаких оснований отождествлять ее с позднепоморской, как это делает Д.А.Мачинский [132, с. 93-94].

Наряду с вышеперечисленными чертами, характерными для материальной культуры пришлого населения, поенештско-лукашевская группа памятников обладает и другими свойствами, которые в той или иной степени отрицаются приверженцами миграционной теории.

Однако было бы неверно утверждать, что приход чужеродцев не повлиял на развитие материальной культуры и этнический состав населения центральной части Карпато-Днестровского региона во II-I вв. до н.э. Вопрос упирается лишь в степень влияния пришлого населения на автохтонное.

В советской историографии уже были предприняты попытки выяснения изменений, происходивших в этническом составе населения, оставившего памятники типа Лукашевки [132, с. 82-96; 164, с. 84-95].

Но недостаточная изученность в то время гетской IV-III вв. до н.э. и поенештско-лукашевской культур не позволила авторам прийти к достаточно обоснованным выводам. Это затруднительно и сейчас.

Вместе с тем масштабные раскопки последних лет могут, как нам представляется, внести некоторые коррективы в вопрос о соотношении гетской IV–III вв. до н.э. и поянештско-лукашевской культур.

В северной и центральной части Днестровско-Карпатских земель известно около 70 памятников [392, с. 222] поянештско-лукашевской культуры (карт. 6). При сопоставлении поселений гетской IV–III вв. до н.э. и поянештско-лукашевской культур выясняется, что их топография во многом сходна, а в некоторых случаях – идентична. Это вполне понятно, ибо многие поселки IV–III вв. до н.э. продолжали функционировать и во II–I вв. до н.э.

В специальной литературе укоренилась мысль, согласно которой одной из характерных особенностей поянештско-лукашевской культуры является отсутствие укрепленных поселений. Многочисленные гетские городища Днестровско-Карпатских земель прекратили свое существование в конце III в. до н.э.: в Нижнем Поднестровье и Попрутье в связи с движением с запада галатов [135, с. 24], а в северной и центральной части региона – в результате вторжения бастарнов [278, с. 133]. Идея о разрушении гетских городищ бастарнами была широко воспринята исследователями, поскольку она как будто согласуется с некоторыми письменными свидетельствами [54, XXXII, 3, 16].

Действительно, городищ во II–I вв. до н.э. не так много, как в предыдущем периоде. Однако неправомечно будет полностью отрицать их наличие во II–I вв. до н.э. Раскопки на городище Рудь позволили выявить три последовательных, неразрывно связанных культурно-хронологических периода: фракийский гальштат UP–UI вв. до н.э., гетский IV–III вв. до н.э. и II в. до н.э. – I в. н.э. Последний представлен остатками жилых и хозяйственных комплексов и значительным количеством материала, характерного для поянештско-лукашевской культуры, в том числе фрагментов позднеэллинистических амфор и краснолаковой керамики [166, с. 122–123].

На городище Машкауцы раскопками установлено, что мыс, на котором оно расположено, был обитаемым еще в эпоху бронзы, в IV–III вв. до н.э. геты возвели вал с напольной стороны мыса. Во II–I вв. до н.э. жизнь на поселении продолжалась, о чем свидетельствует обнаруженный археологический материал, в частности большой ассортимент посуды, среди которой фрагменты мисок лукашевского типа с граненым венчиком и обломки амфор [164, с. 28; 65, с. 35].

Аналогичное положение зафиксировано и на укрепленном поселении Арсура. Мыс, где впоследствии было сооружено городище, был заселен еще в период раннефракийского гальштата. Судя по материалу, полученному в результате шурфовки, в начале второй половины I-го тысячелетия до н.э. мыс с напольной юго-восточной стороны был об-

несен двумя валами со рвами. Керамика с городища представлена двумя категориями: лепной грубой, характерной для гетских памятников IV–III вв. до н.э., и поенештско-лукашевского типа [387, с.53–59].

Несколько иначе выглядит городище Котнарь–Кэтэлина. Оно было сооружено в IV в. до н.э. и функционировало по II в. до н.э. включительно. Однако среди массового гетского материала позднего горизонта не обнаружен ни один фрагмент так называемой бастарнской керамики. Котнарь–Кэтэлина – пока один из немногочисленных в ареале поенештско-лукашевской культуры памятников, сохранивший исключительно автохтонный характер [281, с.116–177].

Таким образом, анализ археологических данных позволяет установить, что многие гетские городища (Выхватинцы, Большая Сахарна, Стынчешть и др.) прекращают свое существование в III в. до н.э. На других же укрепленных (Рудь, Машкауцы, Арсура, Котнарь–Кэтэлина) и неукрепленных (Лукашевка II, Требужены, Иванча, Бранешты, Бэйчень, Ботшана, Кукорень и др.) поселениях, расположенных в различных районах Центральной Молдавской возвышенности, куда начиная с конца III в. до н.э. в гетскую среду вторглись бастарнские племена, жизнь непрерывно продолжалась на протяжении четырех (IV–I вв. до н.э.), а то и более столетий.

В этой связи надлежит отметить, что аналогичное положение наблюдается и в других областях северофракийского мира, находившихся в стороне от бастарнского вторжения. Например, такие городища, как Бештепе [375, с.31–37], Бейдауд [376, с.37–50] прекращают свое существование к концу III в. до н.э., тогда как Зимница [416, с.22], Пискул Кресанилор [416, с.45], Орловка [82, с.72], Пивденное [167, с.51] продолжают функционировать до конца II или I в. до н.э., а в Пояне жизнь продолжалась по III в. н.э. включительно [419, с.106]. Одновременно с затуханием жизни на некоторых поселениях возникают новые укрепленные центры, в частности Попешть, Четэцень (II–I вв. до н.э.), Тиносул (I в. до н.э. – I в. н.э.) [416, с.27–42], Рэкэту, Браду (II в. до н.э. – II в. н.э.) [422, с.105–118], Солотвино (II–I вв. до н.э.) [61, с.3–20].

Очевидно, что причины этого явления связаны не только и не столько с нашествием иноземных племен, сколько с закономерностями внутреннего развития гетского общества, а также с воздействием на него окружающего варварского и эллинского мира.

Исследования открытых поселений II–I вв. до н.э. показывают, что топографически они аналогичны гетским IV–III вв. до н.э. Это вполне естественно, поскольку почти все более или менее раскопанные поселения (Бранешты, Требужены, Лукашево II в СССР, Ботшана, Бэйчень, Шорогарь и др. – СРР) расположены на месте гетских поселений IV–III вв. до н.э.

На поенештско-лукашевских селищах Ботошана, Кукорэнь (ССР), где проводились интенсивные исследования, были раскопаны соответственно 28 и 15 жилищ [388, с.124-139]. Изучение этих памятников позволяет утверждать, что как в гетских IV-III вв. до н.э., так и в поенештско-лукашевских поселках планировка жилищ кучевая. Жилища, как и в предшествующем периоде, выявлены двух типов: наземные глинобитные на деревянном каркасе и с углубленным в материк основанием. Глинобитные жилища как в одном, так и в другом периоде прямоугольной формы различной площади.

На поселении Лукашевка II площадь жилища не превышает 16-24 кв.м [184, с.240-246], в Ботошане она колеблется в пределах 8-16 кв.м. Следовательно, во II-I вв. до н.э. обитали главным образом малые дома, появившиеся в предшествующем периоде.

Едиными для обеих культур являются отопительные сооружения, их расположение в домах и формы хозяйственных ям, находившихся вблизи жилищ.

Столь ощутимое сходство в топографии и планировке поселков, в способах строительства, формах и типах жилищ, наблюдаемое между гетской IV-III вв. до н.э. и поенештско-лукашевской культурами, свидетельствует о генетических связях между этими культурно-хронологическими группами.

Как известно, наиболее консервативной чертой любой этнокультурной общности является погребальный обряд. В силу этого могильный ритуал отражает только завершившиеся, укоренившиеся, ставшие привычными этнические и социальные явления, а не в коем случае не те процессы, которые находятся еще в стадии становления. В данном случае апелляция к погребальному ритуалу при сопоставлении гетской IV-III вв. до н.э. и поенештско-лукашевской культур крайне затруднительна, потому что ритуал захоронения во второй половине I-го тысячелетия до н.э. в общих чертах был одинаков как на родине пришлого населения, так и у местных племен [118, с.104-106].

Погребальный обряд поенештско-лукашевской культуры известен главным образом по четырем грунтовым могильникам: Поенешть, Боросешть, Долиняны, Лукашевка. На поенештском могильнике вскрыто 55 погребений, но поскольку они были вперемешку с захоронениями III-IV вв. н.э., то культурную принадлежность безымянных захоронений определить невозможно [413, с.310-418]. В Боросештах вскрыты 117 погребений [394, с.13], Лукашевский могильник представлен 21 захоронением [184, с.22-25], в Долинянах исследованы 24 захоронения [177, с.193-206].

Как уже было указано, на гетских могильниках IV-III вв. до н.э. в основном преобладают урновые захоронения в простых земляных ямах.

Аналогичное положение наблюдается и на отдельных могильниках II-I вв. до н.э. На Лукашевском могильнике 19 урновых погребений, а 2 - безурновых. Преобладание урновых погребений, как указывают исследователи [394, с.13], наблюдается и на других могильниках II-I вв. до н.э.

Могильник у с. Долиняны оказался в особом положении. Из 24 исследованных в нем захоронений 20 погребений безурновых и только 4 - урновых. Эта особенность может быть объяснена не только и не столько хронологической разницей между поенештско-лукашевскими и долинянским могильниками, тем более, что датировка последнего (первая половина II в. до н.э. - конец I в. до н.э.) "еще весьма предварительна" [177, с.205-206], сколько его расположением в ареале усиленного влияния зарубинецкой культуры. Как известно, для этой культурной группы характерны в погребальном обряде "ямные захоронения, в которых остатки керамики сыпаны в кучку или разбросаны по дну ямы", а урновые составляют небольшой процент [170, с.75]. Этим же, видимо, объясняется и столь широкое распространение в захоронениях Долинянского могильника фибул - черта столь характерная для зарубинецкой культуры. Как на гетских, так и на поенештско-лукашевских могильниках, урновые захоронения были с крышками и без крышек. Например, из 39 урновых захоронений в Ханска-Лутерия 28 - с крышками, II - без крышек; соответственно в Поенешть - 40 и II; в Лукашевке - 16 и 3. Изучение погребального обряда показывает, что есть еще одна особенность, отличающая поенештско-лукашевский могильный ритуал от восточнопоморского. В погребениях ясторфской культуры часто встречаются вместе с кальцинированными костями и остатки погребального костра, что пока ни разу не наблюдалось на могильниках Карпато-Днестровского региона ни в IV-III вв. до н.э., ни во II-I вв. до н.э.

Вместе с тем наличие общих черт не отрицает и некоторого различия: если для поенештско-лукашевских поселений присутствие гетского керамического и иного материала вперемешку с так называемым бастарнским обязательно, то на могильниках оно почти исключено.

При рассмотрении соотношений гетской и поенештско-лукашевской культур особое значение приобретает массовый керамический материал. В результате исследований на поселении Лукашевка II было установлено, что бастарнская керамика составляет всего 10-30% от общего количества керамического материала, тогда как гетская грубая лепная - 70%. На поселении Васиены бастарнская посуда представлена 10% от общего количества керамического материала [184, с.240-248], в Бэйчень - 5, в Кукерэнь - 5, в Лунка Чурей - 25% при преобладании гетской керамики, зато в Ботошана бастарнская керамика составляет 50%,

а в Борошешть и Гэлэйешть – свыше 50% [384, с. 39; 388, с. 135]. В одной из своих работ М. Бабеш высказал сомнение в отношении достоверности некоторых процентных величин, установленных при изучении ряда памятников [208, с. 215–238]. Поскольку, по его мнению, в отдельных закрытых комплексах на селищах Шорогарь, Ботошана, Бранешты, Улму преобладает поморская керамика, то процентное соотношение на этих памятниках должно быть близко к Борошешть и Гэлэйешть. Ознакомление с материалами из упомянутых поселений не дает основания согласиться с М. Бабешом. Авторами раскопок упомянутых им поселений, дана достоверная, насколько это возможно, статистика по слоям и сооружениям [184, с. 240–248].

Такое разнообразное соотношение керамического материала на поселениях позволяет в какой-то степени судить о той сложной картине, которая существовала в центральной и северной части Карпато-Днестровского региона во II–I вв. до н.э. То обстоятельство, что на всех известных памятниках поенештско-лукашевского типа элементы гетской материальной культуры являются обязательными, а на большинстве из них – господствующими, свидетельствует о том, что нашествие иноземных племен не сопровождалось полным уничтожением или вытеснением автохтонного населения.

Видимо, события происходили следующим образом. К концу III и началу II в. до н.э. в период вторжения бастарнов гетские племенные союзы, опираясь на мощную оборонительную систему из многочисленных хорошо укрепленных поселков, оказали упорное сопротивление иноземцам. Только этим можно объяснить то обстоятельство, что после преодоления обширных пространств, в том числе и труднопроходимых Северных Карпат, бастарны не продвинулись дальше, а вынуждены были остаться в северо-центральной части Днестровско-Карпатского региона.

В тяжелой и, судя по разрушениям многих городищ, многолетней схватке с гетскими племенными союзами бастарны хотя и вышли победителями, но оказались полностью истощенными и обескровленными, вследствие чего были вынуждены остаться в этих областях вместе с побежденными гетами.

Приход бастарнов, если исходить из вышеприведенных процентных соотношений керамики, не означал равномерного или обязательного преобладающего их размещения в каждом гетском поселке. Очевидно, были поселки, судя по имеющимся материалам они составляли большинство, где пришлое население являлось незначительной частью. В некоторых поселениях бастарнов вовсе не было. Встречались поселки, где пришлое население составляло половину или несколько преобладало над местным.

В целом же в большинстве поселков пришлые племена составляли меньшую часть населения. Единичные предметы, которые встречаются на отдельных памятниках конца II или начала I в. до н.э., как, например, фибула из Гэлэйишть, не могут служить доказательством периферического прихода поморских племен в Карпато-Днестровские земли [207, с.195-217]. В этих условиях бастарны были вынуждены слиться с местными гетскими племенами. Совместная жизнь бастарнов и гетов в течение столетия, а может быть и больше, в окружении северофракийских племен гетов из Истро-Понтийской зоны и Карпато-Балканского района и даков из Внутрикарпатских областей (карт.6), привела к тому, что они потеряли свой этнический облик. Археологически они более не документируются в этом регионе. По-видимому, к I в. до н.э. бастарны полностью растворились в гетской среде.

§ 2. Геты и даки.

Быт, хозяйство, торговля и денежное обращение

События, происходившие во II-I вв. до н.э. в северной и центральной части Днестровско-Карпатских земель и во Внутрикарпатских областях, не могли остановить дальнейшее развитие северофракийских племен в целом. В этот период наблюдается интенсивный экономический рост местных племен гетов и даков.

Как и прежде, они жили в открытых и укрепленных поселках. Картографирование археологических памятников этого времени позволяет установить, что из 297 поселений и могильников 118 расположены в Днестровско-Карпатских землях, 95 - в Карпато-Балканском районе, 75 - во Внутрикарпатских областях и только 9 - в Истро-Понтийской зоне (карт.6). Хотя, как вытекает из приведенных данных, демографическая картина во II-I вв. до н.э. относительно предшествующего периода (карт.3) несколько смещена, следует отметить, что наиболее густо заселенными областями остаются Днестровско-Карпатские земли.

Во II-I вв. до н.э. наблюдаются некоторые изменения и в расположении укрепленных поселений. Из 63 известных городищ 19 выявлены на территории между Днестром и Карпатами, 9 - в Карпато-Балканском районе, 35 - в Карпатской котловине. В Истро-Понтийской зоне пока не обнаружено ни одного городища. Однако не все выявленные укрепленные поселения хронологически одновременны. Среди них встречаются такие, которые были основаны в начале или даже в середине I в. до н.э. Особенно это характерно для городищ из Внутрикарпатских областей, где из 35 известных укрепленных поселков 25 относятся к I в. до н.э. - II в. н.э. (карт.6). Поэтому данные го-

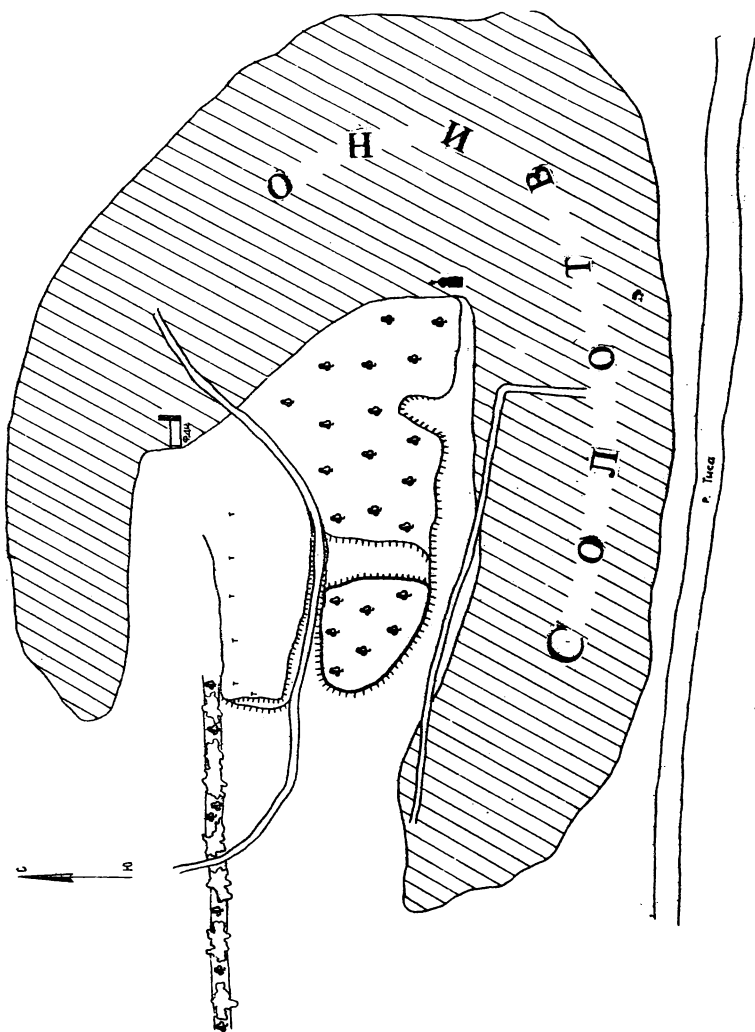

Рис.60. Городище Солотвино-Чегвца

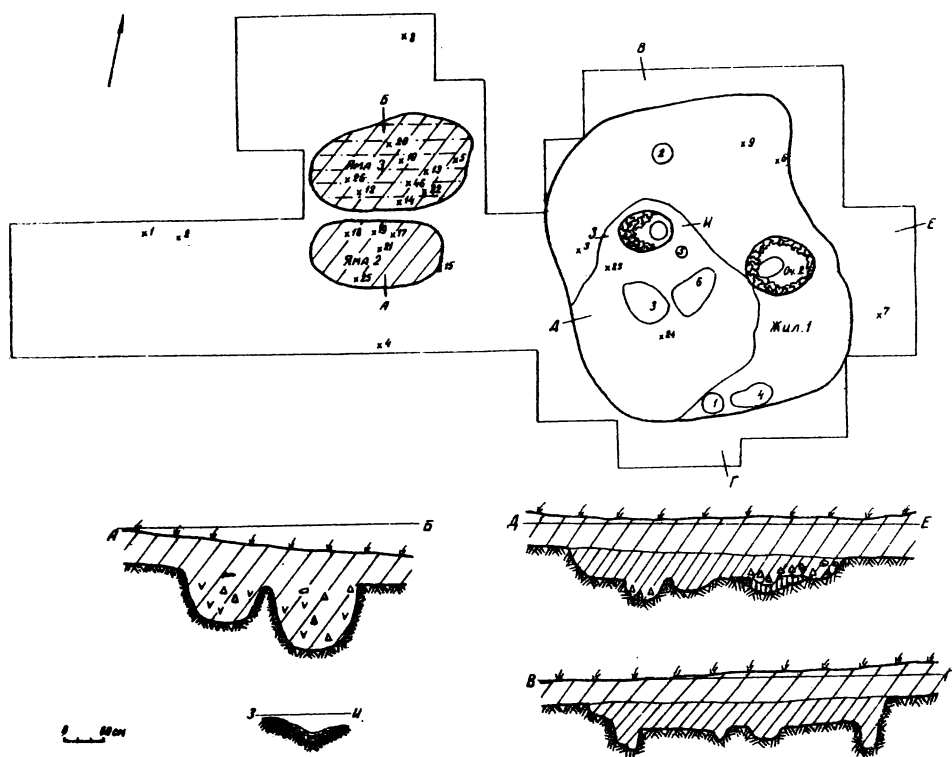

Рис. 61. Жилище с городища Солотвино-Четая

городища можно разделить на две хронологические группы: раннюю, в которую входят укрепленные поселения, основанные раньше или во II в. до н.э., и позднюю, представляющую городища I в. до н.э. — II в. н.э.

Укрепленные поселения II—I вв. до н.э. в целом по топографии, конфигурации и системе фортификационных сооружений не отличаются от городищ IV—III вв. до н.э., хотя, естественно, некоторые изменения в их строительстве все же наблюдаются.

Как и прежде они строились на мысах, господствующих над местностью возвышенностях, на крутых берегах рек и пр.

По характеру строительства фортификационных сооружений городища обеих хронологических групп можно разделить на два типа: укрепленные земляным валом со рвом и обнесенные стеной из каменных блоков.

Изучение укрепленных поселений обоих типов показывает, что устоявшееся мнение, согласно которому на территории, расположенной

между Днестром и Балканами, Карпатами и Черным морем, распространялись главным образом городища первого типа, то есть укрепленные земляным валом и рвом, тогда как во Внутрикarpатских областях – только второго – обнесенные каменной стеной, не согласуется с археологическими материалами.

Действительно, в районах вне Карпат известны многие городища с фортификационными сооружениями в виде земляного вала и рва, такие, как Браду, Рэкэтэу, Пояна, Барбошь, Пискул Крэсань и др. В этих же районах обнаружены и городища, подобные Бытка Доамней, укрепления которых представляли собой мощные каменные стены. В Карпатах же известны многочисленные городища, особенно позднего времени, укрепленные каменными стенами с башнями. Вместе с тем выявлены и такие, как Солотвино-Четэуца в северной части Карпат и Арпашул де Сус – в Южных Карпатах (карт.6), система обороны которых состояла из земляных валов и рвов.

Городища первого типа этого периода мало чем отличаются от аналогичных укрепленных поселений IV–III вв. до н.э.

Так, городище Солотвино-Четэуца расположено на высоком мысу правого коренного берега реки Тисы, на окраине с. Солотвино в УССР*. С северной стороны оно ограничено оврагом, с южной и западной сторон – поймой Тисы. Восточная напольная сторона была укреплена еле заметными в настоящее время земляным валом и рвом. С южной и западной сторон городище возвышается над ровной поймой Тисы примерно на 50–70 м [61, с. I–2] (рис. 60).

Для выяснения характера строительства оборонительной линии городища был сделан разрез вала и рва. В результате установлено, что в конструкцию вала, высота которого местами достигает до 30 см, помимо грунта входили речная галька и обожженная глина, куски последней найдены в большом количестве в валу. Ров шириной до 4 м и глубиной до 1,2 м был заполнен черноземом и суглинком, перемешанными с галечником.

Раскопками на городище был открыт ряд сооружений, в том числе два жилища: одно с углубленным в материк основанием, второе – наземное.

Жилище с углубленным на 20–30 см в материк основанием по форме близко к прямоугольнику с закругленными углами, вытянутому с северо-запада на юго-восток, размером 4,50 x 4 м (рис. 61). Пол

* Городище Солотвино-Четэуца обнаружено в 1965 г. В 1967 г. раскопки на нем провел П.П. Бырня. См.: Бырня П.П. Отчет о работах на городище Солотвино в 1968 г. // Фонды МАЭ АН МССР. Автор данной работы приносит свою искреннюю признательность П.П. Бырне за любезное разрешение использовать его неопубликованные материалы.

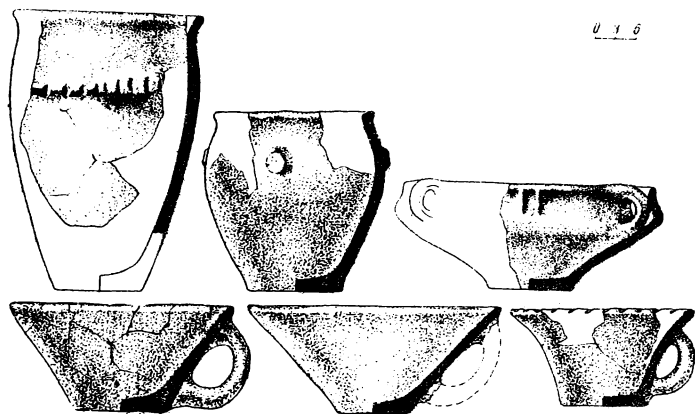

Рис. 62. Керамика из Солотвино-Четацум

жилища представляет собой материковую глину. При его расчистке были обнаружены три столбовые ямы диаметром 20–30 см, углубленные ниже уровня пола на 20–40 см. Все ямы находились на осевой линии постройки. Это свидетельствует о том, что в конструкцию жилища входили опорные столбы для поддержки крыши. В жилище обнаружены два очага овальной в плане формы. Оба они представляли собой хорошо утрамбованные глиняные площадки, один диаметром 60–80, второй – 35–100 см. В жилище найдены также три небольшие ямы, по-видимому, бытового назначения.

Исследования углубленной в материк части постройки, а также остатков строительного материала в виде обломков обмазки, кусков необработанного камня и речной гальки, позволяют реконструировать жилище. Дом, очевидно, был построен из глины и дерева, о чем свидетельствуют отпечатки столбов и прутьев на отдельных кусках обмазки. Основание стен для прочности, а также предохранения от сырости, обкладывали необработанным камнем и речной галькой. Крыша, видимо, двускатная, поддерживалась системой опор в виде столбов, поставленных посередине постройки. Отапливался дом двумя глинобитными очагами.

Однокамерные жилища с углубленным в материк основанием известны достаточно широко на памятниках II–I вв. до н.э. Лукашевка, Бутучены-Пештере [63, с. 49, рис. 118], Бытка Доамней [288, с. 18], Тилишка [311, с. 39] и др.

В жилище и в непосредственной близости от него обнаружено значительное количество массового материала, среди которого выделяются разнообразные керамические формы: горшки, миски, чаши, кружки, фруктовницы и пр. (рис. 62). Весь этот ассортимент посуды нахо-

дит широкие аналоги среди керамических изделий с гето-дакийских поселений Попешть [416, рис. I6(7A)], Пятра Кравий [311, с. 46, рис. 2], Пискул Крэсань [338, с. 190, рис. 59], Рышнов [248, с. 18-19, рис. 1], Четэцень [416, с. 42, рис. 37-38], Кэпылна [311, с. 21, рис. 33], Орловка [82, с. 73, рис. 2(9)], могильника Мойград [251, рис. 68] и др., датируемых II-I вв. до н.э. или II в. до н.э. - I в. н.э.

В центральной части городища, на глубине 40 см были обнаружены следы наземной постройки, разрушенной в результате сельскохозяйственных работ. Остатки сооружения представлены небольшими скоплениями кусков обожженной глины, расположенными вокруг плохо сохранившегося очага. Очаг глинобитный, овальной в плане формы, диаметром 60-120 см, вытянутый с северо-запада на юго-восток. Пол очага глиняный, ровный, толщиной 3-4 см. При расчистке сооружения обнаружены три столбовые ямы, представляющие собой остатки наземного каркасного сооружения. На полу жилища и на поде очага найдено большое количество фрагментов керамики, имеющей аналогии среди гетской и дакийской. Из других предметов найдены точильный брусок, пастовые бусины, глиняные пряслица биусеченно-конической формы, железный серп изогнуто-полукруглой формы с черенком и пр. Серп длиной 22 см с шириной лезвия 2,8, длиной черенка 4, толщиной спинки 0,6 см.

Изучение всего материала, в особенности керамических изделий, показывает, что он имеет широкие аналогии на поселениях дакийской и позднегетской культур II-I вв. до н.э., некоторые типы посуды встречаются вплоть до II в. н.э. Стало быть, имеющиеся в нашем распоряжении сведения дают основание отнести городище Солотвино-Четэцуня к кругу памятников гето-дакийской культуры.

Главным датирующим материалом городища являются керамические изделия. Все керамические формы, обнаруженные на нем, на основе аналогий датируются не ранее II в. до н.э. Самые поздние из них относятся к концу I в. н.э. или к началу II в. н.э. Следовательно, материал городища свидетельствует только о широкой датировке поселения - II в. до н.э. - I в. н.э.

Аналогичные городища известны и в южных районах Внутрикарпатской котловины, в частности у с. Арпашу де Сус. Поселение основано на высоком мысу, находящемся между ручейками Плэвия и Арпашу Маре. С трех сторон северо-западная часть мыса имеет высокие крутые берега. Пологая юго-восточная сторона была перерезана земляным валом и рвом (рис. 63. I, 2). Исследования оборонительной линии позволили установить, что вал был со временем реконструирован и усовершенствован. В настоящее время вал имеет 2 м высоты, а ров - 1 м глубины. Вал был сооружен из нескольких хорошо утрамбованных слоев грунта. Ширина основания вала достигала 13-14 м при высоте 3,5-4 м от

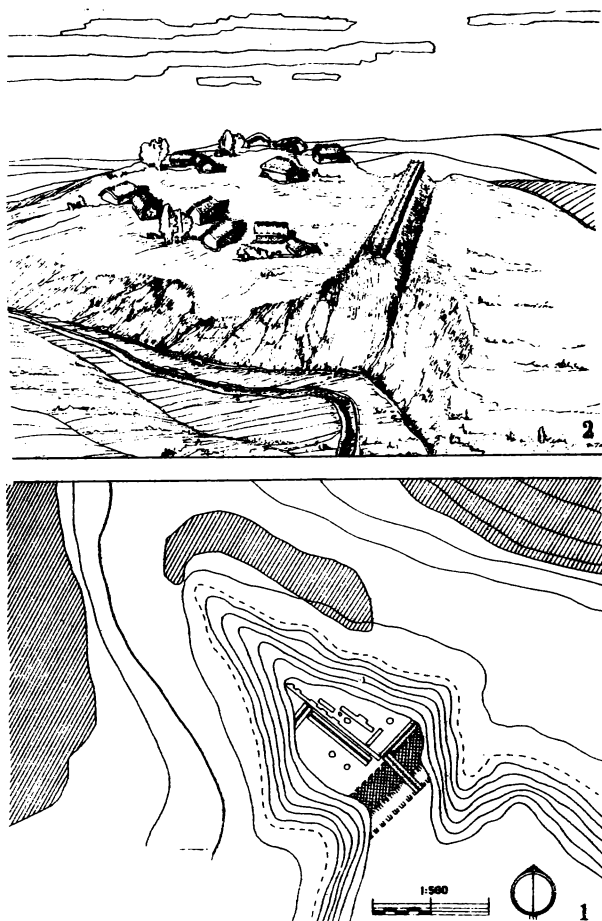

Рис. 63. Городище Арпашу де Сус: 1 – план (по М.Макре и И.Глодариу); 2 – вариант реконструкции

древней дневной поверхности [312, с.13–14]. В разрезе вала были обнаружены остатки обугленных столбов от деревянной конструкции, что позволило исследователям городища М.Макре и И.Глодариу считать, что на вершине вала был сооружен частокол (рис.29.1). Частокол состоял из четырех рядов столбов. Каждый ряд, видимо, переплетался прутьями и крепился поперечными балками. Основная часть получившихся таким образом четырех деревянных стен была забутована грунтом. Верхнюю часть оставляли пустой, поскольку она служила защитой для охранявших поселок воинов (рис.29.2). Ширина рва доходила до 13 м

при глубине 2 м. Неглубокий ров имелся и с внутренней стороны и пред-назначался, по всей вероятности, для сточных вод.

Следует отметить, что этот способ строительства оборонительных сооружений не являлся новшеством, как полагает И.Глодариу. Наоборот, он характерен для гетских городищ предшествующего периода и известен, в частности, по раскопкам в Бутученах (рис.14 и 29.5,6). Несколько иначе этот же принцип применялся на городищах, укрепленных каменной стеной, как на поселении Бытка Доамней [288, с.12-16].

На городище Арпашу де Сус выявлены 20 наземных построек и 7 углубленным в материк основанием [312, с.23-30].

Наземные жилища, сильно разрушенные в ходе сельскохозяйственных работ, представлены развалами, состоящими из камней, кусков глиняной обмазки и керамики. Дома с углубленным в материк основанием сохранились несколько лучше. Как правило, их прямоугольный со скругленными углами котлован углублялся в материк на 30-65 см. Возле жилищ обнаружено 52 хозяйственные ямы.

В жилых и хозяйственных комплексах выявлено значительное количество материала, в том числе многочисленные лепные и гончарные изделия [312, с.39-88].

Поселения, укрепленные аналогичной системой фортификаций, известны и в других районах Карпатского бассейна, например, Клит, Сэкалэсу [273, с.129-137], Чернату [380, с.101], Тэшнад [273, с.129-131], Марка, Думитрица [312, с.15] и др. Однако все они, как и городище Арпашу де Сус, датируются I в. до н.э. - I в. н.э. Следовательно, самый простой способ строительства фортификационных сооружений, получивший распространение в IV-III вв. до н.э., продолжал бытовать не только во II-I вв. до н.э., но широко применялся и в I в. до н.э. - I в. н.э., когда воздвигались укрепленные поселения, окруженные мощными каменными стенами с многочисленными башнями, известными в горах Орэштии и других местах.

Городища, укрепленные земляным валом со рвом или одним только рвом, хорошо известны как в Днестровско-Карпатских землях, так и в Карпато-Балканском районе. Многие из них основаны еще в IV-III вв. до н.э. Однако основная часть - поселения Браду, Рэкэту, Жигодин, Тителка, Барбошь и другие построены были в течение II-I вв. до н.э. Среди последних пока лучше изучены Браду и Рэкэту.

Городище Браду расположено на левой террасе реки Сирета, на высоком господствующем над местностью плато, в северо-западной части с.Браду. Поселение занимало верхнюю часть плато, представляющую собой небольшую ровную площадку. Укреплено оно было широким и глубоким рвом [421, с.171-184, рис.56]. Поселение многослойное. Судя по выявленным материалам, жизнь на плато началась еще в неолитичес-

кое время и продолжалась с некоторыми перерывами вплоть до периода феодализма. В ходе археологических изысканий на территории городища обнаружено значительное количество материала, в том числе железные топоры и ножи, бронзовые фибулы, браслеты, пряжки, бусы и пр. Особый интерес представляют керамические изделия: кружки с едва возвышающейся над венчиком или на одном уровне с ним ручкой, одноручные фракийские чаши, а также глиняные ложила и "калечи" с наколками. Последние почти идентичны тем, что обнаружены на гетском поселении IV—III вв. до н.э. Ханска-Толоакэ [152, рис. 5(6)].

Городище Рэкэтэу также расположено на левом высоком берегу реки Сирет в местности Четэцуя, между селами Пэнчешть и Рэкэтэу. Основная часть поселения была защищена высоким и крутым берегом Сирета, пологая же сторона террасы, на которой оно находилось, укреплена широким и глубоким рвом. Городище занимает площадь 170хх50 м. За пределами рва расположено селище этого же времени. Городище было сооружено во II в. до н.э. и существовало до начала II в. н.э., когда оно было полностью разрушено [238, с. 93—129].

Городища второго типа, то есть обнесённые каменной стеной, большей частью сооружались на высоких мысах или господствующих над местностью плато. На территории вокруг поселения, как правило, специально создавались террасы, которые служили дополнительной системой обороны. На таких городищах, как Бытка Доамней, Пятра Краивий, высокие террасы, наоборот, выравнивали, превращая их также в удобные площадки для обороны. На других поселениях террасы связывались между собой вырытыми в скале ходами сообщения. Однако основным оборонительным сооружением была каменная стена. Изучение городищ этого типа позволило установить характер их фортификационной системы. Среди поселений лучше всего изучено Бытка Доамней.

Городище расположено на одноименной, господствующей над Бистрицкой равниной возвышенности в 4 км к западу от г. Пятра-Нямц. Плато прямоугольной формы со сторонами 170х110 м поднимается на 140 м над уровнем реки Бистрицы. С севера и востока оно имело высокие и крутые берега. Западная сторона, также довольно высокая, была усилена несколькими террасами. Более или менее доступна южная сторона, однако она представляла собой узкую, круто поднимающуюся вверх полосу (рис. 64). Плато настолько было естественно защищено и удобно, что заселялось еще с III-го тысячелетия до н.э. Городище же воздвигнуто не ранее II в. до н.э. [288, с. 22]. Первоначально мыс укреплялся деревянным частоколом, усиленным бастиянами. Затем над разрушенным частоколом была сооружена мощная каменная стена толщиной 3,5 м. Способ строительства стены в какой-то мере напоминает строительство земляных валов с применением каменной или деревянной конструкции, как

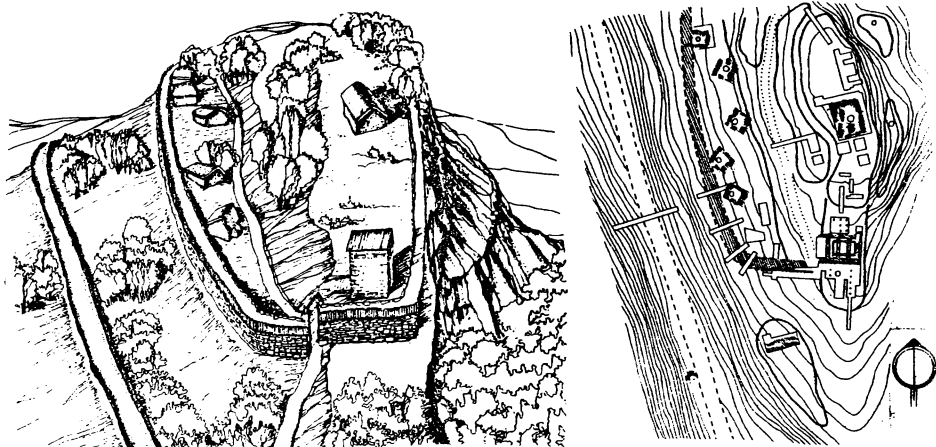

Рис. 64. Городище Бытка Довней. Вариант реконструкции и план (по Н.Гостару)

на городищах IV–III вв. до н.э. Котнаръ–Кэтэлина [281, с. I3–I4] или Бутучены (рис. 29.5, 6).

Укрепление представляло собой две параллельно построенные каменные стены. Для их сооружения использовался местный слегка обработанный песчаник. У основания стен были уложены большие каменные блоки более 60 см в длину, а над ними – маленькие необработанные камни. Пространство между стенами забутовывалось песчаником, галькой и желтой глиной. Построенная таким образом стена была достаточно прочной. Она защищала поселок с четырех сторон. В настоящее время высоту крепостной стены трудно определить, в некоторых местах она сохранилась до 1,3 м [288, с. I3–I4].

Н.Гостар, изучивший фортификации, впрочем, как и само городище, полагает, что поскольку ширина стены доходила до 3,5 м, то высота ее должна была достигать не менее 4–5 м. Исходя из того, что на стенах обнаружен толстый слой обмазки и древесного угля, автор приходит к выводу, что верхняя часть крепостной стены сооружалась из дерева [288, с. I3–I4].

В юго-восточном углу оборонительной линии выявлены остатки четырехугольной башни размером 9х9 м. Нижняя часть башни была построена из камня, верхняя – из сырцового кирпича. То обстоятельство, что сырцовый кирпич обнаружен в радиусе до 7,5 м вокруг основания башни, привело Н.Гостара к заключению, согласно которому башня имела 7 м высоты [288, с. I5]. Башня была построена с таким расчетом, чтобы держать под обстрелом подъем на городище и ворота (рис. 64).

Поскольку западная и южная стороны плато были менее крутые, то они укреплялись дополнительно частоколом. Он представлял собой два параллельных деревянных забора, скрепленных между собой поперечными балками. Пространство между ними было забутовано землей и щебнем (рис.64). Эта забутовка сохранилась в виде невысокого вала с неглубокими, до 50 см, рвом, из которого вынимали грунт для забутовки.

На территории городища выявлены остатки сильно разрушенных наземных жилищ в виде развалов камней, кусков обмазки, керамики и пр. Судя по выявленному материалу, можно заключить, что основание стен построек было сложено из местного песчаника, а верхняя часть делалась глинобитной – способ строительства, хорошо известный еще в IV–III вв. до н.э. по раскопкам на городищах Шивденное [168, с.20–22] и Бутучены (рис. 18.1).

Наряду с жилищами выявлены остатки двух культовых сооружений. Одно из них обнаружено за пределами городища на южной террасе. Оно имело прямоугольную форму и состояло из нескольких рядов невысоких колонн. От святилища сохранились основания колонн двух неполных рядов, ориентированных с севера на юг. В первом ряду обнаружены остатки пяти колонн, во втором – только двух. Основания колонн были вытесаны из местного песчаного камня. Как правило, они имеют овальную в плане форму с диаметром 15–50 или 20–50 см. Второе аналогичное святилище выявлено в северной части первой террасы. Судя по тому, что некоторые каменные основания колонн второго святилища были применены в забутовке крепостной стены, можно предположить, что оно несколько древнее первого [288, с.19]. Оба святилища имеют аналоги на городищах Пятра-Краивий, Пятра-Рошие, Градишта Мунчелулуй и других, где они датируются не ранее I в. до н.э. [262, с.127–129].

В жилых и хозяйственных комплексах, а также в культурном слое найдено значительное количество материала, среди которого следует отметить железные чересло, ножи, наконечники копий, шпоры, каменные круглые жернова, украшения, в частности серебряные фибулы, а также многочисленные лепные и гончарные изделия [288, с.43, рис.7–44].

Городища с аналогичной фортификационной системой, с такими же жилыми и хозяйственными комплексами, культовыми сооружениями и инвентарем хорошо известны в Карпатском регионе – это Кэпылна, Бэница, Пятра-Краивий и др. [311, с.76].

На большинстве городищ II–I вв. до н.э. найдены многочисленные предметы ремесла, привозные изделия, монеты. На городище Тилишка обнаружен сосуд, содержащий 14 бронзовых матриц, по которым можно было чеканить серебряные римские динары [311, с.41, рис.20]. В Попешть выявлены флассосские тетрадрахмы, римские динары и многочисленные гето-дакийские монеты, представляющие грубые имитации из серебра и

бронзы, монеты македонских царей Филиппа II, Александра Македонского и Лисимаха [416, с.36].

Наличие поселений, укрепленных столь сложной оборонительной системой, состоящей из террас, частоколов, каменных стен с башнями, свидетельствует о том, что во II-I вв. до н.э. существовали неприступные поселки. Они были не только военными центрами, но, судя по выявленным на них жилым и хозяйственным комплексам, культовым сооружениям и иному материалу, представляли собой одновременно административные, религиозные и торговые центры, вокруг которых группировалась сельская округа. Подобные поселки, как и в предшествующее время, представляли собой центры мощных племенных объединений.

Селища II-I вв. до н.э. мало чем отличались от селищ предшествующего периода. Они примерно так же варьируют по топографии и занимаемой площади, как и поселения IV-III вв. до н.э. [148, с.43-45]. Сосредотачивались поселки главным образом на берегах рек (карт.6), высоких естественно защищенных мысах или на укромных пологих скатах холмов.

На укрепленных и неукрепленных поселениях, как и в предыдущий период, выявлены наземные жилища и с углубленным в материк основанием (рис.1.3). Наземные дома в большинстве своем глинобитные, однако на некоторых городищах найдены жилища на каменном фундаменте.

Постройки с углубленным в материк основанием, также как и наземные, прямоугольной формы и обогревались глинобитными овальными, реже - четырехугольными, в плане очагами. Котлован жилищ углублялся в материк до 60-67 см. Почти на всех поселениях вокруг жилищ встречаются многочисленные хозяйственные ямы для хранения продуктов. На некоторых поселениях, в частности в Попешть, припасы хранились в специальной камерке размером 5х5 м в больших глиняных пифосах, размещенных в неглубоких ямах [416, с.33, рис.22].

В жилых и хозяйственных комплексах, как и в культурном слое поселений, выявлено значительное количество разнообразного материала, который не только позволяет ознакомиться с материальной культурой и основными занятиями северофракийских племен гетов и даков, но и служит серьезным подспорьем в решении других аспектов их истории.

В отличие от поселений могильники II-I вв. до н.э. менее известны. К тому же их изучение сопряжено с определенными трудностями. В северной и центральной части Днестро-Карпатских земель, а также во внутрикарпатских областях пока не обнаружены могильники, содержащие только гетские или дакийские захоронения, а на известных могильниках нелегко отличить северофракийские погребения от бас-тарских и кельтских. Так, например, на могильнике Чумешть открыты

35 погребений, из которых 6 – с труположением, остальные 29 – с трупосожжением. Такое соотношение характерно для северофракийских могильников. Захоронения с трупосожжением совершены в урнах и без урн. Из 7 урновых захоронений 3 совершены в сосудах местного изготовления, остальные 4 – в кельтских горшках. Исходя из этого, одни исследователи относят к дакам только те захоронения, урны которых представлены местными лепными сосудами, другие считают, что к местным дакийским племенам относятся все урновые погребения [36I, с.23].

Анализ материалов, выявленных в ходе исследований могильников П-I вв. до н.э., показывает, что их топография в целом не отличается от предшествующих. Более того, некоторые могильники, подобные Зимнице, функционировали непрерывно с IV в. до н.э. по I в. до н.э. включительно [197, с.52].

Как и в IV-III вв. до н.э., во П-I вв. до н.э. встречаются курганные и бескурганные могильники. Курганная насыпь сооружалась из грунта без применения других строительных материалов: камня, щебня, ила и др. Отсутствует применяемый в насыпи курганов предшествующего периода каменный панцирь. Могильные ямы, как правило, цилиндрические или прямоугольные. Исключение составляет только могильник Истрия, где погребальные ямы имеют корытообразную форму [36I, с.27]. Пока не известна ни одна могильная яма, отделанная камнем или деревом, как в курганных могильниках IV-III вв. до н.э.

Как и раньше, на могильниках П-I вв. до н.э. практиковался обряд ритуализм с преобладанием обряда трупосожжения. Захоронения с трупосожжением, как и в IV-III вв. до н.э., совершались в простых земляных ямах и в урнах. Безурновые погребения встречаются как в грунтовых, так и в курганных могильниках. Они бывают безынвентарные и с инвентарем в виде оружия, сосудов с жертвенной пищей, украшений и пр. Урновые захоронения бывают с крышками и без крышек. Преобладают последние. Как и прежде, в качестве урн применялась повседневная керамическая посуда. В качестве сосудов с жертвенной пищей использовались местные лепные и гончарные формы, реже встречаются эллинские амфоры.

На некоторых могильниках П-I вв. до н.э., как, например, на Попешть [416, с.37], Истрии [36I, с.27], кремация усопших совершалась на месте – ритуал, который не был установлен ни на одном могильнике IV-III вв. до н.э.

Анализ могильного ритуала, практиковавшегося как в IV-III вв. до н.э., так и в П-I вв. до н.э., показывает, что за отдельным исключением в период IV-I вв. до н.э. местные племена по существу практиковали тот же погребальный обряд.

Среди выявленного на поселениях и могильниках материала преобладают керамические изделия. Керамика с поселений и могильников по способу изготовления разделяется на лепную и гончарную.

Технология изготовления лепной посуды в целом оставалась прежней. В качестве отощающей примеси в тесто чаще всего добавляли шамот. Количество шамота и величина частиц его неодинаковы. В тесте одних сосудов содержится тщательно измельченный шамот, в тесте других он представлен в виде довольно крупных частиц. К первой группе относится так называемая столовая посуда, ко второй – кухонная.

Лепные сосуды первой группы изготавливались из хорошо отмученной глины с примесями мелкоотделенного шамота или песка, а чаще всего без видимых примесей. Как правило, сосуды имеют лощеную поверхность черного или серого цвета. Среди керамических форм этой группы выделяются одноручные кувшины с высоким горлом, покатыми плечиками и наибольшим диаметром тулова в нижней его части (рис.3.26); одноручные кувшины с невысоким цилиндрическим, иногда переходящим в раструб горлом и округлобким туловом (рис.3.30) и пр., известные по целым экземплярам или их фрагментам, обнаруженным на поселениях Пояна [25I, с.122, рис.49(1)], Чиолэнештий дин Дял [25I, с.123, рис.50 (4,6)], Бытка Доамней [235, с.246, рис.19(4)] в Днестровско-Карпатских землях, на Четэцень [40I, табл. XXVI, 3-5], Попешть [25I, с.122, рис.48(1)] Зимнича [197, с.26, рис.78], Владичаске [398, с.102, рис.10(6)] – в Карпато-Балканском районе, а также на Сигишоаре [25I, табл. LIX, 1], Печике [25I, табл. LIX, 2], Пятра Крайвий [25I, табл. LXV, 7] и др. во Внутрикарпатских областях. Изучение всего ассортимента столовой посуды позволило установить, что между лепной лощеной керамикой и серой гончарной существует определенная взаимосвязь. Уменьшение количества лепной посуды прямо пропорционально увеличению производства серых гончарных форм керамики.

Кухонная посуда представлена в основном большими сосудами, предназначенными для хранения припасов. Это горшки с высоким расширяющимся к устью горлом, покатыми плечиками и наибольшим расширением тулова в нижней части (рис.2.54), известные по находкам в Бранештах [12I, с.92, рис.31,8], Бытка Доамней [288, рис.30], Зимниче [197, с.75, рис.21(9)], Родовану [40I, с.64, табл. XIII, 5], Владичаске [398, с.109, рис.15(1,3)], Костешть [25I, табл. CLVI, 1] и др. Горшки с низким расширяющимся к устью горлом, покатыми плечиками и наибольшим диаметром тулова в средней части (рис.2.52,53) обнаружены на большинстве исследованных памятников. Они хорошо документированы на поселениях Днестровско-Карпатских земель по находкам в Бранештах [12I, с.92, рис.31(10)], Улму [12I, с.94, рис.33(12)], Козля [288, рис. 37,38], Бытка Доамней [288, рис.37] в Карпато-Балканском рай-

оне, по целым экземплярам из Попешть [416, рис.16], Богаты [401, с.207, табл.ХХІ, 6], Влэдицаски [398, с.109, рис.15(4)] и других мест, а также во Внутрикarpатских областях по находкам в Печике [251, табл. XXXIII, 4], Сфынтул Георге [251, табл. XXXIII, 3] и пр. Сосуды баночной формы, орнаментированные налeпным валиком с вдавлениями (рис.2.49-50), целыми или во фрагментах выявлены на большинстве исследованных памятников II-I вв. до н.э. как во Внутрикarpатской дуге, так и за ее пределами. Частой находкой на поселениях являются горшки больших и средних размеров без выделенного горла и с сужающимися кверху устьем (рис.2.47-48). Широко распространены в это время одноручные кружки с едва возвышающейся над венчиком ручкой и округлобoким туловом (рис.3.41, 42). Целые или во фрагментах они обнаружены на городищах Бытка Доамней [235, с.246, рис.18(6, 9)], Поляна [251, с.177, рис.92(2)], Зимнич [197, с.79, рис.25(1-4)], Влэдицаска [398, с.107, рис.13(2, 3)], Сигишоара, Дальник [251, табл. СLXII, 4-8, 3] и др. Одноручные или двуручные, а иногда и без ручек, так называемые дакийские чаши найдены во всех без исключения районах рассматриваемого региона. Они обнаружены в Лукашевке [184, с.310, табл. 4 (5, 6)] (рис.3.45-47), Бытка Доамней [235, рис.20 (8, 9)], Калу-Нямц [288, рис.43], Четэцень [416, рис.37-38], Родовану и Гиздару [401, с.208, табл. XXIV(5, 6)], Влэдицаске [398, с.108, рис. 14 (9-12)], Солотвино (рис. 61.4-6), Пятра-Краивий [311, рис.5(2)], Костешть [251, табл. СXLV, 1, 3], Печике [251, табл. СXLV, 2] и др.

Гончарная посуда изготовлялась из тщательно отмученной глины почти без видимых примесей. Обжиг был полный и равномерный. Судя по тому, что гончарная посуда известна почти на всех памятниках II-I вв. до н.э., а на некоторых из них в довольно большом количестве, можно заключить, что в этот период начинается массовое производство гончарной посуды. В целом гончарная посуда изготовлялась по традиционным лепным образцам.

Изучение ассортимента посуды II-I вв. до н.э. показывает, что основные керамические изделия повторяют формы, широко известные в IY-III вв. до н.э. (рис.2 и 3). Однако, если в предшествующем периоде эти керамические формы были характерны главным образом для северофракийских памятников, расположенных на территории между Днестром и Балканами, Карпатами и Черным морем, то во II-I вв. до н.э. они распространяются и на памятниках Внутрикarpатских областей. В этот период ассортимент глиняной посуды в основном становится общим для памятников всего рассматриваемого региона от Днестра до Балкан и от Тисы до Черного моря. Естественно, это не исключает некоторых территориальных особенностей. Однако сходство керамических форм, выявленных на памятниках, расположенных вне и внутри

Карпатских областей, значительно заметнее, чем в IV—III вв. до н.э. Оно охватывает почти все наиболее распространенные в быту формы посуды. Особенно это характерно для памятников конца II—I в. до н.э.

Общность, наблюдаемая в ассортименте посуды, стала проявляться и в других аспектах материальной культуры.

На поселениях и могильниках найдено значительное количество металлических изделий, среди которых выделяются украшения. Это прежде всего фибулы, изготовленные из серебра, бронзы, а иногда и железа. В рассматриваемое время широкое распространение получил духцовский тип фибул. Как правило, такие фибулы имеют пружину с двумя-четырьмя витками и изогнутую продолговатую или полукруглую спинку с длинной пяткой, направленной к верхушке спинки. Иногда конец ножки фибулы прижат к спинке и завязан в два-три витка. Отдельные фибулы на пятке или на спинке имеют по одному, два или три шарика. Подобные формы обнаружены на поселениях Рудь [121, с. 95, рис. 34(1)], Поляна [401, с. 148], Попешть [415, с. 329, рис. 6(2)], Лукашевка II [184, с. 43, рис. 5], могильниках Сипотены [121, с. 95, рис. 34(3)], Лукашевка [121, рис. 34(2)], а также на памятниках Внутривосточных областей Апахида, Балса и др. [401, с. 148]. Наряду с духцовскими встречаются фибулы с щитком и так называемые дакийские фибулы. Оба эти типа характерны для всего рассматриваемого региона.

Из украшений следует отметить браслеты, которые, как и раньше, бывают с сомкнутыми или не сомкнутыми концами, из одного или нескольких витков.

Общность, проявляющаяся в сооружении городищ, системе фортификационных укреплений, способе строительства и планировки жилых и хозяйственных комплексов, в основных лепных и гончарных формах посуды, выявленных на памятниках, которые расположены в различных областях рассматриваемого региона, свидетельствует о том, что в данное время шел процесс единения материальной культуры на территории от Днестра до Балкан и от Тисы до Черного моря. Этому содействовал и одинаковый уровень экономического и общественно-политического развития, которого достигли ко II в. до н.э. обе группы северофракийских племен: геты и даки. Все это привело к тому, что к концу II — началу I в. до н.э. особых отличий в материальной культуре гетов из равнинных областей и даков с Карпатской дуги не наблюдалось. В связи с этим представляется, что с данного времени на указанной территории можно говорить о существовании единого гето-дакийского общества.

Во II—I вв. до н.э. гето-дакийское общество достигло относительно высокого уровня развития.

Известное еще с предшествующего периода **железоплавильное** и кузнечное дело [148, с. 89–90] во II–I вв. до н.э. заметно **развилось**. Подтверждением этому являются обнаруженные в ходе археологических изысканий остатки разрушенных горнов для выплавки железа или детали от них, остатки обогатительных печей, мастерских, а также набор кузнечных инструментов.

Остатки сыродутых горнов выявлены в ходе раскопов на поселениях Пояна, Ботошань [314, с. 43], Брагадиру [402, с. 389–393], Кирнодзь [401, с. 90–92], Тейю [314, с. 43], Чирешу [364, с. 46–47], Томешень, Шеркая, Добошень [285, с. 23–24] и в других местах. Всего к настоящему времени исследованы остатки около 25 горнов, обнаруженных на 10 гето-дакийских поселениях [285, с. 23–27]. Данные поселения представляли собой крупные центры по выплавке и обработке железа. В этой связи достаточно отметить, что только в Чирешу обнаружены остатки 14 горнов [364, с. 46–47]. Многие из упомянутых поселений, в частности Пояна, Чирешу, Томешень, как центры по выплавке и обработке железа известны еще с IV–III вв. до н.э.

Среди исследованных плавильных печей лучше сохранились те, что обнаружены в Брагадиру, Добошень и Шеркая.

Горн из Брагадиру был сооружен на древней дневной поверхности, на специально выровненной площадке. Стены сложены из огнеупорной глины. Сам горн в виде усеченного конуса сохранился на высоту 150–160 см (рис. 33.2). Диаметр пода горна 50 см при толщине 50 см. На поде сохранился толстый слой из кусков железного шлака и древесного угля. Среди кусков в слое найдены фрагмент глиняного сопла (рис. 28.1) и незначительное количество керамики, которая дала возможность автору раскопов определить хронологический диапазон функционирования горна в пределах II–I вв. до н.э. [402, с. 389–393].

Исследование найденных в Добошень остатков двух горнов позволило установить, что оба они были сооружены на склоне холма, поэтому нижняя часть вкопана в землю. Оба горна усеченно-конической формы с круглым подом. Высота сохранившейся части горнов 60–100 см, диаметр подов 80–90 см. Вблизи каждого горна обнаружены детали от системы нагнетания воздуха. На поде горнов и возле них найдены многочисленные куски железного шлака, древесный уголь, известняк, каменные дробилки для измельчения руды, куски железной руды, фрагменты керамики и др. [285, с. 23–27].

Остальные горны, судя по сохранившимся остаткам и деталям от них, были примерно таких же размеров. На некоторых памятниках найдены железные крицы, куски железного шлака и железной руды, фрагменты глиняных сопел и др.

О широком развитии обработки железа свидетельствуют наборы кузнечных инструментов, в частности наковальни, молоты, различного рода клещи (рис.28.2), а также многочисленные орудия труда (рис.28.3-5), оружие и иные изделия. На некоторых поселениях обнаружены следы мастерских, напоминающие те, что бытовали в IУ-Ш вв. до н.э.

Если выплавка и обработка железа, изготовление железных изделий достигли относительно высокого уровня развития, то обработка цветных металлов в отличие от предшествующего периода не получила столь широкого распространения. Хотя в целом, как уже было указано, из бронзы, серебра, реже золота продолжалось изготовление украшений, предметов торевтики, известных, в частности, по находкам из клада Синкрень и др.

В этот период шире стал применяться гончарный круг, что привело к появлению новых керамических форм и к большему распространению гончарной керамики на территории всего рассматриваемого региона, хотя на поселениях по-прежнему господствовала лепная посуда.

Основным занятием гетов II-I вв. до н.э., как и раньше, оставалось земледелие и разведение скота. В это время происходило дальнейшее усовершенствование земледельческих орудий.

Земледельческие орудия, и в частности пахотные, характерные только для фракийского мира [240, с. II 7] и отличающиеся от кельтских и римских, нашли более широкое применение, чем в предшествующее время. Металлические их части (рис.28.3) известны на ряде таких поселений, как Пояна, Браду, Бытка Доамней, Рэкэтэу [385, с. III-130], Попешть, Градиштя Мунчелулуй [381, с. 33, рис. I-3, 7] и др. Из железа изготавливались топоры с узким обухом (рис.28.4) — орудие подсечного земледелия. Для разрыхления почвы геты и даки широко пользовались железными мотыгами, обнаруженными на ряде поселений [389, с. 150].

Основными орудиями жатвы наряду с серпами становятся в это время железные косы. Длинные загнутые серпы с зубчатым лезвием, с крючком и заклепкой на державке известны на поселениях Браду, Лозна-Дерска, Вотомана, а также вкладах земледельческих орудий [389, с. 151].

Помол зерна совершался каменными зернотерками различных форм и ранее неизвестными круглыми жерновами; целые экземпляры или детали жерновов обнаружены на поселениях Бытка Доамней [288, рис. 7], Пояна [389, с. 151-152, рис. I(9)], Попешть [416, рис. 12], Брагадиру [401, табл. VII, 3], Рэкэтэу [238, с. 96] и др. (рис.28.6).

В этот период появляются клады, содержащие различные сельскохозяйственные орудия, которые найдены на поселениях Лозна-Дерска [390, с. 123-131], Ончень [389, с. 148-150] и др. Это свидетельствует

о широком применении и интенсивном изготовлении сельскохозяйственного инвентаря. На высокую производительность гето-дакийских сельскохозяйственных орудий, и в частности пахотных, указывает то обстоятельство, что последние долгое время, вплоть до первых веков нашей эры, не были вытеснены ни кельтскими, ни даже римскими плугами, которыми пользовалась почти вся Западная Европа.

Из других орудий труда следует отметить кривые железные ножи для обработки винограда (рис.28.5), которые обнаружены на большинстве исследованных поселений.

Как и раньше, гето-даки отдавали предпочтение зерновым культурам, а затем виноградарству и техническим культурам.

В рассматриваемое время, судя по археологическим данным, как и в IV-III вв. до н.э., особое место в хозяйстве занимало разведение в основном традиционных видов крупного и мелкого рогатого скота. Скот имел многоцелевое значение. Он давал, во-первых, мясные и молочные продукты; во-вторых, шкуры и шерсть - сырье для изготовления одежды и обуви, в-третьих, он являлся одним из основных товаров на экспорт, в-четвертых, крупный рогатый скот широко применялся как тягловая сила в хозяйстве при обработке почвы, перевозке грузов и пр.

Разводили геты и даки также лошадей и свиней. Особое место в хозяйстве занимало выращивание домашней птицы, кости которых часто встречаются как на поселениях, так и в захоронениях, куда птичье мясо клали в качестве жертвенной пищи.

Во II-I вв. до н.э. расширяются торговые отношения с внешним миром, притом расширяется круг торговых партнеров.

Анализ импорта, обнаруженного на северофракийских памятниках, выполненный И.Глодару, позволяет выявить весьма интересную картину. Как уже было отмечено, в IV-III вв. до н.э. предметы импорта поступали главным образом из припонтийских городов и, видимо, из-за естественного препятствия, каким являлись Карпаты, не проникали в районы Карпатской дуги. Это положение по существу осталось неизменным и во II-I вв. до н.э. Так, например, в ходе археологических изысканий на 110 памятниках обнаружено свыше 1010 амфор из различных эллинистических центров, большая часть которых относится к рассматриваемому периоду. Только пять поселений с такими находками расположены в Карпатской котловине [283, с.46]. Амфоры, представляющие собой тару для вина и различных масел - основного греческого экспорта, при перевозке через Карпаты часто разбивались. В связи с этим вино и масла стали разливать в металлические емкости или чаще всего в бурдюки. Видимо, перевозка через Карпаты была затруднена и для таких товаров, как парадная посуда, распространение которой на территории областей, расположенных вне Карпат, в пять раз больше, чем Карпатской дуги [283, с.51].

Другое положение сложилось в отношении товаров, поступающих из италийских и средиземноморских центров, а также из эгейских греческих городов, попавших под римское владычество.

Так, например, стеклянные предметы конца II в. до н.э., изготовленные в италийских средиземноморских или эгейских центрах, распространяются поровну как внутри, так и вне Карпат, а бронзовые изделия преобладают во Внутрикарпатских областях.

То же самое наблюдается и в отношении монет. Из 3000 македонских и фессосских тетрадрахм 1800 выявлены в Карпатской котловине. Примерное соотношение наблюдается и в географическом распространении римских монет [283, с. 54-55].

Таким образом, изучение привозного материала позволяет установить, что в рассматриваемое время, особенно с конца II в. до н.э., в торговле местных племен с эллинскими припонтийскими городами наблюдается спад, зато идет усиленное проникновение товаров из италийских и средиземноморских центров, которые первоначально распространяются на территории Внутрикарпатских областей, а затем и за Карпатами.

Все это привело к ломке существующих барьеров, установлению тесных торговых контактов между двумя северофракийскими группами племен гетов и даков и уничтожению изоляции от внешнего мира последних с одновременным ускорением их экономического и социально-политического развития. Дакийские племена вышли из естественных границ — Карпатских гор, а геты с равнины все чаще стали переходить Карпаты, укрываясь под их защитой.

Особое развитие в это время получило денежное обращение. Начиная примерно с середины II в. до н.э. в монетном деле северофракийских племен гетов и даков появляются некоторые изменения. Согласно указаниям К.Преда, с этого периода начинается второй основной и завершающий этап в развитии чеканки подражаний грекомакедонским монетам [359, с. 424].

Изучение единичных монет и кладов, топографизация и картографирование установленных типов позволили определить территорию распространения основной массы монет каждого типа.

Прежде всего в центральной части Карпато-Балканских земель, где распространялись монеты типа Вуртежу-Букурешть, представлено свыше 40 местонахождений: 16 кладов и 24 единичные находки. Монеты типа Вуртежу-Букурешть представляют собой поздние подражания македонским тетрадрахмам Филиппа II, которые чеканились не непосредственно по оригиналам [359, с. 229-242, рис. 17].

Другой тип имитаций греко-македонских монет, так называемый Думбрэвень-Инотешть, распространялся главным образом в северной час-

ти Карпато-Дунайского района и южной части Карпато-Прутских земель, сосредоточиваясь в пределах Сирето-Буззуского междуречья. Чеканились они по образцам монет типа Биртежу-Букурешть, только с некоторыми изменениями [359, с. 247-248, рис. 15].

На территории, расположенной между Карпатами, Олтом и Дунаем, распространялся тип имитаций греко-македонских монет, известный под названием Аниноаса-Добрешть. Монеты этого типа представляли поздние подражания тетрадрахмам Филиппа II: на аверсе с изображением стилизованной головы Зевса в профиль, обращенный вправо, а на реверсе — всадника, также повернутого вправо [359, с. 274-288, рис. 19].

Во Внутрикarpатских областях наибольшее распространение получили монеты типа Радулешть-Петеля-Керелуш, хотя известны и другие виды варварских подражаний. Все они стилистически связаны между собой, поскольку в основе их лежат одни и те же прототипы. Вместе с тем в деталях они различаются. Это позволило некоторым исследователям прийти к выводу, согласно которому каждый тип монет чеканился отдельной племенной организацией. Исходя из этого К. Преда попытался связать основные типы варварских подражаний греко-македонским монетам с отдельными племенами, упомянутыми Клавдием Птоломеем в пределах рассматриваемого региона, и тем самым скорректировать предложенную Б. Пырваном их локализацию. Несмотря на то, что здесь много спорного, картина, полученная нами в результате картографирования памятников II-I вв. до н.э., согласуется с выводами К. Преда. Как видно из карт. 6, основная масса памятников сосредоточена в южной части Восточных Карпат, вдоль Буззу и Прута; между Карпатами и отрогами Балканских гор; на территории, расположенной между Карпатами, Олтом и Дунаем, то есть там, где отмечена концентрация основных типов монет: Думбрэвень-Инотешть, Биртежу-Букурешть и Аниноаса-Добрешть.

В северной и центральной части Днестровско-Карпатских земель в конце II — начале I в. до н.э. обращение монет полностью прекращается и начинается безмонетный период [157, с. 168].

В районах Внутрикarpатской дуги, где еще ощущалось кельтское влияние (карт. 6) и процесс консолидации местных дакийских племен в крупные племенные объединения полностью не завершился, типов эмиссий монет было значительно больше, соответствуя, видимо, количеству существующих племен.

Однако со временем в чеканке варварских подражаний наблюдается спад. В связи со вторжением римлян на Балканы на территорию северофракийских племен гетов и даков стали проникать римские республиканские динарии. Это привело к появлению ряда подражаний, подтверждением этому являются штампы и матрицы для их чеканки, обнаруженные на городище Тилишка [311, с. 41, рис. 20] и в других местах.

§ 3. Социальные и политические отношения гето-даков

Все изменения, происходившие в экономике гетских и дакийских племен, привели к ускорению их социально-политического развития, которое в свою очередь привело к углублению стратификации гето-дакийского общества. Античные источники отмечают образовавшиеся сословия у гетов и даков. Еще Геродот, а на рубеже нашей эры Страбон отмечали наличие у них родовой знати [4, IV, 95; 6, VII, 3, 5]. В дальнейшем знать выделяется как обособленное сословие. Иордан указывал, что Дион Хризостом в своей "Истории гетов" писал, что наиболее родовитые и знатные геты первоначально назывались тарабостами, а затем пиллятами. Из их среды выбирались базилевсы и жрецы [27, 70]. Они носили на голове войлочные шапочки как признак знатности. Видимо, тарабосты-пилляты составляли высшую знать. Наряду с пиллятами в античных источниках упоминаются и капилляты, или коматы (длинноволосые), которые составляли остальной народ [27, 12; 15, XVIII, 9, 1]. Тарабосты-пилляты представляли собой высшую родовую знать, находившуюся на службе базилевса, из среды которой он сам избирался. Отдельных представителей из числа наиболее способных и состоятельных пиллят базилевс и верховный жрец назначали на высшие культовые должности, имевшиеся в религиозной иерархии гетов и даков, создав тем самым жреческую касту [27, 71]. Основная часть пиллятов служила в армии, составляя ее командный состав.

"Остальной народ - коматы" не были однородны по своему социальному положению. В их состав входила большая часть юридически свободных гетов и даков: земледельцы, ремесленники, пастухи, торговцы и другие слои населения, среди которого были и бедные, и богатые. Из наиболее состоятельных коматов назначались низшие чины жреческой касты, иногда наиболее способные привлекались на дипломатическую службу и пр. [15, XVIII, 9, 1]. Коматы составляли и основную часть армии. Среди коматов была бедная прослойка, которая работала на землях или в мастерских пиллятов или состоятельных коматов. Эта прослойка и была самой многочисленной в гето-дакийском обществе.

Существование прослойки зависимого населения - рабов нашло отклик в античной литературной традиции [11, I, 8]. Однако, судя по тому, что большая часть рабов поставлялась на внешний рынок [39, IV, 38, 1], а богатые захоронения с человеческими жертвоприношениями встречаются крайне редко, то речь может идти только о распространении домашнего патриархального рабства.

В политическом отношении во II-I вв. до н.э. у гетов и даков продолжали существовать такие же племенные объединения, как и в

предшествующее время. Обнаруженный в ходе археологических изысканий в г.Истрия декрет в честь Агафокла – сына Антифила, относящийся ко II в. до н.э., отмечает в этом районе мощный гетский племенной союз во главе с Ремаксом [261, с.51–52; 263, с.445–446; 305, с.180–217; 348, с.94–98; 367, с.131–136]. Анализ источника позволяет установить, что его резиденция находилась по левому берегу нижнего Дуная, а земли между Карпатами, Дунаем и Днестром составляли основные территории базилиев [109, с.36–55; 399, с.277, рис.1]. Греческим послан, чтобы добраться до Ремакса, надо было преодолеть много трудностей в пути и перейти р.Истр. Под покровительством этого базилиевса, как указывается в декрете, находилась Истрия со своей хорой, равно как и другие города, в том числе и Тира.

Между Ремаксом и Истрией существовал договор, согласно которому город ежегодно платил гетскому вождю фторос, за что последний обязывался обеспечить мир городу и земледельческой округе, чтобы жители могли спокойно и без потерь убирать весь урожай. Однако, несмотря на это, отряд "фракийских разбойников" во главе с Золтом проник в область расположения городской округи, осадил Бизону и стал разорять окрестности, одновременно угрожая уничтожить урожай и напасть на город. Тогда истриане, избрав Агафокла послом, направили его к Ремаксу за помощью. В результате отряд из 600 гетских воадников, посланный сыном базилиевса – Фрадменом, разбил фракийцев Золта и обеспечил городу мир и спокойствие.

В нарративных источниках содержатся сведения еще об одной гетской племенной организации. В приведенном уже отрывке из "Истории Филиппа" Трога Помпея в Юстиновском сокращении, в котором указывается на упорное сопротивление местных племен вторгшимся в северную и центральную часть Днестровско-Карпатских земель бастарнам, упоминается о династе Ороле, который наложил унижительное наказание на своих соплеменников-воинов за то, что они отступили с поля боя перед неприятелями-бастарнами [54, XXXII, 3, 16].

Анализируя свидетельство Трога Помпея, почти все исследователи едины в том, что нашествие бастарнов и война местных племен с пришельцами, о которых идет речь в сообщении Помпея, имели место где-то к 200 г. до н.э. Вопрос же о том, какие территории были подвластны Оролу, вызывает большие споры.

Часть исследователей считает, что Орол правил над гетскими племенами, занимающими северо-западную часть Центральной Молдавской возвышенности, где они и столкнулись с бастарнами. Другие авторы выступают против такой локализации. Исходя из первых предложений упомянутого уже свидетельства, содержащегося в 32 книге "Филиппики" Трога Помпея в Юстиновском сокращении о том, что "даки представля-

ют молодую ветвь гетов. Во времена Орола они неудачно воевали против бастарнов" [54, XXXII, 3, 16], они приходят к выводу, что Орол был дакийским "царем" и правил во II в. до н.э. над даками из восточных областей Внутрикарпатской дуги, а возможно и отдельными северо-западными районами Днестровско-Карпатских земель.

Вывод о том, что Орол был басилевсом дакийцев из восточных областей Трансильвании, не подтверждается соответствующими материалами. Судя по всему, при локализации территории, принадлежащей Оролу, и подвластных ему племен в восточных областях Карпатской дуги, авторы исходят из того, что в "Филиппике" Помпея - Юстина впервые упоминаются племена даков. А поскольку "даки, - как свидетельствует автор II в. до н.э. Флор, - к горам привязаны" [26, II, 28, 18], то, следовательно, в источнике речь может идти только о даках из восточных районов Трансильвании, которые могли столкнуться с бастарнами.

Все эти рассуждения довольно интересны, однако они недостаточно убедительны. Если бы Орол правил даками Карпатской дуги, то война, о которой сообщает Помпей-Юстин, могла быть только вследствие вторжения бастарнов через Карпаты. Однако следы пребывания бастарнов в Карпатской котловине не обнаружены. До сих пор в этом районе не известны памятники поянештско-лукашевского типа или иного облика, содержащие бастарнский материал. Картографирование памятников IV-III и II-I вв. до н.э. [151, карты] (карт. 3 и 6) показывает, что в западной и центральной части Днестровско-Карпатских земель памятники IV-III вв. до н.э. при приближении к горам становятся все реже, а между Сиретом и Карпатами они единичны. В восточной части Карпатской дуги их просто нет. Аналогичная картина наблюдается и во II-I вв. до н.э. Следовательно, ни о каких племенных объединениях в этих областях не может идти и речи.

То, что в "Филиппике" гетские племена, над которыми правил Орол, названы дакийскими, объясняется, видимо, тем, что начиная с I в. до н.э. и особенно в I-II вв. н.э., когда даки представляли большую опасность для восточных провинций Римской империи, они стали чаще упоминаться в различных реляциях государственных чиновников и трудах латинских писателей. Именно поэтому этноним "дак" заменяет раннее название "гет". Термин "дак" в это время становится собирательным. Под даками римляне подразумевали и другие родственные, а порой и не родственные племена, проживавшие к северу от Дуная. Орол правил во II в. до н.э. над гетами, заселявшими северные районы центральной части Днестровско-Карпатских земель. Это согласуется с нумизматическими данными. Именно в этой области распространились гетские монеты, представляющие собою имитации македонских

тетрадрахм Филиппа II [359, с. III-III; 157, с. 164-168, рис. I], выпускаемых, по всей видимости, этим бацилевсом.

Аналогичные союзы племен были и в других районах рассматриваемой территории, однако они не нашли отражения в античных свидетельствах. Одна из таких политических организаций выявлена в южной части Молдовы. Как уже было указано, в районе нижнего Сирета во второй половине II – первой четверти I в. до н.э. имели хождение монеты особого типа, представляющие местные имитации македонских тетрадрахм. Ареал этих монет довольно обширен, он охватывал территорию от подножия Карпат до впадения Сирета в Дунай. Следовательно, они могли быть чеканены только мощным племенным союзом, способным управлять многочисленными племенами, обитавшими в пределах этих областей в конце II – первой четверти I в. до н.э. [359, с. 268, 427, рис. II, 25]. Племенные объединения северных фракийцев распадались, появлялись новые. Самым крупным и мощным из них являлось объединение под предводительством Буребисты. Литературные и эпиграфические источники сообщают интересные сведения о гетском бацилевсе Буребисте [6, УП, 3, 5; УП, 3, II, 27, 6], который в I в. до н.э. "стал первым и величайшим из царей фракийских" [58, I, № 246].

В современной науке все еще остаются дискуссионными вопросы о месте расселения племен, над которыми правил до своего возвышения Буребиста, о характере общественного и экономического строя созданного им политического объединения. Даже имя этого гетского "царя" источниками передается по-разному: Бойребиста, Буребиста [6, УП, 3, 5; УП, 3, II; 58, I, 246], Бурабейста [58, I, 246], Буруиста [27, 67].

Ввиду того, что имя гетского бацилевса в источниках встречается как Буребиста дважды, то большинство исследователей называют его этим именем [420, с. 40].

Мнения исследователей расходятся и в определении этнического состава объединения, возглавленного Буребистой. Одни авторы считают, что к концу II – началу I в. до н.э. центр политической и военной мощи северных фракийцев переместился с востока на запад, от гетов к дакам в Трансильванию [313, с. 41-45].

Это подтверждается и тем, что, во-первых, наиболее ранние походы Буребисты были предприняты против боев и таверисков [6, УП, 3, II] – кельтских племен, передвинувшихся к 80-м гг. до н.э. из Богемии в Словакию и заселивших ее южные районы. Буребиста в начале своей завоевательной политики не обладал достаточной политической и военной силой, чтобы без риска совершать далекие военные походы, поэтому он стал нападать на соседние племена. А поскольку ими оказались бои и тавериски из юго-восточной Словакии, то, следовательно, родина Буребисты непременно должна быть в Карпатской котловине, а сам он

правил над даками в современной Трансильвании [26I, с. 56-59; 303, с. 282-295].

Во-вторых, в этой зоне, в горах Орэштий, известны многочисленные городища, служившие превосходной основой для создания мощной политической организации, каким было "царство" Буребисты [265, с. 16], образование которого было подготовлено всем предшествующим развитием дакийского общества.

Приведенные аргументы мало что дают для определения принадлежности Буребисты к конкретным племенам и места расположения его "царства".

До того, как Буребиста решился воевать с иноземными племенами, в частности с боями и таврисками, он присоединил к своему "царству" ближайшие союзы гетских племен, а затем и дакийцев из Трансильвании. Городища из гор Орэштии, как показывают археологические материалы, были основаны на протяжении II в. до н.э., а многие из них в I в. до н.э. [3II, с. 2I-43]. Расцвет их совпадает с периодом правления Буребисты [254, с. 125-217].

Следовательно, говорить о наличии каких-либо предпосылок создания крупных политических организаций уже в IY-III вв. до н.э. и о перемещении центра с востока внутрь Карпатской дуги в начале II в. до н.э. нет никаких оснований [209, с. 217-244].

Другие исследователи склонны думать, что племенной союз Буребисты находился в Мунтении. Ведь источники называют его "царем" гетов [6, VII, 315] или просто "гетским мужем Бойребистой", а его столица Аргедава находилась, как вытекает из декрета в честь Акорниона из Дионисополя [58, I, № 246], недалеко от припонтийской зоны, близ Дуная. А такой район может быть только в Мунтении, где известны многочисленные гетские памятники, в том числе и хорошо исследованное городище Попешть на Арджеше, которое следует отождествлять с Аргедавой [416, с. 31-38; 417, с. 48; 420, с. 49-61].

В последнее время была выдвинута гипотеза, согласно которой город, куда направилось посольство из Дионисополя во главе с Акорнионом, назывался не Аргедава, а Заргедава, поскольку перед "А" в надписи имеются две хасты, расположенные как в букве "Σ" [289, с. 63].

В своей "Географии" автор II в. до н.э. Клавдий Птоломей упоминает город Заргидаву, который находился "в глубине страны" близ реки Гиерас (Сирет. - И.Н.), рядом с Тамасидавой и Пироборидавой [45, III, 10, 8].

Сопоставление археологических материалов, выявленных на гетских поселениях южной Молдовы, с данными письменных источников привело исследователей к выводу о возможности отождествления Пироборидавы с городищем Пояна, что на Сирете [411, с. 237-276; 419, с. 121-123].

Заргидавы с городищем Браду [42I, с. I7I-I77], а Тамасидавы с Рэкэтэу [238, с. I3-I0I], расцвет которых совпадает со временем правления Буребисты - I в. до н.э.

Видимо, Птолемея Заргидава и Заргедава, куда направлялся с посольством Акорион, - один и тот же город [254, с. II3; 289, с. 63].

Над какими гетскими территориями первоначально правил Буребиста на основе современного уровня знаний установить с достоверностью очень трудно.

Вместе с тем, как было указано, большинство политических организаций гетов во главе с Дромихетом, Залмогедиком, Ремаксом, а возможно и другими правителями, не нашедшими отражения в письменных источниках, находились в южных районах Днестровско-Карпатских земель.

Археологические данные полностью согласуются со свидетельствами античных авторов. Начиная с IV в. до н.э. Днестровско-Карпатские земли представляли собой наиболее густо заселенные территории гетского мира. Плотность известных на ней поселений в IV-III вв. до н.э. по отношению к сопредельным областям составляла пропорцию почти 2:1. Однако картографирование памятников II-I вв. до н.э. показывает, что начиная с II в. до н.э., с приходом бастарнов, они большей частью сконцентрировались к юго-востоку от подножия Карпат. Это подтверждается появлением ряда новых гетских поселений, в том числе городищ Барбошь, Игешть, Лупешть, Бырлэлешть, Браду, Рэкэтэу и др. (карт.6).

Благодаря своему географическому положению, плодородным землям, обилию богатых пастбищ и близости к эллинским припонтийским полисам - надежному рынку сбыта сельскохозяйственной и животноводческой продукции, племена этих областей достигли более высокого уровня экономического и социального развития. Видимо, главой одного из этих племенных союзов в первой половине I в. до н.э. был Буребиста.

Опираясь на мощь своего племенного союза, Буребиста главным образом мечом и огнем, а где можно было, и дипломатическими приемами сплотил союзническими отношениями соседние гетские племенные объединения, в том числе, по-видимому, и те, что существовали в Днестровско-Карпатских землях, а затем и даков из Карпат. Создав к концу 80-х гг. до н.э. невиданное до тех пор по мощи гето-дакийское политическое объединение - союз союзов племен, Буребиста разгромил на территории современной юго-восточной Словакии кельтские племена боев и таврисков, ликвидировал опасность со стороны кельтов-скордисков, совершил походы против фракийцев, иллирийцев и кельтов на правобережье Дуная [6, УП, 3, II; УП, 5, 2], тем самым обезопасив себя от возможных нападений с севера, запада и юга. Затем

Буребиста начал военные походы на восток против богатых греческих полисов — Ольвии, Тирь, Истрии и других.

Свои походы в Причерноморье геты начали, как вытекает из источников, с разгрома Ольвии примерно в 55 г. до н.э. Археологические исследования установили здесь сильные разрушения и следы пожаров в слоях, относящихся к середине I в. до н.э., что, видимо, являлось результатом опустошительного гетского похода [II5, с. 40], после которого, как сообщает Дион Хрисостом в Борисфенитской речи, пришлось почти заново строить город. Ольвия длительное время не могла полностью возродиться. В I в. н.э. была застроена только лишь южная часть прежней территории города [I7, XXXVI, I]. Аналогичный характер носили гетские нападения на другие греческие города Понта. О судьбе Тирь в ходе этих походов источники ничего не сообщают. Видимо, она пала без сопротивления, чему могли содействовать и многочисленные геты, проживавшие в городе в течение всего эллинистического времени до гетского нападения [I69, с. 53–54]. Город также подвергся разрушению. Сильному разорению подверглась Истрия и ее округа. Из лапидарной надписи в честь Аристагора, сына Апатурия, обнаруженной в городе под развалинами храма, явствует, что с приходом гетов на город обрушилось огромное несчастье: были разрушены городские стены и жилища, а многие горожане угнаны в плен. Археологические раскопки выявили следы больших пожаров и разрушенных жилых и общественных сооружений [349, с. 278]. После нападения варваров жители стали ремонтировать городские стены и выкупать из плена своих сограждан.

Походы Буребисты охватили северное и западное побережья Понта от Ольвии до Аполлонии (ныне Созопол). Разорение и разрушение эллинистических городов гетами так же, как и опустошительные походы против кельтских и других племен, показывают характер этих походов, целью которых был грабёж или получение дани. Геты покидали разгромленный и разграбленный город, чтобы захватить другой. Оставшихся в городе жителей Буребиста облагал данью, которую многие города Западного Причерноморья платили его предшественникам.

Такого рода экспансия, не ставившая своей целью эксплуатацию побежденных, характерна для догосударственных племенных образований.

Буребиста первоначально достиг верховной власти в своем племени, затем над союзом племен, куда оно входило, и лишь потом его власть распространилась над остальными племенами. Буребиста назван "первым и величайшим из царей Фракии". Из этой титулатуры очевидно, что Буребиста являлся лишь первым среди других вождей гетских племен, входивших в состав созданного им политического объединения.

Во II—I вв. до н.э. племенная знать образовала верхушку гетского общества, из среды которой выбирали предводителей племенных объединений — базилевсов (царей), как их называли в те времена греки. Ко времени Буребисты как вожди, так и знать стали претендовать на наследственное закрепление племенных должностей. Видимо, "установленное обычаем избрание их преемников из одних и тех же семейств мало-помалу... переходит в наследственную власть..." [I, с.164].

О характере власти Буребисты свидетельствует то, что он разделил ее с верховным жрецом: "...чтобы удержать народ в повиновении, гетскому царю пришлось обратиться за помощью к жрецу Декеней" [6, УП, 3, II], которого Буребиста наделил почти царской властью [27, 67]. Буребиста совещался со своим верховным жрецом по всем основным вопросам, "видя, что народ повинуетя ему теперь гораздо охотнее, чем прежде, как человеку, который совершает свои поступки согласно совету самих богов" [6, УП, 3, 5]. Именно по "совету Декенея геты опустошили германские земли" [27, 67]. Вместе с тем, согласно этим же источникам, власть Декенея была санкционирована "царем", который, видимо, мог и лишить его этой власти.

Буребисте "удалось возродить свой народ, изнуренный длительными (межплеменными. — И.Н.) войнами, и настолько возвысить его путем упражнений, воздержания и повиновения законам, что за несколько лет он основал великую державу и подчинил гетам большую часть соседних племен" [6, УП, 3, II].

Созданная Буребистой "великая держава" представляла собой прежде всего объединение в одной политической организации всех или большей части гето-дакийских племен. А поскольку к этому времени основная часть гетов и даков была сплочена в племенные союзы, то "держава" Буребисты являлась не чем иным, как объединением союзов племен, подобным конфедерации племенных союзов. Как указывал Ф.Энгельс, "союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре делается необходимым даже и слияние их и тем самым слияние отдельных племенных территорий в одну общую территорию всего народа" [I, с.164], где власть базилевса, опирающаяся на мощную военную силу и жрецкую касту, приобретает неизвестный доселе авторитет [6, УП, 3, 13].

При Буребисте у гетов начался процесс зарождения единоличной власти в борьбе с другими вождями и знатью. Для удержания порядка в этой огромной организации властью "царя" и верховного жреца вводятся новые обычаи, повиноваться которым надлежало всем. Новые "законы" гетов под названием "белегины" действовали вплоть до VI в. н.э. Содержание этих "законов" неизвестно, однако возникновение общегетского «законодательства», возвышавшегося над обычаями отдель-

ных племен, было направлено на подрыв суверенитета племенных вождей и укрепление организации, объединяющей ряд племенных союзов» [94, с. 88]. Согласно этим "законам", внутреннее управление, несомненно, было сконцентрировано в руках "царя", иначе созданная конфедерация племенных союзов не могла бы существовать. В вопросах внешнеполитического характера авторитет Буребисты стоял также над властью отдельных племенных вождей, о чем со всей определенностью свидетельствует надпись в честь Акорниона, посланного Буребистой к Гнею Помпею в 48 г. до н.э. для переговоров от своего имени, представляющего всю "гетскую державу".

Немаловажную роль в создании столь мощной "державы" и осуществлении завоевательной политики играла армия. Во времена Буребисты число воинов достигало 200 тыс. человек, — указывает Страбон [6, УП, 3, 13]. Если даже эта цифра несколько преувеличена, как зачастую бывает у древних авторов, сомнению не подлежит то обстоятельство, что в гетской войне произошли крупные сдвиги. Ранее терпевшие одно поражение за другим, при Буребисте геты и даки стали вести победоносные завоевательные войны [6, УП, 3, 11].

Очевидно, произведенная Буребистой реорганизация войска привела к отмене старых обычаев, когда оно состояло из отдельных военных племенных подразделений во главе с племенными вождями, которые, опираясь на своих соплеменников, всегда стремились к самостоятельным действиям.

Согласно новому порядку подразделения были сведены в единую организацию под руководством басилевса, и вся армия проходила определенную военную подготовку [6, УП, 3, 11].

Укрепление власти Буребисты не могло не вызывать недовольства предводителей союзов племен, входивших в состав его политической организации. Отзвук данной борьбы вокруг "царской" власти нашел отражение в письменных источниках. Страбон, описывая последние дни гетского "царя", сообщает, что "после восстания некоторых мятежников против Буребисты последний был низвержен" [6, УП, 3, 11]. Это позволяет заключить, что в рассматриваемое время у гетов происходил процесс зарождения царской власти, который у большинства народов сопровождался явной или глухой борьбой между жречеством, знатью и военными предводителями [94, с. 87].

Буребиста стал во главе своего племенного союза в конце 80-х гг. I в. до н.э. Как свидетельствуют письменные источники, он назначил Декеней своим советником в год, "когда Сула захватил власть в Риме" [27, 67], то есть в 82 г. до н.э. Был же низложен Буребиста "прежде чем римляне выступили против него походом" [6, УП, 3, 11]. Известно, что в последние годы жизни Цезарь основной задачей восточ-

ной политики Рима считал "поход против гетов, а затем против Парфии" [36, П, 59, 4; 47, УШ, 4], не состоявшийся из-за его убийства 15 марта 44 г. до н.э. Следовательно, судьба Буребисты не могла быть решена раньше 44 г. до н.э., иначе терял смысл поход римлян против гетов, но и не позже 42 г. до н.э., поскольку в битве при Филиппах между триумвирами и заговорщиками во главе с Марком Брутом на стороне последних принимали участие и геты, но уже под предводительством другого бацилеса [47, Д.А. XIII, 4]. Таким образом, Буребиста был предводителем гетов, а затем и даков около 40 лет и лишился власти вскоре после убийства римского диктатора в 44 г. до н.э. [338, с.82; 420, с.52-60].

При Буребисте была предпринята первая попытка превращения крупного племенного объединения в первичную государственность. Однако она натолкнулась на сопротивление племенных вождей, жречества, знати и закончилась неудачей. Гето-дакийское общество, находясь в I в. до н.э. на стадии военной демократии, еще не было полностью готово к созданию государственности, в нем не созрели социальные силы, нуждавшиеся в государственной власти и способные ее создать и поддержать, хотя к этому была направлена тенденция его развития. После смерти Буребисты "держава" распалась на четыре части, составлявшие, по-видимому, ее союзы племен, а на рубеже нашей эры в Карпато-Дунайских землях уже существовало пять [6, VI, 3, II] обособленных племенных объединений.

В этот период римская империя начинает свою экспансию на нижнем Дунае. Отдельные гетские племенные объединения становятся на ее сторону, другие — выступают против. С востока стали учащаться набеги кочевых племен сарматов. Наступление Рима, захват и романизация захваченной части Карпатских земель стали поворотом в судьбах населения обширного региона к северу от нижнего Дуная, в том числе территории к востоку от Карпат, остававшейся за пределами границ империи. Завоевание римскими легионами Карпато-Дунайских земель во многом повлияло на дальнейшее историческое развитие населявших их народов и самых многочисленных среди них — даков и гетов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вопрос о прародине северных фракийцев из-за недостаточности источниковедческой базы остается пока на стадии дискуссии. С достоверностью установлено только то, что в I-м тысячелетии до н.э. северофракийские памятники распространялись на обширном пространстве от Днестра до Балкан и от Тисы до Черного моря. Картографирование выявленных археологических памятников позволяет определить основные области, где было сосредоточено наибольшее число поселений и могильников. Анализ археологического материала показывает, что различия, которые наблюдаются между памятниками этих областей, представляющими отдельные группы племен, были скорее локального, нежели этнического характера. В целом они обладают общими чертами.

Сопоставление письменных источников с археологическими данными позволяет в определенной степени установить, с какими племенами соотносятся некоторые из выявленных групп памятников.

Геродот, касаясь событий конца VI в. до н.э., в частности похода персов на скифов, указывает, что прежде чем перейти реку Истр Дарию Гистаспу пришлось сначала сломить сопротивление гетов — единственных из многочисленного фракийского рода племен, которые решились противостоять персидскому нашествию [4, IV, 93]. Из этого свидетельства вытекает, что уже к 514/512 гг. до н.э. гетские племена, заселявшие территории к северу от Балкан, представляли огромную военную мощь, способную сопротивляться столь грозной силе, какова была персидская держава.

В пределах указанной территории гетские племена упоминаются и в трудах других греческих авторов — современников Геродота, в частности Гелланика [22, Фр. 73], Софокла [50, Фр. 574], Фукидида [55, II, 96, 1].

На возрастающее могущество гетов, проживавших к северу от Дуная в IV в. до н.э., указывают свидетельства Птолемея — сына Лаги, дошедшие до нас посредством Арриана [10, I, 3, I-5, I, 4, I-5].

В периегесе III-II вв. до н.э., приписываемой хиосскому географу Скиму, геты локализованы в **западнопонтийских** областях. Описание

которых дано на основе недошедшего до нас труда хорошо осведомленного каллатийского географа Деметрия [44, Фр.740].

Дион Хризостом, посетивший страну гетов, писал об их опустошительных походах под предводительством Буребисты против соседних припонтйских эллинских городов-государств [17, XII, I; XXXVI, I, 4]. Племена гетов отмечены и в произведениях римских писателей I в. до н.э. Цицерона [13, IX, 103], Диодора Сицилийского [16, I, 94, 2], Вергилия [57, III, 34-35, УШ, 603-605], Горация [24, III, 24, 9-10], Проперция [42, IV, 3, 7-9; IV, 5, 43-44]. У Солюстия - наиболее раннего латинского историка - "дикий гетский род" выступает как один из древнейших в Среднедунайских областях [46, IV, 8]. Известный римский историограф Дион Кассий локализовал в Истро-Понтийской зоне три крупных гетских племенных объединения во главе с Ролом, Дапигом и Зираксом [15, LI, 24, 6-7; 25, I-5; LI, 26, I-6].

Для выяснения мест расселения северных фракийцев особый интерес представляют свидетельства автора рубежа нашей эры Страбона. При создании своего труда известный географ античности широко использовал сведения как более ранних авторов, так и своих современников, а также собственные наблюдения. Поэтому хронологический диапазон его "Географии" довольно широк.

Наиболее ранние сведения о географии гетов в работе Страбона относятся к IV в. до н.э. Касаясь похода Александра Македонского против северных фракийцев в 335 г. до н.э., античный географ указывает, что, "преследуя трибаллов, Александр дошел до Истра. Зная, что земли на той стороне (левом берегу. - И.Н.) реки находились под властью гетов, он вошел и в эти области, хотя из-за отсутствия кораблей ему не удалось взять остров" [6, VII, 3, 8] Певке, где скрывались преследуемые им трибаллы. Из этого свидетельства становится очевидным, что Нижнедунайские области были заселены гетскими племенами. Особенно важным в этой связи представляется то обстоятельство, что геты удостоверены к северу от Дуная еще в IV в. до н.э. Уточняя восточные районы гетского мира, Страбон конкретизирует: «...в промежуточной области, в ее части от Истры до Тираса, лежит "Пустыня гетов" - сплошная безводная равнина» [6, VII, 3, 14]. Видимо, Истро-Тирасское междуречье давно было заселено гетами, если к III в. до н.э. за ним прочно укоренилось название "Гетской пустыни", или "Гетской равнины".

Характеризуя сложившуюся к своему времени географию северных фракийцев, Страбон сообщает, что "существует и другое, издревле отмечавшееся деление (их) территории: ибо одних называют (античные авторы. - И.Н.) даками, а других - гетами. Геты - это те, что расселяются к Понту и к востоку (северо-востоку. - И.Н.)" [6, VII, 3, 10]. "Да-

ди наших дней, — продолжает амассийский географ, — лучше бы рассказали о жителях с берегов Истра: как о тех, что с этой (южной. — И.Н.) стороны, так и о тех, что из-за реки — гетах, тирагетах и бастарнах" [6, VII, 5, 12].

Конкретизируя географию северных фракийцев, тот же автор указывает, что "восточные области Европы разделены рекой Истр на две части". Истр "течет с запада на восток к Понту Эвксинскому. По левой стороне (по течению. — И.Н.) остается вся Германия, начинающаяся от Рейна, а также все земли гетов, области тирагетов, бастарнов и сарматов до реки Танаиса и Меотидского озера. По правой же — вся Фракия, Иллирия и та часть Элады, которой завершается Европа" [6, VII, 5, 30].

Из указания древнего географа вытекает, что все Нижнее Подунавье и Истро-Тирасское междуречье еще с I в. до н.э. и вплоть до рубежа нашей эры были известны как гетские территории.

Эти свидетельства древнего автора подтверждаются сообщениями очевидца — римского поэта Овидия, который, как известно, с 8 г. н.э. находился в г.Томы. Во всех сочинениях этого периода поэт-изгнанник, сетовавший на свою судьбу, неоднократно с горечью писал, что "ему суждено жить среди диких и суровых разбойников гетов", что "его повсюду окружают одни и те же лица нестриженных и неотесанных гетов" [33, III, 10-78, IV, I, 67-96; V, I, 45-46].

Среди многочисленных этнонимов, отмеченных в произведениях Овидия, геты упоминаются 79 раз, тогда как даки — ни разу. Следовательно, хорошо осведомленным эллинским и латинским авторам даки не были известны ни ранее, ни на рубеже нашей эры на территории между Балканами и Днестром, Карпатами и Черным морем.

Античная традиция, отражающая события, которые происходили на Дунае в I в. до н.э. — I в. н.э., усматривает в качестве основного населения этих областей племена гетов. С этого времени они все чаще стали угрожать восточноримским провинциям. Согласно указаниям Аппиана, геты, узнавшие о смерти римского правителя Цезаря, участвовали "сокрушительные набеги" на Македонию и другие восточные провинции [8, I3, 36, II, 110].

Видимо, с целью установления мирных добрососедских отношений с гето-даками, столь необходимых в борьбе за овладение Римом, Октавиан Август, согласно сообщению Светония, обещал выдать свою дочь Юлию замуж за гетского "царя" Котиса*, ранее завещанную сыну

* Котис возглавил одно из племенных объединений, образовавшихся после распада "царства" Буребисты.

знаменитого триумвира Антония, а для себя просил в жены дочь варварского предводителя [47, Д.А. LXIII, 4].

К северу от Гем-ских гор локализуют гетов и латинские авторы I в. до н.э. Помпоний Мела [4I, II, 2, I6-I8], Плиний Старший [37, IV, II (I8, 4I)], Силлий Италийский [48, I, 325, II, 75], Валерий Марциал [29, Ер. VII, 2, I2; VII, 84; I-4; Дот. VIII, II, I-4; IX, 4, 5, I-5; IOI, I7-I8] и др.

Выходя уже за пределы рассматриваемого в данной работе хронологического диапазона, хотелось бы обратить внимание на то, что на территории, расположенной между Днестром и Балканами, Карпатами и Черным морем, геты известны и авторам II-III вв. н.э., в частности Клементию Александрийскому [I4, IV, 8, с. 2I3], Клавдию Элиону [7, XV, 24], Юлию Солину [49, IO, 7] и др.

На Певтингеровых таблицах - римских дорожных картах - хронологически восходящих к концу III [I45, с. 38] или началу IV в. н.э. [309, с. 8I], геты наряду с другими племенами размещены между Дунаем и Днестром, к югу и востоку от Карпат.

После IV в. н.э. литературные источники перестают упоминать севеорофракийские племена. Вновь сведения о гетах встречаются только в работе византийского историка VI в. н.э. Готского происхождения Иордана "Тетика", который, как известно, усматривал в них предков своего народа [27, 7I].

Таким образом, на протяжении почти I2 столетий источники отмечают в пределах между Днестром и Балканами, Карпатами и Черным морем племена гетов.

Самые ранние сведения о даках появляются в конце II - начале I в. до н.э. и только в трудах авторов римского периода. Впервые даки упоминаются в "Записках о галльской войне" Цезаря [I2, VII, 25, I]. Однако ряд исследователей считают 25 главу IV книги, в которой отмечены даки, более поздней интерполяцией [94, с. 74].

Наиболее достоверные, хотя и отрывочные, свидетельства о даках содержатся в упомянутой уже "Истории Филиппа" Трога Помпея, в которой автор, перечисляя, видимо, гетские племена, известные в его время к северу от Балкан и Дуная, отмечает, что "даки являются молодой ветвью гетов" [54, XXXII, 3, I6]. Этим автор без экивоков указывает на существующую хронологическую разницу между гетами и даками.

Касааясь расселения даков, Страбон сообщает, что они проживали рядом с гетами по верхнему течению Дуная [6, VII, 3, I2; VII, 3, I3]. Из этого свидетельства выходит, что на рубеже нашей эры даки были известны в Карпатском бассейне. Именно этот район имел в виду автор II в. н.э. Флор, когда писал, что "даки к горам привязаны" [26, II, 28,

18]. У Светония даки и геты упоминаются попеременно [47, XXI, 2, LIII, 4]. Некоторую ясность в этот вопрос вносит Дион Кассий. Характеризуя Децебала, он указывал, что "тех, над которыми правил Децебал, римляне называют даками, хотя некоторые эллины считают их гетами. Я же прекрасно знаю, — продолжает Кассий, — что геты живут за Гем-ами по течению Истра" [15, LXVII, 6,2].

Начиная с I в. до н.э. и особенно в I-II вв. н.э., как уже отмечалось, даки стали представлять серьезную угрозу для восточных границ римской империи. Латинские авторы в это время чаще упоминают даков в своих трудах. Зачастую название "дак" заменяло этноним "гет". Под даками римляне подразумевали и другие родственные, а порой и не родственные племена, проживавшие к северу от Дуная. Эта мысль, как справедливо отметила Т.Д.Златковская, отчетливо вытекает из указания Плиния Старшего о том, что "прибрежные (Припонтийские. — И.Н.) области занимали разные племена, то геты, названные римлянами даками, то сарматы, названные греками савроматами" [94, с.74].

Из вышеизложенного с достаточной очевидностью следует, что гетов античные источники с VI в. до н.э. и вплоть до VI в. н.э. отмечают в пределах территории, расположенной между Днестром и Балканами, Карпатами и Черным морем, тогда как племена даков с конца II в. до н.э. — только в Карпатском бассейне.

Вместе с тем, как уже отмечалось, несмотря на такое хронологическое и географическое соотношение, в историографии прочно утвердился тезис об одновременности существования гетов и даков начиная с VI в. до н.э., поскольку это одни и те же племена [254, с.46-47; 265, с.26-27, 266, с.513]. Более того, в последнее время все настойчивее стали подменять понятие "гето-даки" на "дако-геты", мотивируя это тем, что якобы Дакия — колыбель фракийского рода — греками именовалась и Гетией. Причиной этому послужили встречающиеся в литературных произведениях IV-III вв. до н.э., в частности у Менандра [30, 31] и Геронды [23, V, 67-68], слова "Даос" или "Дау", обозначавшие имя раба. В комедиях Теренция — латинского писателя II в. до н.э. Давос, разговаривая с рабом по имени Гета, называет его своим собратом [51, 35-36]. Известно, что в античных комедиях обычно имена рабов обозначают их родину. Видимо, исходя из этого Страбон пришел к выводу, что "даки в древности назывались давами. Отсюда и название рабов Гета и Давос, столь обычные у афинян" [6, VII, 3, 12].

Это предположение известного географа античности хотя и единственное, было достаточно, чтобы большая часть исследователей восприняла его как доказательство одновременности существования гетов и даков с VI в. до н.э.

Между тем анализ конкретного материала не дает ни малейшего основания для отождествления "даос" и его производных с этнонимом "дак". Детальное изучение эпиграфических и литературных источников привело исследователей к выводу о том, что между "даос" и "дакус" нет этимологической связи. "Даос" не этноним, а обычный антропоним и его происхождение следует искать не к северу от Балкан, а в Малой Азии, скорее всего во Фригии [306, с. 248-253].

Археологические данные полностью согласуются с выводами о разновременности образования гетов и даков, вытекающими из анализа древних текстов.

В конце VI в. до н.э. вблизи северных фракийцев, заселявших территории, расположенные между Днестром и Балканами, Карпатами и Черным морем, произошли значительные перемены, которые особенно усиливаются с V в. до н.э. Они были обусловлены всем ходом внутреннего развития местных племен на протяжении ряда столетий и ускорены внешними факторами: воздействием эллинской цивилизации, влиянием скифской и южнофракийской культур. Расширение торгового обмена привело к ломке существующих межплеменных барьеров и установлению на указанной территории относительно единой материальной культуры, погребального обряда и религии. Все эти компоненты были определяющими в образовании единого этноса. В данном процессе особую роль сыграли наиболее сильные и многочисленные племена гетов. Они и дали название этносу, объединяя под своим этнонимом и другие северофракийские племена, расположенные между Днестром и Балканами, Карпатами и Черным морем. Наличие гетского этнонима свидетельствует об осознании представителями этого этноса их особого единства в отличие от других подобных общностей.

Однако все эти процессы не затрагивали северных фракийцев из Карпатского региона. За Карпатской дугой, куда эллинское и южнофракийское влияние в это время не проникало – археологически оно здесь не удостоверено, темпы развития были несколько замедлены [265, с. 16].

Частые набеги кельтских племен с конца IV в. до н.э. [254, с. 19-22] привели со временем к заселению кельтами некоторых районов этих областей [254, с. 21-22]. В результате дальнейшего развития производительных сил местных племен, а также воздействия кельтского элемента на протяжении III в. до н.э. в Карпатском регионе произошли аналогичные процессы, как и в равнинных областях северофракийского мира в VI-V вв. до н.э. На местной фракийской основе образовывалась единая материальная культура, характерная для всего этого региона. Ее исследователи приписывают дакийским племенам, известными здесь по письменным источникам.

Таким образом, археологически удостоверяется появление единой

материальной культуры не ранее конца III – начала II в. до н.э., примерно в то же время, когда письменные источники упоминают в этом районе племена даков.

В результате экономического и социального развития местных племен, а также усиленного проникновения импортных товаров из эллинских городов Средиземноморья и итальянских центров, которые **проникали и в Карпатские горы** начиная со II в. до н.э., Карпаты как естественная граница, разделяющая две крупные северофракийские группы племен гетов и даков, перестает существовать. Устанавливаются тесные торговые и культурные связи между обеими группами племен. Все это привело к объединению материальной культуры гетов и равнинных областей и даков из Карпат. С этого времени и образовалась гето-дакийская культура.

Следовательно, сопоставление письменных и вещественных источников позволяет установить, что северофракийские племена гетов и даков образовались на единой основе, только в разное время и на отдельных, прежде соседних, территориях при включении в их формирование разных внешних элементов.

Общность, которая наблюдается в материальной культуре начиная со II в. до н.э., приведшая к созданию гето-дакийской культуры, не означает тождественности этих двух северофракийских групп племен. Несмотря на то, что можно предположить взаимопроникновение гетов и даков на территории, занимаемые теми или другими согласно письменным источникам, геты по-прежнему заселяли территории, расположенные между Днестром и Балканами, Карпатами и Черным морем, а даки оставались "к горам привязанными". Карпатский бассейн был основным районом расселения даков и в последующее время. Только после заката римлянами этих областей и создания римской провинции Дакии многие дакийцы стали переходить Карпаты и расселяться вместе с родственными гетами.

В общественно-политическом отношении гетское общество уже к концу VI в. до н.э. достигло относительно высокого уровня развития, находясь на стадии военной демократии, о чем свидетельствует наличие сильных племенных союзов. Один из них оказал организованное сопротивление персидским ордам.

Процесс разложения родовых отношений особенно отчетливо наблюдался в последующее время. Расслоение населения, проявившееся в выделении богатой военной прослойки из массы рядовых соплеменников, подтверждается широким распространением в IV–III вв. до н.э. богатых курганных захоронений, в которых найдены оружие и скелеты боевых коней, или детали конской сбруи. Богатые женские захоронения, как правило, сопровождают погребения состоятельных воинов. Все богат-

ства рода, племена сосредоточены были в руках военной аристократии и жреческой касты.

Античные нарративные и эпиграфические источники отмечают в это время в различных областях гетского мира крупные племенные организации, представляющие собой мощные союзы племен. Большая их часть была сконцентрирована в юго-восточной и восточной части рассматриваемого региона.

В I в. до н.э. в юго-восточном предгорье Карпат образовалось сильное племенное объединение во главе с Буребистой, которое, согласно письменным источникам, сплотило вокруг себя все родственные гето-дакийские, а порой и не родственные племена, создав огромную политическую организацию – архэ.

Видимо, следует согласиться с высказанным мнением о том, что в I в. до н.э. в гето-дакийском обществе происходил процесс зарождения единоличной царской власти [186, с. 71], в ходе которого преодолевалось сопротивление военных представителей – племенных вождей и знати. Эти центробежные силы и привели при удобном стечении обстоятельств к физическому устранению Буребисты и распаду его "царства".

Созданная Буребистой "держава", опираясь на сильную центральную власть и нововведенные "законы" – белегины, пыталась изменить существующие порядки, однако оказалась не в состоянии переступить через родоплеменные отношения, которые были еще достаточно сильны и живучи. Свидетельством этому является низвержение Буребисты и формирование на основе его "царства" ряда племенных союзов. Но это не было полным возвратом к прежним родоплеменным отношениям. Нововведение в управлении, да и другие изменения в обществе неминуемо заставили гето-дакийское общество продолжить путь к созданию государственной власти.

ЛИТЕРАТУРА

I. Произведения основоположников марксизма-ленинизма

1. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.21.
2. Маркс К. Капитал // Там же. Т.23.
3. Маркс К. Капитал // Там же. Т.25. Ч.1.

II. Источники

4. Геродот. История. В 9 кн. Л., 1972.
5. Гомер. Илиада. М.;Л., 1949. II, 835.
6. Страбон. География. В 17 кн. Л., 1964.
7. Aeliani. De natura animalium // Aeliani Claudii. De natura animalium. Varia historia. Epistolae et fragmenta. Paris, 1858, XV, 24.
8. Appiani. Historiae Romanae. Т.1-2. Leipzig, 1879-1881. 4,15; 13,36; II,110; III,25.
9. Apulei. Apologia // Apulée. Florides. Paris, 1924. 26.
10. Arriani. Anabasis Alexandri. 1,3,1-5; 1,3,5; 1,4,1-5; 1,4,1; Periplus Ponti Euxini. 24. Leipzig, 1910.
11. Artemidor. Oneirocriticon libri. Leipzig, 1864. V. 18.
12. Caesaris. Comentarii de bello gallici. Leipzig, 1938, VI, 25; 1.
13. Ciceronis. Epistulae ad Atticum // Ciceronis M. Tulli. Opera omnia. Leipzig, 1878-1905. IX, 10,3.
14. Clemens. Stromateis // Clementis Alexandrini. Opera. Oxonii, 1899. 4,8 (213).
15. Cassii Dionis. Historiae Romanae. Leipzig, 1863-1865. XVIII, 9,1; LI, 24, 6-7; 25, 1-5; LI, 26, 1-6; LXVII, 6,2.
16. Diodori. Bibliothecae historicae. I, 94,2; XXI, 11; XXI, 12,1; XXI, 1-6; XXI, 12,3,4 // Fontes ad historiam Dacoromaniae pertinentes I. Bucuresti, 1967. P.189-199.
17. Dionis Chrysostomi. Orationes. II. Leipzig, 1857, XII,1; XXII,3; XXVI,1; XXXVI,1-4.

18. Dioscuridis. De materia medica. Berlin, 1906-1914. II, III, IV.
19. Ephoros. Fragmenta 158 // Fontes ad historiam Dacoromaniae pertinentes. I. P.104.
20. Eusebii. Chronicon //Eusebii. Opera. Berlin; Leipzig, 1902-1956. 95 a, b, 4 Helm.
21. Hecataei. Fragmenta 172 // Fontes ad historiam Dacoromaniae pertinentes. I. P.8.
22. Hellanicos. Barbarica nomima. Fr. 73// Ibid. P.21.
23. Herondas. Mimes. Paris, 1928. V. 67-68.
24. Horatii. Carmina. III, 24, 9-10 // Fontes ad historiam Dacoromaniae pertinentes. I. P.209-213.
25. Flavii Iosephi. Antiquitatis Iudaicae. XVII, 1, 5, 22// Flavii Iosephi. Opera omnia. T.I-VI. Leipzig, 1888-1896.
26. Flori Annaei. Bellum Dacicum. II, 28, 18 // Flori L. Annaei Epitomae. libri. II. 1896; ВДМ. С.239.
27. Jordanis. Getica. 12, 67, 69, 70, 71, 73 // Fontes historiae Dacoromanae. II. Bucuresti, 1970. P.411-431.
28. Luciani. Zeis Tragoidos. 42 // Luciani Samosatensis. Opera. T.I-III. Leipzig, 1907-1913.
29. Martialis. Epigrammata. VII, 2, 1-2; VII, 84, 1-4; Imperatori Domitiano Augusto Germanico, Dacico. VIII, 11, 1-4; IX, 45, 1-4; 101, 17-18; XI, 3, 1-4 // Martialis. Epigrammes. Paris, 1930-1933.
30. Menandri. Georgos. 31 // Fontes ad historiam Dacoromaniae pertinentes. I. P.134.
31. Mnaseas. Photius. Fr. 23 // Fontes ad historiam Dacoromaniae pertinentes. I. P.156.
32. Origenes. III, 34 (469) // Fontes ad historiam Dacoromaniae pertinentes. I. P.715.
33. Ovidii. Tristia. I, 1, 41; III, 9, 3; III, 10, 1-78; IV, 1, 67-69; IV, 13, 19, 20; V, 1, 45-46 // Fontes ad historiam Dacoromaniae pertinentes. I. P.273-341.
34. Pausaniae. Graeciae descriptio. Leipzig, 1896-1962. I, 9, 5-7.
35. Platonos. Harmides // Oeuvres complètes. Paris, 1920-1956. 5, 156d-157c.
36. Paterculi. Historiae Romanae// Paterculi C. Vellei. Ex Historiae libris duobus quae supersunt. Leipzig, 1909. II, 59, 4.
37. Plinii. Naturalis Historiae. Leipzig, 1892-1909. IV, 82; IV, 11 (18, 41).
38. Plutarchi. De teunda sanitate praecepta. 9; Regis et imperatoris apaphthegmata. Lisimach. 1; De sera numinus vindicta. 12 // Plutarchi. Vitae parallelae. Leipzig, 1925-1935.

39. Polybii. Historiae. T.I-V. Leipzig, 1888-1904. IV,38, 4; XXVI, 9,1; Fr. 102.
40. Polyaei. Strategematon. Leipzig, 1887. VII,1; VII,25.
41. Pomponii Melae. De Chorographia. Leipzig, 1880. 2(16-18); II,3,22.
42. Propertii. Elegiarum Libri // Properce. *Élégies*. Paris, 1929. IV,3,7-9; IV,5,43-44.
43. Ps.-Arrian. Peripli Ponti Euxini. 89 (63M) // ВДИ, 1948. № 4. С. 237.
44. Ps.-Scymni. Periegesis. 68; 740; 745-750; 760-764; 761-764; 765-770; 790; 798-804; 841 // Fontes ad historiam Dacoromaniae pertinentes. I. P. 169-175.
45. Ptolemaei. Geographia. Paris, 1883. III,8,3; III,10,7; III,10,8.
46. Sallusti Crispi. Historiarum reliquiae. Leipzig, 1891-1893. IV,18.
47. Suetonii. Divus Augustus // Suetone. Vies douze césars. Paris, 1931-1932. VIII,4; XIII,4; XXI,2; LXIII,4.
48. Silii Italici. Punica. Leipzig, 1890. I, 325; II, 75.
49. Solini. Collectanea rerum memorabilium. 10,7. Berol. 1895; ВДИ, 1949. N3, С. 240-243.
50. Sofocles. Triptolem. Fr. 547 // Fontes ad historiam Dacoromaniae pertinentes. I. P. 18.
51. Terentii. Phormio. 35-36. // Terence. Comédies. Paris. 1947-1957.
52. Theophrasti. De causa plantarum. III, 23, 4 // Theophrasti Eresii. Opera. Paris, 1866.
53. Titi Livi. Ab urbe condita. T.I-IV. Leipzig, 1906-1911. XL, 57, 2; ВДИ, 1949. № I. С. 761.
54. Pompeii Trogi. Historiae Philippicae // Iustini M. Iuniani. Epitoma historiarum Philippicarum Pompei Trogi. Leipzig, 1935. IX, 2, 1-6; XXIV, 4, 1-7; XXV, 1, 1-5; XXXII, 3, 12; XXXII, 3, 16.
55. Thucydidis. Historiae. T.I-II. Leipzig, 1930-1938. II, 29, 1-2; II, 96, 1.
56. Valerii Flacci. Argonautica. Leipzig, 1875. VI, 84-85.
57. Vergilii. Aeneis. III, 34-35; VIII, 603-605 // Fontes ad historiam pertinentes. I. P. 200-207.
58. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Petropoli, 1916. I², 32; I, 246.
59. Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae. Serdicae, 1970. I. P. 53-56.
60. Гравков Б.Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3.
61. Бярня П.П. Отчет о работах на городище Солотвино в 1967 г. // Фонды МАЭ АН МССР.
62. Никулицэ И.Т. Отчет о полевых исследованиях на памятниках раннежелезного века у с.Ханска в 1976-1977 гг. // Там же.
63. Никулицэ И.Т. Отчет о результатах полевых археологических исследований в зоне музейного комплекса "Старый Орхей" в 1983 г. // Там же.

64. Никулице И.Т. Отчет о результатах археологических исследований в Бутученском микрорайоне в 1984 г. // Там же.
65. Никулице И.Т. Отчет о результатах археологических исследований в зоне музейного комплекса "Старый Орхей" и прилегающих территорий в 1985 г. // Там же.

Ш. Монографии, статьи, авторефераты диссертаций

66. Агбунов М.В. К вопросу о локализации башни Неоптолема и Гермонактовой деревни // ВДИ, 1978. № 1.
67. Агбунов М.В. Заметки по античной географии Нижнего Поднестровья // Там же, 1979. № 2.
68. Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.
69. Археологія Української РСР. Т.2. Київ. 1971.
70. Берчу Д. Акинак из Меджидии (Добруджа) // МИА Юго-Запада СССР и Румынской Народной Республики. Кишинев, 1960.
71. Блаватская Т.В. Греки и скифы в Западном Причерноморье // ВДИ. 1948. № 1.
72. Бобичева Л. Тракийски некрополи при селата Кръгулево и Черна, Толбухински окръг // ИИМВ. 1975. XI (XXVI).
73. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978.
74. Браун Ф.А. Розыскания в области гото-славянских отношений. СПб., 1899.
75. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973.
76. Булатович С.А. Обращение электровых монет Малой Азии в Эгейском бассейне и Причерноморье в V-IV вв. до н.э. // МАСП. Вып.8. Киев, 1976.
77. Венедиков Ив. Новооткрито тракийското могилено погребение във Враца // Археология. 1966. УШ, № 1.
78. Венедиков Ив. Предахеменидски Иран и Трахия // ИАИ, 1969, XXXI.
79. Граков Б.Н. Скифы. М., 1971.
80. Граков Б.Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ, 1939. № 3.
81. Георгиев Вл. Траките и техният език. София, 1977.
82. Головки И.Д., Бондарь И.Д., Загинайло А.Г. Археологические исследования у с.Орловка // КСОГАМ. Одесса, 1965.
83. Гочева З. Боги фракийцев и скифов по сведениям Геродота // Studia Thracica. 1975. № 1.
84. Гросу В.Г., Василяки К.Н. Лапидарные знаки бутученских пещер // Известия Академии Наук МССР. Сер. обществ. наук. 1984. № 3.

85. Данов Хр. Древна Тракия. София, 1969.
86. Доватур А.И., Калистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в "Истории" Геродота. М., 1982.
87. Древняя культура Молдавии. Кишинев, 1974.
88. Дремсизова Цв. Надгробна могила при с.Браничево// Исследования в чест на акад. Д.Дечев. София, 1960.
89. Дремсизова Цв. Могиленат некропол при с.Браничево (Коларовградско) // ИАИ. 1962.ХХУ.
90. Дремсизова Цв. Надгробните могили при с.Янково// Там же.1955.ХІХ.
91. Живкова Л. Казанлъшката гробница. София, 1974.
92. Загинайло А.Г. Монетные находки на Роксоланском городище//МАСП. Вып.5. Одесса, 1966.
93. Загинайло А.Г. К вопросу об экономических связях Западного и Северного Причерноморья в VI–IV вв. до н.э. по нумизматическим данным // Там же. Вып.8. Киев, 1976.
94. Златковская Т.Д.Племенной союз гетов под руководством Биребисты (I в. до н.э.) // ВДИ. 1955. № 2.
95. Златковская Т.Д.О начальном периоде истории Тирн // СА.1959.№ 2.
96. Златковская Т.Д., Полевой Л.Л. Городища Пруто-Днестровского междуречья IV–III вв. до н.э. и вопросы политической истории гетов// Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М., 1969.
97. Златковская Т.Д. Возникновение государства у фракийцев.М., 1971.
98. Златковская Т.Д., Шелов Д.Б. Фибулы Фракии V–IV вв. до н.э. // СА. 1971. № 4.
99. Ильинская В.А. Скифская узда IV в. до н.э. // Скифские древности. Киев, 1973.
- 100.Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия V–VI вв. до н.э. Киев, 1983.
101. Илл'їнська В.А. Ск'їфська вузда VI ст. до н.е.// Археологія.Т.ХІІІ. Київ, 1961.
- 102.Илл'їнська В.А. Із неопублікованих матеріалів ск'їфського часу в лівобережному лісостепу // Там же. Т.ХХІ. 1968.
- 103.Иесен А.А. Греческая колонизация Северного Причерноморья.Л.,1947.
- 104.История древней Греции. М., 1972.
- 105.История МССР. Т.І. Кишинев, 1965.
- 106.Карышковский П.О. К вопросу о древнем названии Роксоланского городища// МАСП. Вып.5. Одесса, 1966.
- 107.Карышковский П.И. Допитання про дату Ольвийського декрету в честь Протогена// Археологія. Т.ХХІ. Київ, 1968.
- 108.Карышковский П.И. Ск'їфі на Дунаї // УІЖ. 1971. № 9.
- 109.Карышковский П.О. Истрия и ее соседи на рубеже III–II вв. до н.э.// ВДИ. 1971. № 2.

- II0. Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. Киев, 1985.
- III. Кацаровъ Г.И. Единъ новъ памятникъ за религиозна история на стара Тракия // Сборникъ в чест на В.Н.Златарски. София, 1925.
- II2. Книпович Т.Н. К вопросу о датировке Ольвийского декрета в честь Протогена // ВДИ. 1966. № 2.
- II3. Колосовская Ю.К. Агафирсы и их место в истории Юго-Восточной Европы // Там же. 1982. № 4.
- II4. Косвен М.О. Селенная община и патронимия. М., 1963.
- II5. Крапивина В.В. Входила ли Ольвия в состав государственного образования Буребисты? // Тезисы докладов и сообщений совместной школы-семинара "Этнокультурные и этносоциальные процессы в конце I тыс. до н.э. - первой половины I тыс. н.э. на Юго-Западе СССР и сопредельных регионов". 17-19 октября 1985 г. Ужгород 1985.
- II6. Крутликowa И.П. Дакия в эпоху римской оккупации. М., 1955.
- II7. Кузмина Е.Е. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.
- II8. Кухаренко Ю.В. Археология Польши. М., 1969.
- II9. Лапушнян В.Л. Раскопки памятников культуры фракийского гальштата в Молдавии // АИМ. Кишинев, 1972.
- I20. Лапушнян В.Л. Исследование могильника у с.Селиште // АИМ. Кишинев, 1973.
- I21. Лапушнян В.Л., Никулицэ И.Т., Романовская М.А. Памятники раннего железного века. АИМ. Вып.4. Кишинев, 1974.
- I22. Лапушнян В.Л. Ранние фракийцы X - начала IV в. до н.э. в лесостепной Молдавии. Кишинев, 1979.
- I23. Латышев В.В. ПОМГКА: Изборник научных и критических статей по истории, археологии, географии и эпиграфике Скифии, Кавказа и греческих колоний на побережьях Черного моря. СПб., 1909.
- I24. Лашук Л.П. О формах донациональных этнических связей // ВИ. 1967. № 4.
- I25. Луконин В.Г. Искусство древнего Ирана. М., 1977.
- I26. Мазолевский Б.Н. Фракийская узда из Хоминской могилы // *Studia Thracica*. I. 1975.
- I27. Манцевич А.П. Золотой венец из кургана на реке Калитве: К вопросу об агафирсах // ИАИ. 1959. ХХП.
- I28. Манцевич А.П. Золотой нагрудник из Толстой могилы // *Thracica: Problemes ethno-culturels de la Thrace Antique*. V. Serdicae, 1980.
- I29. Манцевич А.П. Об уздечках фракийского типа из кургана Огуз // *Actes du IIe Congrès International de Thracologie*. Vol. I. Bucaresti, 1980.

- I30. Маразов Ив. Аполон, Дионис и Орфей // Тракийски легенди.София, 1981.
- I31. Марченко К.К. Варвары в составе населения Березани и Ольвии во II половине VП-I в. до н.э.: Автореф. дис. ... канд.ист.наук. Л., 1974.
- I32. Мачинский А.Д. К вопросу о датировке, происхождении и этнической принадлежности памятников типа Поянешты-Лукашевка//Археология Старого и Нового мира. М., 1966.
- I33. Мелюкова А.И. К вопросу о памятниках скифской культуры на территории Средней Европы // СА. 1955. Вып.ХХI.
- I34. Мелюкова А.И. Памятники скифского времени лесостепного Поднепровья // МИА. Вып.64. М., 1958.
- I35. Мелюкова А.И. Скифы, геты на Нижнем Днестре // Тезисы докладов Всесоюзной сессии, посвященной итогам археологических исследований 1966 г. Кишинев, 1967.
- I36. Мелюкова А.И. К вопросу о границе между скифами и гетами//Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М., 1969.
- I37. Мелюкова А.И. Культура племен Днестровско-Прутского междуречья (VШ-I вв. до н.э.) // Древняя культура Молдавии. Кишинев, 1974.
- I38. Мелюкова А.И. К вопросу о взаимоотношении скифского и фракийского искусства // Скифо-Сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.
- I39. Мелюкова А.И. Скифия и фракийский мир. М., 1979.
- I40. Мелюкова А.И. Археологические данные о фракийцах на территории СССР в I тыс.до н.э. // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984.
- I41. Миков В. Могильни некрополи от Ловчанского Тетевенско //ИИИ.1932.Y.
- I42. Мирчев М. Раннотракийският могилен некропол при о. Равна // Там же. 1962. XXV.
- I43. Мирчев М. Тракийският могилен некропол при с.Добрина // ИИМВ. 1965. Т.I (XVI).
- I44. Моринц С. Новая гальштатская группа в Молдове // Дасiа. N.3.1. Bucureşti, 1957.
- I45. Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956.
- I46. Никулицэ И.Т. Геты в IV-III вв. до н.э.: Автореф. дис. ...канд. ист.наук. М., 1971.
- I47. Никулицэ И.Т. Погребальный обряд гетов в IV-III вв. до н.э.//СА. 1973. № 2.
- I48. Никулицэ И.Т. Геты IV-III вв. до н.э. в Днестровско-Карпатских землях. Кишинев, 1977.

- I49. Никулицэ И.Т. Северные фракийцы по письменным и археологическим источникам: К вопросу об этногенезе гетов и даков. // Тезисы докладов всесоюзной конференции "Проблемы античной истории и классической филологии". Харьков, 1980.
- I50. Никулицэ И.Т. Гальштатское поселение в Ханском микрорайоне // АИМ 1974-1976. Кишинев, 1981.
- I51. Никулицэ И.Т. Некоторые аспекты этнической и общественно-политической истории племен Днестровско-Карпатских земель во П-I вв. до н.э. // ПДМ. Кишинев, 1983.
- I52. Никулицэ И.Т. Изучение северофракийских поселений в Ханском микрорайоне // АИМ в 1981. Кишинев, 1985.
- I53. Нудельман А.А., Рикман Э.А. Новые археологические находки в Молдавии // СА. 1957. № 3.
- I54. Нудельман А.А., Рикман Э.А. Навершие и клад серебряных украшений скифского времени из Молдавии // ИМФАН СССР. 1956. № 4 (31).
- I55. Нудельман А.А. Античный клад из Лэргуца // Труды Государственного историко-краеведческого музея. Вып. П. Кишинев, 1969.
- I56. Нудельман А.А. Топография кладов и находок отдельных монет. АИМ. Вып. 8. Кишинев, 1976.
- I57. Нудельман А.А. Проникновение греческих монет и начало зарождения монетного обращения в Днестровско-Прутском регионе // ПДМ. Кишинев, 1983.
- I58. Нудельман А.А. Очерки истории монетного обращения в Днестровско-Прутском регионе. Кишинев, 1985.
- I59. Охотников С.Б. Поселения VI-V вв. до н.э. в Нижнем Поднестровье // ИАКУУ. Киев, 1980.
- I60. Памуков Д., Генев Н. Находката на века // Отечество. 1986. № 3.
- I61. Подосинов А.В. Этнолингвистическая ситуация в Томи во время ссылки Овидия // Thracia. 7. Serdicae, 1985.
- I62. Полевой Л.Л. Новые находки античных монет в Молдавской ССР // СА. 1962. № 1.
- I63. Рафалович И.А., Лапушнян В.Л. Работы Реутской экспедиции // АИМ в 1972 г. Кишинев, 1974.
- I64. Романовская М.А. Об этнической принадлежности населения, оставившего памятники типа Лукашевка // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М., 1969.
- I65. Романовская М.А. Оборонительные сооружения городища Рудь // Новейшие открытия советских археологов. Т. П. Киев, 1975.
- I66. Романовская М.А., Шелов-Коведяев Ф.В., Шеглов А.Н. Городище Рудь - Метоний Птолемея // ВДИ. 1981. № 4.
- I67. Сальников А.Г. Раскопки поселений IV-II вв. до н.э. у с. Пивденное в 1960 г. // КСОГМ. Одесса, 1961.

- I68. Сальников А.Г. Здание "А" на поселении у с. Пивденное//КСОГАМ. 1961. Одесса, 1963.
- I69. Самойлова Т.А. Варварские элементы в культуре Тиры эллинистического времени // Тезисы докладов всесоюзной научной конференции "Проблемы античной истории и классической филологии". Харьков, 1980.
- I70. Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1975.
- I71. Секерская Н.М. Античная чернолаковая керамика V-IV вв. до н.э. из Тиры // ИААКУУ. Киев, 1980.
- I72. Селешников С.И. История календаря и хронология. М., 1972.
- I73. Смирнов Г.Д. Скифское городище "Большая Сахарна"/КСИИМК. 1949. XXVI.
- I74. Смирнов Г.Д. Археологические исследования Старого Орхоя//КСИА. Вып.54. М., 1954.
- I75. Смирнова Г.И. Скифские и гетские памятники на Буковине//Новейшие открытия советских археологов. Т.П. Киев, 1975.
- I76. Смирнова Г.И. Население Среднего Поднестровья в VI-V вв. до н.э. и его западные соседи // Actes du Congrès International de Thracologie. Vol.1. Bucaresti, 1980.
- I77. Смирнова Г.И. Могильник типа Поянешты-Лукашевка у с. Долинны на Буковине // СА. 1981. № 3.
- I78. Спицын М.С. Раскопки городища возле Роксоланы Беляевского района Одесской области в 1957-1961 гг. // МАСП. Вып.5. Одесса, 1965.
- I79. Сыманович Э.А. Работы Николаевского отряда в Херсонской и Одесской областях// АО в 1972 г. М., 1972.
- I80. Тереножкин А.И. Общественный строй скифов//Скифы и сарматы. Киев, 1977.
- I81. Тереножкин А.И. Скифская культура // Тезисы докладов по вопросам скифо-сарматской археологии. М., 1966.
- I82. Токарев С.А. Сущность и происхождение магии// ТЭИ, LI. М., 1959.
- I83. Токарев С.А. Проблемы общественного сознания доклассовой эпохи// Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972.
- I84. Федоров Г.Б. Население Пруто-Днестровского междуречья в I тыс. н.э.// МИА. Вып.89. М., 1960.
- I85. Федоров Г.Б., Полевой Л.Л. Археология Румынии. М., 1973.
- I86. Федоров Г.Б., Полевой Л.Л. "Царство" Буребисты и Децебала: союзы племен или государства // ВМ. 1984. № 6.
- I87. Филипп Я. Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961.
- I88. Фол А. Проблемы письменных источников V в. до н.э.// Studia Thracica. 1975. N 1.
- I89. Хоредт К. Скифские находки в Комлоде // Dacia. N.S., IV. Bucaresti, 1961.

190. Цончева М. Художественното наследство на тракийските земи. София. 1971.
191. Чичикова М. Керамика от старата желязна епоха в Тракия//Археология. 1968. № 4.
192. Чичикова М. Жертвенници еллинистической эпохи // *Studia Thracica*. 1975. N 1.
193. Шелов Д.Б. Царь Атей// НИС. 1964. № 2.
194. Шрамко Б.А. Новые находки на Бельском городище и некоторые вопросы формирования и семантики образов звериного стиля // Скифо-Сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.
195. Яйленко В.П. Греческая колонизация VII-III вв. до н.э. М., 1982.
196. Achim S., Necula P. Noi mărturii ale vechimii și dăinuirii noastre în vatra dacică străbună// *Scîntia*. 1984. 22 septembrie.
197. Alexandrescu A.D. La necropole gète de la Zimnicea// *Dacia*. N.S., XXIV, București, 1980.
198. Alexandrescu P. Autour de la date de fondation d'Histria // *St.cl.* Vol.IV. București, 1962.
199. Alexandrescu P. Necropola tumulară. Săpături 1955-1961// *Histria*. II. București, 1966.
200. Alexandrescu P. Însemnări arheologice. Grădiștea de la Roxolani// *St.cl.* Vol.XII. București, 1970.
201. Alexandrescu P. Un art thraco-gète// *Dacia*. N.S. XIII. București, 1974.
202. Alexandrescu P. Les importations grecques dans les bassins du Dnièpre et du Bug // *RA*. 1975. N 1-2.
203. Alexandrescu P. Pour une chronologie des VIe-IVe siècles// *Thrace-Dacia: Recueil d'études de Thracologie*. București, 1976.
204. Alexandrescu P. Les modèles grecs de la céramique thrace tournée// *Dacia*. N.S. XXI. București, 1977.
205. Aricescu A. Die bodenständige Bevölkerung der Dobrudcha und ihre Beziehungen zu den Griechen in der hellenistischen epoche// *St. cl.* Vol.III. București, 1961.
206. Aricescu A. Noi date despre cetatea de la Hîrșova// *Pontica*, IV. Constanța, 1971.
207. Babeș M. Noi date privind arheologia și istoria bastarnilor // *SCIv*, 1969. T.20. N 2.
208. Babeș M. Dacii și bastarnii // *Memoria Antiquitatis*. II. Piatra-Neamț, 1970.
209. Babeș M. Puncte de vedere la o istorie a Daciei preromane// *SCIv*. 1974. T.20. N 2.
210. Babeș M. Peuce-Peucini // *Peuce*. VI. Tulcea. 1977.

211. Bazarciuc V.V. Cetatea geto-dacică de la Bunești, jud.Vaslui// SCIVA. 1983. T.34. N 3.
212. Berciu D. Arheologia preistorică a Olteniei. Craiova, 1939.
213. Berciu D. Cercetări și descoperiri arheologice în regiunea București// MCA. II. București, 1956.
214. Berciu D., Comșa Eug. Săpăturile arheologice de la Balta Verde și Gogoșu (1949-1950) // Ibid.
215. Berciu D. Descoperirile getice de la Cernavoda (1954) și unele aspecte ale începutului formării culturii Latene geto-dace la Dunărea de Jos // Ibid. V. București, 1957.
216. Berciu D. Á propos de la genèse de la civilisation de Latène chez des géto-daces // Dacia.N.S. București, 1957.
217. Berciu D. Sînt geții traci nord-dunareni? Un aspect arheologic al problemei // SCIV. 1960. T.XI. N 2.
218. Berciu D., Preda C. Săpăturile de la Tariverde // MCA. VII. București, 1961.
219. Berciu D. Problèmes actuels de la civilisation de la Tène chez des géto-daces//Lotomus. Revue d'études latines. T.XXV.Fasc.3. Bruxelles, 1966.
220. Berciu D. Arta traco-getică. București, 1969.
221. Berciu D., Moscalu Em. Cercetări în cetatea de la Albești (jud. Teleorman) // SCIV. 1972. T.23. N 4.
222. Berciu D., Preda Fl. Á propos de l'art thraco-gète// Actes du IIe Congrès International de Thracologie. I. București, 1980.
223. Bessell W. De rebus Getucis. Göttingen, 1854.
224. Bodor A. Contribuții la problema agriculturii în Dacia înainte de cucerirea romană. Problema obștilor la daci. Partea I//SCIV. 1956. T.VII. N 3-4.
225. Bodor A. Contribuții la problema agriculturii în Dacia înainte de cucerirea romană. Partea II // Ibid. 1957.T.VIII. N 1-4.
226. Burda S. Tezaure de aur din România. București, 1979.
227. Bucovaia M., Irimia M. Cimitirul din sec.VI-V de la Corbu, jud. Constanța // Pontica.IV. Constanța, 1971.
228. Bucur M. Sur les monnaies citées pontiques découvertes sur le territoire des populations locales//St.cl. Vol.III.București, 1961.
229. Bujor Exp. Șantierul de salvare de la Murighiol//SCIV.1955.T.VI N 3-4.
230. Bujor Exp. Șantierul arheologic Murighiol//MCA.V.București,1959.
231. Buzdugan C. Necropola getică de la Slobozia//Carpica.I. Bacău, 1968.

232. Buzdugan C. Mormîntul hallstattian descoperit la Recea // Ibid.
233. Buzdugan C. Descoperirea de la Petricani și relațiile ei cu cultura traco-getică // SCIVA. 1975. T.26. N 1.
234. Buzdugan C. Pumnale hallstattiene tîrzii pe tritoriul României// Cercetări arheologice. 1976, T.11. N 4.
235. Buzilă A. Despre ceramica daco-getică lucrată cu mîna de la Bîta Doamnei. Piatra-Neamț//Memoria Antiquitatis.Vol.II.Piatra-Neamț, 1970.
236. Canarache V. Importul amforelor stampilate la Istria.București, 1957.
237. Cantor M. Vorlesungen über die Geschichte der Mathematik. Band. T.I. Leipzig, 1907.
238. Capitanu V., Ursachi V. O nouă cetățue dacică de pe valea Siretului// Carpica. II. Bacău, 1969.
239. Čiđikova M. Développement de la céramique thraces a l'époque classique et hellénistique// AAPhSA. Sofia. 1963.
240. Čiđikova M. Un sujet de soc thrace // Apulum. VII. Alba-Iulia. 1970.
241. Coja M., Dupont P. Histria. Vol.V. București; Paris, 1979.
242. Coman L. Zalmoxis un grand problème gète// Revue des études religieuses. II, 1. București, 1939.
243. Coman L. Zalmoxis et Orphée// ИАИ. 1954. XVI, кн. I.
244. Condurachi Em. Problema apariției ceramicii Latene în regiunea Dunării de Jos // SCIV. 1965. T.XVI. N 1.
245. Conovici N. Cîteva figurine antropomorfe getice descoperite la Piscul Crasani. (Com. Balacin, jud. Ialomița) // SCIVA. 1974. T.25. N 2.
246. Conovici N. Rec. la lucrarea: Мелюкова А.И. Скифия и фракийский мир. М., 1979// Thraco-Dacica. II. Bucuresti, 1981.
247. Constantinescu M. Schița unei teorii marxiste a formării social-economice tributale. București, 1974.
248. Costea F. Așezarea dacică de la Rîșnov// Cumidava.Vol.IV. Brașov, 1970.
249. Crișan I.H. Sanctuarul dacic de la Pecica // Acta musei Napocensis, III. Cluj-Napoca, 1966.
250. Crișan I.H. Materiale dacice din necropolă și așezarea de la Ciumești și problema raporturilor dintre daci și celți în Transilvania. Baia Mare, 1966.
251. Crișan I.H. Ceramica daco-getică. București, 1969.
252. Crișan I.H. Așa-numitul mormînt de la Silivaș și problema celui mai vechi grup celtic din Transilvania//Sargetia. Acta musei Devencis. X. Deva, 1973.

253. Crișan I.H. Despre arta "traco-getică"//Anuarul institutului de istorie și arheologie. Cluj-Napoca. XVII. Cluj, 1974.
254. Crișan I.H. Burebista și epoca sa. București, 1977.
255. Crișan I.H. Premisele întemeierii statului dac centralizat și independent condus de Burebista // Sargetia. Acta musei Deven-cis, XIV. Deva, 1979.
256. Culică V. O unealtă scitică de orfăurărie la Dunarea de Jos // SCIV. 1967. T.18. N 4.
257. Culică V. Morminte de incinerăție din necropola geto-dacică de la Grădiștea// Ibid. 1968. T.19. N 1.
258. Daicoviciu C. Cetatea dacică de la Piatra Roșie. București, 1954.
259. Daicoviciu C. La politique étrangère de "roi" daces// Dacia. Cluj, 1969.
260. Daicoviciu C. Dacii din munții Orăștiei și începuturile statu-lui sclavagist dac// Ibid.
261. Daicoviciu C. Noi contribuții la problema statului dac // Ibid.
262. Daicoviciu H. Dacii. București, 1965.
263. Daicoviciu H. Regatul lui Rhemaxos// Acta musei Napocensis. IV. Cluj, 1967.
264. Daicoviciu H. Un sanctuar circular dacic de la Fețele Albe // Apulum. IX. Alba-Iulia, 1971.
265. Daicoviciu H. Dacia de la Burebista la cucerirea romană. Cluj, 1972.
266. Daicoviciu H. Thraces et daco-gètes à la fin du hallstatt et au début de La Tène en Roumaine // Thracica. IV. Serdicae, 1977.
267. Dimitriu S. Événement du Pont Euxin de la fin du VIe siècle avant n.ère réflétés dans l'Histoire d'Histria// Dacia. N.S. VIII. București, 1964.
268. Dimitriu S. Cartierul de locuințe din zona de vest a cetății din epoca arhaică. Săpături 1955-1960// Histria. Vol.II. Bucu-rești, 1966.
269. Dimitriu S. Fizionomia cartierului de locuințe extramuros de la Histria în perioada arhaică// SCIV. 1970. T.21. N 2.
270. Dimitriu S., Coja M. La céramique archaïque et le début de la cité pontique d'Histria// Dacia. N.S. II. București, 1958.
271. Dumitrescu Vl. La necropole tumulaire du première âge du fer de Basarabie (dep. de Dolj, Oltenie) // Ibid. XII. 1968.
272. Dumitrescu Vl. Arta preistorică în România. București, 1974.
273. Dumitrașcu S. Așezări fortificate și cetăți dacice în partea de vest a Munților Apuseni// Crisia. II. Oradea, 1972.

274. Dușeș M. Regiunile Carpato-Dunarene și sudul Slovaciei în etapa hallstattiană târzie // AM. Vol. II-III. București, 1964.
275. Dușeș M. Die Thracer im Karpatenbecken // Slovenska archeologia. 1974. XXXII, 2.
276. Dorușiu-Boilă Em. Observații aerofotografice în teritoriul rural al Histriei // Peuce, II. Tulcea, 1971.
277. Eliade M. De Zalmoxis à Gengis-Khan. Paris, 1970.
278. Florescu A., Melinte G. Cetatea traco-getică din a doua jumătate a mil. I. î.e.n. de la Moșna (jud. Iași) // SCIV. 1968. T. XIX, N 1.
279. Florescu A.C., Rață S. Complexul de cetăți traco-getice (sec. VI-III î.e.n.) de la Stîncești-Botoșani // Studii și materiale. Suceava, 1969.
280. Florescu M., Căpitanu V. Cercetări de suprafață în județul Bacău // AM. VI. București, 1969.
281. Florescu A.C. Unele considerațiuni asupra cetăților traco-getice (hallsattienne) din mil. I î.e.n. de pe teritoriul Moldovei // Cercetări istorice s.n. II. Iași, 1971.
282. Florescu R., Daicoviciu H., Roșu L. Dicționar enciclopedic de artă veche a României. București, 1980.
283. Glodariu I. Importuri elenistico-italice în Dacia preromană (sec. II î.e.n.-I e.n.) // Crisia. Culegere de studii și materiale. Oradea, 1972.
284. Glodariu I. Relații comerciale ale Daciei cu lumea elenistică și romană. Cluj, 1974.
285. Glodariu J., Iaroslavici Eug. Civilizația ferului la daci. Cluj-Napoca, 1979.
286. Glotz G. Histoire grèque. Vol. II. Paris, 1930.
287. Goldman B. A Scythian Helmet from the Danube // Bulletin of the Detroit Institute of Art. 1963. Vol. 42. N 4.
288. Gostar N. Cetăți dacice din Moldova. București, 1969.
289. Gostar N. Sur la résidence du roi dace Burebista // Analele științifice ale universității "Al. Cuza" din Iași s.n. Sect. III, T. XVI, Fast. 1. Iași, 1970.
290. Gostar N., Lică V. *Κωλαονοῦ*-Strabon. VII, 3, 5 (c. 297-8) // Anuarul institutului de istorie și arheologie "A.D. Xenopol". XVII. Iași, 1980.
291. Gostar N., Lică V. Societatea geto-dacică de la Burebista la Decebal. Iași, 1984.
292. Hachmann R. Iastorf-Funde ausserhalb der Iastorf-Kultur // Die Kunde. N.F. Bd. 8, 1-2. Hanover, 1957.
293. Harțușche N.A., Anastasiu F. Brăilița. Brăilița, 1968.

294. Harțușche M. Contribuții la repertoriul arheologic al Dobrogei// Pontica. IV. Constanța, 1971.
295. Horedt K. Cercetările arheologice din regiunea Hoghiz-Ugra și Teiuș// Materiale și cercetări arheologice privind istoria veche a RPR. Vol.I. București, 1953.
296. Horedt K. Sibenburgen und Mjkenä. Nouvelles études d'histoire. Vol.II. București, 1960.
297. Iconomu C. Cercetările arheologice de la locuirea hallstattiană târzie de la Curteni-Vaslui // Cercetări istorice s.n. IX-X. Iași, 1978-1979.
298. Iconomu C. Un aspect al influenței elenistice în lumea geto-dacică // Ibid. XI.1980.
299. Irimia M. Cimitirele de incinerare geto-dace de la Bugeac-Ostrov// Pontica. Vol.I. Constanța, 1968.
300. Irimia M. Einige probleme des beginns der Geto-Dakischen Laténezeit an der unteren Donau // Thracia. III. Serdicae, 1974.
301. Irimia M. Observații privind arheologia sec. VII-V f.e.n. în Dobrogea// Pontica. VIII. Constanța, 1975.
302. Irimia M. Un tip de brățări din a doua epocă a ferului la Dunarea de Jos // Peuce. VI. Tulcea, 1977.
303. Istoria României. Vol. I. București, 1960.
304. Lambrino M. Les vases archaïques d'Histria. București, 1938.
305. Lambrino S. Décret d'Histria en l'honneur d'Agatocles//Revue des études Roumaines. V-VI. București, 1960.
306. Lascu M. Sur le signification ethnique de "Daos"//АНТИЧНОЕ ОБЩЕСТВО. М., 1967.
307. László A. O așezare hallstattiană de la Cozia// AM. Vol. VII. București, 1972.
308. Lescov A. Treasures from the Ukrainian Barrows. Leningrad, 1972.
309. Lowianski H. Poezati Polski. Warszawa, 1963.
310. Macrea M. Procesul separării orașului de la sat la daci//Studii și referate privind istoria României. I. București, 1954.
311. Macrea M., Floca O., Lupu N., Berciu I. Cetăți din sudul Transilvaniei. București, 1968.
312. Macrea M., Glodariu I. Așezarea dacică de la Arpașul de Sus. București, 1976.
313. Macrea M. De la Burebista la Dacia postromană. Repere pentru o permanență istorică. Cluj-Napoca, 1978.
314. Maghiar N., Olteanu Șt. Din istoria minereului în România. București, 1970.
315. Malkina K. Zu den scythischen Pferdegeschirrschmuck aus Craiova// PZ. Vol.XIX. 1928.

316. Mateescu C.N., Babeş M. Cercetări arheologice şi săpături de salvare la Fintînile // SCIV. 1967. T.19. N 2.
317. Mitrea B., Preda C., Anghelescu N. Santierul Satu Nou - necropola geto-dacică//MCA. VIII. Bucureşti, 1962.
318. Moscalu Em. Locuirea getică de la Cernica//SCIV. 1973.T.24.N2.
319. Moscalu Em. O aşezare getică de la sfârşitul sec. al V-lea îen// Cercetări arheologice. II, 4. Bucureşti, 1976.
320. Moscalu Em., Voievozeanu P. Le tombeau princier gète et le tresor de Peretu// Actes du IIe Congrès International de Thracologie. I. Bucureşti, 1980.
321. Moscalu Em. Quelques aspects du problème "scythe" dans l'aire thraces septentrionale// Thraco-Dacica, T.II.Bucureşti, 1981.
322. Moscalu Em. Rec. la lucrarea: Vasiliev V. Sciţii agatirşi pe teritoriul României. Cluj-Napoca, 1980//Ibid.
323. Moscalu Em. Ceramica traco-getica. Bucuresti, 1983.
324. Morintz S., Cantacuzino Gh. Şantierul arheologic Bucureşti:Săpăturile arheologice din sectorul Mihai Vodă// Studii şi referate privind istoria României. I. Bucureşti, 1954.
325. Morintz S. Săpăturile de la Bîrseşti // MCA. III. Bucureşti, 1957.
326. Morintz S. Săpăturile de salvare de la Bîrsesti-Vrancea // Ibid. V. 1952.
327. Morintz S. Săpăturile de la Bîrseşti// Ibid. VI. 1959.
328. Morintz S. Săpăturile de la Bîrseşti// Ibid. VII. 1961.
329. Morintz S. Săpăturile de la Bîrseşti//Dacia.N.S. Bucureşti, 1961.
330. Morintz S., Ionescu B. Cercetări arheologice în împrejurimile oraşului Olteniţa (1958-1967) // SCIV. 1968. T.19. N 1.
331. Nestor I. Der Stand der Vorgeschichtsforschung in Rumänien // 22 Bericht der romischen-germanischen Kommission. Frankfurt-a-Main, 1933.
332. Nestor I. Keltische Gräber bei Mediaş//Dacia. VII-VIII. Bucureşti. 1937-1940.
- 333..Nestor I. Săpăturile arheologice de la Zimnicea//Studii.Revista de ştiinţa şi filosofie. II. 1. Bucureşti, 1949.
334. Niel F. Stonehenge-templ misterieu de la préhistoire.Paris, 1974.
335. Odobescu Al. Le trésor de Petrossa. I. Paris. 1890-1900.
336. Fanaiteşcu P.P. Obştea ţărănească în ţara Românească şi Moldova. Bucureşti, 1964.

337. Pârvan V. Considerations sur les sepultures celtiques de Gruia// Dacia. Vol.I. Bucureşti, 1924.
338. Pârvan V. Getica. O protoistorie a Daciei. Bucureşti, 1926.
339. Pârvan V. Dacia. Civilizaţiile antice din ţările Carpato-Danubiene. Bucureşti, 1967.
340. Pettazoni R. Il "monoteismo" dei Geti// Исследования в честь на акад. Д.Дечев. София, 1958.
341. Petre A. Geţii şi dacii din Soythia Minor, documentaţi în izvoarele scrise, de la Sofocle la Solinius//Pontica,VII. Constanţa, 1971.
342. Petrescu-Dîmboviţa M. Cimitirul hallstattian de la Stoicani// Materiale şi cercetări arheologice privind istoria veche a RPR. Vol.I. Bucureşti, 1953.
343. Petrescu-Dimbovita M. Despre unele urme scitice in Moldova// Ibid.
344. Petrescu-Dîmboviţa M. Descoperirile arheologice de la Frumuşa (raionul Galaţi) // Studii şi cercetări ştiinţifice. An. IV, n. 1-4. Iaşi, 1953.
345. Petrescu-Dîmboviţa M. Cucuteni. Bucureşti, 1966.
346. Petrescu-Dîmboviţa M. Noi cercetări arheologice la Stoicani // SCIVA. 1974. T.25, N 1.
347. Petrescu-Dîmboviţa M., Dinu M. Le trésor Baiceni (dep. de Iassy) // Dacia. N.S. XIX. Bucureşti, 1975.
348. Pippidi D.M. Á propos du basileus Rhemaxos//AAPhSA. Serdicae. 1963.
349. Pippidi D.M., Berciu D. Din istoria Dobrogei. Vol.I.Bucureşti, 1965.
350. Popescu D. Celţii în Transilvania // Transilvania,an.75. Sibiu, 1944.
351. Popescu D. Prelucrarea aurului în Transilvania înainte de cucerirea romană // MCA, II. Bucureşti, 1956.
352. Popescu D. Autour de la question des Scythes en Transylvanie // Dacia. N.S. VI. Bucureşti, 1962.
353. Popescu Eug. O nouă descoperire de tip Alexandria în aşezarea de la Bălăneşti (Olt) // Studii şi comunicări. Piteşti, 1968.
354. Popescu Eug., Vulpe Al. Sur la culture des Gêto-Daces de la zone sous-Carpatique: la nécropole de Cepari // Actes du IIe Congrès International de Thracologie. I. Bucureşti. 1980.
355. Preda C. New Aspect of Early Latène epoche în Dacia// Discoved at Alexandria// Dacia.N.S. III. Bucureşti, 1959.

356. Preda C. Săpăturile de la Alexandria // MGA. VII. Bucureşti, 1961.
357. Preda C. Din nou despre cultura Alexandria// SCIV.1970.T21,N 4.
358. Preda C. Tariverde - aşezare băştinaşă sau factorie histriană// Pontica. V. Constanţa, 1972.
359. Preda C. Monedele geto-dacilor. Bucureşti, 1973.
360. Preda Fl. Vîrfuri de săgeţi cu valoare monetară descoperite pe litoralul de nord-vest al Mării Negre // AUB. 16.Bucureşti, 1961.
361. Protase D. Riturile funerare la daci şi daco-romani.Bucureşti, 1971.
362. Radulescu A., Scorpan C. Rezultatele preliminare ale săpăturilor arheologice din Tomis. (Parcul Catedralei, 1971-1974) // Pontica. VIII. Constanţa, 1975.
363. Rodean I. Enigmele pietrelor de la Sarmizegetusa. Bucureşti, 1984.
364. Roşu L. Consideraţii cu privire la structura societăţii dacice înainte de Burebista// Revista muzeelor, 3. Bucureşti, 1970.
365. Russu I.I. Religia geto-dacilor. Zei, credinţe, practice religioase// Anuarul institutului de studii clasice. Vol.V. Cluj, 1949.
366. Russu I.I. Limba traco-dacilor. Bucureşti, 1967.
367. Russu I.I. Zoltes şi Rhemaxos. Tracii, sciţii şi Histria în sec. III-II î.e.n. // Apulum, VI. Alba-Iulia, 1967.
368. Scorpan C. Vîrfuri de săgeţi premonetare şi monede histriene cu "roata" descoperite la Tomis// SCN. Vol.III.Bucureşti,1980.
369. Schmidt H. Skythischer Pferdegeschirrmuck aus einem Silbedepot unbekannter Herkunft // PZ. XVIII. 1927.
370. Seure G. Les images thraces de zeus Keraunos, Zbelsurdes, Zalmoxis// Revue des études grecque. XXVII. 1913.
371. Simion G. Descoperirile arheologice pe grindurile din delta Dunării // Peuce. II. Tulcea, 1971.
372. Simion G. Despre cultura geto-dacă din nordul Dobrogei în lumina descoperirilor de la Enisala // Ibid.
373. Simion G. Les Gètes de la Dobrudja septentrionale au VII-Ier s.a.n.ère // Thraco-Dacica. Recueil d'études à l'occasion du IIe Congrès International de Thracologie. Bucureşti, 1976.
374. Simion G. Necropolele getice de la Enisala si Teliţa//Peuce.VI. Tulcea, 1977.
375. Simion G. Getatea geto-dacică de la Bestepe (comuna Mahmudia-Tulcea) // Ibid.

376. Simion G., Lăzarcă El. Așezarea hallstattiană de la Beidaud-Tulcea// Ibid. VIII. 1980.
377. Sîrbu V. Cîmpia Brăilei în sec. V-III î.e.n. - Descoperiri arheologice și interpretări istorice // SCIVA. 1983. T.34.N 1.
378. Smirnova G.I. Sanctuarul de lîngă satul Dolinean din regiunea Nistrului // Ibid. 1976. T.27. N 3.
379. Stoian I., Tomitana. Contribuții epigrafice la istoria cetății Tomis. București, 1962.
380. Székely Z. Contribuții la problema așezărilor și cetăților dacice din sud-estul Transilvaniei // Cumidava. III.Brașov,1969.
381. Tanțău R. Meșteșugurile la geto-daci. București, 1972.
382. Tacchella D.E. Acrosandre - roi des Gètes? // RM. IV. 1900.
383. Tackenberg K. Zu den Funden von Lukachewka im Bezirk Kischinew// Alt-Türingen. VI. 1962/1963.
384. Teodor S. Unele date cu privire la cultura geto-dacică din nordul Moldovei în lumina săpăturilor de la Botoșana // SCIV. 1969. T.24. N 1.
385. Teodor S. Descoperiri de unelte dacice pe teritoriul Moldovei// Terra Nostra. Culegere de materiale privind istoria agricolă a României. III. Iași. 1973.
386. Teodor S. Bastarnii pe teritoriul Moldovei// Studii și materiale: Istorie. Suceava, 1973.
387. Teodor S. Cetatea traco-getică de la Arsura jud.Vaslui (1964)// MCA. X. București, 1973.
388. Teodor S. Săpăturile de la Cucorăni (jud. Botoșani)//AM.VIII. București, 1975.
389. Teodor S.Agricultura la geto-dacii din Moldova înainte de cucerirea romană//Cercetări agronomice în Moldova.Vol.4.Iași,1978.
390. Teodor S., Șandurschi P. Descoperirile arheologice de la Lozna comuna Dersca jud. Botoșani // Hierasus.Anuar'78.Botoșani,1978.
391. Teodor S., Șandurschi P. Depot d'ontils en fer d'epoque. La Tène de Lozna dep. de Botoșani // Inventaria Archeologica.București, 1979.
392. Teodor S. Așezare de epocă Latène de la Botoșana jud.Suceava// SCIVA. 1980. T.31. N 2.
393. Teodor S. Așezarea geto-dacică de la Huși-Corni//Thraco-Dacia. T.II. București, 1980.
394. Teodor S. Cultura geto-dacică pe teritoriul Moldovei pînă în sec. I î.e.n. // Rezumatul tezei de doctorat. Iași. 1981.
395. Tončeva G. Sur l'origine des Thraces// Thracia. III.Serdicæ. 1974.

396. Tončeva G. Chronologie du hallstatt anciens dans la Bulgarie de nord-est // *Studia Thracica*. 5. Sofia, 1980.
397. Trohani G. Raport asupra săpăturilor arheologice efectuate în aşezarea geto-dacică de la Vlădiceasca jud. Ilfov în 1973 // *Cercetări arheologice*. I. Bucureşti, 1975.
398. Trohani G. Săpăturile din aşezarea geto-dacică de la Vlădiceasca // *Ibid.* II, 4. 1976.
399. Trohani G., Nemoianu L. Istoria politică a geto-dacilor în sec. VI-II î.e.n. // *Revista de istorie*. T.34, 2. Bucureşti, 1981.
400. Truchelka B. Die Necropole der Pfahlbauer von Donja Dolina // *Wissenschaftliche Mitteilungen aus Bosnien und Herzegowina*. I.A. Viena, 1904.
401. Turcu M. Geto-dacii din câmpia Munteniei. Bucureşti, 1972.
402. Turcu M. Cuptorul de redus minereul de fier descoperit la Bragadiru (sec. II-I î.e.n.) // *In memoria Constantini Daicoviciu*. Cluj, 1974.
403. Vasilescu M. Tracii în epopeile homerice // *Cercetări istorice s.n.* VIII. Iaşi. 1977.
404. Vasiliev V. Sciţii agatârşi pe teritoriul României. Cluj-Napoca, 1980.
405. Venedikov I., Gerasimov T. Sztuka Tracka. I. Warszawa, 1976.
406. Vulpe Al. Săpăturile de la Costeşti - Ferigile // *MCA*. VI. Bucureşti, 1959.
407. Vulpe Al. Tracii şi ilirii la sfârşitul primei epoci a fierului în Oltenia // *SCIV*. 1962. T. XIII, N 2.
408. Vulpe Al. Necropola hallstattiană de la Frigile; Monografie arheologică. Bucureşti, 1967.
409. Vulpe Al. Archäologische Forschungen und historische Betrachtungen über das 7 bis 5 Jh im Donau Karpatenraum // *Memoria Antiquitatis*. II. Piatra-Neamţ, 1970.
410. Vulpe Al., Popescu Eug. Contribution à la connaissance des débuts de la culture géto-dacique dans la zone sub-carpatique. Vâlcea-Argeş // *Dacia.N.S.* XV. Bucureşti, 1972.
411. Vulpe R. Piroboridava. La station protohistorique et daco-roumaine de Poiana dans la Moldavie inférieure // *Revue archéologique*. XXXIV. Paris. 1931.
412. Vulpe R. Şantierul Poiana // *SCIV*. 1952. T. III.
413. Vulpe R. Săpăturile de la Poeneşti din 1949 // *Materiale şi cercetări arheologice privind istoria veche a RPR*. Vol. I. Bucureşti, 1953.

414. Vulpe R. Le problème des bastarnes a la lumière des découvertes archéologiques en Moldavie // Nouvelles études d'histoire. I. Bucarest. 1955.
415. Vulpe R. Șantierul arheologic Popești // MCA. VII. București, 1960.
416. Vulpe R. Așezări getice din Muntenia. București, 1966.
417. Vulpe R. Getul Burebista, conducător al întregului neam geto-dacic// Studii și comunicări. I. Pitești, 1968.
418. Vulpe R., Barnea I. Din istoria Dobrogei. Vol.II. București, 1968.
419. Vulpe R. La civilisation géto-daces et ses problèmes à la lumière des dernières fouilles de Poiana en Basse-Moldavie// Studia Thracologica. București, 1976.
420. Vulpe R. Le gète Gète Burebista, chef de tous les geto-daces // Ibid.
421. Ursachi V. Cercetări arheologice efectuate de muzeul de istorie Român // Carpica. I. Bacău, 1968.
422. Ursachi V. Contribuții la problema așezărilor dacice de pe valea Siretului // Memoria Antiquitatis. I. Piatra-Neamț, 1969.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИМ	– Археологические исследования в Молдавии
АКМ	– Археологическая карта Молдавии
АО	– Археологические открытия
ВДИ	– Вестник древней истории
ВИ	– Вопросы истории
ИАИ	– Известия на Археологический институт при БАН
ИВФАН СССР	– Известия Молдавского филиала АН СССР
ИНМВ	– Известия на Народный Музей Варна
ИААКУЗУ	– Исследования по антической археологии Юго-Западной Украины
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КСОГАМ	– Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
МАСП	– Материалы по археологии Северного Причерноморья
НИС	– Нумизматика и сфрагистика
СА	– Советская археология
ТЭИ	– Труды Этнографического института
УИЖ	– Ужгородский Историчний журнал
Фонды МАЭ АН СССР	– Фонды Музея археологии и этнографии АН СССР
АМ	– <i>Arheologia Moldovei</i>
ААPhSA	– <i>Acta antiqua Philippopolitana. Studia archaeologica</i>

AUB - Anuarul universităţii din Bucureşti
 BSH - Bulletin de la Section historique
 IGB - Inscriptiones Graecarum in Bulgaria
 IOSPE - Inscriptiones orae Septentrionales Ponti Euxini
 MCA - Materiale şi cercetări arheologice
 PZ - Prähistorische Zeitschrift
 RA - Revue archæologique
 RN - Revue numismatique
 SCIV - Studii şi cercetări de istorie veche
 SCIVA - Studii şi cercetări de istorie veche şi arheologie
 SCN - Studii şi cercetări numismatice
 St.cl. - Studii clasice

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	3
Глава I. Северофракийские племена в UI—У вв. до н.э..	18
§ 1. Письменные и археологические источники о рас- селении северных фракийцев.....	18
§ 2. Отношения северных фракийцев с окружающим ми- ром.....	29
§ 3. Консолидация северофракийских племен и форми- рование гетского этноса.....	40
Глава II. Северные фракийцы в IU—III вв. до н.э.....	83
§ 1. Гетские племена	83
§ 2. Искусство гетов.....	125
§ 3. Северные фракийцы Внутрикarpатского района. Племена даков	177
§ 4. Хозяйство, торговля, денежное обращение и об- щественно-политические отношения гетов.....	184
Глава III. Геты и даки во II—I вв. до н.э.	196
§ 1. Вторжение бастарнов и галатов в Днестровско- Карпатские земли	196
§ 2. Геты и даки. Быт, хозяйство, торговля и де- нежное обращение	208
§ 3. Социальные и политические отношения гето-да- ков	229
Заключение	239
Литература	247
Список сокращений	268

Монография
Иван Тимофеевич Никулицэ

СЕВЕРНЫЕ ФРАКИИ В VI—I вв. до н.э.

Утверждено к изданию
Советом Кишиневского государственного
университета им. В.И.Ленина

Редактор С.Н.Бронских
Художник Л.А.Кибенко
Художественный редактор И.А.Ростова
Технический редактор А.Я.Гольденберг
Корректоры О.А.Жеру, А.В.Сущевич
Оператор-наборщик В.В.Стигач

ИБ № 3337

Подписано в печать 21.09.87. АБ 05469.
Формат 60 х 90 1/16. Бумага офсетная № 1.
Печать ротационная.
Усл.печ.л. 17,0. Усл.кр.-отт. 17,25. Уч.-изд.л. 18,28.
Тираж 1095. Заказ 1259. Цена 2 р. 80 к.

Издательство "Штиинца".
277028. Кишинев, ул.Академика Я.С.Гросула, 3.

Типография издательства "Штиинца".
277004. Кишинев, ул.Берзарина, 8.

2 р. 80 в.

КИШИНЕВ «ШТИИНЦА» 1987